ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1974

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

Смирновой О.И.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Диалектная лексика

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1976

Ответственные редакторы
Ф. П. ФИЛИН и *Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ*

Д $\frac{70102\text{-}532}{042\,(02)\text{-}76}$ 322-76

© Издательство «Наука», 1976

Предисловие

Настоящий сборник представляет собой продолжение серии публикаций по русской диалектной лексикологии и лексикографии, предпринятых Словарным сектором Института русского языка АН СССР. Как и предыдущие сборники, он объединен общностью проблем и методом исследования материала. Для всех статей характерна также прочная фактическая база, на основе которой строятся исследования, и прежде всего богатейшая картотека «Словаря русских народных говоров».

Центральное место в книге занимают вопросы взаимодействия лексики литературного языка и русских народных говоров, вопросы диалектного словообразования, история отдельных слов или целых лексических групп и пластов, вопросы лексикографии и некоторые другие.

Серия статей касается взаимоотношений диалектной лексики и народно-поэтического языка (проблемы фольклористики и этнографии) — статьи Ф. П. Сороколетова, Е. Н. Этерлей, Н. В. Поповой; в статьях Г. П. Князьковой, Л. И. Балахоновой, П. И. Павленко и других авторов затрагиваются вопросы взаимоотношения диалектной лексики и лексики литературного языка. Статьи О. Д. Кузнецовой и И. А. Попова решают сложные вопросы текстуального членения и выявления конкретной словарной единицы, истории формирования лексико-семантических групп. Грамматическая характеристика определенных классов диалектной лексики дается в статьях З. М. Петровой, Г. И. Демидовой, Н. И. Андреевой-Васиной и др.

Все проблемы, затрагиваемые в статьях, объединены общим отношением к диалектной лексике как к материалу и источнику

исследования. Следствием этого является то, что все статьи так или иначе затрагивают проблему истории слов, поскольку это дает возможность их комментирования, раскрытия особеностей их семантической структуры и объяснения тех расхождений, которые на современном этапе намечаются между диалектом и литературным языком. В статьях сборника показано многообразие русских диалектов, противопоставленных не только литературному языку, но и друг другу.

Редакторы и авторы сборника приносят глубокую благодарность официальным рецензентам — доктору филологических наук профессору В. В. Колесову и кандидату филологических наук В. А. Козыреву за ценные замечания, сделанные ими при обсуждении книги в Словарном секторе и в Ученом совете Института русского языка АН СССР.

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Народные песни как источник диалектных словарей

«Немало ценных материалов по диалектной лексике содержится в этнографических описаниях и фольклорных публикациях», — писал Ф. П. Филин в «Проекте „Словаря русских народных говоров“».[1] В полном соответствии с этим положением среди источников Словаря выделяется особая группа — «фольклорные источники», из которых для Словаря отбирается не лексика «устного народного творчества вообще, а только диалектные слова, встречающиеся в языке фольклорных произведений (как, впрочем, и во всех других источниках)».[2] Среди этих других источников названы лингвистические записи, сделанные со специальной целью изучения диалектной речи; разного рода общие и специальные (не диалектные) словари, содержащие диалектные слова; историко-этнографические исследования и описания, посвященные особенностям жизни русского населения тех или иных местностей. Картотеку Словаря пополнили диалектные слова, извлеченные из «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова, «Песен Дмитровского уезда Орловской губернии» В. Н. Добровольского, «Сказок и притч, записанных в Шадринском уезде» А. Заряновым, «Песен», собранных П. В. Киреевским, «Песен», изданных П. Н. Рыбниковым, «Великорусских народных песен» А. И. Соболевского и других сборников произведений устного народного творчества.

Насколько закономерно, насколько оправдано привлечение фольклорных произведений в качестве источника сведений о семантике, особенностях употребления и территориальном распространении диалектных слов? Не приведет ли такое решение к искажению подлинной картины функционирования лексики русских народных говоров? Ответ на эти вопросы лежит в решении проблемы об отношении языка устного народного творчества к живому

---

[1] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, с. 7.

[2] Там же, с. 40.

народно-разговорному языку носителей диалектов, в устном обиходе которых создаются и живут эти произведения.

Проблема эта давно привлекает внимание многих исследователей, однако единодушия не наблюдается. Бесспорное и общепринятое положение о том, что первоосновой художественного произведения, как письменного, так и устного, является язык, не примиряет сторонников различных взглядов на природу и сущность народно-поэтического языка. Известные полярные точки зрения на отношение языка фольклора к народно-разговорному диалектному языку во многом объясняются сложностью и многообразием связей между ними. Сказывается в этом также неполнота сведений об особенностях диалекта в его прошлом и современном состоянии. «Диалектологи не раз отмечали ошибки, которые делались при анализе художественных средств языка. Эти ошибки часто объяснялись тем, что исследователи принимали отдельные формы, слова и синтаксические формы за специфические черты только фольклорных произведений, в то время как все эти черты были широко распространены в диалекте, в разговорной речи, а отнюдь не только в фольклорных произведениях: в песне, сказке и т. п.».[3]

Представляется, что решение этого вопроса в общем плане пока малоперспективно, оно не может существенным образом способствовать исследованию специфических особенностей языка конкретных жанров фольклора в определенный период их существования. Более перспективными и целесообразными представляются конкретные и разносторонние исследования языка отдельных жанров и видов произведений фольклора в сравнении с языком диалекта их бытования. Такие исследования стали появляться в последние десятилетия.

В работах целого ряда русских и зарубежных филологов затрагивались и обсуждались вопросы об особенностях языка народных песен и частушек, прослеживались черты, общие у языка песен и диалекта, а также явления, характерные только для народно-поэтического языка.[4]

Особенностью языка песен является то, что основные его черты и характеристики совпадают с общенародными. Впрочем, это относится к языку и других жанров фольклора. И это неудивительно, поскольку основой любого диалекта являются общенародные элементы; лексические элементы, локально ограниченные, воспринимаются таковыми на фоне общенародного пласта лексики (общего для всех говоров и литературного языка). Дифференциаль-

---

[3] Богатырев П. Г. Язык фольклора. — ВЯ, 1973, № 5, с. 106.

[4] См.: Oravec J. Reč lúdových piesni a narečová norma. — Jazykovedné študie, II. Dialektologia. Bratislava, 1957. Оссовецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора. — ВЯ, 1952, № 3; Зайцева И. К. Соотношение языковых особенностей народно-песенной и обиходной речи диалекта. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1965; Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970; Богатырев П. Г. Язык фольклора, и др.

ного в лексике диалекта меньше, чем интегрального, ибо каждый говор представляет собою только разновидность, ответвление от общенародного языка.

Кроме того, как справедливо отмечает А. П. Евгеньева, в понятие «говор» входит не только бытовая разговорная речь, но и другие, более «высокие» образцы диалектной речи, которые проявляются и в длительной связной речи (рассказы о разных событиях, выступления на собрании), и в устном народном творчестве.[5] Эти «более высокие» образцы диалектной речи стоят ближе к литературному языку, чем обычная бытовая речь носителей диалекта.

Ян Оравец говорит о сосуществовании двух стилей в диалектном языке — разговорно-бытового (dorozumievaci) и художественного (umelecký). Последний используется в различных торжественных случаях: праздники, обряды и т. п. Очевидно, художественный стиль диалекта стоит ближе к языку литературному. В нем сочетаются две функции — коммуникативная и изобразительная.[6]

В основе языка фольклорных произведений лежит диалектный язык, однако две эти языковые стихии не совпадают, они далеко не тождественны. Исследователи языка и фольклора давно уже отмечали расхождения в фонетике, морфологии, лексике и синтаксисе диалектного разговорно-бытового языка и языка фольклора. Каждое произведение фольклора исполняется на том диалекте, которым владеет исполнитель. Поэтому, как правило, фонетические особенности языка фольклорного произведения совпадают с фонетикой диалекта бытования этого произведения. Выходы за пределы диалектных норм наблюдаются прежде всего в лексике и в меньшей степени — в морфологии.[7]

Уже отмечалось, что наиболее рациональным методом изучения народно-поэтического языка является сравнение языка песни, сказки, былины и т. п. с диалектом, в области которого они бытуют.[8] Для успешного изучения в сравнительном плане языка фольклора и диалекта необходимо, как указывает Ян Оравец, наличие двух условий: а) монографического исследования диалекта; б) полного (исчерпывающего) собрания произведений устного народного творчества, бытующих у носителей данного диалекта.[9] Видимо, этих условий недостаточно для успешного сравнительно-сопоставительного изучения диалектного и народно-поэтического языка. К ним необходимо добавить (применительно к русскому материалу) наличие хороших описаний всех диалектов, бытующих

---

[5] См.: Евгеньева А. П. О языке фольклора (статья первая). — Русский язык в школе, 1939, № 4.

[6] Oravec J. Reč lúdových piesni. . ., с. 74—75.

[7] См. об этом: Осповецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора, с. 105.

[8] См.: Богословская О. И. Диалектные элементы в языке былин сказителей Рябининых. — Уч. зап. Пермского ун-та, т. XVI, вып. 1, 1960; Богатырев П. Г. Язык фольклора, и др.

[9] Oravec J. Reč lúdových piesni. . ., с. 74.

на территории, занимаемой русским народом. Между тем до недавнего времени такое изучение затруднялось отсутствием достаточно полных сведений об особенностях диалектной речи. Теперь положение изменилось: в распоряжении языковедов сейчас имеются значительные собрания материалов, позволяющих судить об особенностях многих говоров русского языка. Здесь необходимо прежде всего указать на богатые словарные собрания и подготовленные на их основе диалектные словари. Наиболее богатым собранием лексических данных по всем русским говорам XIX—XX вв. является картотека «Словаря русских народных говоров».[10] В этой картотеке собраны основные запасы русской диалектной лексики и фразеологии за 170-летний период развития русского национального языка. Эти и другие материалы на основании сравнения языка устной поэзии с разговорным языком носителей диалекта позволяют ставить вопрос о выделении общих и специфических черт языка фольклора.

Такой метод изучения привел исследователей к признанию языка устной народной поэзии особой «эмоционально-экспрессивной формой диалекта», «диалектом в его образно-экспрессивной функции», «высоким стилем диалекта».[11]

Но сам по себе язык фольклора представляет собой неоднородное, многообразное и многоплановое явление, ибо под понятие «устное народное творчество», «фольклор» подводятся различные по своему жанру, художественному методу произведения, у которых выделяется лишь один бесспорный общий признак — устная форма его бытования. Вот почему справедливо требование исследовать особенности языка фольклора на материале отдельных его жанров.

Если верно, что каждое фольклорное произведение в языковом отношении стоит «выше», чем обычная народно-разговорная речь, на основе которой оно создано, то надо признать, что ярче всего специфические черты фольклора должны проявляться в его стихотворных жанрах. Это связано с тем, что стихотворные жанры строятся с учетом традиционной поэтики и стилистики, что до некоторой степени ослабляет влияние диалекта на язык фольклорного произведения; вместе с тем усиливается влияние литературного языка. Это дало А. Н. Веселовскому основание заметить, что «народ поет не на своих диалектах, а на литературном языке, либо на языке повышенном, близком к литературному».[12] Возвышенность, приподнятость языка песен, его отрешенность от живой народно-разговорной речи как будто бы должны предполагать

---

[10] См. описание картотеки в кн.: Лингвистические источники. М., 1967, с. 70—80.

[11] Оссовецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора, с. 93—112; Богатырев П. Г. Язык фольклора, с. 106—116; Кретов А. И. Диалектизмы в языке народных частушек. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973, с. 47—59, и др.

[12] Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 358.

отрешенность содержания песен от жизни и быта крестьян — создателей, хранителей и исполнителей песен.

Устойчивость традиции — «основной жизненный нерв поэтики русского фольклора» [13] — сказывается и на устойчивости употребления некоторых языковых средств.

Однако многие исследователи отмечают, что и в языке, и в содержании песен и частушек прослеживается тесная связь с жизнью их творцов и исполнителей. Так, А. И. Кретов, анализируя языковые особенности современных частушек, записанных в Воронежской области, приходит к выводу о неверности тезиса о том, что язык народных частушек — это в основном литературный язык. Частушка, распространенная главным образом в сельской местности, бытует, таким образом, в диалектноязычной среде. В них ярко обнаруживается тесная связь с жизненным укладом носителей диалекта и с их живым разговорным языком, т. е. с тем или иным диалектом. А. И. Кретов приводит многочисленные примеры употребления диалектных слов в частушках Воронежской области, намечая целые тематические группы диалектной лексики, отражающие различные стороны сельской жизни: названия построек, одежды, внешних и внутренних качеств человека, явлений природы, ландшафта и т. п.[14]

Аналогичная картина наблюдается в песнях. Исследуя в сравнительном плане семантическую структуру слов в народно-песенном языке и в языке фольклора (на пермском материале), О. И. Богословская намечает глубокие и многосторонние связи и взаимопроникновение между этими двумя функциональными разновидностями диалектной речи.[15]

Песни создаются носителями диалектов и живут в устном обиходе в диалектноязычной среде. Поэтому наличие диалектных явлений в песенном языке — в области фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса — вполне естественно и закономерно. Исследование языковых особенностей песни позволяет локализовать ее бытование. Эта локализация была бы несложной задачей, если бы, переходя в другую, пусть родственную диалектную среду, песня не подвергалась переработке, не испытывала воздействия норм нового диалекта, в результате чего создается вариант песни, в котором появляются и определенные языковые новации. В песнях сохраняются также слова, устаревшие или полностью утраченные в разговорной речи носителей диалекта, доставшиеся новому поколению от прежних поколений. В ее языке могут встречаться лексические элементы, заимствованные исполнителями из соседних говоров, знакомые им, но не входящие в круг активно

---

[13] Штокмар М. Г. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1917, с. 386.

[14] Кретов А. И. Диалектизмы в языке народных частушек, с. 147—159.

[15] Богословская О. И. Язык фольклора и диалект. — Уч. зап. Пермского ун-та, т. XVI, вып. 1, 1960, с. 140—145.

употребляемых слов. Все это существенным образом затрудняет локализацию песни, но не исключает ее возможности.

Исследователи народно-песенного языка указывали на наличие в нем разнообразных лексических элементов, не совпадающих с фактами литературного языка. Рассказывая о труде и быте, о чувствах и переживаниях сельского человека, повествуя об обычаях, обрядах в верованиях крестьян, песня затрагивает, таким образом, все стороны бытия носителей диалекта. Многообразие тематики песен проявляется в тематическом многообразии их диалектного лексического состава. Так, в песнях Воронежской области И. К. Зайцева выделяет такие тематические группы словарных диалектизмов, как названия животных и растений, предметов и явлений быта; названия жилищ, построек, земельных участков, загородок, мебели, утвари, одежды, обуви, украшений; лексика, связанная с обозначением явлений, орудий и объектов труда, ремесленная терминология; лексика, связанная с земледелием и животноводством; обрядовая лексика; названия лиц по профессии и занятиям; «возрастная» лексика; слова, обозначающие свойства, качества и особенности человека, его характера, поведения и т. п.[16] Словом, в тематическом многообразии лексического состава песен отражается все многообразие жизни трудового крестьянства. Среди слов этих тематических групп заметное место занимают локально ограниченные лексические элементы — слова, неизвестные литературному языку. Они могут по-разному относиться к диалекту бытования песни. Одни из них оказываются известными только в песенном языке, другие входят в лексический состав диалекта исполнителя песни, третьи принадлежат другим говорам, но не известны в говоре исполнителя произведения. Подавляющее большинство таких слов составляет достояние языка диалектного. Но и слово, преимущественно употребляемое в языке фольклора, далеко не всегда чуждо диалекту исполнителя песни, сказки, частушки и т. п. Оно может оказаться в его пассивном фонде, может иметь оттенок архаичности в живой речи диалекта, но все-таки входит в его лексико-семантическую систему. Ибо совершенно незнакомое исполнителю слово не имеет, как правило, перспективы сохраниться в составе языка песни, сказки, частушки и т. п.; оно или заменяется знакомым исполнителю словом, или деформируется по законам народной этимологии, или выбрасывается из текста.[17]

Все это требует от составителей областных словарей внимательного отношения к диалектным элементам народно-песенного языка. Причем разные типы словарей могут допускать различное отношение к использованию фольклорного материала. Что касается такого словаря, как «Словарь русских народных говоров», ставя-

---

[16] См.: Зайцева И. К. Соотношение языковых особенностей.

[17] См. об этом: Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVIII—XX вв. М.—Л., 1963, с. 8.

щего перед собой задачу обобщения всего богатства лексики и фразеологии русских народных говоров XIX—XX вв., то введение в его состав диалектной лексики из народно-песенного языка (в записях XIX—XX вв.) обязательно.

Неучет народно-песенного языка как одного из источников сведений по диалектной лексике привел бы к исключению из состава областного словаря важных звеньев лексико-семантической системы русских народных говоров, к искажению картины территориального распределения большого числа лексем. Создаваемый на такой основе диалектный словарь страдал бы заметной неполнотой и неточностью.

Так, слово *голубня* 'голубятня', по данным СРНГ, бытует только в терских говорах Кубани, а между тем оно записано М. Г. Халанским в песнях Курской губернии (Пасажу я сиза голуба у сваю галубню).[18] Слово это и до сих пор известно в говорах Курской области.

В песнях Курской губернии, опубликованных М. Г. Халанским, зафиксированы такие слова, как *зазвинеть* 'зазвонить', *рвать* (грибы) 'собирать грибы', *завродиться* 'уродиться', *щаголка* 'несерьезная женщина', *притворчатые* (окна), *игреливый*, *тешить* (корову), *пробывать* 'бывать', *коноплятый* 'конопатый', *закуситься* 'закусить', *закинать* 'закидывать', *отнамычить* (пряжу), *кукабница*, *бурьять* 'поспевать' (о пшенице), *узгуркнуть*, *куга*, *тусьминный* 'тусклый', *вышанье* 'вишенье', *нечиться* 'думать' и мн. др. Все эти слова были известны, а многие употребляются и сейчас в курских и других южнорусских говорах. Учет их в диалектном словаре, охватывающем почти двухсотлетний период истории народного языка, совершенно обязателен.

В этих же материалах М. Г. Халанского широко представлены слова с приставкой *воз-*, бытующие в курских говорах: *возворотить*, *возворотиться*, *возвышить*, *возгадать*, *возгайкать*, *возгаркаться*, *возгаркнуть*, *возгатнуть*, *возгикать*, *возголосить*, *возгордиться*, *возгоревать*, *возграивать*, *воздевать*, *возгудать* и т. п. Как показала П. И. Павленко, слова с приставкой *воз-* широко распространены в русских народных говорах, где используются не только в народно-поэтической речи, но и в речи обиходно-разговорной. В последнем случае они характеризуются стилистическим многообразием. Материалы, приводимые П. И. Павленко и другими исследователями, свидетельствуют о все возрастающей активности функционирования в русских народных говорах слов данного пласта.[19] Немаловажную роль в этом процессе играет язык

---

[18] Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии. — Сб. ОРЯС, т. 76. СПб., 1904, с. 95.

[19] См.: Павленко П. И. 1) Глаголы с приставкой *воз-* в русских народных говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 171—186; 2) К вопросу об употреблении слов с приставкой *воз-* в русских народных говорах. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972, с. 119—126.

народно-поэтических произведений. В настоящее время чрезвычайно трудно отделить слова с приставкой *воз-*, характерные только для языка народной поэзии, от слов, употребляющихся и в народно-поэтическом и в обиходно-разговорном языке. В связи с этим чрезвычайно важно выявить всю совокупность слов этой категории, зафиксированных и в живой разговорной речи носителей диалекта, и в языке фольклора, что дает весьма показательные материалы для изучения вопроса о взаимоотношениях и взаимовлиянии народно-поэтического языка, диалектов и литературного кодифицированного языка. Это также будет в значительной степени гарантировать составителей областного словаря от пропуска существенных звеньев лексико-семантической системы говоров.

Как явление культуры, как цельное художественное произведение, народная песня передается от поколения к поколению и бытует, таким образом, у носителей диалектов длительное время. Младшие поколения, как отмечал Ян Оравец, изменяют песенный язык, приближая его к нормам диалекта своего времени. Однако условия ритма, рифмы и т. п. иногда препятствуют «модернизации» языка песен. Это приводит к архаизации некоторых сторон песенного языка, в том числе и лексики. Некоторые слова, употребляемые в песнях, совершенно выходят из речевого обихода населения данной территории. Правда, надо заметить, что «лексических архаизмов» в песнях наблюдается, как правило, немного.[20] Кроме того, не всегда с уверенностью можно утверждать, что то или иное слово выпало из лексического состава диалекта, оно может оказаться в составе архаизированного пласта диалектного словаря.

Но и полностью вышедшие из употребления в живой обиходной речи населения данной территории слова не должны отбрасываться, если они были известны говорам в прошлом и употреблялись в песенном языке XIX в.

Что касается возможных ошибок в локализации того или иного слова, то процент таких ошибок невелик, а с другой стороны, подобная ошибка не исключает все же характеристики слова, именно как диалектного, не общерусского явления, что полностью отвечает задачам такого издания, как «Словарь русских народных говоров», охватывающего лексику всех говоров русского языка начиная с XIX в. и до наших дней.

Конечно, в народно-песенном языке встречаются слова, неизвестные говору или даже всей совокупности говоров, т. е. слова, характерные только для поэтической речи, типа *паньчик*, *паньша*, *раздворянчик* и некоторые другие. Но количество таких образований невелико, и они не могут повлиять на отношение лексикографа-диалектолога к народно-поэтическому языку как источнику областных словарей.

---

[20] Oravec J. Reč lúdových piesni. . ., c. 75, 83.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре

При определении круга слов, подлежащих включению в диалектный словарь, большие затруднения вызывают у лексикографов слова, обозначаемые термином «этнографизм». То, что лексика, отражающая понятия материальной и духовной жизни народа, представляет огромный интерес не только в лингвистическом, но и в историко-этнографическом аспекте, ни у кого, кажется, не вызывает сомнения, ибо «. . . мир языка есть не что иное, как своеобразная „переработка“ в общественном сознании мира реалий. А поскольку язык живет тысячелетия, его показания приобретают значение исторических документов, которые. . . могут многое рассказать о прошлых судьбах того народа, которому этот язык принадлежит».[1] Напомним, с каким вниманием относился к подобной лексике, например, Я. К. Грот. В частности, разбирая Словарь В. И. Даля, он подчеркивал, что особая научная ценность этого словаря, «его главное, неотъемлемое достоинство» заключается в тех реальных или вещественных толкованиях «при. . . словах, которые относятся к быту, нравам, обычаям, поверьям русского народа».[2] Я. К. Грот видел своевременность и важность создания «Опыта областного великорусского словаря» 1852 г. в актуальности представленных в нем материалов «не только для разработки языка, но и в этнографическом отношении».[3]

Столь же высоко оценивал он этнографическую сторону словаря А. А. Подвысоцкого, равно как и наличие этого аспекта в швейцарском идиотиконе Ф. И. Сталдера и баварском словаре Иозефа Шмеллера.[4]

---

[1] А б а е в В. И. Язык и история. — В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 35.

[2] Г р о т Я. К. Разбор Словаря Даля. — Тр. Я. К. Грота, II, Филологические разыскания. СПб., 1899, с. 40.

[3] Г р о т Я. К. Областные словари. — Там же, с. 99.

[4] Там же, с. 103, 104, 123 и сл.

Однако вопрос о правомерности включения этнографической лексики в диалектный словарь продолжает оставаться открытым. Понятно, что «не может быть и речи о том, чтобы оставить эту лексику без внимания. Но в каком словаре она должна быть помещена?».[5] Именно в этом, как кажется, заключается суть вопроса.

Некоторые диалектологи и составители областных словарей относят «этнографизмы» целиком к компетенции диалектных словарей. Например, О. П. Беляева, определяя состав будущего словаря местных слов и выражений Соликамского района, пишет: «Слова, обозначающие этнографические предметы и понятия, связанные с особенностями нашего края, вводятся в словарь даже в том случае, если они вошли в литературный язык».[6] Заметим, что в данном случае речь идет о словаре дифференциального типа. Очевидно, и составители брянского словаря предполагают включить в него обширный слой этнографической лексики.[7]

Польские лексикографы (М. Карась), сознательно идя по пути нарушения дифференциального принципа составления словаря ради удобства исследователей, признают целесообразным включение этнографической лексики в «Słownik gwar polskich».[8]

Ф. П. Филин считает этот путь неприемлемым для «Словаря русских народных говоров», во-первых, потому что подобная терминология является объектом тематических словарей, и, во-вторых, потому что включение в СРНГ всей «народно-этнографической терминологии» из-за огромного объема материала сделало бы невозможным осуществление этого словаря.[9]

Однако прежде чем решить, включать ли этнографическую лексику в диалектный или любой другой словарь, следовало бы с достаточной определенностью ответить на вопрос: что такое «этнографизм?» Что понимается под этим термином?

Термин «этнографизм» (применительно к языку) не встречается ни в одном из словарей русского литературного языка. Отсутствует он и в словарях лингвистических терминов, а лингвистами понимается по-разному.

Так, по определению Н. М. Шанского, «этнографизмами называют такие д и а л е к т н ы е с л о в а (разрядка наша, —

---

[5] Ф и л и н Ф. П. О составлении диалектологических словарей славянских языков. — V Международный съезд славистов. София, 1963. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 344.

[6] Б е л я е в а О. П. Состав и структура словаря местных слов и выражений Соликамского района. — Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та, вып. 3, 1967, с. 121.

[7] См.: Ч а г и ш е в а В. И. О словаре восточной Брянщины. — В кн.: Псковские говоры, I. Псков, 1962, с. 277.

[8] См. об этом: Ф и л и н Ф. П. О составлении диалектологических словарей. . ., с. 344.

[9] Там же.

Е. Э.), которые обозначают предметы и явления быта и труда, специфичные для определенной местности и неизвестные литературному языку».[10]

Отталкиваясь от определения этнографизма, предложенного Н. М. Шанским, В. А. Сенкевич рассматривает этнографическую лексику в разделе «Принципы классификации д и а л е к т н о г о (разрядка наша, — *Е. Э.*) слова».[11]

Нетрудно заметить, что при таком понимании круг этнографической лексики неправомерно сужается, ограничиваясь лишь теми словами, которые более удачно определены в одной из работ как «этнографические диалектизмы».[12] Но разве не принадлежат к этнографизмам такие слова, как *валенки*, *лапти*, *сарафан*, *соха* и мн. др.?

Ошибочность подобного понимания очевидна: ведь и в общенародном словаре немало слов, отражающих понятия материальной и духовной жизни народа, которые, бесспорно, следует отнести к этнографической лексике.

Напротив, О. Н. Нечаева заметно расширяет границы этнографической лексики за счет слов, которые уместнее было бы назвать «географизмами» или «зоологизмами»: она относит к сибирским этнографизмам лексемы *тайга*, *падь*, *распадок*, *омуль*, *максун*, *нельма* и т. д.[13] Между тем, как известно, предметом этнографии является материальная и духовная культура народа, а отнюдь не специфически местные особенности природы, рельефа и животного мира данного края.

Противоречивость и запутанность в понимании термина «этнографизм» ярко проявились и в «Проекте словаря русской этнографической диалектологии», опубликованном в конце 20-х годов нашего века.[14]

Следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве работ этот термин не раскрывается совсем. А ведь достаточно четкая его формулировка определила бы как самый круг этнографической лексики, так и отношение к ней лингвистов-лексикографов.

Исходя из понимания этнографии как совокупности особенностей быта, нравов, культуры какого-либо народа или народности,

---

[10] Ш а н с к и й Н. М. Лексикология современного русского литературного языка. М., 1964, с. 118.

[11] Границы диалектного слова и типы региональных словарей. Лекции по курсу «Русская диалектология», прочитанные В. А. Сенкевичем. Магнитогорск, 1969, с. 7—8.

[12] А р т е м е н к о Е. П. Стилистическое использование диалектной лексики в драме Л. Н. Толстого «Власть тьмы». — В кн.: Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя. Тезисы. ЛГУ, 1961, с. 81.

[13] Н е ч а е в а О. Н. Этнографическая лексика как источник обогащения русского литературного языка. — В кн.: Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965, с. 189 и сл.

[14] Е р е м и н С. Проект словаря русской этнографической диалектологии. — В кн.: Язык и литература, т. I, вып. 1—2. Л., 1926.

представляется целесообразным предложить следующую формулировку: «Этнографизмы — это слова, обозначающие предметы и понятия, связанные с особенностями быта, материальной и духовной культуры данного народа, народности или местности». Таким образом, этнографизмы составляют обширную тематическую группу лексики, которая должна быть представлена в словарях современного литературного языка, диалектных и исторических словарях. Понятно, что лексикограф, составитель областного словаря, должен использовать по отношению к этнографизмам те же самые приемы, которыми он вообще пользуется при отграничении диалектной лексики от общенародной.

Целый ряд этнографизмов давно и прочно вошел в фонд общенародной лексики. Для любого человека нерусской национальности такими словами-этнографизмами, отражающими специфически русские реалии, будут *лапти*, *сарафан*, *соха*, *валенки* и т. д. Эти слова известны по всей русской территории и не имеют изоглоссы (даже в том случае, если сама по себе реалия оказывается территориально ограниченной). С другой стороны, существуют этнографизмы локально ограниченные, такие, например, как *кокуй* 'кокошник', *калежки* 'обувь', и т. д. Такие слова безусловно должны включаться в диалектный словарь, поскольку они представляют собой типичные «этнографические диалектизмы».

Но этнографизмы вообще отражают, как правило, весьма древние реалии, эволюционировавшие на протяжении веков, приобретавшие черты, свойственные им только на данной, ограниченной территории. На базе общеизвестных значений возникали новые, имевшие уже узко локальный характер. Вот почему a priori можно предполагать, что в большинстве своем этнографизмы являются семантическими диалектизмами. Даже такое слово, как *лапоть*, в говорах обладает целым рядом значений, неизвестных общенародному языку.[15] Назовем лишь некоторые из них: 'обувь из коры' (Волог.),[16] 'обувь с деревянными подошвами' (Свердл.), 'единица измерения на покосе или при разделе земли' (Калинин., Тул., Яросл.), 'одежда вообще' (Свердл., Енис., Том., Тобол.), 'комнатный цветок' (Том.) и т. д. Общерусское слово *сарафан* также имеет в диалектах набор значений, позволяющих, вне всяких сомнений, отнести его к разряду семантических диалектизмов. Таковы, например, следующие значения: 'юбка' (Ряз., Новг., Киров., Волог., Прибалт. и др.), 'синяя шерстяная шубка' (Ряз.), 'верхняя женская одежда из черного шерстячого материала домашнего изготовления' (Курск.), 'шлея' (Влад.) и т. д. Ср. также *короткий сарафан* 'род женской одежды без рукавов, до бедер, надеваемый поверх рубахи и по-

---

[15] Далее в статье используются материалы картотеки СРНГ без ссылки на источник.

[16] Очевидно, обувь, напоминающая скорее поршни, чем плетенные из лыка лапти.

невы' (Ряз., Влад., Моск.). В качестве подобного примера можно привести также слово *зипун*.[17]

С другой стороны, существуют этнографизмы, которые «по отношению к литературной лексике оказываются архаизмами».[18] «В то же время указанные архаизмы продолжают быть живыми элементами лексики определенных говоров или являются словами языка фольклора, также территориально ограниченными».[19]

Такие слова в своем исконном значении являются материалами исторического словаря, а в словарях современного русского литературного языка обычно сопровождаются пометами «устар.» или «истор.». Но в говорах на базе старого значения могут развиться совершенно иные, не свойственные общенародному языку. Примером такого рода может служить слово *ферязь*. Древнее *ферезь* фигурирует в описаниях имущества царя Ивана Васильевича и Бориса Годунова: Ферези бархат червчатъ Венедицкои, на бѣли, съ круживомъ съ жемчужнымъ (1582 г.) — и обозначает ‘верхнюю комнатную одежду без перехвата и воротника, с длинными, суживающимися к запястью рукавами’.[20] Именно это значение отразили и словари современного русского языка. Понятно, что старая реалия давно уже перестала существовать, а слово продолжает функционировать лишь в определенных литературных жанрах (в исторических романах и под.). Но в говорах указанная лексема существует по сей день, закрепившись за совершенно иными реалиями. Ср., например, такие областные значения, как ‘сарафан’ (Костром., Новг., Олон., Пск., Твер., Яросл.), ‘юбка’ (Пск., Твер.), ‘нарядный сарафан, украшенный от ворота до подола узорчатыми металлическими пуговицами’ (Яросл.), а также известное на Псковщине значение ‘материя из однотонной хлопчатобумажной ткани’: Ферязь купляли на юбку (1957 г.). Подобные этнографические диалектизмы вне всякого сомнения «представляют особый интерес для исторической лексикологии русского языка».[21]

Из сказанного ясно, что этнографическая лексика составляет одну из самых обширных тематических групп, особенно интересную как для историка языка, так и для всех, кто занимается историей и этнографией народа. Если бы русская лексикография обладала достаточным набором словарей, то этнографический словарь был бы едва ли не самым большим по охвату лексического материала и обилию сведений историко-этнографического порядка: «Этнограф обычно описывает все относящееся к характеристике

---

[17] Словарь русских народных говоров, вып. XI. Л., 1976.

[18] Чижик-Полейко Л. И. Об отграничении областной лексики. — Тр. Воронежского гос. ун-та, т. 59. Воронеж, 1957, с. 82.

[19] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961, с. 31.

[20] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. М., 1958, с. 1354.

[21] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров», с. 29.

уклада жизни, независимо от того, имеет ли соответствующее обозначение общерусское или диалектное распространение. . . Естественно, что никакие ограничения не ставятся для этнографических. . . словарей».[22]

Этнографическая лексика занимает значительное место и в толковых словарях современного русского языка. Однако отношение к ней авторов-составителей этих словарей, как показывает даже самое приблизительное сопоставление, оказывается весьма различным. Так, например, если в 17-томном и 4-томном словарях русского литературного языка, а также в словаре С. И. Ожегова слово *кичка* помещается без всяких помет, то в словаре Д. И. Ушакова то же слово снабжается пометой «обл.». Если 17-томный и 4-томный словари приводят без помет слово *сорока* 'старинный женский головной убор', то в словаре Д. И. Ушакова оно сопровождается пометами «обл.» и «истор.», а в словаре С. И. Ожегова вообще отсутствует. Из четырех названных выше словарей только словарь Д. И. Ушакова помещает слово *сборник* 'кокошник с оборками', относя его к разряду областной лексики.

Таким образом, этнографизмы оказываются едва ли не самым противоречивым материалом для лексикографа, поскольку относительно этого разряда слов часто трудно установить, «являются ли они редко встречающимися литературными или диалектными».[23]

В частности, как свидетельствуют словари русского литературного языка, *кокошник*, например, бытовал по преимуществу на севере России. Но такая локальная ограниченность касается самой реалии, а не обозначающего эту реалию слова. Казалось бы, не может быть и сомнений в том, что слово *кокошник* входит в фонд общенародной русской лексики. Однако при более пристальном рассмотрении картина оказывается значительно сложнее. Дело в том, что «различные головные уборы, созданные народом в течение веков. . ., в дальнейшем нередко соединялись, отдельные черты одних головных уборов переносились на другие».[24] Старинный русский кокошник, как известно, — это твердый головной убор, возвышающийся над лбом и украшенный шитьем и драгоценностями.[25] Между тем со временем кокошник не только сблизился с таким распространенным головным убором, как повойник,

---

[22] Там же.

[23] Сцяцко П. У. Народная лексіка. Мінск, 1970, с. 5.

[24] Маслова Г. С. Одежда восточных славян. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М.—Л., 1956, с. 685.

[25] Думается, кстати, что толковые словари русского литературного языка напрасно избегают в словарных статьях подобных «этнографических подробностей»: ведь определение 'старинный женский головной убор' слишком обобщено и не содержит никаких указаний на различие между кокошником и другими старинными головными уборами (кичкой, повойником, сорокой и т. д.)

но и само наименование *кокошник* в некоторых местностях закрепилось за иным головным убором — повойником. Так, по свидетельству представительниц старшего поколения Соль-Илецкого района Чкаловской обл., «кокошник. . . — тот же повойник, но украшенный вышивками и бисером». Ср. также записи по Ленинградской обл.: «что повойник, что кокошник». По-видимому, различия между повойником и кокошником стерлись в Архангельской, Новгородской, Горьковской областях, в Приангарье.[26]

В ряде областей (Арх., Волог., Новг., Калуж., Оренб. и т. д.) словом *кокошник* стали называть головной убор в виде чепца: Кокошник вроде чепчика старушки носили (Краснояр.). В Восточном Казахстане в таком кокошнике-чепце, сшитом из шелка и украшенном серебром или золотом, ходила невеста: В кокошнике невеста ходит, пока гуляют свадьбу. . . У маманьти сейчас есть (1967 г.). В Костромской обл. кокошник представлял собой легкую шапочку или чепец, который носили под платком или льняным полотенцем, сложенным жгутом и повязанным вокруг головы так, что концы его либо свисали по бокам, либо закладывались на лбу. В Томской, Омской, Новосибирской областях, в Прииртышье до наших дней помнят шапочку, закрывающую волосы, которую надевали под платок и называли кокошником. Очевидно, речь идет о принципиально иных головных уборах, мало чем напоминающих старинный русский кокошник.

Между тем априорное предположение о невозможности ношения кокошника под платком привело к тому, что слово это было отведено от картографирования в «Атласе русских народных говоров» (карта № 199, Названия женского головного убора в виде чепца).[27] Правда, составители указанной карты сразу же столкнулись с фактами, которые, по всей видимости, показались им случайными: в пунктах 545 и 587 изображенный на рисунках повойник был назван *кокошником*, а в пунктах 130 и 108 для обозначения той же реалии (повойника) употреблялось слово *кокуй*. Многочисленные и вполне доказательные материалы картотеки СРНГ еще раз подтверждают очевидность просчета составителей указанной карты. А ведь «для филолога очень существенно, чтобы ничего не было упущено, так как ключ к разрешению важнейших проблем может заключаться как раз в том, что, на первый взгляд, кажется ошибкой жителей какой-нибудь отрезанной от мира деревни».[28]

Материалы СРНГ убедительно показывают, какие изменения претерпел к XIX—XX вв. старинный русский кокошник — от

---

[26] Так по крайней мере заставляют предположить материалы картотеки СРНГ (Ленинград).

[27] Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарии. М., 1957, с. 95.

[28] К а с а р е с Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958, с. 31.

кокошника как такового до повязки-повойника, чепца, круглой шапочки, седлообразного двухгребенчатого кокошника Курской и Орловской губерний, имеющего явно местное происхождение,[29] и, наконец, обыкновенного женского платка, также называемого *кокошником* (Свердл., 1965).

Решение вопроса о помещении данного слова в диалектном словаре целиком зависит от того, считаем ли мы все эти разновидности типами одного и того же головного убора, или же признаем, что в говорах XIX—XX вв. словом *кокошник* обозначаются различные реалии.

Не менее сложную картину дает слово *сорока* — старинный женский головной убор, род кички. Заметим, что на диалектный характер этого слова указывал в своем «Этимологическом словаре» А. Преображенский. В Словаре Д. И. Ушакова оно сопровождается пометами «обл.» и «истор.».

В этом случае мы также имеем дело со сложным переплетением, взаимодействием, контаминацией первоначально различных реалий. На севере сорока — головной убор замужней женщины, в Тульской губ. — невесты, в Ленинградской обл. сороку надевали на покойницу. Сорока — это головной убор в виде повязки, платка, колпачка, наколки, шапочки, рогатый и без «рогов», род повойника, кокошника и т. д.

В сущности сорока разных местностей — это разные реалии, относящиеся между собой как род к виду.

Думается, что подобные слова следует отнести к разряду таких областных слов, которые в настоящее время «по отношению к литературной лексике оказываются архаизмами».[30]

«Общепризнано, что диалектные словари имеют большое значение для исследований не только в области диалектологии, но также в области истории языка и сравнительно-исторического изучения группы родственных языков».[31] С этой точки зрения этнографизмы представляют особый интерес, так как в большинстве своем относятся к разряду наиболее архаической лексики. Материалы, которыми располагает в настоящее время картотека СРНГ, способны во многом прояснить и уточнить спорные вопросы, связанные с историей отдельных слов и их этимологией. Приведем лишь один пример.

Слово *понава*, как свидетельствуют «Материалы» И. И. Срезневского, встречается в памятниках очень раннего периода начиная с XI в. и обладает уже в древнерусский период набором различных значений: ‘кусок полотна’, ‘исподняя одежда’, ‘плаще-

---

[29] См. об этом: Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX—начала XX в. — В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 232.

[30] Чижик-Полейко А. И. Об отграничении областной лексики, с. 82.

[31] Аванесов Р. И. К истории диалектных словарей. — В кн.: Cercetări de lingvistică. Anul III, 1958, Supl., с. 57.

ница', 'завеса' и т. д. Заметим, что примеры, приводимые И. И. Срезневским, относятся почти исключительно к евангельским текстам. Позднее это слово начинает употребляться и в торгово-денежных документах. Так, в Таможенной Весьегонской грамоте 1563 г. *понева* — 'штука холста': Съ пяти поневъ пол денги, съ кожи съ коровьей пол денги. Этнографы считают поневу «одной из древнейших одежд, в своей основе восходящей, по-видимому, еще к племенному быту».[32]

Понятно, какой большой интерес представляет указанное слово с исторической точки зрения — не только в чисто лингвистическом, но и в историко-этнографическом аспекте. Между тем в толковых словарях современного русского языка в отношении этого термина допущен целый ряд неточностей и разночтений.

Так, если в этнографической литературе достаточно четко различаются такие разновидности женской набедренной одежды, как юбка и понева (причем последняя сближается с украинской плахтой), то словари такого различия фактически не отражают, определяя поневу как 'род домотканной юбки' (в большей или меньшей степени уточняя и детализируя приведенное толкование). Во-вторых, в словарях нет единообразия в написании данного слова. В частности, «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах и словарь Д. И. Ушакова разрабатывают это слово в статье *Панева* (с соответствующей отсылкой при форме в иной огласовке: *понева*), хотя этимологические словари А. Преображенского и М. Фасмера указывают на исконность *о* в этом слове, что подтверждается в свою очередь диалектными *по́ня*, *по́нька*, *опо́на*, *по́на*, а также чешским pónva. Неслучайно 4-томный словарь русского литературного языка отдает предпочтение форме *понева*, справедливо считая *а* в этом слове отражением южнорусского произношения.

Наконец, наблюдаются известные колебания в отношении помет при указанном слове. Относя поневу к общеизвестным реалиям крестьянского быта, 17-томный словарь и словарь С. И. Ожегова помещают это слово без каких бы то ни было помет. Напротив, словарь Д. И. Ушакова и 4-томный словарь русского языка снабжают данное слово пометой «обл.».

Оговоримся, что подобные разногласия касаются в данном случае основного значения слова, ибо в диалектах оно имеет еще целую систему значений, неизвестных литературному языку, в силу чего, как и большинство этнографизмов, должно быть отнесено по крайней мере к разряду семантических диалектизмов. Так, например, в Бельском уезде Смоленской губернии поневой называли закрытый холщевый сарафан, который носили девушки; в Романовском уезде Ярославской губернии — крытую шубу,

[32] Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда. . ., с. 213.

в Холмогорском уезде Архангельской губернии — суконный женский кафтан.[33]

В Новосибирской обл. понева — род сарафана: Это как сарафан тканый (1968—1969 гг.). Редко встречающееся в Новгородской губ. слово *панёва* (sic!) обозначает 'плохую, заношенную женскую одежду', а иногда — 'небрежно одетую женщину' (1923—1928 гг.); новгородское *понява* (Валд. у.), архангельское, вологодское, кировское *понёва*[34] — 'не в меру длинное платье'. В Псковской и Тверской губерниях так называли 'слишком длинное и широкое платье'.[35] По данным «Атласа русских народных говоров», в Каширском р-не Московской обл. *панёва* — 'тканое платье с рисунком в клетку и расшитыми позументом рукавами'. В недавно вышедшем из печати «Словаре говоров Подмосковья» приводится шесть значений слова *понева*, неизвестных русскому литературному языку: 'домотканая шерстяная материя', 'женское платье с рукавами из домотканой материи', 'женский сарафан', 'овчинная шуба, покрытая холстом', 'вид женского зимнего пальто', 'одежда не по росту'.[36]

Возможно, перечисленные выше значения являются отражением позднейшей эволюции самой реалии, превращавшейся в отдельных местах России из набедренной женской одежды в одежду с рукавами или на лямках.

Заслуживает внимания и то значение, которое имело, по свидетельству А. Преображенского,[37] слово *понява* во Владимирской губ. 'плат, фата, головная повязка'. По-видимому, очень древними являются такие значения слова *понява*, как 'платок' (Волог., 1853), 'занавес, покрывало' (Алт., 1970), 'попона для лошади' (Яросл.).

Перечисленные значения не приводятся ни в одном из современных толковых словарей, а они представляют огромный интерес как для историка языка, так и для ученого этнографа. Достаточно сослаться на одно любопытное в этом отношении замечание этнографа Г. С. Масловой: «Существует предположение, что в севернорусских областях некогда была известна какая-то одежда под названием понева».[38] Как показывает даже самый беглый просмотр материалов картотеки СРНГ, факты языка полностью подтверждают это предположение. Тем самым уточняется территория бытования поневы, а в какой-то мере и вопросы миграции населения. В любом случае диалектный словарь, являющийся

---

[33] Там же, с. 212.

[34] Маслова Г. С. Одежда восточных славян, с. 627.

[35] Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

[36] Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969, с. 397—398.

[37] Преображенский А. П. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1959.

[38] Маслова Г. С. Одежда восточных славян, с. 627.

своего рода соединительным звеном между словарем историческим и словарями современного языка, не может обойти это интереснейшее слово. Напомним, что в говорах слова этого корня образуют довольно большое гнездо (*по́ня*, *по́нька*, *понёва*, *поня́ва*, *поня́вица*, *опо́на*, *понёвница*, *поне́та* и т. д.).

Что касается того значения слова *понева*, которое отражено в словарях современного литературного языка, то и оно, очевидно, должно быть представлено в диалектном словаре.[39] В пользу этого свидетельствует хотя бы тот разнобой относительно пометы «обл.», о котором уже говорилось ранее. Существует также веский аргумент историко-этнографического порядка. Дело в том, что, по мнению ученых этнографов, понева была частью одежды южнорусского населения и не встречалась севернее Нижегородской и Владимирской губерний.[40] Между тем материалы картотеки СРНГ уточняют это положение, указывая, например, на бытование поневы в Кировской обл. (записи 1950 и 1962 гг.). Понятно, какие ценные сведения историко-этнографического характера останутся недоступными для исследователей, если будут отброшены составителями диалектного словаря.

В отношении поневы мы имеем как раз тот случай, когда по многим причинам без скрупулезнейшего исследования слова и его истории трудно установить, является ли оно для XIX—XX вв. общенародным, или же целиком переходит в сферу областной лексики. Отношение к подобным терминам было четко сформулировано Ф. П. Филиным еще в 1963 г. в Софии: «Во всех сомнительных случаях (а их будет довольно много) вопрос будет решаться в пользу помещения терминов в словаре».[41] И это абсолютно справедливо, ибо подобные слова могут оказаться «звеном, необходимым, чтобы дополнить и объяснить целую семантическую цепь, мостиком, перекинутым через пропасть, существующую между двумя фазами фонетического процесса, фактом, подтверждающим ту или иную дотоле гипотетическую этимологию».[42]

Следует еще раз подчеркнуть, что этнографизмы в большинстве своем составляют довольно архаичный и подвижный слой лексики, а в составе общенародного языка продолжают существовать на правах исторической или устаревшей лексики. Объективные причины этого — изменение экономики и материальной культуры народа, приводящие к исчезновению обозначаемых подобными терминами реалий. Вот почему если проследить, например, в какого рода литературных произведениях встречается слово *кокошник*, то придется констатировать, что это либо исторические романы («Петр Первый», «Князь Серебряный» и под.), либо произ-

---

[39] Именно так сделала, например, А. Ф. Иванова в своем «Словаре говоров Подмосковья».

[40] Маслова Г. С. Одежда восточных славян, с. 627.

[41] Филин Ф. П. О составлении диалектных словарей. . ., с. 345.

[42] Касарес Х. Введение в современную лексикографию, с. 304.

ведения писателей особенно внимательных к «местному колориту» (Мамин-Сибиряк, Чапыгин и др.). Из поэтических произведений можно упомянуть «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова и «Марфу Посадницу» С. Есенина, причем в есенинском тексте *кокошник* соседствует с такими словами, как *письменище* и *дулейка*:

Не сестра ли месяца из темного болота
В жемчуге кокошник в небо запрокинула. . .
Ой, как выходила Марфа за ворота,
Письменище черное из дулейки вынула.[43]

Но обозначая (в пределах общенародного языка) утраченные народом реалии старого быта, такие слова «продолжают быть живыми элементами лексики определенных говоров»,[44] поскольку в отдельных местах продолжает жить, видоизменяясь и эволюционируя, сама реалия. Об этом свидетельствуют такие комментарии информантов, как: «мамка еще носила», «лет 50 назад носили», «у бабушки был» и т. д. А ведь хронологические границы СРНГ — XIX—XX вв.! Конечно, картина усложняется нередко из-за того, что по отношению к языку младшего поколения и в пределах говора такие слова могут оказаться архаизмами, что отражает общую тенденцию языка к стиранию диалектных различий.[45] И все-таки в любом случае нельзя не согласиться с Ф. П. Филиным относительно того, что «подобная „историческая" лексика должна включаться в словарь».[46]

Напомним также о широком назначении областного словаря, при составлении которого «должна быть. . . сознательно осуществлена установка на то, что это словари-справочники, предназначенные для использования преимущественно с научными целями историками языка и диалектологами, этнографами, историками, литературоведами и писателями».[47]

Действительно, легко можно представить себе положение писателя, пытающегося установить, заглянув в толковый академический словарь, что такое *кичка*, *кокошник*, *сорока* и пр., и натыкающегося на однотипное, лишенное конкретности «вещественного толкования» значение ‘старинный женский головной убор’, а порой сталкивающегося и с ошибочным толкованием. См., например, пояснение П. В. Зимина, оспаривающего толкование слова *повойник*, предлагаемое в словаре С. И. Ожегова (‘платок, обвитый вокруг головы’): «Совсем не платок, а сшитая из тонкого

---

[43] Есенин С. Собр. соч. в 5 томах. Т. I. М., 1961, с. 309.

[44] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров», с. 31.

[45] Об этом см., например: Беляева О. П. Устаревшие слова в лексике сельского населения. — Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та, вып. 28. Пермь, 1961, с. 183.

[46] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров», с. 31.

[47] Орлова В. Г., Сологуб А. И. Изучение диалектной лексики. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. II. М., 1957, с. 22.

холста или ситца шапочка, вроде современного поварского колпака. . . Низ повойника имел круговую оборку, в которую пропускался шнур. Концы шнура. . . стягивались на затылке и завязывались. Повойник надевали крестьянские женщины в старину при топке русской печи, чтобы волосы не сжечь и не испачкать».[48] Не менее любопытно в этом отношении замечание Караулова по поводу слова *сорочка*, употребленного Л. Н. Толстым в романе «Казаки»: «У г. Толстого не совсем точно: „Красивая голова Марьяны, повязанная одним красным платком (называемым сорочкой). . .“, т. к. Марьяна была девушка, а сорочка не платок»[49] (по свидетельству Караулова, у гребенских казаков *сорочка* — 'небольшой чепчик, носимый замужними казачками под верхним платком').

Конечно, в каждом конкретном случае подход к этнографизмам должен быть дифференцированным. В силу своей архаичности они требуют особого внимания и осторожности, а возможность ошибочного отнесения их к областной лексике вполне реальна, поскольку решить этот вопрос могло бы лишь детальное, глубинное исследование каждого отдельного слова. Но о такого рода планомерных исследованиях не приходится и мечтать лексикографу, занятому инвентаризацией огромного лексического материала, как не приходится мечтать и о той солидной этнографической подготовке, на необходимость которой справедливо указывают В. Г. Орлова и А. И. Сологуб.[50] Однако, говоря словами Л. В. Щербы, «словари нужны, и надо находить какой-то компромисс».[51] А ведь в нашем случае речь идет о важнейшем лексическом пласте, представляющем чрезвычайно большой интерес для каждого языковеда (и не только языковеда). Вот почему лучше даже допустить ошибку, поместив слово в диалектном словаре, чем совсем отбросить эти материалы, опираясь на противоречивые показания толковых словарей современного русского языка.

---

[48] По материалам картотеки СРНГ.

[49] Там же.

[50] Орлова В. Г., Сологуб А. И. Изучение диалектной лексики, с. 26.

[51] Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1940, № 3, с. 103.

П. И. ПАВЛЕНКО

К вопросу о взаимодействии лексики литературного языка и диалектов (на материале слов с приставкой *воз-*)

Изучение слов с приставкой *воз-*, бытующих в русских народных говорах, представляет интерес прежде всего в плане выявления особенностей взаимодействия лексики литературного языка и говоров, определения места и роли этих слов в лексическом составе диалектов именно в силу их особого, книжного (большей частью церковнославянского) характера.

О важности и необходимости выявления и описания подобных лексических единиц в диалектах писали В. В. Виноградов, С. П. Обнорский, Л. А. Булаховский, Л. П. Якубинский.[1]

Широкую научную перспективность изучения указанных пластов лексики раскрывает в своих работах Ф. П. Филин.[2]

В последнее время заметно возрос интерес к изучению книжных по происхождению слов в русских народных говорах. Появился ряд работ, в которых привлекаются к рассмотрению не только книжные, но и другие старые пласты лексики, относящиеся к восточнославянскому и общеславянскому лексическому фонду. Это не менее важно и для выявления соотношения словарных элементов разных эпох в лексическом составе самих диалектов, и для определения характера взаимодействия лексики литературного языка и народных говоров.[3]

---

[1] Так, Л. П. Якубинский справедливо утверждал: «Если церковнославянские элементы в современном литературном языке все же приведены хотя бы в известность, более или менее учтены, то церковнославянские элементы в диалектах не изучались. Между тем это представляется очень важным и для истории самих диалектов и для истории русского литературного языка» (Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1963, с. 111).

[2] См.: Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949, с. 173 и сл.

[3] См., например: Филин Ф. П. 1) О составлении диалектологических словарей славянских языков. — Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1963; 2) К истории слов «багно» и «болонье». — В кн.: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1971, и ряд

Задачей предлагаемых заметок является рассмотрение некоторых сторон взаимодействия литературного языка и русских народных говоров в кругу слов с приставкой *воз-*. С этой целью подвергаются анализу такие лексические группы, которые обнаруживают различие форм и путей воздействия лексики литературного языка на диалектный словарный состав.

Взаимодействие литературного языка и диалектов, ограниченное сферой книжной лексики, принимая форму непосредственных лексических контактов, выливается в заимствование говорами литературного словаря. Пути внедрения книжных слов в диалекты определяются в работах Л. А. Булаховского, Ф. П. Филина, Л. П. Якубинского и др. и сводятся к следующему: церковнославянизмы проникали в диалекты из разговорного языка книжных людей; отчасти они могли проникать прямо из церковного языка, причем такими путями происходило заимствование диалектами книжных слов на ранних этапах истории литературного языка. Для более позднего времени А. И. Попов указывает еще на один источник возникновения подобных диалектных слов — это «позднее воздействие памятников древней и старинной русской письменности (в том числе церковной), интерес к сохранившимся материалам которой до сих пор не угас среди части населения северных областей СССР. Речь идет преимущественно о потомках старообрядческого населения Севера и Северо-Запада».[4]

По этим каналам внедрялись в народный язык и слова с приставкой *воз-* как слова книжные, церковнославянские, чрезвычайно употребительные в языке богослужебных книг (если даже судить об этом по «Словарю церковнославянского и русского языка. . .» (1847)). Отчасти эти вопросы уже поднимались в другой нашей статье,[5] однако сложность и многоаспектность обсуждае-

---

других его работ; Сороколетов Ф. П. Из истории лексики (слова с корнем *лих-* в русских народных говорах и в литературном языке). — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966; Порохова О. Г. 1) Слова *ляда*, *лядина* и *нива* в русских народных говорах. — Там же; 2) Из истории лексики (слова с корнем *благ-* (*блаж-*) в русском языке). — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, и другие ее статьи о лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах; Чагишева В. И. Семантика слов с приставкой *су-* в русских говорах. — В кн.: Юбилейная научно-методическая конференция северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1969; Царева Л. И. Слова с приставкой *па-* в русских народных говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971; Попов И. А. Семантические особенности слова *беседа* в русских говорах. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969. М., 1970; Козырев В. А. Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других говорах. Автореф. канд. дисс. Л., 1973.

[4] Попов А. И. Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, с. 7.

[5] Павленко П. И. О словах с приставкой *воз-* в русских народных говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974.

мой проблемы потребуют еще неоднократного обращения к ее рассмотрению.

Для целей данной статьи необходимо указать, что в пределах изученного там лексического материала взаимодействие литературного языка и диалектов принимало следующий вид: а) слова, не получившие применения в литературном языке XIX в., оказывались распространенными в говорах (например, *возновить*, *возновиться*); б) слова, на протяжении XIX в. переставшие активно употребляться в литературном языке, становятся широко известными говорам (например, *воздымать*, *воздыматься*, *воспомнить*, *возлюблять*); в) слова активно функционируют и в литературном языке, и в диалектах, только в первом — одной своей стороной (с переносно-расширительными значениями), а в диалектах — другой (с прямым исходным значением, например *возраст*, *воспитывать*, *воспитываться* и др.).

Внедрившись в говоры, подобные словарные единицы бытуют в живой народной речи и входят в активный запас лексики современного говора, не имея оттенка устарелости, архаичности. В этом и состоит их отличительная черта, их особенность.

В настоящей статье сосредоточивается внимание на другой стороне взаимодействия слов с приставкой *воз-*, общераспространенных и диалектных, а именно на их внедрении в диалекты через посредство языка фольклора.

Многие слова с приставкой *воз-*, как общерусского распространения, так и локально ограниченные, имеют ярко выраженный фольклорный характер, устойчивую народно-поэтическую окрашенность,[6] ср.: *возговорить*, *восшуметь*, *вострубить*, *воскручиниться*, *воспоить*, *воскормить*, *воскушать* [7] и мн. др.

На широкую распространенность слов с приставкой *воз-* в языке устной народной поэзии ученые указывали уже давно. Еще Н. Некрасов писал: «В народных песнях эпического склада нередко придается глаголу предлог *воз-* вместо *за-* для сообщения действию некоторого величия, возвышенности, усилия».[8] В современных исследованиях по языку фольклора также отмечается довольно значительное и стилистически разноплановое использование приставочных образований с *воз-*.[9]

---

[6] Интересно отметить, что из 150 слов с приставкой *воз-* (образования с *вос-* не учитывались), помещенных в V выпуске «Словаря русских народных говоров», 23 сопровождаются пометой «фольк.», а для половины других в качестве иллюстративного материала приводятся фольклорные тексты.

[7] Преимущественное употребление некоторых слов с приставкой *воз-* в произведениях фольклора впервые нашло отражение в Словаре Даля. В определении, например, глагола *воскушать* дается указание: «Употребляется в песнях и изысканном народном слоге»; *воскладать* — «Особенно в песне» и т. п.

[8] Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, с. 191.

[9] По утверждению А. З. Трубачевой, «в былинах М. Крюковой среди многих приставочных глаголов. . . выделяются глаголы с приставкой *воз-*»

Все приставочные образования с *воз-*, применение которых не выходило за рамки фольклорных произведений, имеют двоякий характер: они образованы из соединения либо общенародных, либо диалектных основ с префиксом *воз-*, причем образования первого вида некогда имели общерусское распространение, однако и в этом случае они употреблялись по преимуществу в народно-поэтических текстах (ср. *воскручиниться*, *восплакаться*, *возрыдаться*, *возгоревать* и др.); вторые возникли на базе диалектного лексического материала в силу развертывания собственных языковых ресурсов (ср. *возгайкать*, *возгаркаться*, *воспелеговать* и др.).

Среди лексических единиц первого вида своей употребительностью выделялась группа слов, объединенных общим значением ‘воспитывать, выращивать’, — *воскормить*, *воспоить*, *возлелеять*, в которую могли включаться и другие диалектные синонимы. Так, глагол *возлелеять* в литературном применении XIX в. отличался народно-поэтической тональностью: [В о е в о д а:] Красавица, ты из какой земли? Кто породил тебя, Кто возлелеял? (А. Островский, Воевода). Не исчезала яркость окраски и при употреблении в языке фольклора: Еще кто тебя спородил, молодца? Спородила парня матушка, Возлелеяла чужая сторона (Галич. Костром.); Возлелеяла меня, меня сиротинушку, да Волга-матушка, Воскачала-то ли меня, меня сиротинушку, да легка лодочка (Моск., Соболевский). Однако в современных говорах слово свободно бытует в обиходно-бытовой речи: Возлелеяла одну бажоную дочку, мужика убили под Гомелем. . . девочка осталась двух месяцев (Карач. Брян.); Возлелеяла я сына, а он счас мне ничем не помогает (Ельн. Смол.). Широкой употребительностью отличается глагол *воскормить*: Что на свет родила родна матушка, Воспоил-воскормил родной батюшка. Убаюкивала нянька-матушка (Арх., Соболевский); Наш-то князь молодой В терему воскормлен, Калачем воскормлен (песня, Пск.); Мать сына воспородила; . . . Белою грудью мать сына воскормила (Терск.).

В диалектах употребляются и другие однокоренные образования: *воскорменник* ‘приемный сын, воспитанник’ и *воскорменница*: Они берут на воскорменники его; Это воскорменница моя (Рогнед. Брян.).

Глагол *воскручиниться* в значении ‘загрустить, затосковать’ Словарем Даля рассматривается как территориально ограничен-

---

(Т р у б а ч е в а А. З. Словообразование и формообразование в былинах М. Крюковой. — Уч. зап. Горьковского пед. ин-та, вып. 62, сер. филол. наук. Волго-Вятское кн. изд-во, 1967, с. 175). «Одной из характерных черт языка былин является широкое употребление глаголов с приставкой *воз-* в значении интенсивного начала действия», — делает вывод А. А. Эбель (см.: Э б е л ь А. А. О стилистическом использовании префиксальных глаголов в русских былинах. — В кн.: Вопросы диалектологии и истории русского языка. Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та, вып. 82, ч. II, 1970, с. 44). См. также: З а й ц е в а И. К. Соотношение языковых особенностей народно-песенной и обиходной речи диалекта, с. 446 и сл.

ный и фольклорный (он сопровождается пометой «сев. и в песне»). Но, как свидетельствуют материалы Словарной картотеки, глагол, используясь в песнях (особенно в свадебных) в конструктивно устойчивом обороте *воскручиниться на кого-либо*, получал и иное смысловое наполнение — ‘рассердиться, разгневаться’: Вы на что на меня воскручинились, Вы честны мои родители (Пинеж. Арх.).

В современных ленинградских говорах слово употребляется стилистически нейтрально: Что воскручинилась, милая? (спрашивает одна женщина другую, несколько задумавшуюся над чем-то) (Всеволож. Ленингр.).

Еще более значимым для установления путей перехода слов с приставкой *воз-* в диалекты оказывается характер стилистической эволюции слов, которые имели вековые традиции книжного применения (например, *восплакать*, *восплакаться*, *возрыдать*, *воскладать* и др.) и которые отчетливо обнаруживали народно-поэтическую окрашенность не только при употреблении в литературном языке XIX в., но и, что особенно важно подчеркнуть, не утрачивали своего фольклорного характера, становясь территориально ограниченными, диалектными словами.

Однако со временем сфера бытования этих слов в говорах заметно расширяется. Именно указанное обстоятельство приводит к устранению их прежней стилистической замкнутости. В результате они начинают широко употребляться как стилистически нейтральные в обиходно-бытовой речи. Ср.: Приехали з вукувации, нема ничего, восплакалися мы, уж так жалко плакали, что у нас нема ничего (Трубч. Брян.); Дли меня соседка с мальчиком сгорела от пожару, трое маленьких осталось, она каталася, кричала, все кругом восплакались, сироты остались (Карач. Брян.).

В брянских говорах у глагола *воскладать* наряду с активизацией исходного прямого значения (Воскладай одеялки на сено — Карач. Брян.) развивается новое лексически связанное значение — ‘выносить, объявлять’: Воскладаем благодарность тому человеку, что вспомнил про древних людей, дал пеньзию (Трубч. Брян.). Вместе с тем в этих говорах, как убедительно показал В. А. Козырев,[10] происходит стилистическая нейтрализация рассматриваемых слов. Это безусловно свидетельствует о глубоком освоении диалектами книжных слов, традиция употребления которых идет от «Слова о полку Игореве».

Действительно, и семантическая эволюция, и сам факт употребления таких слов в живой народной речи являются чрезвычайно показательными — это говорит об утрате указанными глаголами фольклорной окраски и о переходе их в нейтральный лексический фонд говоров.

---

[10] Интересный материал о нейтрализации народно-поэтических слов в диалектах см.: К о з ы р е в В. А. Словарные параллели. . ., с. 113—114 и др.

Не менее важным свидетельством наступившего процесса нейтрализации слов с фольклорной окраской являются факты стилистической трансформации изначально диалектных лексических элементов. Например, глагол *воспелеговать* в псковских говорах в XIX и в начале XX в. употреблялся в значении 'воспитать (пеленая)' исключительно в фольклорных текстах [11] в синонимическом ряду *воспоить*, *воскормить*, *воспелеговать*, ставшим устойчивым в языке устной народной поэзии.

Однако, по современным данным (в записях 1966—1967 гг.), этот глагол является весьма распространенным в псковских говорах и употребляется в обиходно-бытовой речи стилистически нейтрально, обнаруживая при этом различные семантические оттенки. Ср. употребление, с одной стороны, с общим значением 'воспитывать; растить': Все нас воспелеговали, не хуже чем сейчас. Сейчас тоже воспитательный дом есть, воспелегывают, растят, кормят, поют (Пск. Пск.) — и уточняюще-конкретными — с другой: Двадцать суток воспелеговала внучка-то ('пеленать, ухаживать за младенцем' — Порх. Пск.); Вот пришел б он (парень, сломавший ногу) к ей (любовнице), то она б его воспелеговала, за им ухаживала, быстро встал ('ухаживать, стараясь поставить на ноги' — Гдов. Пск.).

Переход слов из народно-поэтической речи в сферу разговорно-бытовой сопровождался семантическим преобразованием их, способствовал расширению лексико-фразеологических связей этих слов. Это в свою очередь делало прочными и необратимыми конечные результаты таких стилистических перестроек.

Отмеченные преобразования лексических средств диалектов говорят о глубине и неисчерпаемости источника, из которого происходит постоянное пополнение лексики говоров. Указанное обстоятельство может служить косвенным доказательством возможности посредничества языка фольклора в переходе слов с приставкой *воз-* в диалекты.

Проведенный анализ материала свидетельствует о том, что многие слова с приставкой *воз-* при утрате общерусского распространения попадали в лексику диалектов через посредство языка фольклора. Это был широкий путь пополнения словарного состава диалектов за счет утраченных литературным языком лексических средств. В этом и состоит своеобразие форм взаимодействия лексики русского литературного языка и говоров именно в сфере слов с приставкой *воз-*, которые в силу своего особого стилистического характера и морфологического строения получали разнообразное применение и широкое распространение в языке фольклора.

В заключение необходимо подчеркнуть, что весь ход изложения и квалификации представленного лексического материала могут

---

[11] На этом основании он естественно и справедливо в «Словаре русских народных говоров» получает помету «фольк.».

исходить лишь из признания тех общих положений [12] о взаимосвязи языка фольклора и говоров, которые выдвинуты в работах А. П. Евгеньевой, А. И. Баранниковой, Ф. П. Сороколетова и других ученых.

Вместе с тем широкое употребление в фольклорных произведениях слов с приставкой *воз-* в прошлом, как общерусских (ставших в современных говорах диалектными), так и диалектных, само по себе может служить подтверждением непосредственной связи языка фольклора и диалектов. Однако этот вопрос может быть предметом особого исследования.

---

[12] Как они изложены в статье Ф. П. Сороколетова «Произведения фольклора и диалектные словари» (в кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974).

Г. П. КНЯЗЬКОВА

К взаимоотношению словарного состава литературного языка и диалектов (*пойма* и *займище*)

В процессе изучения внутреннего строения различных языков и исследования специфики соотношения форм их существования было установлено, что такое отношение не является раз навсегда данным. Историческое своеобразие литературного языка, ненормированной общей разговорной речи, диалектов, жаргонов выявляется и в особенностях их контактов, различных в разные периоды развития языка. Концептуально и в процессе частных наблюдений установлено, что литературный язык как высшая форма существования языка, характеризующаяся обработанностью и нормированностью, развивается в эпоху сложения наций в направлении поливалентности. С течением времени в литературном языке концентрируются огромные стилистические богатства, создающие возможности многообразия форм выражения. Другие формы существования языка лишены такого разнообразия, ограничены функционально или локально и лишены возможности конкуренции с литературным языком.

Изучение русского литературного языка периода сложения русской нации позволило выявить источники его обогащения. Одним из важнейших источников является общенародная разговорная речь и ее диалектные вариации. На протяжении XVIII—XX столетий можно проследить различные линии обогащения словарного состава русского литературного языка за счет данного источника, например преодоление недостаточности словарного состава нейтрального слоя литературного языка за счет вовлечения в него слов, ранее ограниченных в употреблении функционально или локально; сложение выразительных и изобразительных средств русского литературного языка за счет восприятия ресурсов русской разговорной речи.

Нередко освоение литературным языком слов, ранее имевших терминологический характер или входивших в номенклатуры занятий и промыслов. Путь их в нейтральный пласт литературного языка, вероятно, лежал через общую разговорную речь, где в ши-

роком употреблении проверялись семантические возможности слова, его пригодность для купирования соответствующих лакун и зияний данного пласта. При этом постепенно осваиваемое русским литературным языком слово, вступая в контакты с соответствующими синонимами и аналогами, вовлекалось в процесс семантико-функционального размежевания, результатом которого в конечном счете было уточнение семантического объема слов — членов идеографического синонимического ряда, разграничение сфер функционирования. В этом плане представляет известный интерес вхождение в состав литературного языка слова *пойма*.

Русский литературный язык последней трети XVIII столетия для обозначения понятия ‘место, заливаемое водой во время весеннего половодья’, располагал словом *займище*. Словарь Академии Российской дает это слово без какой-либо ограничительной пометы с соответствующим определением.[1] См. употребление его в памятниках разного рода:

в путешествиях: Когда (река Пратва, — *Г. К.*) разливается, то шириною будет более полуверсты, как видно из займищев ею потопляемых (Зуев, Путеш. зап.);

в научных трудах: Ольха простая или красная. Как в России, так и в Сибири, начиная от севернейших стран, даже до полуденнейших, ростет сие дерево повсюду на влажных лугах, подле берегов и по займищам в великом множестве (Опис. раст. Рос. гос., 1786);

в изданиях прикладного, практического характера: В Оренбургской губернии близ реки Яика водятся подобные муравейникам медведи черные и ростом самые малые в болотах по тростникам и в кустах, растущих по займищам около рек (В. Левшин, Совершенный егер).

Симптоматично, что слово *займище* не было единственным средством для выражения соответствующего понятия. В памятниках различного рода мы встречаемся с применением для его обозначения, а также и для обозначения более узкого видового понятия ‘луг, заливаемый весенним разливом реки’ различных сочетаний слов. См.: На самой вершине гор начинается пространная равнина, на коей река Илавла по прекрасным низменным лугам ток свой устремляет (Тр. Вольн. эконом. общ., 1767); На сих местах травы в мокрое лето при реках, так и в полях бывает довольно; а когда сухое, то только в лежащих лугах при реке Оке (там же).

Более того, оба способа выражения встречаются и в одном и том же памятнике или у одного и того же автора: Итак, принуждены были плутать верст шесть по займищам и искать прибежища у сенокосцев, которые раскладывают огонь и тем себя от комаров защищают (Лепехин, Дневн. зап. путеш.); Река сия довольно рыбна, правой берег имеет нарочито возвышенный, а левой весьма

[1] «Займище. . . Место, понимаемое водою» (САР$_{II}$, ч. 3, с. 531).

отлогой, по чему весенния наводнения утучняют прилежащия паствы, коими сие село изобилует (там же); (Осокорь) находится по всем займищам рек, с Кавказских гор текущих, и в Таврической области (Опис., раст. Рос. гос.); Сей нарочито высокий подлес (черемуха) находится по всем умеренным и даже холодным местам Российского государства. . ., а наипаче по долинам и по берегам рек (там же); На горах, холмах и косогорах земля хуже, нежели в долинах, лощинах, займищах, оврагах и буераках (Радищев, Описание владения); Близ сей деревни едешь мимо превеликого луга на 50 верст, на коем разливается Омь (Радищев, Дневн. путеш., 1797).

Однако более часто встречающимся следует признать сочетание *поемные места*. См.: По левую сторону находился густой лес, а по правую под косогором поемные места, обросшие тальником даже до реки Клязьмы, составляющия тучные покосы, которые местами разделены были небольшими озерками, от весеннего разлива Клязьмы произшедшими (Лепехин, Дневн. зап. путеш.); Удобнее других под развод растения сего водяные рвы, хотя бы оные летом и осыхали. . ., а вообще все поемные места, на которых полая вода осаживает много ила (В. Левшин, О манной траве); Сия река имела инде по обеим сторонам, а инде по одной обыкновенныя низмененныя и поемныя места (Болотов, Зап.).[2]

Почему же при наличии в нейтральном слое литературного языка слова, располагающего определенным значением, мы наблюдаем варьирование, свидетельствующее о поисках более рационального и точного способа выражения? В чем именно проявилась здесь недостаточность нейтрального слоя?

Ответить на эти вопросы можно лишь при внимательном рассмотрении семантических особенностей исследуемых слов и их отношений с однокоренными словами.

Судя по памятникам XVIII столетия, САР зафиксировал лишь одно из значений слова *займище*. Семантический объем слова был гораздо шире. В основе его лежала идея ‘пространство, место на земле, занятое чем-либо’, корреспондирующая с одним из значений глагола *занимать* ‘заполнять собою какое-либо пространство, место, помещаться на определенном пространстве’. См. такие конкретизации этой идеи:

‘место, занятое под расчистку, распашку’: От того Липяга чрез степь до Казачьего Ерика и до означенного хутора с займищи, казенной земли 1000 десятин (Моск. вед., 1777);

‘жилое место, поселение’: Всякаго звания люди силные и безсилные послали бы во все свои вотчины, кои в близости и кои в понизовые новые и старые свои вотчины, и во украинные займища к прикащикам своим и старостам указы, чтобы без отлагательства

---

[2] См. в САР нейтральные слова: «Поем. . . Покрытие водою» ($САР_I$, ч. 2, с. 985); «Поемный. . . Водою покрываемый. Поемные места, луга» (там же).

новых и старых пришлых людей выслал за проводниками (Посошков, Кн. оскуд. и богат., 1724); Можевщикам и при них геодезистам мерять в селах и деревнях и в починках, в селищах и займищах пашенную землю и перелог (ПСЗ, XIV, 1754);

'место, негодное для пашни, обычно покрытое тростником, леском или кустарником': Ездили мы по полю, по чистому, Сверх тоя Череги, По твоем государевом займищу (Сб. Кирши Данилова, 1901).

Указанное выше значение 'место, заливаемое водой во время половодья' являлось также одной из конкретизаций общей идеи. Однако если в трех перечисленных выше значениях явствен признак постоянства, длительности, то в последнем значении ощущается признак временного ограничения, периодичности. Именно поэтому связь данного значения с перечисленными выше явилась более слабой, чем связь указанных выше друг с другом. Между тем и нейтральный слой литературного языка располагал глаголом *понимать* 'покрывать водою (во время наводнения, половодья)', значению которого присущ признак ограничения во времени, периодичности.[3] Свидетельством его нейтральности является широкое употребление в памятниках как в личных формах, так и в сугубо книжных причастных формах. См.: А иначе острова морская вода не понимает (Показ. об экспедиции кн. Черк., 1717); С четверть часа после того спустя последовали валы ужасного и несравненного трясения, а потом взлилось воды на берег в вышину сажен на 30, которая по прежнему ни мало не стояв сбежала в море, и вскоре стала в берегах своих колебаясь чрез долгое время, иногда берега понимая (Краш., Опис. земли Камч., 1755); С правой стороны Донца при конце города впадает она (р. Везелка) двумя устьями, оставляя посреди небольшой островок, весною водой понимаемый (Зуев, Путеш. зап.).

Можно предположить, что складывающаяся лексическая система русского литературного языка испытывала недостаточность аналога слову *займище* в интересующем нас значении, соотносимого по словообразовательной линии с нейтральным глаголом *понимать*. Им располагали в то время только диалекты. При всей недостаточности наших знаний о русских диалектах этой поры мы располагаем некоторыми данными о наличии в них слова *пойма*. Об этом свидетельствует, например, приведенный А. Н. Радищевым в Дневнике путешествия 1797 г. гидроним. См.: От Тобы

---

[3] В $САР_{II}$ данное значение глагола *понимать* не фиксируется, но при возвратном и страдательном *пониматься* дается: «3) Покрываться. При разлитии реки низкие места понимаются водой» (ч. 4, с. 1500); так же представлена глагольная пара *понимать—пониматься* в «Общем церковно-славяно-российском словаре» П. Соколова (т. II. СПб., 1834, с. 656). Словари иноязычно-русские пользуются глаголом *понимать* (*понять*) в толкованиях слов. См.: «Inonder. . . Затопить, наводнить, понять водою, сделать, причинить наводнение» (Полной французской и российской лексикон. . . И. Татищева, т. I. СПб., 1798, с. 915).

до Пойминской (название деревни, — *Г. К.*) на реке Пойме — 19 вер. дорога идет соснягом (Радищев, Дневн. путеш., 1797).

Но в памятниках конца XVIII столетия слово *пойма* редко. Неоднократно встречается оно в указанном выше значении только в дневниках И. М. Долгорукого, относящихся к началу XIX в.: Мы в сумерки стали на паром, и пока перевозили коляску, погорячились и пошли пешком, надеясь, что она скоро нас догонит. . . Мы прошли верст пять, а еще повозки нас не догоняли. . . Ночь, да и не месячная, настигла нас в поймах (Долгорукий, Журн. путеш. в Нижний); От самаго Лыскова до Волги начинаются шалаши, и чернь, толпясь тысячами на широких поймах, ищет разных своих потребностей (там же).

Как областное — вологодское — слово *пойма* фиксируется в записи диалектных слов, датируемой 1822 г.: *пойма* 'понимаемое водой место'.[4] Первая словарная фиксация слова *пойма* и некоторых однокоренных образований датируется 1844 г. См.: «*Пойма.* Место в поле, водою понимаемое, заливаемое; *Пойменное сено.* Это то сено, которое растет на лугах, потопляемых водою; *Пойменные луга.* Луга, заливаемые водою весной. *Поймище.* См. Поемные луга» (В. Бурнашев, Опыт термин. слов. сельск. хоз., фабр., пром. и быта нар., 1844).

В том же словаре дается и слово *займище.* Но при нем уже есть указание на его локальную ограниченность. См.: «*Займище.* . . 1) Слово это русское, приволжское; это те места, куда разливается весной вода, образуя заливы, озеры, даже болоты; по-малороссийски называются плавни. Такие места обыкновенно поросли лесом, тальником и камышом, где гнездятся волки, лисицы и даже по Днепру дикия козы; тут же и изобильныя, хотя и не очень кормныя травы» (там же). Это могло означать первоначальную прикрепленность слова к говорам Приволжья. Но можно и предположить, что, выходя за пределы литературного языка, слово *займище* преимущественно употреблялось в приволжских говорах.

В Словаре 1847 г. представлены оба интересующих нас слова: «*Займище.* . . Стар. 1) Место, назначенное под расчистку для пашни или угодьев. 2) Отвод известного места для чего-либо» (с. 21); «*Пойма.* . . 1) Обл. Место, понимаемое водою. На пойме лучший сенокос. 2) Церк. Упрек, укоризна (с. 302).

Значение, корреспондирующее с аналогичным значением слова *пойма*, в слове *займище* опущено.[5]

---

[4] Тр. Общ-ва любителей росс. словесн., кн. 1. СПб., 1822, с. 272. — Многочисленные словари конца XVIII в. — толковые, иноязычно-русские и русско-иноязычные не фиксируют слова *пойма.* Так, оно отсутствует в Словаре Академии Российской (в I и II изданиях), в «Российском с немецким переводами словаре. . ., сочиненном И. Нордстетом» (СПб., 1782); «Новом российско-французско-немецком словаре, сочиненном. . . И. Геймом» (М., 1799); «Полном французском и российском лексиконе. . . И. Татищева» (СПб., 1798) и др.

[5] См. слово *пойма* в значении, фиксируемом Словарем 1847 г., с пометой «церк.»: Панталон изпужавшись тех гроз чрез многия поймы кличет Силвия. Передевки Арлекиновы, 1733 (с. 15).

Другие словари, выходившие в 50—60-е годы XIX в., дают исследуемым словам различные квалификации. В вышедшем в 1852 г. «Опыте областного словаря великорусского наречия» слово *займище* фиксируется с соответствующими локальными указаниями: «*Займище*. . . 1) Низменное место, покрываемое водою во время весенних разливов. Астрах., Дон., Оренб., Челяб., Тамб.; 2) Болото, трясина. Сибир. С. В.; 3) Болото, поросшее тростником и лесом. Оренб., Челяб., Тамб.; 4) Лес около реки. Сибир.» (с. 62).

Слово *пойма* в данном словаре отсутствует. Можно предположить, что оно, по мнению авторов этого словаря, уже вышло из категории областных. В «Дополнении» к «Опыту областного словаря» находим: «*Пойма*. . . Место, понимаемое водою. Волог.» (с. 194); «Поймо. Поемное место. Казан. Чистопол.» (там же).

Данные фиксации можно рассматривать как подтверждение высказанного выше предположения. Иначе подходит к квалификации рассматриваемых нами слов В. И. Даль. И слово *займище* и слово *пойма* в интересующем нас значении он считает общеупотребительными. См.: «*Займище*. . || Ныне: урема, поем, пойма, вся полоса до вторых берегов реки, до кряжа, до крайнего предела вешнего разлива ее; обширное место, потопляемое водою, род временного залива, заводи, где бывают покосы, поемные луга (т. I); «||*Поем, поемы* мн.; пойма, поймы мн.; поим м., поймо ср., поймище и поемные, пойменные луга, берега, низы, место, понимаемое вешней водой; мокрые луга, заливные пажити, поемные покосы; весь простор полосы вдоль реки, по кряж или венец, сколько захватывает вода, водополье» (т. III).

Основываясь на данных картотек Словаря современного русского литературного языка и Сводного словаря русских народных говоров, можно предположить постепенное сужение употребления слова *займище* в интересующем нас значении во второй половине XIX в. Точнее, мы, очевидно, имеем дело с тенденцией сужения общего употребления, со своего рода неустойчивым равновесием, которое всегда является сигналом идущих вслед за ним преобразований. Это подтверждается целым рядом фактов. Так, вплоть до самого конца века можно встретить оба слова в одном контексте как равнозначные, взаимно подтверждающие друг друга. См.: За перегибом, или бровкою, начинается луг, или разлив, или пойма, или займище, идущее до кряжа долины (Богуславский, Волга как путь сообщения, 1887).

Можно встретить слово *пойма* в одном контексте как с диалектными аналогами, так и с неоднословными его эквивалентами. См.: Подъезжая к ней (деревне), мы опять попали в урему, то есть в поемное место, поросшее редкими кустами и деревьями, избитое множеством средних и маленьких озер, уже обраставших зелеными камышами: это была пойма той же реки Белой, протекавшей в версте от Сергеевки (С. Аксаков, Детские годы Багровавнука, 1856).

Можно наблюдать слово *пойма* в контекстах различных художественных произведений, принадлежащих перу писателей, для творческой манеры которых характерно обращение к сокровищам народной разговорной речи. Оно входит в авторский текст как обычное нейтральное слово, не требующее каких-либо пояснений. См.: Большая раскольничья деревня, раскинутая у предгорья, заканчивавшего с одной стороны луговую пойму, из города представлялась чем-то вроде длинного обоза (Лесков, Некуда, 1864); Словно на волшебных крыльях воспоминание его облетело все ему некогда милое. . . Детство, сердитый старик Днепр, раздольная заднепровская пойма, облитая таким же серебристым светом (Лесков, Обойденные, 1865); То монастырь блеснет белыми стенами и золотыми главами среди необозримой поймы и заповедных лугов (Златовратский, Крестьяне присяжные, 1774); Обгонял он вереницу возов, тяжело нагруженных разною крестьянскою кладью и медленно подвигавшихся по песчаной дороге, проложенной середь широкой зеленой поймы (Печерский, В лесах, 1875); Через реку — вид на безграничное пестрое пространство луговой поймы и деревень (Салтыков, Благонамеренные речи, 1876); Деревни стояли пустыми, а зато на всех покосах, по низинам и поймам широкой волной катился настоящий праздник — с утра до вечера сверкали косы; ровными рядами покорно ложилась высокая душистая трава (Мамин-Сибиряк, Летные, 1886).

О закреплении слова *пойма* в нейтральном пласте литературного языка свидетельствует и наличие в памятниках второй половины XIX в. образованного от него прилагательного *пойменный*.[6] См.: Сено бывает: лесное, степное и пойменное; оно бывает крупное и мелкое (Гоголь, Выдержки из карман. зап. кн.); Начиналась огромная, кажется в одной просторной России возможная пойменная луговина (Лесков, Некуда); Разговор идет в общем нераздельном для всей Вальковщины пойменном луге (Златовратский, На смену).

В дальнейшем прослеживается тенденция к известной локализации употребления слова *займище*: оно преимущественно употребляется в интересующем нас значении в приволжских и донских народных говорах.[7] Художественная литература XX столетия подтверждает его довольно широкий локальный ареал. См.: Каждую весну, когда с верховьев Дона шла большая вода, все займище на десятки километров. . . затапливалось речным разливом (Закруткин, Плавучая станица); А в войну пришлось мне весь Дон исходить вокруг Ростова, и видел сам, какие чудесные там угодья, какие займища в низовьях Дона не разработаны

---

[6] Первая словарная фиксация прилагательного *пойменный* принадлежит «Толковому словарю» В. И. Даля (т. III, с. 242).

[7] По данным картотеки «Сводного словаря русских народных говоров», оно фиксируется в следующих говорах: Краснояр., Дон., Твер., Астрах., Оренб., Челяб., Тамб.

(Овечкин, С фронтовым приветом); Летели совсем низко, над самой водой. Обширные волжские займища — пойменные земли, изрезанные причудливой сетью мелких протоков, мчались нам навстречу (В. Галактионов и А. Аграновский, Утро великой стройки).

Слово *пойма* прочно вошло в общее употребление, обычно в художественной литературе, публицистике, официальных документах, в то время как слово *займище*, в силу действия тенденции к ограничению употребления, является словом широкого диалектного ареала. Дальнейшему ограничению его употребления, может быть, препятствует и то обстоятельство, что оба исследуемых слова вошли в состав терминологии географии со следующим смысловым разграничением:

пойма — 'часть дна речной долины, покрытая растительностью и затопляемая только в половодье'; на поверхности поймы много ложбин (остатков излучин и рукавов), чередующихся с грядами;

займище — пойменные луга, заливаемые во время весенних разливов рек. В некоторых районах СССР под займищем понимают вообще низкие заболоченные местности (см.: Энциклопедический словарь географической терминологии. М., 1968).

Вхождение слова *пойма* в нейтральный слой литературного языка может быть объяснено, таким образом, целым рядом причин, а именно:

а) требованием лексической системы литературного языка, уже в середине XVIII в. располагавшей глаголом *понимать* и однокоренными словами *поем*, *поемный*;

б) широтой диалектного ареала слова по сравнению с другими его аналогами в русских народных говорах (ср. *алап*, *буга*, *водось*, *тина*, *урема*); [8]

в) проявлением действия тенденции экономии языкового знака, что привело к замещению данным словом идентичных по смыслу сочетаний слов.

Семантическое разграничение слов *пойма* и *займище* в пределах терминологической географической системы также способствовало укреплению слова *пойма* в данном значении в кругу нейтральной лексики литературного языка, содействовало закреплению слова *займище* в данном значении как слова широкого диалектного ареала и, возможно, замедляет процесс сужения области его употребления.

[8] Данные картотеки «Сводного словаря русских народных говоров» свидетельствуют следующее его распространение в XIX в.: Арх., Волог., Вятск., Волжск. (Неустроев), Ярослав., Новгор., Сибир.

Л. И. БАЛАХОНОВА

Диалектные по происхождению слова в общенародной терминологии (к истории названий «сухого дерева»)

Народно-диалектная речь была одним из источников формирования общерусской терминологии таких отраслей знания, как ботаника, лесоводство, география, зоология и т. д. Использование диалектизмов в этом случае вызывалось объективной необходимостью: отсутствием в общерусской лексической системе многих названий предметов и понятий, характеризующих природу и быт человека. Поиски таких наименований неизбежно приводили к «внутреннему» заимствованию из народных говоров, где они издавна существовали.

Широкое вовлечение диалектизмов в образующиеся терминологические системы характерно для всего XIX в. «Оказывается, — писал А. А. Шахматов в конце XIX в., — в общеупотребительном языке недостает слов для выражения очень многих понятий, определенно выраженных областными словами: таковы в особенности слова, относящиеся к различным явлениям природы, многим ремеслам и производствам».[1]

Немаловажную роль в утверждении того или иного местного термина в общенародном языке играли словари, в том числе «Терминологический словарь» Бурнашева 1843 г.[2] и «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г.,[3] включившие значительное количество областных слов. Фиксация без ограничительных помет («обл.», «простонар.») в общенародном словаре сама по себе являлась для локального термина рекомендацией для его употребления в общем языке. Уже из словарей эти термины попадали в учебники и специальные исследования. Правда, их авторы не

---

[1] Словарь русского языка, составленный II Отделением АН, т. II, вып. 1, СПб., 1897, Предисловие, с. V.

[2] Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. I. СПб., 1843; т. II, 1844.

[3] Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II отделением АН. Тт. I—IV, СПб., 1847.

оставались безразличными к рекомендованным словарями наименованиям, еще не апробированным употреблением, высказывали свое отношение к ним, нередко сами предлагали известные им народные названия. В результате не все канонизированные словарями диалектизмы закрепились в языке или выдержали проверку временем. Некоторые из них исчезли очень скоро, другие, просуществовав некоторое время, были позднее вытеснены названиями (в том числе и диалектного происхождения), более удачно выражающими содержание соответствующей реалии, понятия.

Примером такого постепенного отбора в языке наиболее точных лексических выразителей понятия может служить история общерусских лесоводческих терминов, обозначающих «сухое дерево (лес)».

Лесное дело в России имеет многовековую историю, и на протяжении всего этого времени вплоть до наших дней складывается лесохозяйственная номенклатура.[4]

* * *

Среди существующих в русских народных говорах слов со значением 'сухое дерево (лес)' большое гнездо составляют лексемы с общенародным корнем *сух—суш*: *сухара* (Арх., Волог., Твер., Костром., Яросл., Влад., Нижегор., Вят., Киров., Перм., Свердл., Урал, Новосиб., Краснояр., Том.), *сухарник* (Нижегор., Моск., Твер., Яросл., Киров., Урал, Свердл., Новосиб., Краснояр.), *сухарина* (Урал, Свердл.), *сухарой* (Свердл.), *сухарь* (Твер., Яросл., Урал), *сухлец* (Ряз.), *сухоболоть* (Волог.), *суховина* (Пск., Твер.), *сухолошина* (Иван.), *сухоляд* (Калуж.), *сухоподстоина* (Новг.), *сухоподстой* (Волог., Новг., Ленингр., Уральск.), *сухоподстойник* (Петерб., Новг.), *сухопостой* (Вят., Киров., Прионеж. КАССР, Новосиб.), *сухопостоина* (Новг.), *сухостоина* (Пск., Твер., Смол.), *сухостой* (Ряз., Костром., Влад., Иван., Орл., Ворон., Кубан., Волог., Тобол., Новосиб., Горно-Алт., Колым.), *сухостойник* (Волог.), *суша* (Волог.), *сушина* (Север, Арх., Сев.-Двин., Олон., Кольск., Новг., Волог., Пск., Смол., Моск., Влад., Вят., Киров., Перм., Свердл., Том., Сиб., Иркут.), *сушинник* (Арх., Киров.,

---

[4] См. о значении русской народной речи для формирования лесной терминологии: Погребняк П. С. Основы лесной терминологии. Киев, 1955; Ткаченко М. Е. Общее лесоводство. М., 1955; Римашевская К. П. Роль народно-диалектной лексики в становлении научной терминологии (на материале лексики леса Шушенского р-на Красноярского края). — Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1965, с. 5—28; Скитова Ф. Л., Маргулян А. А. Пермские областные слова в лексике литературного языка. Кондовый — Уч. зап. Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького, № 268, Пермь, 1973, с. 3—35, и др. Ср.: «Г. Н. Высоцкий увлекался греко-латинским терминотворчеством. . . гораздо полнее прививались предлагаемые им народные термины» (Отечественные лесовозы. Под ред. В. Г. Нестерова. М.—Л., 1953, с. 127).

Моск.), *сушмень* (Волог.), *сушник* (Влад., Твер., Нижегор., Волог., Север, Арх., Киров., Том., Новосиб., Краснояр., Сиб., Иркут., Горно-Алт.), *сушняк* (Арх., Кольск., Прионеж. КАССР, Пск., Смол., Влад., Иван., Нижегор., Киров., Том., Краснояр., Горно-Алт., Колым. Амур.), *сушь* (Твер., Иван.), *сушье* (Твер., Арх., Ворон.).[5] Как свидетельствуют источники, в говорах известны также прилагательные, образованные от некоторых из приведенных существительных: *сухоподстойный* (Волог., Арх., Калуж.), *сухопостойный* (Вят., Том.), *сухостойный* (Орл.).

По своему морфемному составу рассматриваемые лексемы являются: а) производными от общенародного корня *сух—суш* с различными суффиксами, общенародными или локальными (*сухара*, *сухлец*, *сушина*, *сушмень* и т. д.); б) сложными словами с корнем *сух* в первой части и отглагольной основой (*под*)*стой*(*ник*, *ина*) во второй части сложения (*сухоподстой*, *сухостой* и т. д.) и в) единичными сложными словами с корнем *сух* в первой части и различной именной второй основой (*сухоболоть*, *сухоляд*).

В номинативном аспекте данные лексемы однородны: семантическим основанием всех названий явилось самое существенное, входящее в понятийное содержание слов, свойство реалии, отраженное в значении общего корня *сух—суш*. Прозрачность словообразовательной структуры сложных слов — модель *сух*+*стой* с вариантами аффиксов — позволяет определить и второй их мотивирующий признак. При сходстве словообразовательного облика двух исходных лексем этой группы (*сухостой* — *сухоподстой*) у них, однако, семантически далекие вторые основы: беспрефиксальная — от общенародного глагола *стоять* и префиксальная — от диалектного глагола *подстоять* (*постоять*) — со значением ‘сгнить, износиться’ (о дереве — сгнить или подсохнуть от корня).[6]

Несмотря на различие производящих лексических средств семантическое содержание у слов этой группы одно и то же: если при образовании лексемы *сухостой* (*ник—ина—ный*) в основе

---

[5] В данной статье использованы материалы картотек русского языка и русских народных говоров Словарного сектора ИРЯЗ АН СССР, собственные выборки из научной и художественной литературы XIX—XX вв., а также показания диалектных, общерусских толковых, специальных и переводных словарей. При указании ареала не указаны места, в которых лексема употребляется в ином, даже близком значении. Судя по источникам, слово *сушняк*, например, было известно в Курской губернии только в значении ‘валежник’, поэтому данное место не указано в географии лексемы *сушняк*; слово *сухара* употреблялось в Псковской и Тверской губерниях только в значении ‘сухой, тощий человек’ — ни та, ни другая губерния не отмечены здесь.

[6] Этот глагол в приведенном значении представлен в картотеке СРНГ только в одной записи последних лет: *подстоять* (о избе, сарае) — ‘сгнить, износиться’. Дерево подстояло — сгнило совсем (Череп. Волог., Чайкина, 1956). В Словаре Даля без указания территории распространения отмечено более узкое значение этого глагола (о дереве): ‘дерево подстояло, подсохло от корня’.

оставались безразличными к рекомендованным словарями наименованиям, еще не апробированным употреблением, высказывали свое отношение к ним, нередко сами предлагали известные им народные названия. В результате не все канонизированные словарями диалектизмы закрепились в языке или выдержали проверку временем. Некоторые из них исчезли очень скоро, другие, просуществовав некоторое время, были позднее вытеснены названиями (в том числе и диалектного происхождения), более удачно выражающими содержание соответствующей реалии, понятия.

Примером такого постепенного отбора в языке наиболее точных лексических выразителей понятия может служить история общерусских лесоводческих терминов, обозначающих «сухое дерево (лес)».

Лесное дело в России имеет многовековую историю, и на протяжении всего этого времени вплоть до наших дней складывается лесохозяйственная номенклатура.[4]

* * *

Среди существующих в русских народных говорах слов со значением 'сухое дерево (лес)' большое гнездо составляют лексемы с общенародным корнем *сух—суш*: *сухара* (Арх., Волог., Твер., Костром., Яросл., Влад., Нижегор., Вят., Киров., Перм., Свердл., Урал, Новосиб., Краснояр., Том.), *сухарник* (Нижегор., Моск., Твер., Яросл., Киров., Урал, Свердл., Новосиб., Краснояр.), *сухарина* (Урал, Свердл.), *сухарой* (Свердл.), *сухарь* (Твер., Яросл., Урал), *сухлец* (Ряз.), *сухоболоть* (Волог.), *суховина* (Пск., Твер.), *сухолошина* (Иван.), *сухоляд* (Калуж.), *сухоподстоина* (Новг.), *сухоподстой* (Волог., Новг., Ленингр., Уральск.), *сухоподстойник* (Петерб., Новг.), *сухопостой* (Вят., Киров., Прионеж. КАССР, Новосиб.), *сухопостоина* (Новг.), *сухостоина* (Пск., Твер., Смол.), *сухостой* (Ряз., Костром., Влад., Иван., Орл., Ворон., Кубан., Волог., Тобол., Новосиб., Горно-Алт., Колым.), *сухостойник* (Волог.), *суша* (Волог.), *сушина* (Север, Арх., Сев.-Двин., Олон., Кольск., Новг., Волог., Пск., Смол., Моск., Влад., Вят., Киров., Перм., Свердл., Том., Сиб., Иркут.), *сушинник* (Арх., Киров.,

---

[4] См. о значении русской народной речи для формирования лесной терминологии: Погребняк П. С. Основы лесной терминологии. Киев, 1955; Ткаченко М. Е. Общее лесоводство. М., 1955; Римашевская К. П. Роль народно-диалектной лексики в становлении научной терминологии (на материале лексики леса Шушенского р-на Красноярского края). — Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1965, с. 5—28; Скитова Ф. Л., Маргулян А. А. Пермские областные слова в лексике литературного языка. Кондовый — Уч. зап. Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького, № 268, Пермь, 1973, с. 3—35, и др. Ср.: «Г. Н. Высоцкий увлекался греко-латинским терминотворчеством. . . гораздо полнее прививались предлагаемые им народные термины» (Отечественные лесовозы. Под ред. В. Г. Нестерова. М.—Л., 1953, с. 127).

Моск.), *сушмень* (Волог.), *сушник* (Влад., Твер., Нижегор., Волог., Север, Арх., Киров., Том., Новосиб., Краснояр., Сиб., Иркут., Горно-Алт.), *сушняк* (Арх., Кольск., Прионеж. КАССР, Пск., Смол., Влад., Иван., Нижегор., Киров., Том., Краснояр., Горно-Алт., Колым. Амур.), *сушь* (Твер., Иван.), *сушье* (Твер., Арх., Ворон.).[5] Как свидетельствуют источники, в говорах известны также прилагательные, образованные от некоторых из приведенных существительных: *сухоподстойный* (Волог., Арх., Калуж.), *сухопостойный* (Вят., Том.), *сухостойный* (Орл.).

По своему морфемному составу рассматриваемые лексемы являются: а) производными от общенародного корня *сух—суш* с различными суффиксами, общенародными или локальными (*сухара*, *сухлец*, *сушина*, *сушмень* и т. д.); б) сложными словами с корнем *сух* в первой части и отглагольной основой (*под*)*стой*(*ник*, *ина*) во второй части сложения (*сухоподстой*, *сухостой* и т. д.) и в) единичными сложными словами с корнем *сух* в первой части и различной именной второй основой (*сухоболоть*, *сухоляд*).

В номинативном аспекте данные лексемы однородны: семантическим основанием всех названий явилось самое существенное, входящее в понятийное содержание слов, свойство реалии, отраженное в значении общего корня *сух—суш*. Прозрачность словообразовательной структуры сложных слов — модель *сух*+*стой* с вариантами аффиксов — позволяет определить и второй их мотивирующий признак. При сходстве словообразовательного облика двух исходных лексем этой группы (*сухостой* — *сухоподстой*) у них, однако, семантически далекие вторые основы: беспрефиксальная — от общенародного глагола *стоять* и префиксальная — от диалектного глагола *подстоять* (*постоять*) — со значением ‘сгнить, износиться’ (о дереве — сгнить или подсохнуть от корня).[6]

Несмотря на различие производящих лексических средств семантическое содержание у слов этой группы одно и то же: если при образовании лексемы *сухостой* (*ник—ина—ный*) в основе

---

[5] В данной статье использованы материалы картотек русского языка и русских народных говоров Словарного сектора ИРЯЗ АН СССР, собственные выборки из научной и художественной литературы XIX—XX вв., а также показания диалектных, общерусских толковых, специальных и переводных словарей. При указании ареала не указаны места, в которых лексема употребляется в ином, даже близком значении. Судя по источникам, слово *сушняк*, например, было известно в Курской губернии только в значении ‘валежник’, поэтому данное место не указано в географии лексемы *сушняк*; слово *сухара* употреблялось в Псковской и Тверской губерниях только в значении ‘сухой, тощий человек’ — ни та, ни другая губерния не отмечены здесь.

[6] Этот глагол в приведенном значении представлен в картотеке СРНГ только в одной записи последних лет: *подстоять* (о избе, сарае) — ‘сгнить, износиться’. Дерево подстояло — сгнило совсем (Череп. Волог., Чайкина, 1956). В Словаре Даля без указания территории распространения отмечено более узкое значение этого глагола (о дереве): ‘дерево подстояло, подсохло от корня’.

номинации лежало два признака (*сухой*+*стоит*, т. е. 'засохло на корню'), то и в слове *сухоподстой* (*ник—ина—ный*) передано то же содержание, только менее «экономично», так как здесь глагольная часть в какой-то степени тавтологична первой именной части, повторяет ее значение (сухое+подсохло на корню). Не случайно в говорах существуют также слова *подстой*, *подстойник*, *подстоина* с тем же значением 'сухое, несрубленное дерево', 'сухой лес', где первая часть сложения как бы отпала, являясь избыточной: *подстой* (Пск.), *подстойник* (Влад., Моск., Яросл., Калинин., Волог.), *подстоина* (Волог., Калинин). Из всей многочисленной группы рассматриваемых диалектизмов именно сложным лексемам с отглагольной производящей основой (как *стой*, так и *подстой*) суждено было сыграть основную роль в создании соответствующего общенародного термина лесоводства.

Сравнение словарей конца XVIII—первой половины XIX в. наглядно показывает, что общепринятых однословных наименований для данной реалии в это время еще не существовало. Каждый из словарей «предлагает» свои названия 'сухого дерева (леса)', отвергая другие, либо не признавая за ними этого значения. Так, в Словаре Академии Российской (1789—1794) 'сухое дерево' обозначается словом *сушило*, 'сухой лес' — словом *сушняк*. В Словаре Соколова 1834 г.[7] и в Академическом словаре 1847 г. этого значения у слова *сушило* нет. В Словаре 1847 г. со значением 'сухие деревья' помещены слова *подстой*, *подстойник*, *сухоподстойник* (с производным *сухоподстойный*), *сушник*, *сушняк*. В Словаре Бурнашева *подстойник*, *сухоподстойник*, *сушняк* отсутствуют, а *подстой* имеет более узкое конкретное значение. Понятия 'сухое дерево', 'сухой лес' Бурнашев дифференцирует: общее значение закрепляется за словами *сушник*, *сушь* и словосочетанием *мертвый лес*, *сухоподстой* обозначает 'высохшие молодые лесные подростки', а *подстой* — это 'подсека, деревья, у которых в нижней части, чтобы подсыхали, соскоблена вокруг кора'.

Несмотря на известный разнобой приведенных названий, обращает на себя внимание лексико-структурная близость большинства отобранных словарями лексем: это слова с отглагольной основой *стой*.

Конечно, трудно сказать, почему, например, составители Словаря 1847 г. вводят в научный обиход слово *сухоподстойник*, а Бурнашев предпочитает его словообразовательный вариант *сухоподстой*. Можно только предполагать, что для составителей Академического словаря какую-то роль сыграло то обстоятельство, что слово *сухоподстойник* бытовало в Петербургской губ. Само собой разумеется, что авторы словарей отбирают известные им диалектизмы, может быть, уже получившие какое-то распростра-

[7] Соколов П. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений. СПб., 1834, с. 1—2.

нение в письменных источниках. Но все же вряд ли только этим можно объяснить однородность отобранных словарных единиц. По-видимому, эти лексемы по своему нейтральному для общенародного языкового сознания морфемному составу и определенности внутренней формы больше, чем другие диалектизмы с данным значением, отвечали требованиям специального словоупотребления. Остальные лексемы этого большого гнезда, как правило, экспрессивны по значению словообразовательных морфем, неопределенны по внутренней форме. Именно поэтому всего скорей словари XIX в. отвергают слово *сушило*, предложенное лексикографами XVIII в.; именно поэтому слова *сушняк*, *сушник* не становятся терминами в строгом смысле, приобретая более широкое, общее или иное значение.

Любопытно, что среди многих канонизированных словарями слов с корнем *стой* как раз только того, которое в современном русском языке является основным общенародным и специальным наименованием данной реалии и которое среди говоров имело значительно большее распространение, чем принятые словарями: это слово — *сухостой*.[8] Впервые в лексикографии оно появляется в записях слов Рязанской губ., напечатанных в 1822 г. в «Трудах Общества любителей российской словесности»,[9] оттуда оно было перенесено составителями в первый сводный словарь говоров — «Опыт областного великорусского словаря» 1852 г., затем приведено в «Толковом словаре» Даля среди прочих слов с соответствующим значением.

Из всех названий 'сухого дерева (леса)', помещенных в словарях первой половины XIX в. на правах общенародных слов, наибольшее распространение в XIX—начале XX в. получает только составное наименование с прилагательным *сухоподстойный* (лес, дерево и т. п.). По частоте употребления в специальной и художественной литературе, в составе определений в словарях и т. п. оно занимает господствующее положение по сравнению с прочими наименованиями. Ср.: Деревья, которые по каким-либо причинам преждевременно умирают, оставаясь на корне, называют сухоподстойными;[10] При праве постороннего лица на валежный и сухоподстойный лес, нельзя сокращать оборота рубки;[11] Старые деревья подсачиваются, т. е. над корнем подрубают кору кольцом, отчего деревья на весну становятся сухоподстойными;[12] Умершее и засохшее на корне дерево называется сухоподстой-

---

[8] Ср. аналогичные общенародные термины — *травостой*, *древостой*.

[9] Макаров М. Н. Собрание слов, употребляемых между крестьянами Рязанской губернии. — Тр. ОЛРС, 1822, ч. 1.

[10] Лесной словарь, составленный в департаменте корабельных лесов. СПб., 1843—1845.

[11] Длатовский Л. Курс лесовозобновления и лесоразведения. СПб., 1849, с. 130.

[12] Вейхенталь А. О валежнике. — Лесной журнал, СПб., 1851, № 1, с. 231.

ным;[13] Даже в повальном пожаре. . . ствол, кроме сухоподстойного и суховершинного леса, лишь обугливается;[14] Рабочие из сухоподстойных дерев сплачивают особенный плот.[15]

Остальные лексемы, зафиксированные словарями, также встречаются в источниках XIX в., но лишь эпизодически наряду со многими другими, отсутствующими в общенародных словарях. Несмотря на большое количество этих слов, легко установить жанрово-стилистическую дифференциацию в их употреблении. Двоякая функция в языке наименований данной реалии в качестве терминов и обычных общеупотребительных слов четко проявилась в период отбора, закрепления их в общерусской лексической системе. В работах ученых и практиков-лесоводов XIX—начала XX в. Е. Ф. Зябловского, А. Е. Теплоухова, В. С. Семенова, А. Ф. Рудзского, М. К. Турского, Г. Ф. Морозова и мн. др., в учебных курсах, различных документах по лесному делу и т. п., названия, зафиксированные в словарях, кроме словосочетаний *сухоподстойное дерево*, *лес* и т. п., встречаются крайне редко (ср.: Валежник и сухоподстойник бывают только в спелых старых участках),[16] обычно реалия описывается здесь с помощью свободных словосочетаний типа *засохшие деревья*; *мертвые деревья*; *лес, засохший на корне*; *сухой лес* и т. п. В тексте, например, «Инструкции для отпуска лесных материалов» (СПб., 1900), где данной реалии отведено значительное место, она называется то *мертым лесом*, то *засохшим лесом*, несколько раз даже *лесом*, *засохшим на корне* или *поврежденным до степени прекращения роста*, но при этом ни разу не употреблены слова *сухоподстойник* или *сухоподстой*, ни даже *сухоподстойный лес*. Ср. также: Сами по себе мертвые деревья не вредны для насаждения, если они погибли не от заразительных болезней.[17]

Конечно, при описании любого предмета, понятия используются разные номинации, в том числе и свободные словосочетания, выражающие наиболее точно значение, поэтому употребление их в качестве синонимов — явление обычное. Однако применение в специальных текстах только описательных оборотов свидетельствует об отсутствии в этот период в сфере специального словоупотребления лексической единицы, являющейся официальным наименованием данной реалии.

---

[13] Газета лесоводства и охоты, № 5, СПб., 1855, Приложение I.

[14] Шафранов Н. С. Лесохранение. СПб., 1872, с. 38.

[15] Потехин А. А. Река Керженец. — Соч., т. 12, СПб., 1896, с. 151.

[16] Длатовский А. Курс лесовозобновления и лесоразведения, с. 130.

[17] Турский М. Т. Лесоводство. М., 1892, с. 301. См. также: Зябловский Е. Ф. Начальные основания лесоводства. СПб., 1804; Анненков Н. Лесоводство. М., 1851; Теплоухов А. Е. О пользе и вреде уборки вершинника, хвороста и другого сора в лесах. — Лесной журнал, СПб., 1850, № 3; Шафранов Н. С. Лесохранение; Кайгородов Д. Беседы о русском лесе. СПб., 1883, 1885; Добровленский В. Я. Лесоводство. СПб., 1880, и т. д.

Если в специальной литературе используются в основном описательные обороты, то в художественных текстах этого времени, как раз наоборот, имеет место разнообразие в однословных обозначениях рассматриваемой нами реалии, среди которых встречаем как помещенные в словарях, так и отсутствующие в них названия. Характерно при этом, что ни одно из встреченных в художественной литературе XIX—начала XX в. (у Данилевского, Лескова, Мамина-Сибиряка, Мельникова-Печерского, М. Горького и др.) названий сухого дерева не является результатом словотворчества автора. Это областные слова (что подтверждается соответствующими материалами), бытующие в том или ином месте России: *сухара*, *сухарина*, *сухарник*, *сухостоина*, *сухостой*, *сухостойник*, *суша*, *сушинник*, *сушь*, *сушник*, прилагательное *сухостойный* и некоторые другие. Ср.: В одной стороне бешеный огонь зажигал те сухары, те старые дуплистые деревья, которые по ветхости едва оставались на корню;[18] В одном месте из сухарника (сухой лес) образовалась целая плотина;[19] Бывший стольник. . . делил со старцами все их труды, ходил вместе с ними рубить на дрова сухоподстойник;[20] Леса-то не чищены, бурелому да сухостойнику много.[21]

Лексема *сухостой*, отмеченная «Областным словарем» Академии наук (1852 г.) как рязанское слово, до конца XIX в. не признается словарями общенародного языка в качестве одного из возможных общерусских названий соответствующей реалии, хотя в последней трети XIX в. оно появляется в переводных, сравнительных, энциклопедических и других словарях без каких-либо ограничительных помет.[22] Как и прочие наименования, встречаем эпизодически слово *сухостой* (и производное *сухостойный*) в разного рода письменных источниках второй половины XIX в. Ср.: Мы рубим ножами ветви, ломаем их руками, собираем сухостой;[23] На том берегу озера, словно колоссальная свечка, теплилась старая сухостойная сосна;[24] Сухостоя и валежника в сосновом лесу за 100 лет его жизни, вероятно, накопится не менее 40 куб. саженей с десятины.[25]

---

[18] Максимов С. В. Два пустосвята. — Русская мысль, 1887, № 3.
[19] Мамин-Сибиряк Д. Н. Медвежий угол. — Собр. соч., т. VI, 1916, с. 433.
[20] Опочинин Е. Извет. — Истор. вестник, т. X, 1898, с. 34.
[21] Горький М. Жизнь Матвея Кожемякина. — Собр. соч., т. IX, 1950, с. 417
[22] См., например: Миклошич Ф. Краткий словарь шести славянских языков (русского с церковнославянским, болгарского, сербского, чешского и польского). СПб.—М.—Вена, 1885; Макаров Н. П. Полный русско-французский словарь. СПб., 1887, и др.
[23] Гарин Н. Г. Из дневников кругосветного путешествия, гл. 3. М., 1949, с. 177.
[24] Лесков Н. С. Овцебык, т. I, гл. 6. М., 1956, с. 73.
[25] Менделеев Д. И. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М., 1954, с. 370.

Таким образом, в течение всего XIX в. в общенародном словоупотреблении продолжается стихийный и сознательный отбор обозначений рассматриваемых реалий. Варьирование этих обозначений в различных сферах общенародного языка, отражающее внутриязыковые поиски наиболее «удачной» по внутренней форме лексемы, завершилось наконец победой самого распространенного на территории русских народных говоров слова *сухостой*.

Довольно точно благодаря одному любопытному лексикографическому факту можно датировать время его официального признания в качестве соответствующего общенародного термина. В 1898 г. профессор Лесного института П. Н. Вереха выпускает «Опыт лесоводственного терминологического словаря». Нужда в таком словаре была очевидной: установившейся терминологии леса все еще не существовало. «Чуть не каждый автор держится своеобразной терминологии», — говорилось на одном из заседаний Петербургского лесного общества в 1879 г.[26] На этом заседании была создана Комиссия для выработки единообразной терминологии, пополненной «многими народными, местными или общими, выражениями».[27] Комиссия, однако, не осуществила своей задачи. Почти двадцать лет спустя, в 1898 г., выпуская словарь, П. Н. Вереха реализовал в какой-то степени неосуществленный замысел Лесного общества. Рассматривая словарь как пособие «для установления однообразной и чисторусской лесоводственной терминологии», П. Н. Вереха, так же как П. Н. Анненков в своем Ботаническом словаре,[28] поместил все известные ему народные термины. «Несомненно, — пишет он во введении, — что в языке русского народа имеется еще много выражений из области лесоводства, не вошедших в печатаемый словарь, выражений или существующих в тех местностях, где мне не пришлось быть, или же мною не подмеченных и не найденных в лесоводственной литературе. Я буду неизмеримо благодарен каждому, кто мне укажет на пропуски и тем даст возможность пополнить пробелы».[29] Среди прочих лесоводческих понятий П. Н. Вереха рассматривает и интересующие нас. Ряд названий ‘сухого дерева (леса)’, среди которых приведены местные, такие как *сухара*, *сухарник*, *сухарь*, *сушина*, *сушник*, *сушь*, *сушье*, возглавляет термин *сухоподстой*, предложенный в свое время Бурнашевым, но в специальной литературе так фактически и не употреблявшийся. Прямо в словарной статье П. Н. Вереха подвергает этот термин критике в пользу его не признанного словарной традицией варианта *сухостой*, и, что характерно с точки зрения структурно-семантической, считает последний более соответствующим «духу языка», т. е. наиболее

---

[26] Вереха П. Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898, Введение, с. III.

[27] Там же.

[28] Анненков П. Н. Ботанический словарь. Изд. II. СПб., 1878.

[29] Вереха П. Н. Опыт. . . словаря, с. IV.

мотивированным из всех существующих лексем: «Сухоподстой. Деревья, стоящие на корне, но уже мертвые, засохшие от какой бы то ни было причины. Казалось бы, правильнее и удобнее называть такой лес *сухостой*, опуская ненужную и в данном случае не имеющую смысла частицу *под*.

Сухостой. Сухоподстой. Кажется более соответствующий духу языка термин, нежели *сухоподстой*».

Именно после выхода словаря П. Н. Верехи слово *сухостой* приобретает в русском языке то положение, которое оно имеет в современном словоупотреблении. Вряд ли случайностью можно объяснить такой, например, показательный факт: во втором томе «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства» (1900 г.) в статье «Дерево как строительный материал» П. Страхова читаем: «в строительном деле совершенно недопустимы деревья сухоподстойные, т. е. засохшие на корню».[30] В девятом томе этой же энциклопедии (1905 г.) дана развернутая статья В. В. Фааса, подробно описывающая интересующую нас реалию. Статья называется «Сухостой» (и соответственно дерево, лес — *сухостойным*, а не *сухоподстойным*): «Появление сухостоя сплошными пространствами или в виде отдельных деревьев в лесу наносит непосредственный ущерб, так как сухостойная древесина ценится много ниже сырорастущей».[31]

Так диалектное слово *сухостой* (и его производное *сухостойный*) становится общенародным лесоводческим термином, вытеснив ранее принятые обозначения данной реалии, которые менее точно или «экономично» выражали ее понятийное содержание.

В современном русском словоупотреблении это нейтральное слово, представленное в разных (отраслевых и общих) словарях и функционирующее во всех стилях литературного языка, как в специальных текстах, так и в художественной литературе (встречается у М. Горького, Арсеньева, Вс. Иванова, Леонова, Паустовского, Коптяевой, Задорнова, Астафьева, Шукшина и мн. др.). Ср.: Рубки ухода совсем не производятся (за исключением сухостоя);[32] Сухостой — деревья, засохшие на корню вследствие старости, болезни корней, недостатка питательных веществ, повреждения насекомых, пожаром или другим причинам;[33] у сосны — менее чувствительной к заболеванию — средний диаметр сухостоя (14,4 см) пока несколько уступает среднему

---

[30] Полная энциклопедия русского сельского хозяйства, т. I—XII. СПб., Изд. Девриена, 1900—1912; т. II, с. 1062.

[31] Там же, т. IX, с. 648.

[32] Нестеров В. Г. Общее лесоводство, гл. 14. Изд. 2. М.—Л., 1954, с. 434.

[33] Куксов В. А. Основы древесиноведения, гл. VI, § 34. М.—Л., 1955, с. 96.

диаметру живых деревьев; [34] Замечаю, многовато стало сухостоя в лесу; [35] Из курчавых орешников, росших по склону, торчал горелый сухостой.[36] Кроме слова *сухостой*, удержались в общенародном языке такие его синонимы, как *сушняк*, *сушина*, *сухарник*, *сухостоина* и *сухостойник*. В современном словоупотреблении произошла смысловая, функциональная и стилистическая перегруппировка этих слов, сузилась сфера, условия, активность применения некоторых из них. Слово *сушняк* — общенародное слово с более широким, общим, чем *сухостой*, значением — 'сухие деревья, кусты, ветки, сучья'. Ср.: (Дерево) очутится уже совсем под пологом, чтобы, продержавшись некоторое время между жизнью и смертью, постепенно умереть, стать сушняком, обратиться в валеж; [37] Малоценное топливо, которое собирали в лесу с особого разрешения: валежник, хворост, сучья, мелкий сухостой, все то, что идет под общим названием сушняк.[38]

В последней цитате очень хорошо отражена разница в современном терминологическом значении слов *сухостой* и *сушняк*. В художественных текстах, однако, эти слова нередко употребляются параллельно, как синонимы, взаимно замещающие друг друга для избежания повторяемости, единообразия в изложении. Кроме них, в художественной литературе с тем же значением употребляется производное от *сухостоя* слово *сухостойник*. В тех же случаях, когда в тексте идет речь об одном сухом дереве, нередко можно встретить также диалектное по происхождению слово *сушина* и производное от *сухостоя* слово *сухостоина*, не употребляющиеся в специальной литературе. Ср.: Из сушины выдалбливаю топором лодку; [39] Сухостоина звенела под топором; [40] — Подручных своих пошлешь сухостоя нарубить. . . Приказ приказом, а для примера сам наломал им сушняка; [41] Крестьяне, спасавшие пассажиров, вышли на берег, нарубили сухостойнику для костров.[42]

Также закрепившийся в общенародном языке синоним слова *сухостой — сухарник* стал употребляться в советский период в более узком, сугубо специальном значении: 'бревна, заготовленные из сухостоя'.[43] Самое распространенное в XIX в. для обозначения данной реалии сочетание *сухоподстойное дерево* (*лес* и т. п.) сразу не исчезает, оно встречается в специальных кон-

---

[34] Вомперский С. Э. Биологические основы эффектности лесосушения. М., 1968, с. 119.
[35] Паустовский К. Клад. — Собр. соч., т. V, 1958, с. 367.
[36] Задорнов Н. Амур-батюшка, кн. I, гл. 4. М., 1949, с. 23.
[37] Морозов Г. Ф. Учение о лесе. Изд. III. Л., 1926, с. 18.
[38] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки восточных славян. — В кн.: Восточнослав. этнограф. сб. М., 1956, с. 268.
[39] Арамилев И. В лесах Урала, ч. III, гл. 5. М., 1954, с. 281.
[40] Пермитин Е. Горные орлы, ч. I, 3. М., 1956, с. 22.
[41] Васильев Б. А зори здесь тихие. . . — Юность, 1969, № 8, с. 15.
[42] Коптелов А. Возгорится пламя. М., 1969, с. 190.
[43] Ангуров К. Т. Краткая лесоэкспортная терминология. М.—Л., 1932.

текстах еще в 20—30-е годы XX в. Ср.: Круглый лес не допускается заготовлять из сухоподстойного или валежного леса;[44] Если в дереве имеются рыхлые, белесоватые прослойки, то это служит признаком сухоподстойного леса.[45] Что касается остальных слов, производных от глагола *подстоять* (*подстой*, *сухоподстой* и т. д.), зафиксированных в словарях XIX в., то по словарной традиции они вместе с прилагательным *сухоподстойный* сохраняются в некоторых словарях вплоть до наших дней.[46]

Рассмотренная в данной статье судьба этих слов в русском литературном языке XIX—начала XX в. не позволяет согласиться со стилистической оценкой слов *сухоподстойный—сухоподстой*, которую дает им словарь под ред. Д. Н. Ушакова. Помету «обл.», сопровождающую эти слова, вряд ли можно считать правильной, во всяком случае она неполна для словаря, отражающего словоупотребление 20—30-х годов. Для этого времени данные лексемы являются устаревшими или устаревающими. Что касается пометы «обл.», то, рассматривая ее как указатель происхождения слова, ее можно было бы поставить ко всем общенародным словам, обозначающим сухое дерево, лес и т. п.

---

[44] Акимов В. Технология дерева. ГИЗ, 1928, с. 35.

[45] Бухарин А. Работы плотника. Изд. 2. М.—Л., с. 18.

[46] См.: Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. IV, 1940; Bielfeldt H. Rückläufiges Wörterbuch der russischen sprache der Gegenwart. Berlin, 1958; Vasmer Max. Russisches hückläufiges Worterbuch. Berlin—Wiesbaden, 1959, и пр.

О. Г. ПОРОХОВА

О лексике с неполногласием и полногласием в русских говорах, часть III (лексико-семантические и морфонологические особенности слов с корнями *брем-/берем-, бреж-/береж-, празд-/порож-, прах-/порох, слад-/солод-, смрад-/смород-*)

Взаимодействие старославянских и русских элементов в разных сферах русского языка в настоящее время исследовано недостаточно, а его рассмотрение в русских говорах еще только начинается.

Ответ на вопрос о характере использования языковых элементов старославянского происхождения в различных функциональных сферах русского языка разных периодов очень важен для решения проблемы происхождения русского литературного языка и роли системы старославянского языка в его формировании, которая дискутируется в течение длительного времени. В последнее время вновь предложена концепция об исконном существовании на Руси двух самостоятельных письменных литературных языков — старославянского русской редакции и собственно древнерусского. Ее автор, Ф. П. Филин, с одной стороны, подчеркивает самостоятельность систем этих языков, а с другой — говорит о разнообразии функциональных сфер языка Древней Руси, подвергавшихся влиянию старославянского языка.[1]

Изучение старославянских элементов, имеющихся в русских диалектах, подтверждает широту охвата церковнославянским влиянием разных областей древнерусского языка, в том числе не только письменных, но и устных, а также показывает отсутствие резкой границы в их разделении на те, которые подвергались такому влиянию, и те, в которых это влияние полностью отсутствовало, о чем говорили некоторые ученые.

Настоящая статья ставит своей задачей рассмотреть вопросы взаимоотношения лексики с неполногласием, генетически связанной со старославяским языком, и исконно восточнославянской полногласной в русских говорах в сравнении с литературным языком.

---

[1] Филин Ф. П. Об истоках русского литературного языка. — ВЯ, 1974, № 3.

Изучение лексики с неполногласием и полногласием в русском языке разных периодов, явившееся объектом исследований как в XIX, так и в XX вв., обнаружило, что особенности этимологии и истории образования пар таких слов обусловили для них в современном русском литературном языке противопоставления разного характера: 1. Стилистическое: многие слова с неполногласием в литературном языке являются словами стилистически маркированными — книжными или поэтическими. 2. Семантическое: у слов с корнями в неполногласной огласовке (КНеп) преобладают значения отвлеченного характера, а у слов с корнями в полногласной огласовке (КПол) — вещественного, что в некоторых случаях привело к полному разделению значений образований с КНеп и КПол одной пары. В других случаях образования с одним из этих корней ушли из литературного языка или корневые морфемы пары превратились в варианты единого корня. 3. Морфонологическое: существо и характерные особенности процесса слияния слов с КНеп и КПол в единое словообразовательное гнездо и превращения этих корней в варианты одной корневой морфемы, различающиеся лишь морфонологически, остаются до настоящего времени почти неизученными. Исходным для их изучения является, видимо, отделение гнезд такого рода от случаев, в которых слова с неполногласием и полногласием стали в русском национальном литературном языке словами с разными корнями. 4. Словообразовательное: характер использования аффиксов в словах, содержащих корни в неполногласной и полногласной огласовке, требует дополнительного изучения.

Таким образом, многое из особенностей использования полногласных и неполногласных форм в древнерусском и современном русском литературном языке в настоящее время уже известно, однако отличительные черты слов с неполногласием и полногласием в русских говорах остаются совсем неизученными. Их выявление предполагает рассмотрение отличия указанных выше противопоставлений в литературном языке и диалектах.

В нашей работе, рассматривающей полногласные и неполногласные формы в литературном языке XIX—XX вв. и русских народных говорах этого же времени, сравниваются не отдельные пары слов, а морфосемантические гнезда (МСГ) каждой корневой пары в целом, т. е. все слова, образованные с той и другой формой корня пары.[2] МСГ слов с неполногласием и полногласием в русском языке стали изучаться только в самое последнее время.[3]

---

[2] В настоящее время многие советские ученые вновь обращаются к гнездовому изучению лексики, создаются словари корней русского языка. О плодотворности гнездового метода в синхронном рассмотрении семантики и словообразовательных взаимоотношений лексики говорят в своих работах Тихонов, Волоцкая и др.

[3] На важность изучения морфосемантических гнезд с неполногласием и полногласием в современном литературном языке (ЛЯ) обратил внимание

Между тем указанные выше аспекты противопоставления слов с неполногласием и полногласием наиболее продуктивно могут быть изучены не при рассмотрении отдельных пар слов, а именно при сопоставлении всех слов МСГ, которое отчетливо выявляет семантические связи слов с изучаемыми корнями, словообразовательные особенности, степень продуктивности каждого из корней и т. д. Сопоставительное исследование таких гнезд в современном литературном языке (ЛЯ) и диалектах, которым еще никто не занимался,[4] может дать материал для установления отличия усвоения старославянских элементов в системе ЛЯ и говоров.[5]

Сложность, но и особый интерес задачи такого рода исследования состоит в неоднородности сравниваемого материала. В отличие от лексики ЛЯ, представляющей единую лексическую систему (несколько видоизменяющуюся за исследуемый период XIX—XX вв.), анализируемые нами слова диалектов являются разрозненными лексическими элементами, записанными в разное время в разных говорах, хотя в целом время их записи совпадает с хронологическими границами изучаемого периода существования ЛЯ.[6] Необходимо также подчеркнуть, что слова с неполногласием, записанные в диалектах, являются диалектизмами особого рода. Будучи генетически связанными со старославянским языком, они были образованы в разные периоды в разных сферах

еще Г. О. Винокур. См. его статью «О славянизмах в современном русском литературном языке» (в кн.: Винокур Г. О. Избр. работы по русск. языку. М., 1959, с. 451—452). Конкретный анализ некоторых из таких гнезд ЛЯ см.: Соколов О. М. Опыт использования матрицы при изучении морфосемантических полей. — В кн.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971; сопоставительное рассмотрение рядов слов ЛЯ с варьированием корней в неполногласной и полногласной форме см. в работе: Лопатин В. В. Мена полногласия и неполногласия в словообразовании современного русского языка. — Русский язык в школе, 1970, № 6.

[4] Рассмотрение отдельных диалектных слов с КНеп и их производных см. в ст.: Суетенко В. Н. Из наблюдений над некоторыми словами в брянских говорах. — В кн.: Материалы и исследования по диалектологии. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 325, 1968; Иванова А. И. Из истории диалектных слов (*болонье—блонье*). — Там же, т. 248, 1963. — В обеих статьях материал исследуется диахронически.

[5] Морфосемантический принцип анализа, используемый в нашей работе, существенно отличается от методики работ, например, Гиро (см.: Guireud Pierre. La sémantiqie. Paris, 1962, и др.), которого иногда называют первым из ученых, применивших для изучения лексики метод морфосемантических полей. Гиро сравнивает лексико-семантические и словообразовательные особенности одно- и разнокорневых слов литературного языка, жаргонов и диалектов, результатом чего является выяснение их этимологии. В нашей работе рассматриваются образования, этимологическое родство которых очевидно, а исходное для пары корней единое значение их этимона точно известно, что и является основной анализа. Разница в целях исследования определяет различие в его методике.

[6] См. характеристику использованного в статье диалектного лексического материала в нашей работе «О лексике с неполногласием и полногласием в русских говорах, часть I» (в кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971). Там же даны условные сокращения названий его источников.

русского языка. Позднее они остались только в диалектах различной географической отнесенности.

В предлагаемой статье связи и соотношения анализируемой диалектной лексики будут рассматриваться в синхронном аспекте, дающем возможность установить особенности бытования лексики с неполногласием и полногласием в современных говорах в отличие от ЛЯ.

Сравнение параллельных МСГ слов с полногласием и неполногласием в современных говорах и современном литературном языке дает возможность отчетливо установить степень ограничения, уточнения и конкретизации системно обусловленных взаимоотношений лексики ЛЯ влиянием языкового нормирования. «Взаимодействие языковой системы и нормы, которая вовсе не означает неизменность языка», а является мощным средством упорядочения его элементов, изменяющихся в своем развитии, особенно интересно исследовать именно на материале, представляющем собою языковые варианты, так как «вариантность — одно из важнейших условий развития языка, поскольку через изменение соотношений между вариантами. . . происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях».[7]

Вместе с тем в изучаемых МСГ, в которые входят слова, являющиеся разными ступенями лексико-морфологического развития единого этимона, можно получить достаточно мотивированную аргументацию для установления семантических связей всех слов с одним корнем и особенностей их лексико-семантического, стилистического и словообразовательного соотношения.

Тенденция в развитии соотношения пар с полногласием и неполногласием в русском языке сводится к все более тонко дифференцированному различию в их лексико-семантических, словообразовательных и функционально-стилистических особенностях. Процесс дифференциации форм с неполногласием и полногласием в отдельных МСГ происходит по-разному. В современном ЛЯ существуют пары корней, полностью разошедшихся по значениям и фонетическому облику (или гнезда, сохранившие только один из корней), а также пары, имеющие общность значения до настоящего времени,[8] дифференциация в которых идет путем стилистического или морфонологического размежевания. В говорах в парах МСГ с неполногласием и полногласием обычно всегда сохраняется этимологическая общность значений.

В настоящей статье анализируются пары МСГ с КПол и КНеп, которые в ЛЯ XX в. полностью разделились по значениям, хотя

---

[7] Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка. — ВЯ, 1973, № 2, с. 11.

[8] См. об этом в нашей работе «Парность и отсутствие парности в морфосемантических гнездах корней в полногласной и неполногласной форме в современном русском литературном языке и народных говорах» (в кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докл. 4-й лингв. конф. Новосибирск, 1974).

у них остается еще ясным то общее семантико-этимологическое ядро, которое послужило исходным для этих разделенных значений. Таких пар оказалось немного. К рассмотрению привлекаются слова с корнями *брем-/берем-*, *бреж-/береж-*, *празд-/порож-*, *прах-/порох-*, *слад-/солод-* и *смрад-/смород-*. В некоторых случаях и у этих пар остатки семантического единства в ЛЯ существуют до XX в.

В статье будут рассмотрены только отдельные вопросы семантического и морфонологического сходства и различия слов с соответствующими парами корней в ЛЯ и говорах.

Многие отличия лексики с неполногласием и полногласием в говорах и ЛЯ прямо связаны с экстралингвистическими факторами. Поскольку функционально-многообразный ЛЯ лишь частично соотносится с диалектами, ограниченными бытовой и производственной сферой использования,[9] в говорах по сравнению с ЛЯ предстает относительное однообразие семантических линий развития Эт анализируемых корней. Характером сферы бытования диалектов, ограниченной особенностями материальной и духовной культуры носителей диалектов, часто объясняется и своеобразие семантических эволюций лексики говоров. Большую роль в формировании лексико-семантических и словообразовательных особенностей слов с неполногласием и полногласием в диалектах играет также наличие у них только одной — устной формы существования.

Обращаясь к анализу семантических особенностей слов с этими корнями, следует подчеркнуть, что в развитии единого этимологического значения пары корней каждого МСГ (Эт) в ЛЯ и говорах есть много общего. Здесь имеются полностью идентичные линии развития Эт, а в производных значениях, различающихся в ЛЯ и говорах, семантические связи сходны по своему характеру. Однако в семантике анализируемых МСГ в говорах и ЛЯ имеются и существенные отличия.

Отсутствие в диалектах традиции семантической избираемости полногласной или неполногласной формы, регулируемой в ЛЯ языковым нормированием, способствует тому, что несмотря на генетическую неорганичность слов с КНеп для говоров, они не имеют здесь той обособленности семантико-стилистического функционирования, какая нормативно обусловлена для них в ЛЯ, благодаря чему многое из характерных черт лексики диалектов, существующее в словах с КПол, исконных для русского языка, можно обнаружить и в словах с КНеп, что невозможно

---

[9] Третья сфера бытования современных диалектов — народно-поэтическая — в статье не рассматривается в связи с особенностями ее языка и спецификой художественного использования в ней языковых средств, что требует специального рассмотрения. См. о характере употребления лексики с неполногласием и полногласием в одном из жанров фольклора — былинах — в нашей статье «О лексике с неполногласием и полногласием в былинах» (в кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974).

для слов с этими корнями в ЛЯ. Из всех вопросов семантического различия слов с неполногласием и полногласием в говорах и ЛЯ в статье будут рассмотрены только два: 1) распределение между словами с КНеп и КПол вещественных и отвлеченных значений и связанные с ним вопросы стилистической характеристики слов; 2) отражение некоторых семантических особенностей, характерных для диалектной лексики в словах анализируемых МСГ.

В результате полного разделения значений КНеп и КПол в анализируемых МСГ ЛЯ, Эт сохраняется здесь только у слов с одним из корней этих пар, причем характер употребления его в словах с КНеп или с КПол в ЛЯ зависит от того, в каком семантическом отношении оно находится здесь с другими значениями обоих корней МСГ. Традиция распределения вещественных и отвлеченных значений у слов с полногласием и неполногласием является причиной того, что вещественное значение присутствует здесь обычно стилистически нейтрально в словах с КПол, отвлеченно — в словах с КНеп. Когда Эт сохранился в ЛЯ в словах того корня из пары, характер которого не соответствует этому разделению, в настоящее время эти слова, как правило; не принадлежат в ЛЯ к нейтральному лексическому фонду, они или устарели, или функционально ограничены (являются книжными или поэтическими словами). В говорах Эт сохраняется в образованиях с обоими корнями пары и до настоящего времени остается семантическим центром гнезда. Функционально-стилистически все значения этих слов в говорах, видимо, однородны.

Эт в ЛЯ

Пары, в которых Эт сохранился у слов с КНеп:

брем-/берем- Эт ‘ноша груз’ [10] сохранилось в КНеп в слове *бремя* ‘ноша, груз’ как устаревшее значение, устарели или функционально-ограничены и некоторые его производные, например: *обременить* ‘отяжелить, отяготить’ (обременить снегом). Стилистически нейтральны в современном ЛЯ переносные производные значения ‘тяжесть, гнет’ (у слова *бремя*) и ‘доставлять неудовольствие’ (у слова *обременять*). Слова с КПол имеют только производные от Эт вещественные значения, которые связываются с состоянием беременности (*беременный*, *беременность* и др.);

прах-/порох Эт ‘пыль’сохранилось в КНеп в слове *прах* как устар., поэт., книжн., функционально ограничены и его производные значения: вещественное ‘останки умершего’ (в слове *прах*) и переносное ‘о том, что недолговечно, ничтожно, мало-

[10] Определения значений корней, естественно, лишены семантико-грамматической определенности и точности, которая может присутствовать при характеристике значения только конкретной самостоятельной лексической единицы.

ценно' (также в слове *прах*). Слова с КПол употребляются только в вещественных производных значениях, которые связываются со значениями 'порошок', 'порох' (*порошок*, *пороша*, *порох*);

слад-/солод- Эт 'сладкий' (*сладкий*, *сладость* и др.). Значения слов с КПол имеют производные значения, связанные с солодом (*солод*, *солодеть* и др.);

смрад-/смород- Эт 'зловоние' (*смрад*, *смрадный* и др.). Значения всех слов с КПол связаны с ягодой смородиной (*смородина*, *смородинный*). Все слова с КПол в ЛЯ стилистически нейтральны.

Пары, в которых Эт сохранился у слов с КПол:

бреж-/береж- Эт 'сохранять' (*беречь*, *оберегать* и др.). КНеп употребляется только в производных отвлеченных значениях в словах с приставками. С приставкой *не-* в значении 'небрежный, неряшливый' (*небрежный почерк* и под.), в словах с *пре-* 'пренебрежение' (*пренебрежение*);

праздн-/порож- Эт 'ничем не заполненный, пустой' (в слове *порожний*). Слова с КНеп имеют производные отвлеченные значения 'свободный от дел, незанятый' (в слове *праздный*), 'праздничный' (*праздничный*, *праздновать* и др.), 'ликвидировать, упразднять' (*упразднять*) и др. Еще в XIX в. Эт существовало как устаревшее значение и у слов с КНеп (см.: Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила. Дева печально сидит, праздный держа черепок — Пушкин, Царскосельская статуя).

Приведенный материал свидетельствует о наличии в ЛЯ тенденций в распределении Эт между словами с КНеп и КПол в зависимости от вещественного или отвлеченного их характера, что регулируется с помощью функционально-стилистической маркированности слов, семантика которых не соотвествует этой тенденции, а также о соответствующем разделении значений, производных от Эт.

Эт в говорах

брем-/берем- Эт 'ноша, груз': КНеп — *обременить* (без уд.) 'освободить от ноши, груза' (Спасибо, молодец, обременил меня старика — сказано парню, который помог вынести груз из лодки — Олон., Якубинский); [11] КПол — *берéмя* 'охапка, ноша, груз' (Вят., 1847): Не поднимай это беремя, оно грузное (Пск.);

бреж-/береж- Эт 'сохранять': КНеп — *брéжный* 'бережливый' (Экой ты брежный! — Перм., Якубинский); КПол — *берегти́* (Курск., 1897), *берегчи́* (Перм., 1856, Вят. и др.) 'беречь', *берега́ться* 'беречься' (Кем. Арх., 1929), *бéрег* 'бережливость' (с берегом носить — на год хватит — Твер., 1910) и мн. др.;

[11] Материалом для статьи послужили 125 диалектных слов с неполногласием и 204 с полногласием, а также все слова с неполногласием и полногласием, образованные от анализируемых корней в ЛЯ, которые рассматриваются по словарям современного литературного языка. За недостатком места в тексте статьи будут приводиться только отдельные примеры их употребления.

прах-/порох- Эт ‘пыль’: КНеп — *прахо́вый* ‘из пыли’ (Прахо́вая земля — Вост., Даль); [12] КПол — *по́рох* ‘пыль ’(Чистоп. Казан., 1852);

слад-/солод- Эт ‘сладкий: КНеп — *сласти́мый* ‘сладковатый’ (Волог., Даль), *сла́женый* ‘сладкий’ (ПОС); КПол — *соло́дкий* ‘сладкий’ (Брян. Орл., 1902, Смол.) и др.;

смрад-/смород- Эт ‘зловоние’: КНеп — записанное в говорах литературное слово *смрад* ‘плохой запах’; КПол — *смо́род* ‘смрад’ (Пск., Твер., 1855);

празд-/порож- Эт ‘ничем не заполненный, пустой’: КНеп — *праздный* ‘ничем не заполненный, пустой’ (Буйск. Костром., 1897. Мешки-то праздные — Новг.), КПол — *порóзний* ‘ничем не заполненный, пустой’ (Шенк. Арх., 1844. Ты порозние-то кринки вымыть отдай — Волог.).

Таким образом, в отличие от ЛЯ в говорах Эт анализируемых МСГ присутствует в словах с обоими корнями пары. Наши материалы не дают оснований говорить о функционально-стилистическом разделении каких-либо из этих слов.

Как было показано выше, производные от Эт семантические линии в анализируемых МСГ имеют в ЛЯ такое же распределение вещественности/невещественности значений для пар с КНеп и КПол, как и их Эт. Соответственное распределение присутствует иногда и в говорах. Так, слова с наибольшей вещественностью значений производных Эт, которые в ЛЯ принадлежат словам с КПол и являются их исключительной принадлежностью, в говорах также отмечаются только в словах с КПол — *солод-*: значения, связанные с солодом, — *солоди́льник* ‘кадка для брожения солода’ (ПОС); *берем-*: значения, связанные с беременностью, — *оберéменеть* ‘забеременеть’ (Крив. Том., 1964), *оберéмить* ‘сделать беременной’ (Колым. Якут., 1901); *порох-*: в значении ‘порошок’ употребляются слова *порóха* (Перм., Арх., Даль), *порошу́ха* (Арх., Даль), в значении, связанном с порохом,— *порохови́ца* ‘пороховница’ (Вят., 1907); *смород-*: значения, связанные со смородиной, — *смóрод* ‘смородина’ (Волог., 1852), *смóродный* ‘смородинный’ (Яросл., 1901) и под.

Однако другие, общие для ЛЯ и диалектов семантические линии в диалектах в отличие от ЛЯ существуют в образованиях с обоими корнями пары. Например, в корнях *празд-/порож-* значение ‘свободный от дел’, в ЛЯ имеющееся только в словах с КНеп, в говорах принадлежит и словам с КПол: с КНеп — *пра́здничать* ‘проводить время праздно’ (ПОС), *пропра́здничать* ‘пробездельничать’ (ПОС), с КПол — *порóжний* ‘свободный от

[12] Наличие КНеп у этого слова вызывает некоторое сомнение в связи с возможностью близости произношения КНеп и КПол в некоторых (в том числе восточных) говорах, имеющих редукцию неударных гласных; см. об условиях такой близости в нашей статье «О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах, часть I» (в кн.: Диалектная лексика. 1969, с. 31 и 34).

дел' (ДОС), *порóзний* 'не работающий, простаивающий' (порозняя мельница — ПОС). Таким образом, в отличие от ЛЯ, где в анализируемой группе МСГ семантика слов с КПол замкнулась в очень узкой сфере конкретно-вещественных представлений, говоры более свободны в возможности употребления их в отвлеченных значениях.

Отличия соотношения вещественности и отвлеченности в семантике слов с КПол и КНеп в говорах и ЛЯ наиболее отчетливо выявляются в характере производных значаний, принадлежащих только говорам или только ЛЯ. В отдаленных от Эт значениях наиболее отчетливо выявляются также особенности семантических связей слов МСГ в ЛЯ и диалектах.

Разделение значений слов с КНеп и КПол анализируемых МСГ в ЛЯ может основываться на том, что в основу семантики производных значений в словах с КНеп и КПол положены разные признаки денотата, которые, однако (что очень существенно), остаются неизменными для всех производных каждого из корней.

В говорах, с одной стороны, нет разделения признаков для производных значений с КНеп и КПол, но, с другой — нет и единства признака для образований с каждым из корней одной пары.

Это не только приводит к тому, что вещественные или отвлеченные значения не разделяются как в ЛЯ соответственно между словами КНеп и КПол, но и являются причиной достаточной хаотичности семантики производных значений, связи между которыми могут быть объяснены лишь при комплексном рассмотрении в МСГ всех производных значений Эт. Покажем характер семантических связей производных значений на примере значений слов с корнями *прах-/порох-*.

Связи производных значений от Эт этих корней 'пыль' для слов с КНеп и КПол в ЛЯ основаны на разных признаках денотата. Слово с КНеп *прах* имеет значение 'останки умершего' (т. е. 'то, что сгнило и превратилось в пыль, прах') и производное 'то, что малоценно, ничтожно' (Что деньги? Прах! — Тургенев, Петр Петрович Каратаев). Производные значения с КПол связываются с сыпучестью пыли и тем, что она состоит из мелких частиц (порошок и порох). Диалектное своеобразие семантического развития предстает как в словах с КПол, так и в словах с КНеп.

Значение производных слов с КПол корня *порох-* в говорах в отличие от ЛЯ может связываться с обеими семантическими линиями развития Эт. Первая из указанных выше линий развития значений в говорах представлена в словах с морфом *порох-*, см. значение 'что-либо, превратившееся в прах' в словах *порохнó* (Курск., Даль), *порохня́* (Курск., Даль), метафорически преломленное в сочетании *ни пороху* 'ничего' (Буйск. Костром., 1897).

Вторая семантическая линия, совпадающая со значениями этого корня в ЛЯ, представлена в говорах в словах *порохня́ный*

'рыхлый, рассыпчатый' (Даль — без указ. места), *по́рох* 'всякое сыпучее вещество' (Даль — без указ. места), *порошúть* 'сорить мелким порошком' (Вят., 1907), *порошúть* 'посыпать' (Травы бросишь, сольцы попорошишь, она и кушает — Остр., ПОС), а также слова в значении 'пороша': *порóшек* (ПОС), *порóха* (Перм., Арх., Даль), *порошýха* (Арх., Даль) и др.

Как и в ЛЯ, в говорах первая линия представлена в словах с КНеп. См. слово *праховéть* 'истлевая, пропадать' (Молош. Яросл., 1853) [13] и производное *опрахóтиться* 'исчезнуть, пропасть' (Куда-то они опрахотились — Волог., КОС). Своеобразна дальнейшая ступень производности этого значения: *опрахóтить* 'съесть без остатка' (Перм., 1854) (т. е. сделать несуществующим).[14] Метафорически преломляется эта линия развития Эт в фразеологических сочетаниях *как прахом подхватить* 'как не было' (Я своего сегодня видела в магазине, как увидел меня, сразу с магазина вон, как прахом подхватило — ПОС) и *убитый на прах* 'очень расстроенный' (т. е. 'уничтоженный горем' или 'ставший от горя прахом'?) (Ворон., 1967).

Приведенный материал показывает, что в отличие от ЛЯ в говорах у слов с КНеп и КПол нет ни разделения вещественности и отвлеченности значений, ни разделения признаков, положенных в основу семантического развития Эт.

Характер отличия семантической связи слов в ЛЯ и говорах отчетливо предстает в отдаленных от Эт значениях. Эти особенности семантики проявляются не только в исконно восточнославянских словах с полногласием, но и в образованиях с КНеп. Как уже упоминалось, в ЛЯ слово в КНеп *прах* в значении 'останки умершего'дает переносное производное *прах* 'то, что малоценно, ничтожно'. В основу этого значения положен тот же семантический признак, что и в слове *прах* 'останки умершего'. В отличие от ЛЯ в говорах значение слов с КНеп на отдаленных ступенях производности остаются вещественными; при этом признаки, положенные в основу их семантики, отражают не одно, а разные свойства денотата, не находящие отражения в значениях предшествующих ступеней производности, или вообще принадлежат не ему. Рассмотрим это также на примере слов с корнем *прах-*. Со значением Эт 'пыль' связано производное значение слова *опрахóтеть* 'уронить на землю' (Охан. Перм., 1930) (видимо, первоначально 'запачкать в пыли, уронив на землю'),[15] в основе которого лежит признак, отличающийся от указанных для корня *прах-/порох-* признаков, положенных в ос-

---

[13] Наличие формы неполногласия в этом слове вызывает некоторое сомнение.

[14] Ср. совр. болг. *прахóсам* 'расточить, потратить, растратить, промотать'.

[15] Ср. совр. болг. *прáша* 'пылить', *опрáша* 'запылить', чешск. prášiti 'пылить, выколачивать пыль', oprašiti 'стереть (выбить) пыль', польск. prószyć 'пылить' и oprószyć 'стряхивать'.

нову развития Эт в ЛЯ. Основой образования этого значения является то, что пыль обычно покрывает поверхность земли. Следующая производная ступень ассоциируется уже не с пылью, а с поверхностью земли: *опрахо́титься* ‘упасть на землю с возвышенности’ (Как он опрохотился сегодня, я думала, что убьется — Волог., 1902). Здесь имеется такой характер связи значений, когда мотивировка производного значения основывается не на внутренней форме производящей семантической ступени, которая содержит указание на тот или иной отличительный (и обычно единственный) признак соответствующего денотата, а на признаках, свойствах обозначаемого предмета, не выраженных в значении слова или вообще принадлежащих не денотату, а смежному с ним явлению действительности. В этих случаях развитие значений идет не одной общей линией, а как бы ступенями, и их связь в МСГ при отсутствии хотя бы одного семантического звена цепи становится неясной.

Обобщенно-предметные значения, исходящие от конкретно-вещественных, также могут быть связаны с признаками денотата, не выраженными в семантике производного значения, что делает их во многих случаях семантически случайными, немотивированными. Такого рода значения покажем на примере слов с корнем *смород-*. Эт этого корня ‘вонь’ дает в ЛЯ и говорах производное вещественное значение ‘ягода смородина’ (связанное с ее резким запахом), являющееся исходным для обобщенно-предметного значения в диалектном слове *насмороди́ть* ‘много натаскать’ (Судог. Влад., 1850), появление которого автор записи этого слова объясняет плодородием смородины.

Развитие переносных значений, которые имеются в отличие от ЛЯ в словах анализируемых МСГ как с КНеп, так и КПол, также может основываться на признаке денотата, не выраженном в значении, что иногда приводит к энантиосемичности значений, см. слова с корнем в полногласной форме *солод-*: *осолóда* ‘суетливый человек’ (Пинеж. Арх., 1961) (связано с брожением солода, которое является причиной того, что тесто поднимается) и *солоду́ха* ‘неповоротливая женщина’ (ПОС) (неподвижная, тяжелая, как кадка с тестом). Ср. в ЛЯ значения слова *квашня* ‘кадка для закваски теста’ и переносное ‘о неповоротливом толстом человеке’. В Словаре современного русского литературного языка (т. V) для него указывается также областное значение *квашня* ‘забродившее тесто’, подтверждающее возможность развития двух линий значений у слов, тематически связанных с кислым тестом.

В словах как с КПол, так и с КНеп отражаются и другие особенности семантики диалектных слов, например характерные черты слов с вещественными значениями.

В говорах XIX—XX вв. очень много слов со значениями, которые конкретизируют вещественность своей семантики лишь по смежности с Эт. Назовем слова с КНеп, не комментируя достаточно ясного пути появления их значений: *сластим*

(без удар.) ‘сахар’ (Влад., 1870), *слаща* ‘брюква’ (Арх., 1878) и под.[16]

В переносных значениях анализируемых МСГ проявляется типичная особенность таких значений в диалектах — их прозрачная связь с вещественными значениями производящих, использующихся метафорически или метонимически. См. слова с КПол — *берéмя* ‘много’: У него беремя робят (Вят., 1848) (метафорически от *беремя* ‘охапка’), *насмородúть* ‘насплетничать’ (Волог., 1902. Костром., КОС) (метафорически от Эт ‘зловонье’ — см. *насмородúть* ‘начадить’ — Оп. ПОС) и производное *насмородúть* ‘напачкать, намусорить’[17] (Пл., ПОС), связанное со всем, что вызывает отвращение. Эти особенности переносных значений проявляются в диалектах не только в словах с КПол, но и с КНеп. Опосредствованным, ассоциирующим перенос с наиболее конкретной частью содержания производящего является значение слова с КНеп *слáсить* ‘выпросить лестью’ (Пск., Осташк. Твер., 1855) (Эт ‘*сладкий*’>*сласть* ‘удовольствие’ — Пск., Осташк. Твер., 1858>*сластúха*[18] ‘льстец, подлипало’ — Пск., Осташк. Твер., 1858, т. е. ‘тот, кто доставляет кому-л. какое-л. удовольствие с корыстной целью’[19]>*слáсить* ‘выпросить лестью’). В КПол имеется такая же линия развития Эт, см. *подсолáживать* ‘льстить’ (Пск., Осташк. Твер., 1858).

Для характеристики семантических отличий слов с КНеп и КПол в ЛЯ и диалектах очень показательны линии развития значений Эт в словах с КНеп в ЛЯ, отсутствующие в говорах. (Как указывалось выше, слова с КПол анализируемых МСГ в ЛЯ имеют только семантические линии развития Эт, совпадающие с говорами.)

Слова ЛЯ с КНеп в значениях, отсутствующих в говорах, обычно принадлежат литературно-поэтической или вообще книжной сфере языка. Некоторые из таких значений были указаны выше — *брем-*: *обременять* ‘доставлять хлопоты, неудовольствие’ (обременять наставлениями); *бреж-*: значения слов *пренебрегать*, *пренебрежение* и слово *небрежный* в значении ‘неряшливый’ (небрежный почерк); *празд-*: *упразднять* ‘ликвидировать’. Укажем также слова с корнями *слад-*:(сладкое мгновение), а также значения слов *наслаждаться* и *наслаждение*, *услаждать* и *услада*,

---

[16] Ср. сербохорв. *слáдар* ‘сахар’, *слáдун* ‘сладкий гранат’, совр. болг. *слáдка* ‘пирожное’, *сладкúш* ‘лакомство.’

[17] Ср. в чешском сходное развитие переносного значения с отрицательной эмоциональной окраской в слове с корнем prach-prasiti ‘пылить, выколачивать пыль’, перен. разг. ‘врать, выдумывать, хвастать’.

[18] Наличие в этом слове КНеп доказывается тем, что в говорах, как и в ЛЯ, морф *сласт-* известен только в неполногласной огласовке, а также тем, что в тех же говорах, в которых записано слово *сластиха*, имеются слова с ударной формой этого (правда, фонетически трансформированного) морфа: *слáсить*. Ниже в статье слова с безударным морфом *сласт-*, записанные в говорах с редукцией гласных, приводятся нами без повторения этого замечания.

[19] Ср. польск. słodki ‘доставляющий удовольствие’.

сластолюбие и *сластолюбец* и под.; *смрад-*: *смрадный* ‘внушающий отвращение’ (смрадные слова). Показательно сравнение последнего слова с указанным выше значением диалектного слова с КПол этого корня *насмородить* ‘насплетничать’, которое имеет очень конкретную семантическую отнесенность (только о сплетнях) и жестко прикреплено к одной лексеме. Значение слова *смрадный* в ЛЯ не связано такой конкретной семантической и лексической ограниченностью, оно более обобщенно и отвлеченно, вместе с тем элемент образности в нем более самостоятелен. Слово *смрадный* может быть употреблено не только в сочетании *смрадные слова* (Вересаев, Два конца) но, например, и *смрадные препятствия*: Этот человек грозит вам стать смрадным и мрачным препятствием. . . всякий раз как вы захотите сделать добро (Добролюбов, Мишура). В соответствующем значении употребляется также слово *смрад*: Я имел несчастье жить часто и долго среди людей безнравственных, увлекавших меня к разврату. . ., но. . . я прошел чист и непорочен сквозь весь этот смрад (Давыдов, Письмо к В. Д. Давыдову).

Таким образом, в диалектах и ЛЯ слова одного МСГ, близкие семантически, различаются функционально: в говорах значение слова *насмородить* хотя и содержит образность внутренней формы, достаточно номинативно, в ЛЯ соответствующие слова имеют семантические особенности, отличающие лексемы литературно-книжной сферы языка.

Рассмотрение семантики слов с КПол и КНеп в говорах и ЛЯ свидетельствует о том, что в диалектах у них нет семантической противопоставленности производных от Эт значений, какая свойственна ЛЯ, где она нормативно дифференцирует и целесообразно соотносит их значения с теми семантическими элементами, которые характерны для каждого из корней пары.

В говорах отсутствует также обусловленный такой противопоставленностью характерный для ЛЯ процесс превращения групп слов с КНеп и КПол, непосредственно связанных с Эт, в семантически или стилистически замкнутую группу, сопровождающийся выдвижением в качестве основных, опорных в МСГ слов с производными значениями.

Одним из следствий того, что слова с КНеп и КПол в говорах не получают нормативного распределения в семантике производных от Эт значений, является отсутствие здесь отчетливого различия в количестве слов с КПол и КНеп в каждом МСГ, достаточно выразительных в ЛЯ. В нем, как было сказано выше, во всех анализируемых в статье МСГ имеется очень небольшое количество лексем с КПол, так как семантика слов, образованных с каждым из них, сосредоточена в узком кругу обозначений, относящихся к одному конкретно-вещественному объекту, и поэтому у них мало лексико-семантических и словообразовательных производных. В говорах, наоборот, в этих МСГ обычно больше гнездо для КПол, являющихся исконной принадлежностью

русского языка. Слова с этими корнями имеют большое количество разных линий производных значений, в том числе отвлеченных и переносных. Однако и в количественной соотнесенности слов с КНеп и КПол в говорах нет достаточно отчетливой последовательности. Есть пары, в которых гнездо КНеп в наших диалектных материалах представлено всего двумя словами (бреж-: *брежный* (без уд.) 'бережливый' (Перм. Якубинский) и *нéбрежь*[20] 'небрежность', 'нерадивость' (Осташк. Твер., 1858) при 44 словах с корнем *береж*). Вместе с тем имеются и такие пары, где у КНеп лексическое гнездо в говорах получает разветвленную сеть производных значений, а общее количество диалектных слов с КНеп больше, чем с КПол (*слад-* 73, *солод-* 64). Слова с той и другой формой корня имеют как вещественные, так и отвлеченные значения.

Из области морфонологических проблем мы коснемся вопроса состава корневых морф корней в ЛЯ и говорах. В ЛЯ анализируемые пары КНеп и КПол полностью разошлись в значениях и потому являются разными корнями. В говорах, где эти пары сохраняют общее значение, они могут рассматриваться как своеобразные морфонологические варианты корня.[21] Таким образом, в диалектах по сравнению с ЛЯ количество корневых морфов для каждого из корней пары увеличивается вдвое, если даже нет различия в их составе. В анализируемых МСГ не различаются по составу корневых морфов пары *бреж-/береж-*, *брем-/берем-*, *прах-/порох- (порош-)*.

Однако во многих МСГ состав корневых морфов в говорах и ЛЯ различен. Количество морфов, образовавшихся в результате обычных морфонологических чередований или иных фонологических изменений, в говорах обычно бывает большим, чем в ЛЯ.[22]

Некоторые из диалектных МФП, отсутствующих в ЛЯ, являются сохранившимися в говорах древнейшими вариантами корня, утраченными в ЛЯ. Например, КПол ЛЯ *порож-* в говорах соответствует два МФП: *порож-*, и *пороз-*[23] (примеры см. выше).

Другие появились в говорах в результате различного отношения говоров и ЛЯ к формам старославянского языка — источника корней с неполногласием. Например, у корня *слад-* в ЛЯ есть КМ *слажд-*, который пришел в русский литературный язык

[20] Слово, в котором наличие формы с неполногласием вызывает некоторое сомнение.

[21] Поскольку в статье анализируется лексика разных говоров, записанная в разное время, такие варианты будут называться более общим термином — морфонологические параллели корня (МФП). (Материалы ДОС, имеющие системный характер, в статье привлекаются также только в плане сравнения отдельных слов говоров).

[22] В говорах такие корневые морфы, как и пары самих КНеп и КПол, мы называем МФП, так как по своему характеру они ничем от них не отличаются. Варианты корня в ЛЯ мы называем КМ.

[23] *Порож-* от общеслав.* porzdьnъ, *пороз-* от общеслав.* porzdьnjo.

вместе с прямо заимствованными из старославянского языка словами *наслаждение* и *услаждение*,[24] не имеющими соответственных русских параллелей и отличающимися в современном ЛЯ в МСГ корня *слад-* обособленностью своих литературно-книжных значений и возможностью использоваться только с этими приставками.[25] В говорах вместо МФП *слажд-* имеется МФП со звуком *ж—слаж-*, который, являясь закономерным фонетическим рефлексом сочетания d+j в русском языке, в ЛЯ возможен только в словах с полногласием (см. *соложение*), так как норма избегает соединения в одном слове ЛЯ старославянских (в данном случае неполногласия) и русских фонетических примет.[26] В говорах, где нет такого нормативного ограничения, соответствующий МФП присутствует в обоих корнях пары; см. диалектные слова с КПол — *со́ложь* 'процесс брожения зерна' (ПОС); с КНеп — сравнительная степень прилагательного *сла́же*, *сла́жей* (ДОС) и слово *сла́женый* 'сладкий, подслащенный' (ПОС).

Наконец, третьи являются результатом фонетических преобразований и упрощений, обусловленных живыми фонетическими процессами русского языка, в ЛЯ остающимися на уровне речи и не проникающими в систему языка, в частности в результате морфологического принципа русской орфографии, который стабилизирует морфосемантическое единство корня. В говорах, не имеющих письменной формы существования, такие варианты могут становиться самостоятельными морфами корня, употребляющимися в лексемах, в которых отсутствует фонетическая позиция, вызвавшая эти изменения. Например, в ЛЯ сохранению единства звучания КМ *сласт-*[27] достигается нормативно обусловленным соединением его только с суффиксами, начинающимися на гласный звук (*сластить*, *сластолюбец* и под.). В говорах он может использоваться также в словах, где суффикс имеет

---

[24] Он является результатом древнейшего фонетического изменения сочетания *d+j*, дающего в старославянском языке сочетание *жд*.

[25] В статье не рассматриваются особенности существования в современном языке независимых заимствований из старославянского языка с разными приставками, как и вообще всех устойчивых образований с аффиксами, обособленными в ЛЯ семантически. Их рассмотрение — тема специального исследования.

[26] См., однако, *тождественный* (и его производные) и бывшее до недавнего времени равноправным с ним вариантом слово с русским *ж* — *тожественный* (и производные). Возможно, что именно в результате несоответствия последнего с указанной тенденцией нормы слова с *ж* в современном русском литературном языке устаревают. В 17- и 4-томном словарях современного русского литературного языка они даны как равноправные варианты, в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1974, с. 444) слова с *ж* названы «устаревающими», а в «Словаре синонимов русского языка» (т. II. Л., 1971, с. 546) слова с *ж* не указываются вовсе.

[27] Он, как и КМ *слажд-*, является прямым заимствованием из старославянского языка со словом *сласть* (в ст.-слав. языке sladt > slast). Однако в отличие от *слажд-* этот корневой морф проник не только в ЛЯ, но и в говоры

первым согласный звук, например: *сластли́вый* 'любящий сладкое' (Юрьев. Влад., 1910), см. слова с вариантами суффикса, начинающимися на гласный и согласный: *сласте́ник* (Обоян. Курск., 1858) и *сла́с(т)ник* (Нижегор., 1852) 'лакомка'. Это приводит к упрощению групп согласных: *сла́с(т)ное* 'что-либо сладкое' (Моск., 1968), *слас(т)ное́жка* 'сладкоежка' (Переясл. Влад., 1848), изменяющему звучание корня в *слас-* или в *слат-*. В диалектной речи, не фиксируемой письменно, языковая осознанность которой в сфере бытового общения «стремится к нулю» (Щерба), такие фонетические варианты корня становятся его самостоятельными морфами, см. *сластиха* 'льстец', 'подлипало', но *сла́сить* 'выпросить лестью' и *сла́советь* 'съесть лакомое' (все записаны в Осташк. Твер., Пск., 1855). Ср. также *сласти́мый* (Волог., 1852) и *слати́мый* (Урал., КОС) 'сладкий'.

Особо следует говорить о тех случаях, в которых МФП говоров является формой корня в несвойственной литературному языку иноязычной огласовке. Например, корень *смрад-/смород-* в западнорусских говорах может выступать в западнославянской огласовке *смрод-* (*смро́дить* 'испускать дурной запах' — Ионав. Лит. ССР, 1961).

К лексико-семантическим особенностям примыкают случаи изменения корня в говорах под влиянием народной этимологии. Исходным для такого изменения могут быть фонетико-морфологические процессы, осложненные семантическим обособлением преобразованного корня. Например, корень *смород-* в некоторых говорах выступает в форме *самород-*: *саморо́дина* 'ягода смородина' (ДОС). Такое его преобразование первоначально произошло в результате фонетических причин — появления вставного гласного *а* между согласными, характерного для юго-восточных говоров (см. *пашено* 'пшено', *пашеница* 'пшеница'). Позднее в тех говорах, в которых нет слов с корнем *смород-* в значении 'плохой запах, вонь', слово *самородина* получает вторичное осмысление как 'ягода, родящаяся сама' (ср. в д. Деулино слово *саморо́дный* 'естественный, природный': у него кудри самородные).[28]

В ЛЯ процесс расчленения корня *смрад-/смород-* шел другим путем. Хотя значения слов, связанных с ягодой смородиной, здесь также отрываются от слов с корнем *смрад-*, означающих дурной запах, однако под влиянием многосторонних системных лексических и словообразовательных связей каждого литературного слова и свойственного ЛЯ стремления к стабилизации форм корня внутренняя форма корня *смород-* изменяется не путем его слияния с инокорневой морфемой, а путем включения слова *смородина* и его производных в существующий в ЛЯ лексико-словообразовательный ряд других обозначений ягод словами

[28] См. об этом подробнее в нашей статье «Смородина и смрад» (Русская речь, 1971, № 3).

с корнями, осложненными постоянным постфиксальным отрезком *-ина*, без которого они не употребляются (*малина, калина, рябина*).[29] Ср. в диалектах *смóрод* 'ягода смородина' (Волог., 1852), *смородóдный* 'смородинный' (Рыб. Яросл., 1901) и ЛЯ *смородинный, смородиновый, смородинник* (но простореч. *сморода*).

Говоры отличаются от ЛЯ не только по количеству и составу морфонологических вариантов корня, но и по условиям употребления корневых морфов, общих для говоров и ЛЯ. За неимением места этот вопрос в статье не рассматривается.

Одним из следствий отсутствия в говорах в анализируемых МСГ нормативно регулируемого в ЛЯ разделения значений корней в неполногласной и полногласной огласовке и использования имеющихся у них МФП является наличие в диалектах большого числа лексических параллелей с одинаковой семантикой (многие из них указывались выше). В значении 'пустой, порожний' здесь употребляются слова *прáздный, порóзний, порóжий*, в значении 'зловоние' — *смрад* и *смóрод*, в значении 'есть лакомое' — *слáстúть, слáсоветь* (и *слáсовать*), в значении 'порожняком' — *порожнячкúй, порознякóм* и др., в значении 'ягода смородина' — *смóрода* и *самóрóдина*, в значении 'сладкий' — *солóдкий, слáженый*, а также *сладúмый* и *слатúмый* и т. д.

Другим следствием этого является то, что в говорах употребляются слова, совпадающие по своему облику со словами ЛЯ, но имеющие другое значение, обычно менее удачное с точки зрения современного нормативного словоупотребления. Примером этого могут служить указанные выше слова *обременить* 'освободить от ноши, груза', *прáздный* 'ничем не заполненный, пустой', а также *порóжний* 'свободный от дел', *пóрох* 'всякое сыпучее вещество', *порóшек* 'пороша' и др.

Лексико-семантические и морфонологические особенности рассмотренных слов с корнями в неполногласной и полногласной огласовке в диалектах и литературном языке доказывают, что старославянские лексико-морфологические средства достаточно хорошо освоены не только в русском литературном языке, но и в народных говорах. Слова с КНеп входят в систему лексики диалектов и подчиняются всем законам ее существования и развития.

В отличие от ЛЯ, где отбор в использовании имевшихся в XIX—XX вв. в языке параллельных слов с неполногласием и полногласием, обусловленный нормативно, приводит к упорядочению и целесообразно дифференцированному их употреблению, слова с КНеп и КПол в говорах в своих языковых функциях лишь дублируют друг друга.

---

[29] См. анализ слов этого рода: Смирницкий А. И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ.— В кн.: Доклады и сообщения. Филол. фак. МГУ, 1948, вып. 5, с. 25—26; Янко-Триницкая Н. Членимость основы русского слова. — Изв. АН СССР, Сер. литер. и языка, 1968, т. XXVII, вып. 6, с. 539—540.

Тенденции в лексико-морфологическом развитии слов с КНеп и КПол в говорах имеют другой характер, чем в ЛЯ. Включение лексики с неполногласием в диалектную систему не имеет тех специфических особенностей, какие характерны для ее усвоения в ЛЯ.

Если в ЛЯ разделение семантических линий развития Эт, а также стабилизация функционально-стилистических сфер слов с КНеп и КПол, связанная с их генетическими особенностями, создает для них отчетливый несмыкающийся параллелизм и целесообразно используется для обогащения разных сфер лексики, то в говорах слова с КНеп и КПол семантически и по употреблению принадлежат одной и той же бытовой сфере языка.

Расчленение анализируемых МСГ в говорах не является результатом указанной для пар с КПол и КНеп ЛЯ семантической дифференциации вещественных и невещественных значений и идет по другим линиям. Оно может быть следствием характерного для диалектов ступенчатого развития семантики однокоренных слов, при котором в основу производных кладутся разные семантические признаки, в результате чего семантические связи однокоренных слов легко исчезают.

Разрушение в диалектах единства корневых морфем, сохраняющих его в ЛЯ, происходит в связи с многочисленными и разнообразными, не упорядоченными нормативно фонологическими изменениями диалектной лексики, чему способствует устная форма их существования. Процесс разрушения корня приводит в говорах к «отчуждению» от МСГ большого количества слов. Эта лексика, выпадая из системы МСГ с КНеп и КПол, стабильно соотносящихся в ЛЯ, теряет ясность состава корня или сближается народной этимологией с инокорневыми словами.

Особенности функционирования слов с КНеп в диалектах лишают их свойственной в ЛЯ лексике этого рода нормативно обусловленной специфики, что приводит, несмотря на более разнообразное, чем в ЛЯ, употребление такой лексики в говорах, к обеднению здесь ее лексико-семантической и функционально-стилистической выразительности.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

О словах с протезой j (на материалах южнорусских говоров)

Тема, указанная в заголовке статьи, возвращает нас к обмену мнениями между А. И. Соболевским[1] и Н. Н. Дурново,[2] состоявшемуся в самом начале XX в. Небольшие заметки того и другого, конечно, прежде всего имели целью указать на присутствие этого явления в русских говорах и в некоторых памятниках древнерусского языка. Приведя примеры главным образом из песен Бобровского уезда Воронежской губернии, А. И. Соболевский заметил, что в употреблении протетического *j* в текстах песен не наблюдается последовательности. Он указал также на наличие отдельных слов с *j* и в севернорусских говорах. А. И. Соболевский, видимо, не сомневался в наличии таких слов в диалектах. Незначительное количество слов с протетическим *j* в других фольклорных и диалектных записях он объяснял тем, что эти записи «сделаны менее внимательно». Заметка Н.Дурново была написана как отклик на статью А. И. Соболевского и дополняла последнюю материалами из акающих и из севернорусских говоров (из старин Григорьева) и некоторыми собственными наблюдениями (из Тульской, Калужской, Московской губ. и из Шацкого уезда Тамбовской губ.). Наблюдая слова с протетическим *j* в известных ему говорах преимущественно в песнях и не имея в своем распоряжении других материалов, Н. Дурново пришел к выводу о том, что *j* не был свойствен разговорной речи. Он являлся при пении из-за наличия специфических условий, при которых возникает потребность устранить зияние, ощущаемое в пении сильнее, чем в обычной речи. Этой заметкой Н. Дурново положил начало традиции, рассматривающей слова с протетическим *j* в качестве приметы песенных произведений народа.[3] Взгляд

[1] Соболевский А. И. Из истории русского языка. — ЖМНП, 1901, октябрь, ч. CCCXXXVII, с. 396—409.

[2] Дурново Н. Мелкие заметки по русскому языку. — ЖМНП, 1902, июнь, ч. CCCXXXXI, с. 257—268.

[3] Аванесов Р. И. Вопросы методики наблюдения над говорами. — Бюлл. диалектол. сектора ИРЯЗ, вып. 4. М.—Л., 1948, с. 65 и сл.

Н. Дурново, таким образом, переводил исследование вопроса в совершенно другой план — изучение народного песенного языка и его особенностей. Теперь не упоминалось о том, что слова с протетическим *j* могли иметь место в истории русских диалектов. Совсем недавно этому вопросу посвятил большую статью П. Г. Богатырев, который рассмотрел известные ему случаи появления *j* перед гласными в русских песнях и былинах, а также привел примеры из песен других славянских народов, где тоже наблюдается йотирование гласных. Он описал условия, при которых в русских и украинских песнях появляется *j*: обычно 1) на стыке двух гласных в середине стиха (Только ёдного не взнал Платового казака — Острогож. Ворон., Дикарев, 1892), б) в начале песни и в начале стиха и, реже, в) в середине стиха после согласного.[4] Предложенная П. Г. Богатыревым лингвистическая причина появления *j* в пении (для устранения зияния), по замечанию Р. Якобсона, не может объяснить все случаи появления йота.[5] Понимая это, П. Г. Богатырев обращается к объяснению музыкального характера: йотирование звуков, по его словам, используется в практике обучения пению, «когда гласный звук переходит в высокую позицию и йот увлекает гласный звук». Сочувственно цитируя слова Н. Дурново о том, что «присутствие междугласного *j* в великорусском наречии заставляет искать причин его появления в условиях пения, отличных от условий разговорной речи», П. Г. Богатырев в то же время предостерегает от того, «чтобы исследовать одни только отличительные черты песен, не отмечая сходные черты в песне и в разговорном языке».[6]

Это предостережение представляется плодотворным. Не кроется ли причина появления йотации в особенностях тех диалектов, на которых поются эти песни? Ведь записи отдельных слов с протетическим *j* в диалектах (в обычной речи, не в песнях) известны. Даже Н. Дурново допускал возможность существования протетического *j* в старинных русских говорах. Приведя примеры из повести об Акире (XV в.), он предположил, что «паразитное *j* между гласными, по-видимому, было в языке писца».[7] Н. Дурново не отрицал также наличия отдельных слов с протетическим *j* в современных ему говорах: «Я слышал только кое-где в южновеликорусском (Тул., Тяз., Тамб.) произношение: „в ялтарь“ и, кажется, несколько других единичных случаев в таком роде».[8]

---

[4] Богатырев П. Г. Язык славянских народных песен в отношении к диалектной речи. — ВЯ, 1962, № 3, с. 75—86.

[5] Якобсон Р. О. О соотношении между песенной и разговорной народной речью. — Там же, с. 87—90.

[6] Богатырев П. Г. Язык славянских народных песен. . ., с. 85.

[7] Дурново Н. Мелкие заметки. . ., с. 257.

[8] Там же.

Если обратиться к старым диалектным записям, то можно найти свидетельства собирателей и диалектологов, слышавших протетический *j* в говорах в конце XIX—начале XX в. М. Г. Халанский, например, при описании курских говоров заметил, что он наблюдал в них два протетических согласных — *j* и *в*. По его словам, у саянов «к гласным в начале слов приставляется *й* и *в*: ю́триня, ю нас, юдо́вушка, во́стру, вала́» (с. 40), у ютрини (с. 4), у егунов «й изредка облекает начальные гласные: я́лые тьвяты́; постоянно ён вм. он» (с. 33).[9] К. Филатов, изучая воронежские говоры, писал, что гласные в этих говорах «нередко принимают перед собой призвучный *j*». Последний чаще всего является перед *у*, но может быть также перед *а*, *о*, *и* и *е*: *ни юспел*, *на юлицу* (Озерки, Бобр. у.); *ю мине*, *ю тибе*, *ф пустыню юдалюсь*, *юрадила*, *юсы* (Козловка, Бобр. у.); *юташшыла*, *паютру*, *приютеш*, *юш* (Ворон. Юбил. сб.); *janисавая*, *jадин*, *jадно акно*, *jахвицерик*, *jачютился выjазёрах*, *jон*, *jаны*, *jочень*, *jосень*, *jэтот*, *jэта*, *выjэтай*, *jаташ*; *jишшо*; *правду jистиннаю*, *иде лат*, *там jи клат*. Говоря об условиях появления *j*, К. Филатов отметил прежде всего наличие предшествующего гласного переднего ряда. По его наблюдению, *j* также часто является перед предлогом *у*.[10] П. С. Кузнецов, изучая говоры Верхней Пинеги и Верхней Тоймы, обратил внимание на то, что «развитие эпентетического *j* в начале слова перед гласными, по-видимому, несколько шире, чем в литературном языке. Оно может развиваться и перед *и*, например иней (Окуловка)».[11] Л. И. Пирогова в описании говоров Холмогорского р-на Архангельской обл. заметила, что протетический *j* в них появляется «иногда, в начале и середине слова: *из jетова*, *jе́тто*, *jетот*, *два йетажа́*, *двухйетажный*, *с йи́зретка*, *jужы*».[12] По сведениям В. В. Колесова, в пинежских говорах перед *у* является протетический *j* (*южин*, *ютро* и т. п.); в этом же говоре он также отметил ряд слов с протетическим *в* (*востры*, *воспой*).[13]

В современных говорах, представляющих собой уже разрушенные диалектные системы, явление это безусловно отмирающее, и такие слова в них трудно разыскиваются. Как пишет Н. Дурново, уже в самом начале XX в. слова с протетическим *j* в зна-

---

[9] Халанский М. Г. Народные говоры Курской губ. — Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 5, 1904.

[10] Филатов К. Очерк народных говоров Воронежской губернии. — РФВ, т. XXXVII, № 1, 2, 1897, с. 218; РФВ, т. XXXVIII, № 3, 4, 1897, с. 269.

[11] Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.—Л., 1949, с. 27.

[12] Пирогова Л. И. Описание говора шести пунктов Холмогорского района Архангельской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1959, с. 189—190.

[13] Колесов В. В. Функциональная система вокализма в традиционных севернорусских говорах. — В кн.: Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970, с. 16—17.

комых ему говорах отсутствовали в разговорном языке и даже в пении являлись анахронизмом: он слышал их только у лиц старшего поколения.[14]

Однако обращение к старым диалектным и фольклорным записям дает возможность получить сведения о наличии в недавнем прошлом слов с протетическим *j* в говорах русского языка. Отсутствие (или почти отсутствие) их в современных записях в известной степени можно объяснить еще установившимся методом описания диалектов, при котором по традиции собираются сведения о главных системных диалектных особенностях, отличающих южнорусские говоры от севернорусских (оканье, аканье, яканье и т. п.), а на особенности другого порядка, проявляющиеся в одном или нескольких словах, обычно не обращается внимания. В связи с этим старые диалектные материалы того времени, когда представление о системах русских диалектов еще только вырабатывалось, приобретают особое значение. Собранные внимательными наблюдателями, старавшимися ничего не упустить при описании, они заключают подчас сведения очень ценные. К тому же они отражают традиционные системы говоров, еще мало затронутые нивелирующим влиянием литературного языка. Правда, диалектологи и собиратели XIX и самого начала XX в. уже отмечали признаки разрушения старых диалектных систем, как например М. А. Колосов, который еще в середине XIX в. вынужден был сказать: «Можно бы привести и не один, два, а много примеров того, что особенности говоров, видимо, исчезают, сохраняясь лишь между стариками, а еще чаще между старухами»,[15] все же они имели дело с говорами более традиционными; проявление диалектных черт таких говоров отличалось большей последовательностью.

Основными источниками при написании статьи явились записи диалектологов и фольклористов, относящиеся к концу XIX—началу XX в., преимущественно тех, которые были внимательны к языку и отличались точностью в передаче диалектных особенностей речи. Как известно, фольклористы не всегда точно передают местные особенности произношения и нередко при публикации своих материалов даже уничтожают диалектные черты, как «затрудняющие чтение текстов». Об этом пишут, например, Б. и Ю. Соколовы: «В целом ряде случаев нами сознательно допускалась замена фонетического письма литературным для того, чтобы облегчить несколько чтение текста».[16] Таким преобразованиям подверглись и тексты печорских былин в сборнике «Песни Печоры». В предисловии к этому сборнику (От составителей)

---

[14] Дурново Н. Мелкие заметки. . ., с. 260.

[15] Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. СПб., 1876, с. 4.

[16] Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. CXVIII.

редактор, перечисляя особенности, которые были сняты в текстах, пишет: «Эпизодически встречающееся смягчение звука *у* и замена его звуком *ю* (*юлка*, *юлица* вм. *улка*, *улица* и т. п.) заменяются общепринятой транскрипцией».[17]

Среди использованных источников на первое место надо поставить фольклорные и диалектные записи В. Н. Добровольского, представляющие собой огромное по количеству собрание материалов, записанных в Смоленской губернии.[18] Записывая фольклорные тексты и просто диалектные материалы, В. Н. Добровольский стремился как можно точнее передать диалектное произношение слов. «В моем словаре, — пишет он в предисловии к Смоленскому словарю, — примеры передают местное произношение жителей».[19] Записи В. Н. Добровольского, филолога по образованию и прекрасного знатока смоленских говоров, представляют собой редкий, ни с чем не сравнимый по ценности памятник живой диалектной речи конца XIX—начала XX в.

Помимо этого основного источника были использованы также материалы словарных картотек ИРЯЗ (Ленинград), картотеки Брянского словаря (хранящейся в ЛГПИ им. Герцена) и материалы некоторых статей и словарей, ссылки на которые даются в тексте статьи.

* * *

Бóльшую часть слов, записанных в южнорусских говорах, главным образом не в пении, составляют смоленские слова (из материалов В. Н. Добровольского). Прежде чем привести их здесь, напомним о той характерной особенности смоленских говоров, с которой, по нашему мнению, тесно связано в этих говорах их присутствие. Сфера действия протетического *j* перед *а* (из *о*) в этих говорах не может быть широкой, поскольку в ударенном слоге начальные гласные прикрыты протетическим *в*, а в неударенных вступают в действие другие средства, среди которых протетическому *j* отводится самая небольшая роль. Последнее объясняется в значительной степени тем, что произношение гласных первого и второго предударных слогов после мягких подчиняются в этих говорах определенным системам яканья, и ожидаемое сочетание *ja* возможно, например, во втором предударном слоге только при определенной системе яканья (такой, в которой отмечено *лямяшúй*, *ня стялú* — Смол. Смол., Добровольский) и невозможно в других системах. При диссимилятивном яканье,

---

[17] Песни Печоры (тексты). Под ред. Н. П. Колпаковой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, с. 7.

[18] Добровольский В. Н. 1) Смоленский этнографический сборник, ч. I. — Зап. РГО по отд. этнографии, т. XX. СПб., 1891; ч. II: там же, т. XXIII, вып. 1, 1894; ч. III: там же, вып. 2; ч. IV: там же, т. XXVII, 1903; 2) Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

[19] Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь, с. I.

www.ruslang.ru

например, невозможно *ядна* — не случайно в материалах В. Н. Добровольского часто *идна́* или с отпадением начальной гласной: *ни͡дна́*, *дна́*.[20]

Слова с протетическим *j* перед *а*

В смоленских говорах записано несколько слов с протетическим *j* (перед *а* в 1-м предударном слоге): *явúн* ‘овин’ (Мужика корьмить, што явин насадить — 1914). Трудно сказать, всегда ли это слово произносилось в говоре с *j*. В тех же материалах В. Н. Добровольского встречаем *авин* (Улятел ён у яму, слова як у авин) и с отпадением начального гласного (Начуваў на͡вини). Поскольку В. Н. Добровольский не всегда в словаре обозначает место записи, нельзя решить, к сожалению, чем объясняется вариантность примеров — параллелизмом ли форм в одном говоре, или тем, что эти формы записаны в разных говорах. Следующее слово: *ядна́* ‘одна’, *ядны́* ‘одни’ (Знать, што ён мине пазабыл; Пайду — выйду, маладенька, У новаю клетачку ядна. — Бельс. Смол., 1903; Сбалела мая матка — стали ядны косцы — Смол., 1914). Чаще, однако, в материалах В. Н. Добровольского встречается *идна́* (Идна дачка у матки — Смол., 1914) или с отпадением начальной гласной (*ни͡дна*, *пра͡днае́*). Это слово находим в песнях, записанных в других южнорусских говорах. А. И. Соболевский из воронежских приводит: я ядна в домя (1901), Н. Дурново — также из воронежских: как ядно окно (1902).

Другое слово, встреченное в смоленских говорах с протетическим *j*, — *ярлы* (мн. от *орел*): Загоняли ярлы́ — птицы, все ярлы-птицы — ястребицы (Сычев. Смол., 1914); однако чаще у В. Н. Добровольского — *арел*, *арлы* (Сизый арел заплакаў, таго сизыга арла — Красн. Смол.). Еще *ясинничек* (в песне): Висако заря занималася, Выше ельничку-березничку, Вышей горького ясинничку.

Приведем также слова, в которых протетический *j* — во втором предударном слоге: *ябломúть* ‘обломить’, *яблетáть* ‘облетать’, *ягонёк* ‘огонек’ (На край мори ягонёк горит); в Смоленском словаре, однако, можно встретить и *иганёк*. А. И. Соболевский привел: развадитя ягонь (из песни, Бобр. Ворон., 1901). А. А. Шахматов указал на наличие в белорусском языке слов *ягонь*, *ягня* (Бобруйск).[21]

В акающих говорах зарегистрировано еще несколько слов с протетическим *j*: *япóйковый* ‘опойковый’ (сапог япóйковый —

---

[20] Ср. наблюдение А. И. Соболевского, сделанное им относительно слов с протетическим *j* в песнях из Бобр. р-на Ворон. обл.: «Древнее неударяемое *о*, звучащее в говоре с. Сергеевки в начале слов как *а*, принимая неорганический *j*-т при известных условиях переходит в *и*» (Соболевский А. И. Из истории русского языка, с. 398).

[21] Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, с. 285.

Егор. Ряз., Чернышев, 1910); *ясóкор* ‘осокорь’, ‘Populus nigra’ (Курск., Вержбицкий, 1893), ср. укр. областное *ясокíр* ‘осокорь’,[22] белор. *ясакáр* ‘осокорь’, *ясакáрник*.[23] В современных записях из Красноярского края находим *ясля́к* (из осляк) ‘ишак’ (Андреева, 1967).

Значительное количество примеров содержат записи песен из Мещовского уезда Калужской губ., сделанные А. Косогоровым. По словам В. И. Чернышева, издавшего эти записи, А. Косогоров умел «точно передать звуки живого языка». Как объяснял сам А. Косогоров, протетический *j* являлся «в песнях и говоре» на месте союза *и*: Вот юся сказка из вот и уся сказка, взял юшол из взял и ушол. Однако, читая записи, можно видеть, что в них много случаев, когда такое объяснение совершенно не подходит. Например: Бапка Ялёна кума Стипанида ятрешь пылатенца накрыть мыладенца. На это обратил внимание и В. И. Чернышев.[24]

Напомним, что мещовский говор имел тенденцию к прикрытию начальных гласных и не допускал произношения подряд двух гласных (по описанию В. И. Чернышева).[25]

Слова с *j* не всегда в песнях А. Косогорова с протезой. В одной и той же песне слово может варьироваться. Известную непоследовательность можно объяснять в какой-то степени и тем, что песни записывались от разных исполнителей. В то же время, однако, встречаются слова, записанные преимущественно с протезой. И среди записей песен есть такие, в которых слова с *j* записаны последовательно с протезой. Например, союз *а* в величальной песне только с *j*: Буйны вятры, буйны вятры юставали, рибину шшатали. . . Я хтош каму, я хтош каму ю грамытку пишить. Я хтош каму, я хтош каму чилабитьица пишить (с. 77); также в детской песне (в начале строки): Я Сирьгею та глас, у яво тухлай квас (с. 28) и так в песне 10 раз. Но в пересказе свадебной песни встретились и *а* и *я*: На коня садица, а конь висилица, ён плётычкай машить, я конь пад йим пляшить (с. 29). В другом пересказе песни союз *я* — после согласного: Девки водють кырагот, я милашка ны пирёт, морду х чорту дирёть (с. 33). Несколько раз встретилось слово *яддам*, *яддал*: Вырастишь, сястра бальшая, яддам тибе, сястра замуш (с. 56); в других случаях возможно и с *а*: Я аддам (яддам) систре малютку, сама ў мори утаплюсь (с. 84); Мине тятинькя дастал, зы валосики таскал, Ю салдатушки яддал. Ю салдаты аддадуть, такей воли ни дадуть (с. 33). У А. И. Соболевского есть: Ф школу яддала (Шацк. Тамб.);[26] Яддайтя сваё из рук писания (Мосал. Кал-

---

[22] Украинско-русский словарь, т. VI. Под ред. И. Н. Кирпченко. Киев, 1963.

[23] Белорусско-русский словарь. Под ред. К. Крапивы. М., 1962.

[24] Материалы для изучения говора и быта Мещовского уезда, сообщил В. Чернышев. — Сб. ОРЯС, т. LXX, № 7, 1901, с. 160.

[25] Там же, с. 153—155.

[26] Соболевский А. И. Из истории русского языка, с. 396—399.

луж.).[27] Слово *ялый* (Свяла — свяла липушка я́лыми святами, с. 29) встречается и без *j*. Из других слов с протетическим *j* в песнях А. Косогорова встретились еще *ягромный*: Павязуть у Маскву на тройки Славнай вулицай Твярской, Вы ягромной жолтай дом (с. 87); *яборычку* (после согласного): Пашол котик пат горычкю, нашол котик яборычкю (с. 34); *япал* 'опал': Алинький мой святосвято́чик, Чавош ты рана япал (с. 50); *ясыпа́ися* 'осыпаешься'; Уж ты сат, ты мой сат, Ты чавош рано свитёшь, ясыпаися (с. 55).

В курских песнях, записанных М. Г. Халанским, находим только несколько слов с *j* перед *а*: *ятакбына*, *я́рмия*: Устань, устань, ба́тюшка, Устань, праваславный сарь, Пасматри на я́рмию, Ах, ды на ярмию; Твая ярмия Ана ятаковына (с. 295); Ябайму Ты, абрада, ты абрада, Чем абрадуишь мине? Пацалуй, ябайму (с. 298).[28]

Нет нужды приводить здесь другие примеры из песен, содержащиеся в заметках А. И. Соболевского, Н. Дурново, в исследовании А. А. Шахматова и позднейших статьях.[29] Нельзя не заметить при этом, что некоторые слова в записях повторяются из песни в песню. Очевидно, произношение их с протезой было более устойчивым, чем остальных. О таких случаях в песнях, следовательно, можно говорить как о явлении лексическом. Предлог *ят* 'от', например, находим в материалах А. И. Соболевского (Атыми миня Ят лихова муха; матушка, ятыми миня от лихова мужа ят сердитыва — Шацк. Тамб.),[30] Н. Дурново (Милай мой, я-ят как какой жа ты ят красаты, ат кралички ятстал, ты ятстал — д. Парфенки Рузск. Моск.),[31] А. А. Шахматова (Ни ят солнца, ни ят ветру, ят головушки — Малоарх. Орл.),[32] *яставлять* 'оставлять', *яставаться* 'оставаться' у А. И. Соболевского (Бобр. Ворон.), Н. Дурново (яво яставляла — Рузск. Моск.) и А. А. Шахматова (ястаюся — Бобр. Ворон.).

Слова с протетическим *j* перед *у*

В материалах В. Н. Добровольского встретились следующие слова: наречие *уже*, *уж* (*юже*, *юж*): Ти пупахали вы сваé? — А юж (Смол., 1914); в тех же материалах оно встречается и с протезой *в* (*вуж*): Ста яна саўсем вуж биз вума (Красн. Смол., 1914). Слово *юже* записано еще в Тульской губ. (Новосил. Тул., 1900). А. И. Соболевский привел из песни: Я бы крылушки сабе слила —

---

[27] Дурново Н. Мелкие заметки. . ., с. 257—260.

[28] Халанский М. Г. Народные говоры Курской губ.

[29] Зайцева И. К. Некоторые фонетические особенности языка русской народной песни. — Филол. сб. Воронеж, 1961; Богатырев П. Г. Язык славянских народных песен. . .

[30] Соболевский А. И. Из истории русского языка, с. 396—399.

[31] Дурново Н. Мелкие заметки. . ., с. 257—260.

[32] Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики, с. 281—282.

Юш и слимши. Куст слязою юлила. Юш ты кустик (Бобр. Ворон.). Он отметил его также в Шацком уезде Тамбовской губ., а Н. Дурново — в Рузском уезде Московской губ. В смоленских говорах *j* перед *у* имеем еще в слове *узяли* (перед начальным *у*, которое соответствует в литературном языке *в*): Да татарушки юзяли, яму рученьки звизали (Смол. Добровольский, 1914).

Несколько слов с протетическим *j* перед *у* записано в соседних со смоленскими говорах и в некоторых других акающих. На Западной Брянщине Расторгуев отметил *ютреня* ‘утреня’ (Не, я теперь не хожу, и на ютрене не была — 1957); *па ютру* (Бобр. Ворон.) привел из песни А. И. Соболевский. В белорусском языке — *ютро* в значениях ‘утро’ (С ютра затресло его) и ‘завтра’ (Почекай до ютра), *ютреня*, уменьш. *ютренька* ‘утреня’ (Батюшка пошов на ютреню).[33]

Из Брянского уезда Орловской губ. П. Н. Тиханов приводит *юзник* в «не очень давней надписи» в Служебнике 1699 г.: Сію книгу ѳ переплѣтáли темнúчныѧ юзники.[34] В Орловской же губ. было записано *юдаль* ‘удаль’, ‘характер’ (1860 г.). В Новосильском уезде Тульской губ.: *юшиб* ‘ушиб’ и *ювсе* из *увсе* ‘все’ (1900 г.). В Калужской губ. Н. Дурново записал: Какýю юлицу субрали (д. Карамышево, Медын. Калуж.).[35] В ответе на программу МДК из с. Успенского (Касим. Ряз.): *улица* или *юлица*.[36] В д. Выворотково Бесединского р-на Курской обл. в пятидесятых-шестидесятых годах говорили *юхарь* ‘ухарь’ (Учера юхарь из города приехал; в песне: Елки-палки, лес густой, Ходит юхарь холостой). Еще записано *юполóвник* из *уполовник* ‘половник’ (Егор., Зарайск., Касим. Ряз., Будде, 1892) и *ючинить* ‘учинить’ (Что ты ючинил? — Дон., Миртов, 1929).

Наибольшее распространение в акающих говорах получили глаголы *юхнуть*, *юхнуться*, отмеченные с несколькими значениями: *юхнуть* ‘ударить’ (Пск., Осташк. Твер., 1855 и Ряз., 1898), ‘пропасть, исчезнуть’ (Пск., Осташк. Твер., 1855). *Юхнýть* в Обоянском уезде Курской губ. имело значение ‘отставить, удалить’ (Его юхнули за взятки — Машкин, 1858), а в Малоархангельском уезде Орловской губ. этот глагол записан со значением ‘утонуть, сразу скрыться под воду’ (1914). *Юхнул*, *юхнулся* в Новоторжском уезде Тверской губ. — ‘провалился в воду, в снег’ (Елоховский, 1915—1926).

Большое количество примеров с протетическим *j* перед *у* находим в песнях, и в особенности в песнях в записи А. Косогорова.[37] Наиболее часто с протезой *j*, встречаем предлог *у*; в дет-

---

[33] Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

[34] Тиханов П. Н. Брянский говор. — Сб. ОРЯС, т. LXXVI, 1904, № 4, с. 95.

[35] Дурново Н. Н. Диалектологическая карта Калужской губ. — Там же, с. 33.

[36] РФВ, т. LXVIII, 1912, с. 9.

[37] Материалы для изучения говора и быта Мещовского уезда. . .

ской песне на с. 26 он везде с *j*: Ён лапáтку ютаúл ю капусьтя иё сварил (припев); Ю капýсьти иё сварил — Апраксúнью накарьмил (Мещов. Калуж., 1897). Поскольку примеров в песнях очень много, приведем только те, где *ю* стоит после согласного: Мине тятинькя дастал зы валосики таскал Ю салдáтушки яддал. Ю салдаты аддадýть, такéй воли ни дадуть (с. 33); На вýлицы дош-дош; ю пóлю туман-туман (с. 54); Ты далёка ль милай мой сыбирáиться. Ты ю путь ли ю пахот ю дарожинькю (с. 55); Ю нас, ю гарóди ничаво ниродить (с. 38); Пыдьяжжаю я г дварý, жана ходить пы двару У катах ю чулках и ў кумачных рукавах (с. 99); Пашол котик пат горычкю, нашол котик яборычкю. Пашол котик ю лясок, нашол Дуни пыясок (с. 34), еще не в песне: У вужиня ю вабéдя нада масьлить кашу (с. 168).

У А. И. Соболевского несколько раз предлог *ю* ‘у’ в песне из Бобровского уезда Воронежской губ. (Ты гари, гари, калечкя, Ю милова на руке), в песне из Шацкого уезда Тамбовской губ. (У юдовишки четвира ю ней детей, три ю ней было дочи), в песнях из Скопинского, Данского уездов Рязанской губ. (Ю моей ли ю сизой и др.), у Н. Дурново: Много γоря ю мине (Ворон.), Што ю нас ва садики (Рузск. Моск.). «Почти постоянную йотацию предлога *у* (из *въ*)» Н. П. Гринкова отметила в песнях, записанных в с. Дуброве Жиздринского уезда Калужской губ. (1924 г.): *ју кърмáн'и*.[38] Предлог *у* в песнях А. Косогорова также с *j*: Пыпадали светики у русыю косу, ювáлыю ленту, у тваю косу, ювáлыю ленту, у тваю Лукерьюшка у русыю косу, ювáлыю ленту (с. 29); У горыдя ювадéсься на вулицы ны равной (с. 57); Ён ишол, ишол и краинки ни нашол. Ювадну́ избу зашол, там милашичкю нашол (с. 33). Часто в песнях А. Косогорова встречаем *юдова*, *юдовушка* из *удова* ‘вдова’, *удовушка* ‘вдовушка’: Сели, пали у (ю)дóвушки ны дваре. Крылушками, ей крылушками. Крылушками широкай двор рызьмили. Гыласами ю(у)довушку збудили. Стань прасьнися, эй (у)стань праснися. Стань прасьнися мыладая ю(у)давá. . . Люди бають, сё юдовушку бранять (с. 54). Ср. также в курских песнях, опубликованных М. Г. Халанским, особенно в песнях из с. Будановки Курского уезда: Ты адин ю нас, Да ты добрый братиц (с. 295); Иде вулица висила, Там юдовушка хараша (с. 297), а также в песне о вдове, напоминающей соответствующую песню у А. Косогорова: Там лители два яснывa сакала; Ох и сели, пали, Сели, пали к юдóвушки на дваре. Ох, ы крылушками, Крылушками шырокай двор размили, Галасами юдовушку збудили, Юстань, праснись, Маладая удыва. . . Ох, ы люди баять, люди баять, юдóвушку ругають: Ты юдов(ф)ка, ты юдов(ф)ка (с. 294).[39] Приведено также у А. И. Соболевского: У юдовушки (Шацк. Тамб.).

---

[38] Гринкова Н. П. Заметки о калужских говорах. — Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.—Л., 1949, с. 242.

[39] Халанский М. Г. Народные говоры Курской губ.

Не раз с протезой встретились *юстань*, *юставали* 'встань', 'вставали': Юстань, маминькя радная, пасматри ш ты ны мине (с. 92); Ты юстанькя, юстанькя, мой милый друх, Прыбудися, надёжа мая (с. 78); Буйны вятры, буйны вятры юставали, рибину шшатали (с. 77).

Еще встретились: *юпала* (С неба зьвёздычка юпала, Я за пьяницу папала — с. 33), *юпадёть* (Ана ўздахнёт, сама заплачить, скатицца слёска юпадёть — с. 85), *юхватить* (Я гармошку юхвачу, три дни хлеба ни хачу — с. 101; Аликсеюшка Пылагеюшку юхватил. Права, права, юхватил — с. 81 и другие примеры), *юсё*, *юся* (Я ю батюшки жила, Пынидельничала. Симярых рыдила, Юсё девкай была — с. 107; из сказки: Вот юся скаска ды канца, нам па рюмачьки винца, и ны кусочькю пирашка — с. 120). Из других слов с протетическим *j* имеются: *ювесь* 'весь' (Павадился Ваня, Ваня шшыгалёк. Далее припев: Ювесь лянок, лянок привталок — с. 90); *юдарь* 'ударь' (Ты юдáрькя бальшой колкал, прыбуди маво батюшку — с. 32); *юзьезжает* 'въезжает' (Ён попылю едить, святы рысьсвятають, на двор юзьязжаить, матушка стричаить — с. 29); *юместя* 'вместе' (Сыляталися ды два сизых гулубочька, Ны садилися в лужках при далиня. Юместя пилиели — с. 52); *юшол* в сказке (А сам Балакырява на пастелю ды юшол). Далее приведем только те случаи, в которых слово с протезой стоит после согласного звука: *юсходит* (Шипка дьвери рысварились, Юсходит грознай их атец — с. 93), *юпер* 'упер' (Ён ни пьяница, ни вор; три мяшочка ён юпёр — с. 33), *юслыхал* в сказке (Вот мужык юслыхáл и начал пыкупать етат дом — с. 111).

Из примеров, приведенных А. И. Соболевским и Н. Дурново, отметим слово *юлица*, которое у обоих авторов встретилось не раз: па юлицы, на юлицы, вдоль я юлицы (Бобр. Ворон.), на юлицу (Касим. Ряз.), по юлицы (Курск.), па юлицы (Ворон.).

В. Н. Сидоров в описании говора с. Мелехова Сасовского уезда Рязанской губ. (1926) заметил, что «нередко» жители этого села в песнях употребляют в начале слова перед гласным «паразитный *j*» (jон, на jул'ицу, тр'и jузлá).[40]

Интересно, что среди выписанных И. Буниным диалектных слов из сборника Киреевского находим и слова с протетическим *j*: предлог *ю* (*у*): Ю подола раструбистай (Раненб. Ряз., Киреевский, № 441); Ювезли 'увезли', юзяли (Раненб. Ряз., Киреевский, № 445); Умная дитятка да Денис у нас, Нету яво юмнея да во всем роду (Зарайск. Ряз., Киреевский, № 464).[41]

По свидетельству словарей, слова с протетическим *j* известны и в зоне распространения белорусского языка, т. е. соседней

[40] Сидоров В. Н. Наблюдения над одним из говоров рязанской Мещеры. — Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I, с. 95.

[41] Бунин Иван. Фольклорные записки. — В кн.: Литературное наследство, т. 84, кн. 1. М., 1973, с. 408.

с юго-западными говорами. Кроме уже приведенных, в словаре И. И. Носовича находим: *юши́цъ*, *заюши́цъ* ‘бить по ушам, заушать’ (За што ты его юшишь? За то юшу, — нехай не крадзець. Заюшив разы три мене ни за што).[42] Возможно, сюда же *ялюга* (Парыцк. Гомел., с. 171) ‘густые заросли на болотистом месте’.[43] Ср. *о́льга* ‘болото’ (Олон., Куликовский, 1898) и ‘топкое болото’ (Олон. Рыбников, 1864), а также *ля́га*, *ля́жка*, *лягови́на* ‘низкое болотистое место’, ‘лужа’ (Онеж. Арх., 1939; Примор. Арх., 1939; Плесец. Арх., 1939 — Матер. 1-го тома Атласа в Ленинграде).

В ряде диалектных словарей отмечено *ясе́нка* ‘женское пальто для весны и осени’ (Минско-молод. и Гродн.),[44] *ясе́нко* (Карел. Гродн., Материалы для словаря, с. 160), *яле́нь* ‘олень’, *яле́ниха*, *елянючо́к* (Гродн. 1972).[45] А. А. Шахматов приводит белорусские: яж ба (Лепел., Шейн, № 457), я пыталися, я потом (Гродн., № 147).[46] В украинских говорах находим *якурат* ‘как раз’ (с. Квитки Корсунь-Шевч. р-на и с. Крачковка Буцкого р-на на Черкащине),[47] *ярик* ‘арык’ (Нижнее Поднестровье).[48]

В акающих говорах, таким образом, зарегистрировано небольшое количество слов с протетическим *j* в разговорном языке и большее в песнях: при этом отдельные слова оказываются совпадающими: они записаны и в песнях, и в разговорном языке. Заметим, что количество слов с протетическим *j* (по имеющимся материалам) в разных акающих говорах не было одинаковым. В смоленских и соседних с ними отмечено наибольшее (по сравнению с остальными акающими говорами) количество слов с протетическим *j*. Однако и здесь оно незначительное. В других говорах встречены отдельные слова. Напомним, что некоторые слова все же имели довольно широкое распространение и зарегистрированы рядом источников. Учитывая все это (незначительное количество слов с протетическим *j*, особенно в разговорной речи, а также свидетельства диалектологов об исчезновении этого явления к концу XIX—началу XX в)., надо признать, что протезирование гласных к концу XIX в. в акающих говорах было лексикализованным, т. е. отразилось в отдельных словах (и в песнях можно выделить слова, которые встречаются наиболее часто: предлог *ю* ‘у’, *юдова* ‘вдова’ и др.).

---

[42] Носович И. И. Словарь белорусского наречия.

[43] Прач С. З лексікі вёсак Парыцкага раёна. — Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960.

[44] Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. Пад рэд. М. А. Жыдовіч. Мінск, 1970; Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972; Сцяцко П. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1970.

[45] Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці.

[46] Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики, с. 281—282.

[47] Лисенко П. С. Словнік специфічної лексики правобережної Черкащины. — Лексикографічний бюлетень, вип. VI, Київ, 1958, с. 21.

[48] Дзендзелівський Й. О. Словнік специфічної лексики говірок Нижнього Подністров’я. — Там же, с. 54.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Слова с протетическим *j* на Севере

На слова с протетическим *j* в севернорусских говорах обратил внимание еще М. А. Колосов. Он привел *ён* (Новг. Новг.), *ёдин* (Череп. Новг.), *един*, *еднóво* (Каргоп. Олон.), *éднево* (Вытег. Олон.).[1] Вопреки распространенному в его время мнению о том, что слова эти являются остатками старины, М. А. Колосов считал их поздними по происхождению.

Бóльшая часть севернорусских материалов найдена в известном сборнике печорских былин Н. Е. Ончукова, фольклориста, внимательно относившегося к языку записываемых им произведений. Нельзя не вспомнить по этому поводу свидетельство В. И. Чернышева, который читал корректуру печорских былин и был автором заметки об их языковых особенностях: «Автор записей прилагал все усилия, чтобы передать точно звуки живой речи».[2] Очень интересны в этом отношении наблюдения Н. Е. Ончукова над языком сказителей: «Ф. Е. грамотна, читает священные книги, и потому в ее былинах попадаются часто книжные обороты, а в ее речи вообще не так много местного элемента, она приближается к книжной», — пишет он о сказительнице Ф. Е. Чуркиной, или: «Во все старины (П. Р. Познеев, — *О. К.*) вносит единообразные факты, фразы и целые действия и, не помня подлинных, слышанных от стариков выражений, привносит много своего, отражая, особенно в разговорах, строй современной в Усть-Цильме речи».[3]

Тот факт, что в былинах Н. Е. Ончукова найдено наибольшее количество примеров слов с протетическим йотом, объясняется не только тем, что этот собиратель стремился наиболее точно передать звуковые особенности былин, но, возможно, и теми особыми условиями жизни носителей диалектов, которые способ-

---

[1] Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. СПб., 1876, с. 12.

[2] Чернышев В. И. Заметки о языке «Печорских былин». — В сб.: Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904, с. XXXVI.

[3] Ончуков Н. Е. Печорские былины, с. 3, 78.

ствовали консервации диалектных черт. Объясняя, например, почему именно на Печоре сохранились былины, Н. Е. Ончуков писал: «Страшная глушь Печоры, ее отрезанность от всей остальной России и раскол служили главными причинами, что старины до сих пор удержались на Печоре. Заброшенная в суровом климате за полярным кругом, недалеко от Ледовитого океана, совершенно в стороне от жизни всей остальной России, Печора до самого последнего времени жила укладом жизни и духовными интересами по крайней мере конца XVII в.».[4]

Уже В. И. Чернышев при чтении корректуры сборника Н. Е. Ончукова заметил, что во многих словах в былинах «часто приставляется» *j*: во Ястрахани, на юход, не ёгленется, и мн. др.[5] Кроме указанного сборника, были использованы также материалы словарных картотек ИРЯЗ (Ленинград), картотеки Брянского словаря (хранящейся в ЛГПИ им. Герцена) и материалы некоторых статей и словарей (ссылки на них даются в тексте статьи).

Слова с протетическим *j* перед *о* (в ударном слоге)

В сборнике Н. Е. Ончукова не раз встречались слова с *j*: *ёчи* 'очи': Повеся идет, дёржит буйну голову, Потопя де ёчи ясны в мать-сыру землю (Усть-Цилем. Арх., с. 108); однако это слово встречается и без протезы, например в той же былине в точно таком же контексте употреблено *оци* (с. 107). У другого сказителя — опять с протезой: Да на место ёцей-то было врезано, По тому же по камню да самоцветному (Усть-Цилем. Арх., с. 45). Нельзя не заметить, что количество слов с протетическим *j* различно у разных сказителей (у некоторых их совсем нет); однако и у тех, у которых они встречаются, нередко те же слова записаны без протезы.[6] Другое слово — наречие *ёчунь* 'очень': Мы не едем за Фатенком во чисто поле, Как Фатенкова смерть да *ёчунь* страшная (Усть-Цилем. Арх., с. 49). В этой же былине (после согласного): Ах, ты ой еси матушка родимая! Уж ты давеця пошла дак ёчунь весела, Кабы ноньце идешь очунь не весела (Усть-Цилем. Арх., с. 48). Заметим, что в тех же условиях употреблено здесь слово без протезы. Слово *ёчунь* встретилось еще раз, также после согласного: Ты что же сидишь ёчунь невесело? (Пустооз. Арх., с. 313).

Несколько больше слов с протетическим *j* перед *о* отмечено в неударенном слоге. Много раз встретился предлог *ё* (из *о*),

[4] Там же, с. XXI.

[5] Чернышев В. И. Заметки о языке. . . с. XXXVII—XLV.

[6] Как известно, В. И. Чернышев, имевший возможность получать разъяснения относительно языковых особенностей былин у самого Н. Е. Ончукова, так пишет о наличии в былинах вариантов слов: «В былинах нередки случаи употребления рядом двух разных форм одного и того же слова. Это не нужно считать неточностью» (Чернышев В. И. Заметки о языке. . ., с. XXXVII).

причем, как можно видеть из примеров, наряду с предлогом *о* (в тех же контекстах): Уж я бьюсь нонь с тобой да о велик заклад, Да не ё сто рублей, да не ё тысяце, Уж я бьюсь о своей да буйной головы. Они билися с попом да ё велик заклад (Усть-Цылем. Арх., с. 50). Из других примеров приведем только те, в которых предлог стоит после согласного: Кабы битце со мной нонь ё велик заклад, А не во сти рублей, да не во тысяци, Ё своей молоденькой буйной голове; Я ударилсэ ведь с князем ё велик заклад (Усть-Цилем. Арх., с. 102—103) и др. Предлог *ё* приводит также Н. Дурново из старин, записанных А. Д. Григорьевым в Мезенском уезде Архангельской губ. на берегу Белого моря (Да и бросил Дунаюшко ё сыру землю).[7]

Не раз встречаются слова — *ёбедня* 'обедня': Кабы был тут Садок купец богатыя, Как служили тут ёбенню да васкресэнскую (Усть-Цилем. Арх., с. 50), *ёгленуться* 'оглянуться': Да на то ноньце сокольник не ёгленетце (Усть-Цилем. Арх., с. 39) — в старинах Григорьева: И не ёгленулся ён; *ёкошечко* 'окошечко': Я ведь скрою твой терем да по ёкошечкам (Усть-Цилем. Арх., с. 49). *На йокошечко* привел А. И. Соболевский из северных песен в записи Лаговского (Из истории русского языка, с. 399). Далее — *ёпеть* 'опеть', которое нередко рядом с *опеть*: Он опеть же заскакивал на добра коня, Он ёпеть же поехал ноньце к городу (Усть-Цилем. Арх., с. 224), *ёсел* (от *осесть*): Не мог устоять конь на резвых ногах, Ёсел тут зеребцик до подбрюх в землю (Усть-Цилем. Арх., с. 178), предлог *ёт* 'от': Уж вы подьте ноньце проць ёт старого (Усть-Цилем. Арх., с. 225) не раз отмечен Н. Дурново в старинах Григорьева (Ты ётпутай ёт опутинок); сочетание *ётвет держать* 'отвечать': Говорит на то старый им, ётвет держит; Говорит ноньце старой им, как ётвет дёржит (Усть-Цилем. Арх., с. 221, 224), *ётправляться* 'отправляться': Он ётправился — поехал с красной девицей (Усть-Цилем. Арх., с. 250); также у Григорьева (да ётправился); *ётец*, *ётцовский*: Юмн' от ле хвастат старым ётцом, Старым ле ётцом, старой матушкой (Усть-Цилем. Арх., с. 251); А пошел он как хранить полё ётцовское (Усть-Цилем. Арх., с. 222).

Отдельные слова с *j* наблюдаются в былинах по одному-два раза — *ёбуздал* 'обуздал': Ёбуздал — ёбседлал да коня доброго (Усть-Цилем. Арх., с. 248), *ёбрюшился* 'обрушился, упал': У старого ноньце конь, право, ёбрюшился (Усть-Цилем. Арх., с. 226), *ёбъехал* 'объехал': А ёбъехал их Добрыня он добрых молодцов (Усть-Цилем. Арх., с. 202), *ёгня* 'огня': Не юспел ту Добрыня-та ёгня добыть (Усть-Цилем. Арх., с. 249). С протетическим *j* встречается имя *Олеша*, *Олешенька*: Не в уме же ты, Ёлеша, слово вымолвил (Усть-Цилем. Арх., с. 140); Поехал Добрынюшка Микитиц-блад, Другия Ёлешинькя Поповиц-блад (Пустоз.

[7] Дурново Н. Мелкие заметки по русскому языку. — ЖМНП, 1902, июнь, ч. CCCXXXXI, с. 259.

Арх., с. 315) и ряд других слов, как *ёмменимся* 'обменимся' (с. 90), *ёрда* (с. 61, с. 132), *ёсержаютца* (с. 225), *ёставить* (с. 105), *ёстаться* (с. 97), *ётведать* (с. 221), *ётпереть* (с. 221).

Н. Дурново в старинах А. Д. Григорьева отметил еще: Уж ты ой еси Ёвдотья, Ты ётпутай ёт опутинок; Да россекла ёпутинки; Да ёсталось; Да ёсталой ю ей; Да приёстанусе; Два ётрока; Да по имени Ёмельфа; Вы ёп цём бьетесь; Нецим мне Дунаюшку ёпохмелицсэ. А. И. Соболевский привел еще из северных песен в записи Лаговского: клятву йотдавал.[8]

С протетическим *j* отмечены слова, не имеющие соответствий без протезы в литературном языке, как *ёбзадориться* 'раззадориться': Ёбзадóрюсь я ковды — куплю на тысяцю (Усть-Цилем. Арх., с. 94), *ёбседлать* 'обседлать, надеть седло на коня' (после согласного): Ёбуздал — ёбседлал да коня доброго (Усть-Цилем. Арх., с. 248), *ёвернуть* 'обвести вокруг себя': Ёвернул он зеребцика кругом себя (Усть-Цилем. Арх., с. 178) и в значении 'превратить с помощью колдовства в животное' (после согласного): Ты зачем ёвернула моего хресника? (Усть-Цилем, Арх., с. 160). Наряду с *ож*, которое из *уж*, не раз отмечено *ёж*: Еж ты ой еси, девушка-Чернавушка! (Усть-Цилем. Арх., с. 131), наречия *ёткуль* 'откуда': Ты ёткуль ле нонь идешь (Усть-Цилем. Арх., с. 89), *ёттуль* 'оттуда': А ёттуль нонци Маринка да не ётслышалась (Усть-Цилем. Арх., с. 100).

Слова с протетическим *j* употребляются в ряде фразеологических и устойчивых выражений, характерных для языка былин. Среди них слово *ёпочин* в часто встречающемся сочетании *ёпочин держать* 'отдыхать, спать': Легли ёни спать, да ёпочин держать (Пустооз. Арх., с. 319), слово *ёсобица* также в часто встречающемся в былинах выражении *на особицу* (*ёсобицу*) в значении 'особо, отдельно': На вси стороны калики да низко кланялись, Уж княгины они на ёсобицу (Усть-Цылем. Арх., с. 198) и другие примеры. Довольно часто глаголы *ёслышаться*, *ётслышаться* отмечены в выражении *не ёслышаться*, *не ётслышаться* на что-л., которое может обозначать 'откликнуться': А идут де калики да не ёслышатся, На Ёлешу, ле ёни да не ёглянутся (Усть-Цилем. Арх., с. 201) и 'ослушаться' (Позови-ко юдала добра молодца, Ко князю его да всё во кумушки. На то де доброй молодец не ётслашалсэ, Да стал-то Добрынюшка срежатисе (Пустооз. Арх., с. 322).

Слова с протетическим *j* перед *у*

Много встретилось в былинах Н. Е. Ончукова слов с протетическим *j* перед *у* (в ударном и предударном слогах) в словах, имеющих соответствия в литературном языке без протезы, и в соб-

[8] Соболевский А. И. Из истории русского языка. — ЖМНП, 1901, октябрь, 4. CCCXXXVII, с. 399.

ственно диалектных, не имеющих таких соответствий в литературном языке.

Довольно часто (как и в южнорусских песнях) предлог *у* — с протезой. Правда, в текстах былин он встречается и без *j*, причем в одних и тех же условиях, как например в начале строчки: Ю тя правая нога да по колен бела, У Тя левая нога бела по щётоцьку (Усть-Цилем. Арх., с. 108) и др. Есть случаи, когда в былинах он стоит после согласного звука: Он берет ю калики платье калическо (с. 90); Хватил ю Ивана право тугой лук (с. 320) и др. Также у Григорьева: Да осталось ю ей.[9]

Другие слова, не раз отмеченные с протезой, — *ювидеть, ювидать*: Как ювидели, старой их сын здоровой стал (Усть-Цилем. Арх., с. 222); Ювидал он своего тут хозяина (Усть-Цилем. Арх., с. 112); у Григорьева: Да ювидала и др.; *юдалой* 'удалой' в обычном для былин сочетании *юдалой добрый молодец*: Приходит юдалой доброй молодец (Пустооз. Арх., с. 323); Ён завидел юдала добра молодца (Пустооз. Арх., с. 313) и другие примеры.

Известно также с приставкой — *преюдалый*: Как про злых поленич да преюдалыих (Усть-Цилем. Арх., с. 52); у Григорьева: Да приюдалая. Надо сказать, что *юдалой* отмечено и в современных записях былин — в былинах Крюковой[10] и в сборнике былин Печоры и Зимнего берега.[11] Известное по южнорусским говорам наречие *юже* 'уже': Юже я то ле вам да почудне скажу (Пустооз. Арх., с. 329), *юздать* 'уздать' (после согласного): Он юздал де, седлал да коня доброго (Усть-Цилем. Арх., с. 49), *юлица* 'улица' (есть в южнорусских песнях): Как вперед махнут — лежит юлица (Усть-Цилем. Арх., с. 141), в сочетании *на юлицу*: Выводили Скопина да вон на юлицу (Усть-Цилем. Арх., с. 253). Об устойчивости этого слова свидетельствуют образования *юлочка* (с. 99), *заюлка* (с. 99), *заюлочка* (с. 99), *переюлок* (с. 224).

Имя врага русских богатырей *Угарин, Угарище* (разновидность Тугарина) нередко в былинах с *j* — *Югарин, Югарище*: Он схватил свой Югарин нонь булатен нож (Усть-Цилем. Арх., с. 96). Из других слов, не раз встреченных с протезой, — *юспеть* 'успеть': Не юспела калика опочиниться (Усть-Цилем. Арх., с. 132), *юстрашивать, юстрашить*: Ты тем-то да нас нынь не юстрашивай (Пустооз. Арх., с. 316); Как кони-ти ети юстрашилисе (Усть-Цилем. Арх., с. 109); далее — *ютро, ютром* 'поутру' и приставочные образования с этим корнем: Да ставают ёни ютром ранешинько (Усть-Цилем. Арх., с. 37); Ай да што поютру-ту раным раненько плывет шлюпоцька сверху (Усть-Цилем. Арх., с. 156); Меж ённою меж обеньнёй и меж заютренньнёй (Усть-Цилем. Арх., с. 102), у А. И. Соболевского: *спо-ютру* —

[9] Дурново Н. Мелкие заметки. . ., с. 259.
[10] Былины М. С. Крюковой, т. I. М., 1939; т. II, 1941.
[11] Былины Печоры и Зимнего берега (Новые записи). М.—Л., 1961.

из песен Вологодской губ. (Из истории русского языка, с. 399); *юхо, юши*: Да на место юшей было прибивано (Усть-Цилем. Арх., с. 45); Припадай-ко к земле да юхым правыим (Усть-Цилем. Арх., с. 43), ум. *юшица*: Голова Тугарина с пивной котел, А юшица да царски блюдища (Усть-Цилем. Арх., с. 137).

Слова в типичных для былин сочетаниях и выражениях, таких как *на юдивленье* (*юдивленьице*): Он оклал, огородил людям на юдивленьицо (Усть-Цилем. Арх., с. 222), *приюмолкнули да приюдрогнули*: Кабы все тут на пиру сидят приюмолкнули, А как все на чесном да приюдрогнули (Усть-Цилем. Арх., с. 102), *не юпадывай, не ютаивай* 'не падай, не утаивай': Говори-ко, молодец, да не юпадывай. Не единого словечка не ютаивай (Усть-Цилем. Арх., с. 162), *на юход уйти* 'уйти совсем': А другая-то ведь сила не юход ушла (Усть-Цилем. Арх., с. 232).

А также ряд слов, которые встретились в былинах с протетическим *j* по одному, два раза. Среди них *ювертливой* (с. 319), *югла́* (род. п.) 'угла' (с. 97), *юзолочик* 'узелок' (с. 246), *юдаця* 'удача' (с. 55), *юзко* 'узко' (с. 44), *юмной* (с. 251). У Григорьева Н. Дурново отметил: Да как юмной-от хвастат; да все юмом ровна; Да юмел меня ли батюшко; *на юме* в северных песнях отметил А. И. Соболевский.

Далее у Н. Е. Ончукова: *юнизить, приюнизить* 'унизить' (с. 313), *юраниват* 'ронять' (с. 38), *юродовать* 'уродовать' (с. 48), *приюстанетца* кому-л. 'кто-л. устанет' (с. 248), *приютишиться* 'утихнуть' (с. 204), *юхват* 'ухват' (с. 181), а также *юбел, ючерн* в выражениях *на юбел бела* (с. 233), *на ючерн черна* (с. 224). Из старин Григорьева из слов еще не приведенных выше: Да юпал тут Идолишшо; Да юдарыл; Мне сонного юбить да яки мертваго.

Таким образом, произношение слов с протетическим *j* в былинах не отличается последовательностью: протеза произносится не во всех тех словах, которые начинаются с *о* или *у*. То же отметил Н. Дурново в старинах Григорьева: «Междугласное *j* в старинах Буторина не выдержано, и часто допускается зияние; всего чаще такое *j* — после слова „да“».[12] В сборнике А. Д. Григорьева Н. Дурново отметил протетический *j* только у одного сказителя. Возможно, что это объясняется неодинаковой степенью разрушения местного говора у разных лиц. На такое объяснение как будто указывает тот факт, что наибольшее количество примеров слов с протезой наблюдается у сказителей, которые, по мнению Н. Е. Ончукова, довольно свободно обращаются с текстами былин. Ср., например, приводимое уже замечание о сказителе Петре Поздееве, который «не помня подлинных, слышанных от стариков выражений, привносит много своего, отражая, особенно в разговорах, строй современной в Усть-Цильме речи» (с. 78).

[12] Дурново Н. Мелкие заметки. . ., с. 259.

Как можно было видеть, слова с протетическим *j* в былинах встречаются не только после гласного, но и после согласного. Можно привести много примеров именно таких случаев: Как служили тут ёбенню да васкресэнскую (с. 50); Уж ты давеця пошла дак ёчунь весела (с. 48);Он юздал де, седлал да коня доброго (с. 49); Ён завидел юдала добра молодца (с. 313); Меж ённою меж обеньнёй (с. 102) и др.

В употреблении слов с протетическим *j* в былинах намечаются особенности, позволяющие говорить об этих словах как о явлении лексическом. Можно отметить, например, слова, которые преимущественно встречаются с протезой. Сюда относятся различные устойчивые сочетания и фразеологические обороты, характерные для лексического состава былин (*ёпочин держать* ‘отдыхать, спать’, *на ёсобицу* ‘отдельно, особо’, *на ётмах* ‘наотмашь’, *не ёслышаться*, *не ётслышаться* на что-л. ‘не откликнуться’ и ‘не ослушаться’, *на юход уйти* ‘совсем уйти, уйти’), а также отдельные слова, часто встречающиеся в былинах, как *юдалой*, обычно в сочетании *юдалой доброй молодец*, *ётправлятися*, *на юлицу*, *ёчи*, *ёчунь* и некоторые другие.

Закрепление фонетического облика слов с протетическим *j* подтверждается и наличием в ряде случаев приставочных образований, таких как *по заюлочкам*, *по заюлкам*, *приюмолкнули*, *приюдрогнули*, *преюдалый*, *приюнизили* и др.

Слова, записанные не в былинах

И на Севере записано некоторое количество слов с *j*, встреченных не в былинах, — частично в песнях, сказках, частично в записях обычной диалектной речи. В сказке из сборника Н. Е. Ончукова, например в песенке, несколько раз повторяется *юбила* (Маменька, маменька! Меня сестрица юбила), а в тексте самой сказки — *убила* (сказка записана от женщины, жившей на Печоре, но родом с Мезени).[13] В том же сборнике в записях А. А. Шахматова встречаем *юж* ‘уж’: Ну тут юж ёны стали пер водит, пер перовать (Петрозав. Олон., с. 208).

Слово *ю́хнуть*, отмеченное в ряде мест в акающих говорах, получило распространение и в севернорусских: *юхнуть* ‘провалиться, упасть’: Пошел по льду да под него и ю́хнул (Покр. Влад., 1896). В Кадниковском уезде Вологодской губ. *ю́хнуть* известно в двух значениях ‘выпить разом’: Он так-таки вдруг и ю́хнул целой стакан вина (Дилакторский, 1902) и ‘проехать очень быстро какое-л. расстояние’ (Иваницкий, 1883—1889). Возможно, сюда же приведенные Г. И. Куликовским в словаре олонецкие *ю́кать* (Водлозеро, Кенозеро, Коштуги) ‘стучать, ударять’, иногда в значении ‘упасть, лишиться чувств от какой-л.

[13] Ончуков Н. Е. Северные сказки. — Зап. РГО по отд. этнографии, т. XXXIII. СПб., 1908, с. 118—119.

неожиданности' (В сенях ю́кнуло; Юкни-ко хорошенько) и там же *ехнуть* (Заонежье) 'содрогнуться от неожиданности'.

В песнях, записанных собирателем Н. Г. Ординым (как замечает Д. К. Зеленин, с соблюдением особенностей местного говора)[14] в Сольвычегодске в 1877 и 1883 гг., встречаем несколько раз слово *улица* с *j*: Ай, юлица мала, кареву [?] велик; Во юлице во Швецкой, в слободе Немецкой, енерал немчин тут гуляет; Уж ты, матушка, Степан, осударыня, Степан, он на юлоцьке стоит, сладки речи говорит. Здесь же другие слова: *юголь* (Ой, Танюшка, Ой, Татьянушка, по чисту полю ходила, черной юголь выбирала, на цюжу межу бросала), *юшата* (Хороша бражка заложена была, во юшатах не домоценая, на печи не досушеная).[15]

Еще несколько отдельных записей из других мест: *южи́* от *ужи* 'змеи' (Белозер. Новг., 1896) и *Юльга* 'Ольга' в д. Катунки Балахнинского уезда Нижегородской губ. (Доброзраков, 1870).

Д. К. Зеленин при описании вятских говоров отметил в них несколько слов с протезами *j* и *в*. В Вятском уезде он записал *вольха*, *на вулице*, *павук*, *ёлши́на*, *прибаю́тка* (с. 12), в Яренском уезде: *ело́ха* 'ольха', *ело́ховый* в частушке: Мы сидели с милой рядом На елоховоём пне (с. 51), *една́* также в частушке (с. Роженцово, с. 45), в Орловском уезде: *елши́на* 'ольха'.[16]

Особо следует остановиться на словах *ёдин*, *ёдной* 'один', *една́* 'одна', употреблявшихся преимущественно в севернорусских говорах, где они имели широкое распространение и неоднократно записывались собирателями. Их отличие от приведенных выше севернорусских примеров заключается в том, что они имеют значительный ареал распространения, употребляясь при этом в обычном языке диалекта. К тому же они образовывали целые гнезда слов.

Как известно, еще в XIX в. слова *един*, *едно* были замечены П. Лавровским в новгородских летописях. Он привел следующие примеры: И цѣловаша крестъ ко всему Новугороду за единъ человѣкъ (Новг. I, с. 77); Постави церковъ за единъ день (Новг. I, с. 140); Ноугородци цѣловаша крестъ за единъ брат (Новг. II, с. 140); едно (Новг. III, с. 139).[17] Затем М. А. Колосов обнаружил бытование этих слов в живых новгородских говорах.[18] Об этом же свидетельствовали и Б. и Ю. Соколовы, которые писали, что

---

[14] Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива РГО, вып. I. Пгр., 1914, с. 243.

[15] Ордин Н. Г. 1) Хороводные и плясовые игры с песнями, употребляемые в Сольвычегодском уезде, 1877. — Архив РГО, VII, 56; 2) Песни, прибаутки, скороговорки, загадки и местные слова, записанные в Сольвычегодске, 1883. — Там же, 53.

[16] Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. — Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 2, 1903.

[17] Лавровский П. О языке северных русских летописей. СПб., 1852, с. 127—128.

[18] Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. СПб., 1876, с. 12, 15.

слово *ёди́ной* ‘иногда’ употреблялось в белозерских говорах. Но чаще в этих говорах, по их сведениям, встречается *единой*, которое, по мнению Соколовых, из *ёдиной* в результате перехода *о* в *а* после *j* (такой переход, по словам Б. и Ю. Соколовых, был характерной особенностью белозерских говоров; ср. *Ягор*, *нитянки* и др.).[19]

В сборнике Н. Е. Ончукова слова *ёдна*, *ёдной* встречаются наряду с *един*, *една*, причем последних значительно больше. Так, в былинах из Усть-Цильмы: Он бы ходит нонь Василей-от Ивановичь, Он ёдного нонь берёт да под праву руку (с. 120); На ёдну-ту ногу нониця припадыват (с. 54), у Гильфердинга также: А не ёднова людей в Москве не казнено (II, с. 579). В большинстве примеров находим *един*, *една́*, т. е. с *е*, который из *о* (после *j*) — *е* могло появиться в соответствии с нормами произношения гласных *а* и *е* после мягких в предударном слоге, характерными для этих говоров.[20]

Приведем только некоторые примеры слов *един*, *една* из сборника Н. Е. Ончукова: Енно́й дорогой ехать три месяча, Другой дорогой ехать два месяча (Усть-Цилем. Арх., Ончуков, с. 82); Он как брал енну боцьку под праву руку, Он другу -ту -ле берёт боцьку под леву руку (Усть-Цилем. Арх., Ончуков, с. 93) и др. Возможно также и с последующим переносом ударения на первый слог: Еруслав город загораится, Ай да енны лавочки да оставаются (Усть-Цилем. Арх., с. 184). Именно с таким ударением отмечены слова *ёдной* ‘один’, *ёдна*, *ёдная*, *ёдно*, *ёдное* в архангельском словаре А. Подвысоцкого.[21]

Заметим, что слово *едно* отмечено и в сказках, записанных Н. Е. Ончуковым в месте записи былин, около Усть-Цильмы: Где вы есь, серые волки, все бежите и катитесь во едно́ место и во единый круг.[22] Об устойчивости этих слов в говорах вокруг Усть-Цильмы и в Нарьян-Марском р-не свидетельствуют тексты песен, записанных в 1929 г. и в пятидесятых годах: Я пришел к тебе на время, Да на единой на часок (Усть-Цилем., 1955, с. 86); Ой, не една-то ле, една, Эй, да во поле да дорожечка Да едная про. . . ой, да една про. . . пролегала (Усть-Цилем., 1955,

---

[19] Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. CX.

[20] Как известно, для ряда архангельских говоров, например, говоров Онежского, Шенкурского, Приморского районов (по архивным материалам 1-го тома Атласа, Ленинград), характерно преимущественное произношение звука *е* после мягких на месте *е* и *а* в первом предударном слоге. Такое же произношение отмечает Л. И. Пирогова в говорах Холмогорского района (Пирогова Л. И. Описание говора шести пунктов Холмогорского района Архангельской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1959, с. 184—185).

[21] Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

[22] Ончуков Н. Е. Северные сказки, с. 9.

с. 99); Ой, да со. . . со едным-то парнем, ой да я созна. . . ой, сознался (Усть-Цилем., 1955, с. 92).[23]

Уже приведенные материалы говорят о прочной традиции употребления этих слов на Севере, не только в фольклоре, но и в обычной речи. Это подтверждают и материалы Словаря русских народных говоров, которые свидетельствуют о широком распространении указанных слов. Они отмечены в архангельских, вологодских, олонецких, новгородских, псковских, ленинградских, костромских, московских, нижегородских, рязанских, казанских говорах, а также в Тамбовской, Самарской, Пермской, Томской и Енисейской губерниях и в Сибири вообще. Приведем только два примера из записей, сделанных в Архангельской обл. Первый — отрывок разговора: Вот един-то дак куды прислоницце (д. Петровская Шенк. Арх., 1947, Архивные матер. 1-го тома Атласа, Ленинград) и второй — отрывок из песни: Да поравремечко да миновалося, За един цасик показалося, Да за един цас да за минуточку (дер. Уна Примор. Арх., 1939, Архивные матер. 1-го тома Атласа, Ленинград).

Кроме того, в говорах имеются и другие слова с корнем *един-*, *едн-*: *единакий* (Олон., Арх., Смол.), *единец* (Волог.), *единёшенек* (Олон., Перм.), *еди́нова*, *еди́ново* (Перм., Свердл., Урал, Сев.-Двин.), *единóк* (Пск.), *еднáть* (Сев.-Двин.), *еднёшенек* (Том.), *е́днова*, *еднова́* (Арх., Вят., Перм.), *единóк* (Калин.).

Безусловно, что слова *ёдин*, *ёдна* имели особую судьбу, отличную от всех других с протетическим *j*. И это в значительной степени объясняет тот факт, что они прочно вошли в говоры. Определенную роль в данном случае сыграло распространение на Севере церковнославянской книжности (ср. ст.-слав. *единъ*, *една*, *едно*), а также тот факт, что в литературном языке, как известно, употребляется ряд слов старославянского происхождения с корнем *един*, и имеется довольно значительное количество слов с первой частью *едно-*, *едино-*. К тому же *один*, *одна* вообще имеют довольно высокую частотность употребления. Все это укрепляло позиции слов с протетическим *j* и способствовало их сохранению в говорах. Думается, что диалектные севернорусские *ёльха*, *ёльшина* 'ольха' также надо объяснять как получившиеся вследствие протезирования начального *о*. Как известно, в древнерусском было *ольха*, *олха* (акы олха древо то — Дан. иг. Нор. 10; На двѣ олхи да с волхъ на ель — Мен. гр. 1540 г.), *ольхъ*, *олехъ* (Поперегъ Оки рѣки на олехъ, да с ольху на озеро — Писц. кн. 7135 г.), *ольшаныи* (вербны и ольшаны вѣтви — Лев. XXIII. 40 по сп. XIV в.), *ольшьник* (Дух. Алекс. Белеут. 1472), *олешьникъ* (Новг. рядн. XV в.).[24] В украинском начальное *о* дало *и*: *йи́льха*, *ви́льха*

[23] Песни Печоры (тексты). Под ред. Н. П. Колпаковой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963.

[24] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895.

(Преображенский);[25] заметим, что обе формы имеют в украинском языке протетические согласные *j* и *в*. И в южнорусских говорах (курских, воронежских) известно произношение этого слова с протезой *в* (*вальха́*), а в вятских — *во́льха* (Ногин. Вят., Дьяконова, 1896). В ряде севернорусских говоров (вологодских, владимирских, костромских, казанских, саратовских и вятских) употребительны слова *ёлха* и *елха́*; в Юрьев-Польском р-не Владимирской обл. записано *ёлха́* (Торлин, 1968). В тех же говорах отмечено *ёлшина* (Кадн., Волог. Волог., Иваницкий; Волог., 1902, Дилакторский) и *елши́на* (Волог., 1902) 'ольха'. В вологодских говорах еще записано *евши́на*, *евши́нник* (Подем-ко вместях по евшинник, надо оплести зады огородца). Заметим, что здесь есть и другое слово — *евшина*, которое значит 'овца', т. е. испытавшее подобное изменение фонетического облика, что и первое.

Кроме этих слов в севернорусских говорах отмечен целый ряд родственных: *елха́рь* (Казан.), *елхо́вый* (Влад., Казан., Вят.), *елша́ник* (Влад., Вят.), *елша́ный* (Влад., Вят.), *елши́нник* (Волог. 1902, Север, Костром., Влад., Вят.), *елши́новый* (Вят.), *е́лшник*, *елшник* (Вят.), *елшня́к* (Влад., Казан., Ставроп. Самар., Уфим.), *елох* (Костром., Казан.), *ёло́х*, мн. *ёлхи́* 'лиственный лес среди луга' (Влад. 1910), *ело́ха*, *ёло́ха* (Волог., Костром., Влад., Яросл., Твер., Пск., Нижегор., Волж.), *ело́ховый* (Костром., Иван., Вят.), *ело́шина* (Казан), *ело́шник*, *е́ло́шник* (Влад., Костром., Казан., Симб., Сарат., Оренб., Уфим.), *ело́шничек* (Сарат.), *елошня́к* (Оренб.).

Таким образом, и на Севере можно говорить о целом ряде слов, употреблявшихся с протетическим *j*. Кроме того, в былинах и песнях отмечается йотация начальных гласных у большого количества слов, даже большего, чем в южнорусских песнях, что в какой-то степени объясняется тем, что протетический *в* не получил на севере сколько-нибудь большого развития (он известен только в отдельных словах, как *вострой* и некоторые другие). Надо сказать, что и в былинах замечается лексикализация этого явления, выражающаяся в преимущественном употреблении с *j* отдельных слов и выражений.

* * *

Нельзя не поставить в связь со словами с протетическим *j* русские диалектные и белорусские местоимения *ён*, *яна́ (ена́, ёна́)*, *яно́ (ено, ёно)*, *яны́ (ены́, ёны́)*.[26] По нашим сведениям, ареал их распространения в основном совпадает с ареалом распространения слов с протетическим *j*. Наконец, в говорах имеется некоторое количество слов иноязычного происхождения, получивших *j* на русской почве. Некоторые из них имеют довольно

---

[25] Этимологический словарь русского языка. Составил А. Преображенский. М., 1910—1914.

[26] Местоимения *ён*, *яна* не рассматриваются в настоящей статье.

широкое распространение. Например, *я́ленький* (я́ленький тва-ток — Смол., Добровольский), *я́лый, яленький* (Унеч., Трубч., Брян., Чагишева, 1967—1969), *бутто ялой цвет* (Мезен., Арх., Григорьев). В записях курских песен М. Г. Халанского встре-чены *ярмия* (твая ярмия Ана ятако́вына — с. 295), в печорских былинах Н. Е. Ончукова — *Ястрахань* (Ой да во славноем-то во Казани, ой да во Ястрахани — с. 155). Слова *ялтарь* (др.-рус. *алътарь*), *янгел* (др.-рус. *анъгелъ*), *ярмяк* (из тат. *ăчтăк*) полу-чили распространение во многих говорах. Уже приводилось свидетельство Н. Дурново относительно слова *ялтарь*, которое он слышал «кое-где» не в песнях в Тульской, Рязанской и Там-бовской губерниях.[27] Оно также зарегистрировано в: Лебед. Тамб. (Цветков), Задон. Ворон. (1914), Нижнедев. Ворон. (1893), Ворон. (1897) и в Симб. (1859). В рязанских и псковских говорах слово сохранилось до наших дней. Находим его в Псковском областном словаре (В женьским намостырй женьшины ходют в ялтарь — Середк. Пск., 1954) [28] и в словаре деулинского говора (Если девачка (родится), то поп в ялта́рь ня вносит).[29] Кроме того, сменой *л* на *н* слово отмечено в нижегородских говорах: *янта́рь* (Семен. Нижегор., 1851; Нижегор. Нижегор., 1852; Княгин. Нижегор., 1905—1921).

С протетическим *j* зарегистрировано в смоленских и псков-ских говорах слово *ангел* (др.-рус. *анъгелъ* из греч. ἄγγελος) — *я́ндиль, я́нгиль* (Новоржев. Пск., 1904): Як паслаў жа гасподь бог да двух янгилиў (Смол., Добровольский, 1890-е годы). В ук-раинском языке: *я́нгол* ‘ангел’, *янголя* ‘ангелок’, *янголятко* ‘ангелочек’, *янгольский* ‘ангельский’.[30]

Многочисленны записи слова *армяк* в форме *ярмя́к*. «Опыт» поместил *ярмя́к* с указанием на распространение этого слова в Шенкурском уезде Архангельской губ. и Пудожском уезде Олонецкой губ. (1852). И в дальнейшем записи этого слова на-блюдаются преимущественно на Севере: Шенк. Арх., 1846; Примор. Арх., 1939 и Шенк. Арх., 1947 (Архивные матер. 1-го тома Атласа, Ленинград); Петрозав., Заонеж., Олон., Куликовский, 1885; Бабаев. Волог., Меркурьев, 1967; Кадуйск. Волог., 1956; Ржев. Твер., 1853; Пск., Осташк. Твер., 1855; Пск., 1963; Прибалт., 1963; Мещов. Калуж., 1916; Сиб., 1916, а также в Шацк. Ряз. (Маслова, 1966). Много раз (по Архивным материалам 1-го тома Атласа, Ленинград) регистрировалось в различных местах Ар-хангельской обл. слово *ермя́к*, которое из *ярмя́к*: Онеж. Арх., 1939; Примор., 1939—1940; Няндом, Арх., 1941; а также Лужск.

---

[27] Дурново Н. Мелкие заметки. . ., с. 257.

[28] Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 1. Изд. ЛГУ, 1967.

[29] Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязан-ского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

[30] Украинско-русский словарь, т. VI. Под ред. И. Н. Кириченко, Киев, 1963.

Петерб., 1912. Слово *яре́ст* 'арест' записано в Минус. Кан. Енис.: Под ярестом (Пейзен. 1857).

В ряде западных говоров слово *агре́ст* 'крыжовник' (пришло через польск. agrest из итал. agresto, Фасмер) известно в форме *я́граст*, *я́грус* и др., например в русских говорах Прибалтики (1963), в брянских говорах: *я́граст* (Стародуб. (сев.), 1912; Зап. Брян., 1957; Брян., 1969), в русском говоре Вятки в Белоруссии (*я́груст*).[31] Хотя в белорусском и украинском литературном языках это слово употребляется без протезы, но в говорах оно встречается с протетическим *j*. Так, в гродненских и минских говорах — *я́граст*,[32] могилевских — *я́граст*, *я́грист*, *я́граставый*, *я́гристывый*,[33] в словарях И. К. Белькевича и Ф. М. Янковского — *я́граст*, *я́груст*,[34] у Гринченко — *я́грост*.[35]

Сюда же, по-видимому, *езя́м* 'азя́м' (Урал, Миртов, 1930) и *елмаз* 'сверло, которым сверлят подковы', *елмазить* 'сверлить подковы', *елма́зка* 'просверливание подков' (Тул., 1881), в которых *е* могло появиться в результате закономерных фонетических изменений в этих говорах. Ареал распространения приведенных слов больше ареала распространения других слов с протетическим *j*, однако в основной своей части (юго-западные и севернорусские говоры) он совпадает с ним.

Слова с протетическим *j* имеются в белорусском и украинском языках. Как известно, в белорусском литературном языке такой *j* развит перед ударным *и* (*іней*, *іхні*, *іскра*), а в некоторых диалектах — и перед неударными, в местоимениях *ён*, *янá*, *янó*, *яны* и в некоторых других словах (они приводятся по ходу изложения материала). Очевидно, в диалектах протетический *j* получил большее распространение. В говорах Славгородчины такой *j* известен и перед *у*: јуједу, јувујун (уюн), јубју 'убью'.[36]

Нам представляется, что приведенные факты дают основание говорить о словах с протетическим *j* как о явлении, имевшем место в истории русского языка. И поэтому их можно рассматривать в одном ряду со словами с протезой *в*, полученной также на русской диалектной почве.

Как известно, А. А. Шахматов считал, что в праславянском языке в абсолютном начале слова развивались три протетических

---

[31] Манаенкова А. Ф. Лексика русских говоров Белоруссии. Минск, 1973, с. 55—56.

[32] Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972; Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, с. 109.

[33] Юрчанка Г. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1966.

[34] Бялькевіч Ј. К. Краёвы слоўнік усходняй магілёўшчыны. Мінск, 1970; Янкоўскі Ф. М. Дыялектны слоўнік, вып. 1—3. Мінск, 1959—1970.

[35] Словарь украïнської мови. Под ред. Б. Д. Гринченко. I—III. Київ, 1958; т. IV, 1969.

[36] Яшкін Ј. Я. Фанетычныя асаблівасці гаворак Слаўгарадчыны. — Беларускі лінгвістычны зборнік. Мінск, 1966, с. 90—91.

согласных: *џ* перед *ū* и *й*, *j* перед гласными переднего ряда и *а* и *ћ* перед гласными заднего ряда.[37] Однако в дальнейшем в употреблении протетических согласных в славянских языках произошли изменения, и в современных славянских языках наблюдается «непоследовательность их реализации, чрезвычайная пестрота».[38] Различна картина и в восточнославянских языках: протетические согласные известны в украинском и белорусском языках и почти неизвестны (за исключением нескольких слов) русскому литературному языку. Если же обратиться к истории русского языка, то надо вспомнить о том, что слова с протетическим *в* встречаются уже в ранних памятниках письменности, а некоторые из них употребляются и в современном литературном языке (*восемь*, *вотчина*, устар. *вотчим* и некоторые другие). Протетический *в* известен южнорусским говорам. Особенно широкое распространение он получил в юго-западных говорах; *в* перед *о* в этих говорах наблюдается систематически (обычно независимо от происхождения *о*): *вбзеро*, *вбсень*, *вббa*, *вбблака*, *вбкала*, *вбчи*, *вбчень*, *вббмер*, *вббратень*, *вбпрометь*, *вбпух*, *вбстров*, *вбторопь* (Смол.); также перед *у*: *вýгыль*, *вуж*, *вýжин*, *вýзиль*, *вýлий*, *вум*, *на вуглý*, *вужи́*, *вузда́*, *вупраша́ю*, *вусы*, *вучёный* (Смол.); *в* отмечен и перед *а* (из *о*): *вади́н*, *вазера́*, *вальха́*, *вакбшка*, *ватдала́*, *ватлучи́ўся* (Смол.). Эти случаи употребления протетического *в* А. А. Шахматов считал поздними по происхождению: «Некоторые славянские языки уже в позднейшее время развили вновь, усилив или восстановив его, придыхательный приступ *в* к начальным гласным; таковы языки малорусский и белорусский; наречия польские и чешские, также великорусские; поэтому малорусские: *вулиця*, *ворати* и *горати*, *гострий*, *вузький* и т. п. не дают прямых указаний на придыхательный приступ в общеславянском праязыке; ср. в малорусском также и *гаспид*, *гарбуз*».[39] Сюда же смол. *вакиян* (на мыри, на вакияни — Ельн. Смол. 1914), ва́рмия (Смол. Смол., Добровольский), *вапбстол*, *вад* (Смол., Добровольский), *воўта́рь* ‘алтарь’, *варган* (Грязов. Волог., Мансикка).

Слова с протетическим *j* перед *а* и *е* были унаследованы древнерусским языком из праславянского; гласные *а* и *е* в древнерусском языке, как известно, вообще были нетерпимы в абсолютном начале слова — перед ними произносился *j*.

Ряд фактов и соображений указывают на позднее происхождение слов с протетическим *j*. Такого мнения придерживался А. И. Соболевский, считая, «что перед нами нечто очень позднее по происхождению, новейшее».[40] Примеры этих слов в памятниках подтверждают эту точку зрения. Н. Дурново привел три

[37] Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 11. Пгр., 1915, с. 57.
[38] Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 296.
[39] Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода. . ., с. 58.
[40] Соболевский А. И. Из истории русского языка, с. 397.

примера из списка повести об Акире XV в. (в рукописи Общества Истории и Древностей Российских № 189). Собственное имя *Анадан* здесь передано как *Янадан*: ѡтъѣцѧ Ꙗнаданъ, слыша Ꙗнаданъ; и далее: Ꙗлівьскую (Аливскую) землю.[41]

А. А. Шахматов в грамоте до 1491 АЮр. № 7 местоимение *ен* предлагал читать как *ён*. Он также писал, что в позднейших памятниках можно найти *йон* (в Ряз. гр. 1677, Пискунов, с. 112).[42] М. Карпинский в Западно-русской четье 1489 г. нашел *юже, вжище* 'веревка, гуж' (И оувидѣли его старци повивша южем влас ѧнымъ).[43] О позднем происхождении исследуемого явления говорят также следующие соображения. 1) Слова, начинающиеся сочетанием *ja*, соответствующим древнерусскому *о*, могли появиться только после возникновения *аканья* (*ябломить, яблетать, яна, яны* и т. д. в смоленских, брянских и других говорах). 2) Сочетание *jo* могло появиться только после возникновения в северно-русских говорах перехода *е* в *о*, первые следы которого в памятниках письменности известны с конца XII в.,[44] напомним при этом, что в архангельских говорах (большая часть наших примеров из них), образовавшихся на основе новгородских, этот переход должен был происходить позже, чем в других северно-русских говорах.[45] 3) Наличие *j* перед *а* в поздних заимствованиях, таких как *ялый, яленький* (др.-рус. *алъ*, укр. *а́лий*), которые, по сведениям Фасмера,[46] известны с XIV в., из тур., крым.-тат. al 'алый'; *янисовый* из нем. или фр.; слова *ялтарь* (др.-рус. *алътарь*), *янгел* (др.-рус. *анъгелъ*), *ярмак* (из тат. ärmäk) известны с конца XVI в. (по Фасмеру). 4) Наличие протетического *j* в ряде слов, претерпевших трансформацию своего фонетического облика на диалектной почве, например *j* в слове *ёже*, являющемся северной диалектной разновидностью литературного *уже* (см. выше пример из сборника Н. Е. Ончукова), *j* в смол. *юзяли*, которое из *узяли*, соответствующее общенародному *взяли*, *j* в словах *юдова, юдовушка, ювдовушка* (юж.-рус.), где *j* перед *у* и *ув* (на месте *в*); сюда же *ювсе́* 'все' (Новосил. Тул.).

Если говорить о причинах появления *j*, то нельзя не обратить внимание на то, что говоры, где записаны, например, песни (на юге) и былины (на севере), отличаются специфическими сходными чертами. Мещовские говоры, по сведениям В. И. Черны-

---

[41] Дурново Н. Мелкие заметки. . ., с. 257.

[42] Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, с. 56.

[43] Карпинский М. Западнорусская четья 1489 г. — РФВ, т. XXI, 1889, с. 84.

[44] Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 129.

[45] Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., с. 27.

[46] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1964.

шева, имели протетический *в* перед *о* и *у*. Протеза в этих говорах являлась и перед неударным *а* (*васá*, *Вадáма*). В то же время начальный *а* имел склонность к отпадению, особенно после частицы *не* и предлогов (*занбар*, *дарлá*, *накнé*, *ниддавали* и т. п.). Перед начальным *и* произносился *j* (*júва*, *júстари*, *júдалы* и т. д.).[47] Таким образом, мещовские говоры имели тенденцию к прикрытию начальных гласных и не допускали произношения подряд двух гласных. Имея в виду эти особенности говоров, нельзя не поставить в связь с ними наличие в песнях А. Косогорова протетического *j*. Смоленские говоры, в которых, по материалам В. Н. Добровольского, употреблялись слова с протетическим *j*, отличаются такими же характерными чертами, что и калужские. Употребление протетического *j* в них является как бы одним из звеньев в своеобразной системе защиты начальных гласных. Мощным и самым надежным членом этой системы надо назвать прежде всего протетический *в*, прикрывающий постоянно начальные *о* и *у* в ударенном слоге (а иногда и в неударенном). Другим действенным средством ее (проявляющимся в неударенных слогах) является йотированный *и*, который очень часто произносится на месте начального *а*. Это последнее средство сочетается в неударенных слогах с другим — отпадением начальных гласных, особенно после предлогов *на*, *за*, *при* и отрицания *не* (начував на^вини, за^дным, на^дном, пра^днае, на^сину, за^хотыю, ни^тдавай).

Таким образом, все эти особенности свидетельствуют о ярком проявлении в этих говорах тенденции возрастающей звучности слога.[48] Последняя дает о себе знать различными явлениями: отпадением начальных гласных, наличием протетических согласных и др.

Очевидно, действие указанной тенденции в разные периоды истории русского языка вызывало различные явления. Проявление ее было более интенсивным в диалектах русского языка; причем степень интенсивности ее в разных говорах была неодинаковой. Как можно было видеть, среди южнорусских говоров наибольшее количество слов с протетическим *j* отмечено в юго-западных говорах. На почве ее здесь наблюдается ряд фонетических явлений: прикрытие начальных гласных (особенно в ударном положении) протетическими *в* или *j*, или же отпадение начальных гласных в неударном положении. На фоне произношения большинства слов с протетическими *в*, изменением начального *а* (из *о*) в *и*, отпадением начальных гласных встречаются отдельные слова (главным образом с ударением не на первом слоге),

---

[47] Материалы для изучения говора и быта Мещовского уезда, сообщил В. Чернышев. — Сб. ОРЯС, т. LXX, № 7, 1901, с. 153.

[48] На наличие такой тенденции указывают экспериментальные исследования ленинградских фонологов. См.: Бондарко Л. В. Структура слога и характеристика фонем. — ВЯ, 1967, № 1, с. 34—36; Бондарко Л. В. и Павлова Л. П. О фонетических критериях при определении места слоговой границы. — Русский язык за рубежом, 1967, № 4.

где начальный *а* (на месте древнерусских *а* и *о*) прикрыт йотом. Это явление охватывает здесь небольшое количество слов.

На Севере слова с протетическим *j* встречаются в былинах, записанных в глухих местах (на берегу Белого моря, по северным рекам — Печоре и др.), которые, по наблюдениям собирателей и диалектологов, характеризуются не только сохранением былин, но также консервацией архаических черт в говорах жителей этих мест. По свидетельству Г. Я. Симиной, например, говоры на Пинеге отличаются слабой редукцией безударных гласных, наличием второго полногласия (*верёх*, *молонья* и др.).[49]

В текстах былин обращают на себя внимание факты, свидетельствующие о довольно ярком проявлении упомянутой тенденции, как например функционирование предлогов и приставок *со*, *ко*, *во*, соответствующих литературным *с*, *к*, *в*: Птица солеталась по поднебесью (с. 331); Соежжалисе богатыри во Киев град (с. 314) и др. — из былин, записанных Н. Е. Ончуковым на Печоре. Такие же примеры можно найти в сказках, записанных им в Усть-Цильме: Заставил сырой дуб выколоть и на огонь склась, сожеччи (с. 6); Невод сошили, стали рыбу ловить (с. 2) и др. Находим также в сказках из сборника Смирнова: Глядит — человек сидит на дереве. Если, говорит, крешшоной — сходи (Онеж. Арх., с. 21).[50] Также в былинах Григорьева: Сходил Добрыня со добра коня (Кем. Арх., I, с. 81); Соходили со своих добрых коней (Кем. Арх., I, с. 44).[51]

В материалах 1-го тома Атласа (Ленинград) встречаем их как в песнях (Состянул-то да сломил со правой руценьки золото да колецько — с. Пушлахта, Онеж. Арх., 1940), так и в обычной разговорной речи (Сошила вот из кожи просто. Хто во чём сумиёт. Где она соходит? — д. Оксово Плесец. Арх., 1948). Очевидно, в песнях и былинах все эти диалектные особенности проявлялись более отчетливо,[52] а в некоторых местах такое исполнение превратилось в своеобразную песенную манеру.

---

[49] Симина Г. Я. Пинежье. Очерки по морфологии пинежского говора. Л., 1970, с. 13.

[50] Смирнов А. М. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Пгр., 1917.

[51] Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904.

[52] Любопытно мнение музыканта Л. Сабанеева об отличиях речи от музыки. «В самом „звучном“ звуке живой речи, — говорит он, — нет той ясности, той напряженности звучания, как в самом тихом „рр“ музыкального „петого“ звука. . . Самый тембр речевого звучного звука отличается от звука той же высоты и силы, но петого: он жиже, неопределеннее по тембру, он, если так можно выразиться, обычно несколько „небрежнее“ по своему облику». По его мнению, «четкий, ясный звук пения получается, очевидно, при более напряженных колебаниях связок, чем те, которые дают начало звуку речи. . . Даже в минуты максимальной яркости звука речи — в моменты напевности или крика — голос не переходит в тембр пения по-настоящему, а только приближается к нему, и даже это приближение часто ощущается как неестественность, напряженность» (Сабанеев Л. Музыка речи. Эстетическое исследование. М., 1923, с. 62, 101).

И. А. ПОПОВ

Лексико-семантические группы наречий со значением 'вчера', 'вечером'

М. М. Покровский писал, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются. . ., независимо от нашего сознания, в различные группы».[1] Изучение лексико-семантических групп, семантических микрополей, в основе которых лежат исторически сложившиеся определенные связи и отношения, получает все большее распространение в исследованиях по лексике.[2] Однако количество лексико-семантических групп в языке чрезвычайно велико, и сделано еще очень немного на пути их выявления и изучения.

В статье рассматривается история слов, объединяемых в лексико-семантические группы со значением 'вчера' и 'вечером' и их функционирование в системе современного русского языка (литературного и народных говоров).[3]

Названия, указывающие на время протекания действия (вчера, вечером), принадлежат к числу важных в языке для выражения временной координации представлений о процессах действия, чем объясняется древний характер многих наречных образований, служащих для выражения данных понятий, и большое разнообразие их в языке в разные исторические периоды.

Наречия со значением 'вчера', 'вечером' семантически не тождественны и составляют две самостоятельные группы слов, которые,

---

[1] Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1959, с. 82.

[2] Ср., например: Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов. — В кн.: Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957, с. 523—538; Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962; Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. — ВЯ, 1963, № 1, с. 29—45; Жилко Ф. Т. Про семантичні поля української мови. — Українська мова і література в школе, 1971, № 12, с. 25.

[3] Использованы материалы СРНГ (вып. IV. Л., 1969) и его картотеки, картотеки словарей современного русского языка и русского языка XVIII в., древнерусского словаря и материалы «Диалектологического атласа русского языка», а также записи автора.

однако, не являются совершенно изолированными как в семантическом, так и в этимологическом отношении, большинство из них восходит к одному источнику — существительному *вечер*. Такая их семантическая и этимологическая соотнесенность делает целесообразным проведение их изучения одновременно.

I. Лексико-семантическая группа наречий со значением 'вчера'

В русском языке XIX—XX столетий (в литературном и народных говорах) имеется довольно значительная группа слов, объединяемых значением 'вчера': *вчера*, *авчера*, *вчёры*, *вчерась* (*-ся*, *-се*), *авчерась*, *вчёрыся*, *всчёрась*, *вчерасенька* (*-ки*), *вчерасетка*, *вчерасятко*, *вчерасяткось*, *вчерасека*, *вчераски*, *вчерашка*, *вечера*, *вечорась*, *вечорось*, *вечерясь*, *вечорь*, *завчера*, *завчерасенько*, а также *втепры*, *втупоры*, *втупорясь*. . .

Центром этой лексико-семантической группы является с древних времен наречие *вчера*. Другие перечисленные образования появились позднее. Рассмотрим историю формирования этой группы наречий.

Об этимологии наречия *вчера*, ядре названной группы слов, А. Вайян предположительно писал: «*Вьчера* напоминает *вечер*».[4] Более определенно высказался о его этимологии А. Мейе: «Следует отметить употребление *вечера* в служебной форме, ставшей наречием *вьчера* 'вчера' (буквально: в момент вечера)».[5] Ф. И. Буслаев в наречии *вчера* (*вчерась*, *вечерась*) видел окончание «родительного падежа ед. числа».[6] Так же А. Мейе: «Родительный-отложительный падеж дает наречия типа *вьчера*, родительный падеж от *вечеръ* (с изменением гласной вследствие служебного характера слова)».[7]

Наречие *вчера*, согласно существующим этимологиям, принадлежит к числу слов общеславянского фонда и известно во всех славянских языках. Ср. русск. *вчера*, укр. *учора*, белор. *учера*, *вчора*, болг. *вчера*, сербохорв. jȕчȇр(а), словен. včéra, чешск. včera, польск. wczora(j), верхнелуж. wčera, нижнелуж. cora. От древнейшей общеславянской эпохи слово дошло до современности. В современном русском языке (литературном и народных говорах) оно имеет лишь разное фонетическое оформление, отражая действующие фонетические закономерности. Более сильные изменения оно претерпело в псковских говорах, где имеет место передвижка ударения на первый слог и изменение конечного гласного — *вчеры* (1855 г., СРНГ), а также *авчера* с протетическим гласным:

---

[4] Вайян А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, с. 241.

[5] Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 374.

[6] Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. М., 1959, с. 452.

[7] Мейе А. Общеславянский язык, с. 379.

Медын. Калуж. (Прогр., 263), Касим. Ряз. (Прог., 247), Новос. Тул. (Прогр., 240, 241), Бронниц. Моск. (Прогр., 81), Оренб. (Прогр., 5).

Наречие *вчера* в русском языке с древних времен сопровождает его вариант *вчерась* (*-ся*). Памятники письменности, отразившие элементы народной речи, донесли многочисленные случаи его употребления. Время образования этого дублета указать трудно, так как возник он, по-видимому, в сфере народно-диалектной речи (такого типа образования с добавлением местоименной частицы *сь* к производящей основе были нередки, ср. *веснусь*, *утрось*, *оногдась*, *ономеднись*, *сегоднесь*, *сегодысь*, *нонись* и др.). В XVII в. оно было представлено достаточно широко, как об этом свидетельствуют памятники делового письма вести-куранты.[8] Вчерас де въ ходу за брозы шли все братие ко святому Марку (текст 4, л. 14, 1620); . . .и здешные крепости никаких запасов не пропущаютъ угряна хотят неметцкую осаду оставит вчерас в Модернъ тысеча пятсот угрян пришл (текст, 4, л. 2, 1629); . . из Шлескои земли вчерас письмо пришло (текст 6, л. 53, 1621); Да вчерася ж межъ осмово и девятово часа до полден видели Г солнца да Г радуги на небе (текст 7, л. 276, 1621).

Народный характер наречия *вчерась* способствовал широкому проникновению его в начальный период формирования русского литературного языка в XVIII в. в памятники разных жанров. Оно встречается не только в произведениях народного творчества (Поминай как звали, кого вчерась погребали. — Барсов, Собр. рос. посл., 1770 г.), но и в близких к разговорному языку документах делового, эпистолярного жанров. Приведем некоторые примеры: Адмирал вчерась в вечеру с своим и Викториею кораблями у Нарчена стали на мель (Походн. журн., 1719); Також вчерась получил я при Ренове писме роспросные речи взятых языков (Меньшиков — Петру I, 1708); Вчерась получили Статы письма от посла своего конте Коллиерса (Куракин — Головину, 1703); . . .я ездил вчерась в город (Страхов — Куракину, 1776); Чего англичане за несколько месяцев себе не воображали, то случилося вчерась (Радищев — Воронцову).

Не чужд наречия *вчерась* был и язык художественной литературы как в авторской речи, так и в речи действующих лиц (по преимуществу). К этому времени восходят истоки стилистического использования названного наречия в художественной литературе XIX—XX столетий. Однако в XVIII в. эта функция достаточно четко еще не оформилась. Приведем некоторые примеры: Болваном Макар вчерась казался народу (Кантемир, Сатира V); Ты разве уж забыла, У нас вчерась что была? (Интерлюд., XVIII); Вчерась лишь одному врачу я отгадала, что скоро свет его почтет за коновала (Майков, Елисей); Она вчерась представляла Ифи-

[8] Вести-куранты 1600—1639 гг. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.

гению, а вы играйте роль Игумна (Елагин, Приключ. маркиза Г.); Вот едет госпожа! Она вчерась вышла замуж (Трутень, 1769); Марфа — . . .вчерась она танцовала (Подражатель, 1779); Я был вчерась в гостях у Дремова (Живописец, 1772); Вчерась хотел он меня везти в оперу (Крылов, Почта духов, 1789); Так откупщик вчерась судил, Сбираясь быть поселянином (Державин, Соч., 1898).

Интересно отметить, что в переписке создателя «Российской грамматики» М. В. Ломоносова также встречается наречие *вчерась*: И я сам вчерась бранным словам его не верил (письмо Шувалову, 1760), однако в качестве образцового он привел в грамматике наречие *вчера*. С другой стороны, Н. М. Карамзин, стремившийся избегать в своих произведениях грубых, по его мнению, слов, не избежал в «Письмах русского путешественника» наречия *вчерась*: Вчерась же после обеда был я у славного Канта (ПРП, 1797).

В XIX в. в связи с становлением норм литературного языка происходило постепенное оттеснение наречия *вчерась* из сферы нейтральной речи. Процесс этот был длительным. Некоторое время это наречие продолжало употребляться в сочинениях эпистолярного жанра, отражающих разговорную речь образованных слоев общества: Вчерась послал я к Бееру письмо (Державин, Переписка № 819); Был я у Фикельман. . . Вот вчерась как я ввалился в освещенную залу с нарядными дамами, то смутился, как немецкий профессор (Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 1834); Святую неделю провел я чинно до́ма, был всего вчерась (в пятницу) у Карамзиной да у Смирновой (Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 1834); Я. . . перевел вчерась листа три из Ариоста, посягнул на него первый раз в моей жизни (Батюшков — Гнедичу, 1811).

В произведениях художественной литературы наречие продолжает встречаться в речи действующих лиц, но не всегда еще несет ту яркую стилистическую окраску, которую приобретает впоследствии. Ср.: Ты, верно, Маша, вчерась угорела, сказала Прасковья Петровна (Пушкин, Метель); Был ты вчерась у***? (Пушкин, Пиковая дама); [Д о к т о р:] Право, утверждать не смею. . . Жена его вчерась скончалась (Лермонтов, Маскарад); [Э м и л и я Ф е р н а н д о:] Ко мне ужасные теснятся мысли; Вчерась я видела во сне, что ты меня хотел зарезать (Лермонтов, Испанцы).

Однако, по-видимому, в середине прошлого века сфера употребления наречия *вчерась* замкнулась рамками диалектной и народно-разговорной речи. В связи с этим возросла его роль как стилистического средства языковой характеристики действующих лиц в русской реалистической литературе: И вот — помер. . . Вчерась был жив, шутил с Ольгушкой, ноне лежит и не дышит (Гл. Успенский, Из дерев. дневн.); Вчерась Савиновы затравили лисицу (Андрюша — помещику. Н. Успенский, Уездные нравы); [Ш у м и л о в а:] Приходят вчерась землемеры (Салтыков-Щед-

рин, Губ. очерки); На что у тебя голос похож? Трещит, словно кастрюля. Опять, небось, вчерась трахнул за галстук (Чехов, Певчие); Вчерась на Выборгской три лавки разнесли начисто, — сказал один голос (А. Н. Толстой, Сестры).

В диалектологических записях XIX—XX столетий имеется много свидетельств широкой распространенности наречия *вчерась* почти во всех севернорусских, южнорусских и среднерусских говорах. Многочисленные записи диалектологов в последние десятилетия XX в. показывают, что это слово органически входит в лексическую систему говоров и функционирует в них очень активно: Я видела, вы вчерась были; Вчерась была погода темна, а утром ясень такая была; Вчерась приехали (Лижма, Кондоп. КАССР, авт.).

По существу слово *вчерась* не дает изоглоссы. Оно встречается не только в диалектной речи, но и в городском просторечии.

Словари по-разному оценивали место наречия *вчерась* в системе современного русского языка. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова оно характеризуется как просторечное и областное. Эта характеристика слова внутренне противоречива, хотя и обращает внимание на распространенность его в народной речи. Весьма точная характеристика слова имеется в «Словаре современного русского литературного языка» как устарелого и просторечного. В то же время эти словари не отмечают другие варианты наречия *вчерась*, которые не имеют такого широкого ареала и являются диалектными. К ним принадлежат *вчерасе* (Шенк. Арх., Мансикка), *вчерася*: Извини, моя милая, что вчерася не пришел — Твер., Пск., Смол. (Копаневич), Костром. (Прогр., 264; Марков), Перм. (Миртов), Никол. Волог. (Прогр., 266), Медын. Калуж. (Прогр., 263), Касим. Ряз. (Прогр., 109), Иркут. (Прогр., 142).

Эти варианты на *-се*, *-ся* возникли не без влияния распространенных в говорах возвратных глаголов на *-се*, *-ся* типа *боялсе*, *дожидалсе*, *боюся*, *уродилася*.[9]

Примечателен также вариант с протетическим гласным *авчерась*: Брян. (Прогр., 259), Липецк. Ворон. (Тростянский), Боров. Калуж. (Чернышев).

Так как наречие *вчерась* (и его диалектные варианты) органически входит в диалектные лексические системы, оно подверглось изменениям в них в соответствии с действующими закономерностями. Поэтому, помимо рассмотренных, в псковских говорах образовался вариант *вчёрыся* с переносом ударения на первый слог и изменением последующего гласного. Ср. псковское *вчёры* (СРНГ). Кроме того, возник ряд словообразовательных вариантов с суффиксами субъективной оценки: *вчерасенька* (Твер., 1880): Вчерасенька только в меня куплена в магазине эта мука (Йыгев.,

[9] Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1958, с. 70—88.

Тарт. Эст. ССР — СРНГ), *вчерасеньки* (Новг., 1911 — СРНГ); Давно ён был? — Да тольки вчерасеньки (Пск., Смол. — Копаневич), *вчерасинька* (Устюж. Новг. — Судаков), *вчераски* (Новорж. Пск. — Чернышев), *вчерасека* (Каляз. Твер. — Прогр., 270), *вчерасетка* (Онеж. Арх., 1881 — СРНГ), *вчерасятка* (Любим. Яросл. — Чернышев): Вчерасятко рано пошли; Вчерасятко тутотко вымыла ее (Белоз., авт., Кирил. — МДА, 273, Волог.).[10]

В кругу рассматриваемых наречий следует назвать образованное от основы *вчера* — *вчерашка* (Дон., 1929—СРНГ), а также *завчера* (Жиздр. Калуж., 1848): Завчера в Стародворье ходила (Прейл. Латв. ССР — СРНГ), *завчерасенько* (с тем же значением 'вчера'): Да ен тольки завчерасенько приходил к ним (Йыгев. Тарт. Эст. ССР, Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР — СРНГ).

В говорах лексико-семантическая группа наречий со значением 'вчера' расширилась за счет других диалектных наречий — *вечера*, *вечёрась*, *вечерось*, *вечерясь*, *вечорь*:

вечера: Она так вечера объяснялась (Нукус. Каракалпак. АССР, 1943— СРНГ), *вечорась* (Урал., Миртов), *вечорось* (Даль, без указ. места): Вечорось ночью (Клин. Моск., Покр. Влад., 1905—1921, Яросл., Бердюж. Тюмен. — СРНГ), *вечерясь* (Рост. Яросл., 1881 — СРНГ), *вечорь*: Вечорь пришла (Александ., Юрьев. Влад., 1905—1921, Яросл. — СРНГ).

Значение 'вчера' имеют и некоторые сложные наречия — *втепры*, *втупоры*, *втупорясь*: *втепры* (Миньяр. Челяб., 1930 — СРНГ), *втупоры* (Миньяр. Челяб., 1930 — СРНГ), *втупорясь*: Втупорясь я пришла, а тебя не было дома (Нижне-Тагил. Свердл., 1930 — СРНГ).

II. Лексико-стилистическая группа наречий со значением 'вечером'

Значение 'вечером' в русском языке выражается группой наречий и наречных сочетаний, образованных от разных падежных форм существительного *вечер*.

Понятие 'вечером' в славянских языках выражается неодинаково: русск. (литер.) *вечером*; белор. *вечарам*, *увечар*, *увечары*; укр. *ввечери*; польск. wieezorem; словенск. večer; чешск. večer; болг. *вечер*, диал. *вечери*, из чего следует, что известное в русском, белорусском, польском *вечером* образовалось значительно позднее *вчера*, после распада общеславянского единства. В русском языке процесс адвербиализации и отбора форм для выражения значения 'вечером' был длительным и до сего времени отличается в диалектах большим разнообразием. Истоки этого разнообразия уходят нередко в далекое прошлое.

---

[10] Ср. также: Вчерасятко-сь целый день с работницей (горенку) отапливала (Писемский, Горьк. судьб.).

Памятники древнерусской письменности свидетельствуют, что для выражения значения ‘вечером’ использовались разные формы косвенных падежей существительного *вечер*: *вечеръ* — вин. пад.; *вечеру*, *вечерѣ*, *в вечерѣ* — местн. пад.; *вечером*—твор. пад.: Вечеръ ли. или полоунощи. или в коуроглашение, или заоутра (Мр. XIII, 35. Остр. ев. — Срезневский); Не хожеше зять по невѣсту, по приводѧху вечеръ. а завътра приношаху по неи что вдадуче (Пов. вр. лет. — Срезневский); В четвертокъ вечеръ погоре градъ Островъ (Пск. лет. 6980 — Срезневский); Не оставихъ цркве бжиѧ вечеръ ни заоутра ни полудне (Сб. Святосл., 1076); Вечер поздно здѣшнего полковника Шланговы загонные люди сюды пригнали К лошадеи (ВК-I, с. 203); Вечер сюды в Веницѣю мантувскои посол пришел (ВК-I, с. 127).

Приведенные примеры свидетельствуют, что наречие *вечеръ* ‘вечером’ не было редким. *Вечеру*: Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ (Сл. о п. Иг.), *вечерѣ*: Оже нелзѣ сѧ будетъ причащати лѣто, или полъ лѣта, то ополоснутисѧ вечерѣ, а наоутрие комъ-катъ (Вопр. Кир — Срезневский), *въ вечерѣ*: В понедѣлник в вечере восмьнатцать поляков с королевским писанем сюды и его величеству приѣхали (ВК-I, с. 143), *вечером*: Загорелося въ недѣлю вечеромъ и горѣ до обѣда (Пск. I лет. 6967 — Срезневский).

Такое разнообразие в памятниках выражения понятия ‘вечером’ было вызвано, с одной стороны, тем, что процесс адвербиализации не был еще завершен, с другой — отсутствием единой нормы, влиянием разных диалектных систем на письменную речь.

В ранний период становления норм русского литературного языка, в XVIII в., разнообразие наречий и наречных сочетаний для выражения понятия ‘вечером’ сохраняется: *вечера*, *вечер*, *в вечер*, *вечеру*, *в вечеру*, *в вечере*, *при вечере*, *вечером*, *вечерком*, что нашло отражение в письменности разных жанров: *вечера*:. . . распрощавшись поздно вечера со всеми, пошли мы с Сенявиным в свою лодку ночевать (Челищ. Путеш., 1791), ср.: . . .всякого вечера помочь из кораблей своих одерживают (М. вед. 1, № 705); Одного вечера, как ложился я спать, одна из сих гнусных тварей опускается с верха постели, упала ко мне на руку (Белевы путеш., 1776); *вечер*: в САР 1789 г. имеется такое определение: «Иногда употребляется в образе наречия и значит: поздо, в вечеру, в исходе дня. Вечер и заутра, и полудне повѣм. Псалт. XIV, 18»; *в вечер*: Наконец вот прибрели в вечер в город славный (Тредиак., Басни); *вечеру*: Вместо его должна сама поутру и вечеру принимать сего порошку по полузолотнику (Зыбелин, Слово, 1775); И король был у министров, и вечеру стали кушать с королевною (Гист. о португ. королевне Анне, 1779); [С к о т и н и н:] Вечеру быть уже зговору, так не пора ли ей сказать, что выдают ее замуж? (Фонвизин, Недоросль, 1783); Извини, что у вас вечеру не был вчерась (Г. Р. Державин — Д. А. Дьяковой, 1794—1795); *в вечеру*: В вечеру, в вечер (Вейсман. Лекс., 1731); В вечеру поздно, по захождении солнца (там же); Вчера в вечеру (Поликарпов,

Лекс, 1704); . . .поздо, в вечеру, в исходе дня (САР$_I$) и др.; *в вечере*: И того же числа пришли в вечере на речку Алтат (ПШ, I, № 33, 1701); *вечером*, *вечерком*: в САР$_I$ говорится: «Во образе наречия, значит в вечеру, в вечернее время».

Наречие принадлежит к числу самых распространенных в рассматриваемой группе.

Разнообразие форм выражения значения ‘вечером’ на ранней стадии формирования русского литературного языка не может быть объяснено только влиянием диалектной речи, хотя последнее, как и влияние традиции, могло играть известную роль. Однако главной причиной было, очевидно, отсутствие единой нормы. По мере становления этой нормы количество лексических единиц в данной лексико-семантической группе уменьшалось. Прежде всего вышли из употребления редкие и для XVIII в. архаичные формы *вечер*, *вечеру*, а также *в вечер*, *в вечере*. Несколько дольше задержалось *в вечеру* ввиду известной традиции, сложившейся в XVIII в. и поддерживаемой в известной степени Словарем Академии Российской (ср. приведенные выше выдержки из него). Пушкин писал: Яд каплет сквозь его кору, К полудню растопаясь от зною, И застывает ввечеру Густой прозрачною смолою (Анчар); Спокойно дома засыпает И сам не знает поутру, Куда поедет ввечеру (Евг. Онегин). Но это была дань традиции. Из многих сосуществовавших вариантов в русском литературном языке XIX—XX вв. остались *вечером*, *вечерком* (ССРЛЯ). Другие наречные выражения: *к вечеру*, *с вечера*, *по вечерам*, *под вечер* и др., а также *вечерами* (ССРЛЯ) имеют семантические отличия и функционируют в качестве самостоятельных лексических единиц.

Сужение рамок рассматриваемой лексико-семантической группы слов в литературном языке не привело к исчезновению других наречий вообще. Некоторые из них продолжали свой путь в диалектах, которые обогатили эту лексико-семантическую группу и рядом других наречных образований с значением ‘вечером’: *вечер*, *вечера*, *вечере*, *вечеря*, *вечери*, *вечор*, *вечеру*, *в вечерих*, *в вечерях*, *о вечерях*, *на вечерях*, *вечерях* и некоторые другие. Приведем необходимый материал. *Вечер*: Ужоткас прошу я те, что щалычила тебе вечер втепор кума? (Котельн. Вят., 1896 — СРНГ); *вечера*: Заставила, заставила, Заставила поздно вечера ходить (песня) (Обоян. Курск., 1862. Дмитр. Орл.); Кто-то стучался много вечера (Котельн. Вят.); Увидел он диван, лег на него спать, уснул очень крепко. Вечера слышит: брякают колокольчики — едут к нему невесты (сказка) (Перм. — СРНГ); *вечор* (Горбат. Нижегор., 1854. Новг.): Вечор сидели девушки, одну думу думали (песня) (Пск. Арх., Костром., Муром. Влад., Моск., Тул.); Да взойди, взойди, неясное солнце! Да приди, приди, заудалой молодчик, вечор до меня! (Курск., Соболевский. Симб., Акм., Том. — СРНГ); *вечорь* (Покр. Влад., 1896. Курмыш. Симб. — СРНГ); *вечеру́* (Петрозав. Олон., 1885—1898): Придет милый вечеру — подарю колечко (частушка) (Арх.); На берегу малины много, вечеру всю

распродам (песня) (Онеж. КАССР); Вчерась вечеру (Остров. Пск., Калязин. Твер., Медын. Калуж., Яран. Вят.); Вечеру, сказывают, месяц народился; Вечеру рыбу ловить будем (Тобол) и *вéчеру*: Позднешенько вечеру сударка, сударка была (песня) (Мещов. Калуж., 1916 — СРНГ); *вечéре* (Влад., 1853. Кинеш. Костром., Яросл.): Приходи вечере (Волог., Вят., Кашин. Твер., Барнаул.), *вечёре* (Котельн. Вят., 1896. Орл., Сиб.), и *вéчере*: Стану я плакати по утрам ранехонько, вечере да позднехонько (прич.) (Кологр. Костром., 1920), *вечере* (удар.?) (Рост. Яросл., 1868. Меленк. Влад.): Я вечере пойду в гости (Красноуфим. Перм., Верховин, Киров — СРНГ), ср. *вечерее* ‘позднее вечером’ (Мещов. Калуж., 1906—1921 — СРНГ); *вечéри* (Луж. Петерб., 1871): Я пойду вечери (Луж. Петерб. — СРНГ): Прели, станили, вечери сидишь до часу; Вечери сё пряли, днем теперь нековды; Вечери сидишь до часу иножды (Белоз. Волог., 1952, авт., Вытег. Олон. — М., II ИОРЯС I, 3, 571), *вечери* (удар.?): Ужо вечери (Арзам. Нижегор., 1912 — СРНГ); *вечéря*: Вечеря сходу наряжу (Клин. Моск., 1905—1921) и *вечеря́*: Завтра вечеря собрание будет (Кандалакш. Мурман., 1923), *вечеря* (удар.?): Пришел зеленя поздно вечеря (загадка: банный веник) (Ряз., 1876. Рост. Яросл. — СРНГ) (Луж. Петерб. — Де-Лиль-Адам, с. 252); *вечéрях* (кроме ‘вечером’ иногда имеет значение ‘по вечерам’): Вечерях гуляли (Кем. Арх., 1895—1896); Она байну пошла вечерях против праздника; Вечерях бабка приходи; Вечерях народ торгует (Усть-Цилем. Арх., 1953 — СРНГ); *в вечéрях*: Карбас требуется на станцию предоставить, мешкать нельзя; В вечерях был в Кеми (Арх.), *в вечеря́х* (Рыб. Яросл.), *в вечерях* (удар.?) (Петрозав. Олон., 1896. Верхотур. Перм.): К нам в вечерях приходил старый знакомый (Перм. Слобод. Вят. — СРНГ); Был в вечерях (Кирил. Новг. — М. IX, ОРЯС, т. 87, 5, 191, и др.; Белоз. Новг. — ААН, ф. 197, 2, № 140, 321; Крестец. Новг. — ААН, ф. 197, 2, № 146, 45), *в вéчерих* (Грайвор. Курск., 1897 — СРНГ), *в вечерех* (удар.?) (Кирил. Новг. — ААН, ф. 197, 2, № 145, 101); *на вечéрях*: Такого рода лов производится на вечерях (Арх. — СРНГ); *о вечéрях*: О вечерях сходил в лес (Кирил. Новг. — СРНГ); *вечóрось*: Вечорось приходил старик, посидел, посидел, не дождался тебя; темно стало, двору ушел (Мещов. Калуж., 1916 — СРНГ); *вечеря́нкой* (Охан. Перм., 1930 — СРНГ); *вечери́нкой*: Попозже и вечеринкой уедете, сейчас вам никого не застать, надо вечеринкой часов в пять; Может, седни покинули бы вечеринкой (Кондоп. КАССР, 1954, авт.); *вечери́ночку* (?): Вечериночку стояла у ворот, Ворота были заложены, на заложечку положены (Вытег., Каргоп. Олон. — АГО, XXV, 40, 324); *вечéреньки* (Тихв. Новг., 1911. Новг. — СРНГ).

В приведенных материалах все наречия имеют значение ‘вечером’. Однако в анализируемых источниках имеются сведения о детализации этого общего значения применительно к времени протекания действия: вчера, сегодня, завтра. Таким образом, если принять во внимание эту особенность сообщаемых сведений,

то можно выделить три семантических центра, вокруг которых группируются ряды слов: а) наречия со значением ‘сегодня вечером’; б) наречия со значением ‘вчера вечером’; в) наречия со значением ‘будущим вечером’.

К сожалению, в материалах тексты, иллюстрирующие названные значения, имеются не всегда, а те, которые есть, довольно лаконичны. Поэтому при анализе приходится опираться на семантическую характеристику слов, данную собирателями или в словарях. Рассмотрим необходимый материал.

а) Наречия со значением ‘сегодня вечером’. Таких слов отмечено два: *вечéре* и *сéйвечер* (*сéвечер*): Вечире посадим росаду (Калин. Калин. — Оп. сл. гов. Кал. обл., 1972), (Волог.) ‘ужо вечером, нынешним вечером’ (Даль); Надо было ему втупор, а он сейвечер поехал (Петерг. Петерб. — Втор. Доп., Лодейноп. Олон. — Прогр. 9); Севечер я пойду и сделаю (Белоз. Волог., 1954, авт.). Также: Петерб., Ладож. (Кедров), Ленингр., Капш. (Калинин, МДА, 179), Лодейноп. (МДА, 163, 166), Оят. (Калинин, МДА, 177), Подпорож. (авт.), Новг. (Даль), Белоз. (Тр. МДК XII 47), Борович. (Смирнов), Крестец. (ААН ф. 197, 2, № 145, 54; Тр. МДК XII 80), Тихв. (Тр. МДК XII 80), Хвойн. (Еремин), Черепов. (Герасимов), Волог., Белоз. (авт.), Арх., Шенк. (Втор. Доп.), Сиб. (Селищев).

б) Наречия со значением ‘вчера вечером’: *вечóра* (Луж. Петерб., 1871 — СРНГ); *вечóрь*: Я вечорь своего милого снаряжала его хорошо (Том., 1864); Вечорь долгонько посидел, так вот уж и попроспал (Белоз. Новг.); Вечорь мы на почесье были (Яросл. Покр. Влад., Курмыш. Симб., Вят. — СРНГ); *вечéря*: На ночь еще вечёря ушла (за ягодами) (Суздал. Влад., 1905—1921 — СРНГ); *вечéрясь* (Соликам., Черд. Перм., 1930— СРНГ); *вечорась*: Вечорась приходила Мария, просит спахать угород (Калин., Конек., Новоторж. Калин. — Оп. сл. гов. Калин. обл., 1972), также: Новг., Даль. Луж. Петерб., Рост. Яросл., Покр. Влад., Клин. Моск., Мещов. Калуж., Ишим. Курган., Терск. Тобол., Нерч. Забайк. (СРНГ); *вечóрось* (Тобол., 1850—1851): Он пришел вечорось уж под потемочки (Амур.); Вечорось погремела и ушла в тое сторону (Колпаш. Том. Челяб., Перм.); Вечорось брат приходил ко мне (Талицк. Свердл. Волог. Волог., Влад., Онеж. КАССР), *вечорс* (Кашин. Твер., 1902), *вечóрсь* (Переясл. Влад., 1848): Вечорсь на капустку, вечорсь на вилую, Выпал частой дождик (песня) (Яросл.); Вечорсь в байну ходил (Вознес. Ленингр. Волог. Волог., Влад., Забайк.), *вечóрьсь* (Покр. Влад., 1905—1921): Вечорьсь всю истеплили березовую лучину (Вят. — СРНГ); *вечóресь* (Забайк., 1960— СРНГ); *вечерясь* (Соликам., Чердын. Перм. — СРНГ); *вечóрося*: Я вечорся долго не спала (Талицк. Свердл., 1964 — СРНГ); *вечóрча* (Чердын. Перм., 1930 — СРНГ); *вчерок* (Опоч., Остров. Пск. — СРНГ).

в) Наречия со значением ‘будущим вечером’: *вечéря*: Вечеря разбогатею (Боров. Калуж., 1905—1921 — СРНГ).

Выделение трех частных значений 'вечером' не всегда представляется обоснованным. По-видимому, есть случаи, когда собиратели, а вслед за ними и словари фиксируют употребление слова, а не его особое значение. Показателен в этом отношении последний пример, где значение будущего времени выражается глаголом, а не наречием: Вечеря разбогатею.

III. Лексико-семантические связи между группами наречий со значением 'вчера' и 'вечером'

Рассмотренные группы наречий не являются совершенно изолированными, но своими лексико-семантическими связями определенным образом соотносятся друг с другом. В основе этой тесной зависимости лежит, с одной стороны, их этимологическое родство, с другой — сложные процессы семантической эволюции слов, функционирующих в обширном море диалектных лексических систем, в результате которых развивается многозначность в слове. Эта многозначность складывается из значений рассмотренных групп. К числу многозначных относятся: а) со значениями 1) 'вечером', 2) 'вчера' — *вéчера*; б) со значениями 1) 'вечером', 2) 'вчера вечером', 3) 'вчера' — *вечéря*, *вечóр*, *вечóрь*, *вечóрось*; в) со значениями 1) 'вчера вечером', 2) 'вчера' — *вечóрясь*.

Однако лексико-семантическая дифференциация не у всех наречий выражается четко. Особой семантической емкостью и невыраженной расчлененностью значений отличается наречие *вечор*. Оно оставило заметный след в истории русского языка и поэтому должно быть рассмотрено более подробно.

История и особенности употребления наречия *вечор*

Наречие *вечор* представляет собой изменение рассмотренного выше *вечер* (перенос ударения на последний слог и переход *е* в *о* под ударением). Ф. И. Буслаев по поводу этого наречия писал: «Употребляемому в разговорном языке наречию *вечор* соответствует в древнем церковнославянском вин. пад. *вечеръ* (в значении 'вечером'). Напр., в списке Упиря: ты жъ изидеши вечеръ предъ очима ихъ, и ез, 12, 4 (в испр. въ вечеръ)».[11]

Наречие *вечор* в отличие от других выше рассмотренных имеет более общую семантику. Поэтому словари определяют его обычно обобщенно: 'вчера, вчера вечером', так как разграничение этих двух значений в текстах в большинстве случаев невозможно. По данным картотеки ДРС и других источников, это значение прослеживается с XVII в.: А вечор вести пришли что веинмерские

[11] Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. М., 1959, с. 467.

люди за две мили от города Грѣтсъбергена показалися (1625 г., ВК-I, с. 79); Шли къ Москвѣ проселочными дорогами, а къ Москвѣ пришли вечоръ въ часъ ночи (А. М. Г., I, 1681); Вчерась отъехали отъ Москвы верстъ сорокъ Чудова монастыря до деревни и приѣхали в тѣ деревни вечоръ за часъ до вечера (А. М. Г., I, 1618).

В памятниках XVII в. это наречие встречается неоднократно, что является свидетельством того, что в разговорном языке того времени оно было распространено широко и употреблялось и ранее указанного периода. Обращает на себя внимание также и то, что в XVII в. оно писалось двояко — *вечоръ* и *вечеръ*, это показывает, что процесс изменения исходного наречия еще не завершился: . . . а вечеръ де ему часъ ночи принесли ему хлебъ да колачь небольшие да частку говядины некорыстной (Поруб. д., 1663). См. также примеры, приведенные выше (с. 105).

Источники разных жанров XVIII в. — письма и деловые документы, газеты, произведения художественной литературы — показывают, что наречие *вечор* органически входило в состав разговорного языка, откуда и попадало довольно свободно в названные источники. Это особенно следует подчеркнуть и показать, имея в виду дальнейшую судьбу слова в XIX—XX столетиях и освещение ее в лингвистической литературе.

В деловых документах, письмах: Посланный отъ вашей милости начальникъ казацкой, господинъ Чернышъ, приѣхалъ до меня вечоръ средъ лесу (Крч., Птр., III, 928); Вчерась получили Статы письма. . . Ратпенсионарий все те письма вечор мне чёл (Б. Куракин — Г. Головину, 1713).

В газете «Московские ведомости»: Вечор пришел к нам здешнего города капитан и сказывает, что при нем французы в городе Римверке прускому королю здалисе (1703, с. 31 — ДРС).

В произведениях художественной литературы наречие *вечор* встречается в разных контекстах. В народных песнях или песнях, созданных по их образцу, включенных в текст литературных произведений: [х о р:] Вечор-та мне косоньку матушка плела, матушка плела (Аблесимов, Мельник); [М е л ь н и к:] Какая бишь это песня?. . . Да: Как вечор у нас со полуночи. . . так (там же).

В речи действующих лиц, обычно крестьян, слуг: [А н д р е й:] А я так вечор (по тебе слово) у нашей ключницы укусил греха, подтибрил пол-окорока ветчины (Судейские имянины); [Л е о н:] Я догадываюсь: не те ли полно девушки, с которыми я вечор говорил (Лжец, 1786).

В стилизованных поэтических произведениях: Скорее подумать торопился: В чем перед нею проступился Вечор на праздничной гульбе? (Осипов, Вергилиева Енеида, 1791), Милая вечор сидела Под кустом у ручейка (Нелединский-Милетский, Милая вечор сидела. — Соч., 1876); Ты со мной вечор сидела, Милая, и песню пела (Державин, Даше приношение, 1870).

Таким образом, не остается сомнений в обычности наречия *вечор* для литературного языка XVIII в. Эта традиция сохраняется

в начале XIX в. и прослеживается по тем же линиям, что и в XVIII столетии.

В переписке: Я вечор узнал по печатням известиям, что французы удостаивали деревню Климовку, то есть знакомое тебе Остафьево, своим посещением (Вяземский — А. Тургеневу, 1812); Вечор узнал я о твоем горе и получил твои два письма (Пушкин — Соболевскому, 1827).

В произведениях, стилизованных в духе народной поэзии: Я вечор в саду младешенька гуляла И я белую капусту поливала (Дельвиг, Русск. песня).

В речи действующих лиц: Барин от нее только вечор письмецо получил (Лажечников, Ледяной дом); Застал меня вечор У них в передней старый дядя (Баратынский, Елагину — слова карлика Елецкому); Пора, дитя мое, вставай: Да ты, красавица, готова! О пташка ранняя моя! Вечор уж как боялась я! Да, слава богу, ты здорова! (Пушкин, Евг. Онегин).

В авторской речи, без каких-либо намеков на стилизацию: Вечор мне руку подала, Затрепетала и вздохнула (Вяземский, К подушке Филлиды); Минувшее меня объемлет живо, И, кажется, вечор еще бродил я в этих рощах (Пушкин, Вновь я посетил).

Заметим, что, по данным «Словаря языка Пушкина», в произведениях поэта это наречие в разных контекстах встретилось 8 раз. Имеется в виду также и переписка поэта.

И тем не менее становление норм литературного языка в XIX в. затронуло и наречие *вечор* и привело его как избыточное к устранению из сферы нейтрального употребления. Его место заняли семантически определенные и широко распространенные наречие *вчера* и сочетание *вчера вечером*. На эти изменения в жизни слова обратил внимание Ф. И. Буслаев. Отмечая народный характер наречий *вечор*, *намедни*, *летось*, он относил *вечор* к числу устраняемых из «речи книжной».[12]

Выйдя из употребления в речи книжной, т. е. в литературном языке, это наречие стало средством речевой характеристики действующих лиц, людей из народа, в произведениях многих писателей середины XIX — XX столетия: Н. Успенского, Григоровича, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Мамина-Сибиряка, Панферова, Злобина и др. Приведем некоторые примеры: А вечор она (лошадь, — *И. П.*) убежала на большую дорогу (Н. Успенский, Поросенок); Вишь, вечор впервые только встретились, а сегодня за потасовку! (Григорович, Рыбаки); Прямо так и стеганет в болото. Наши ребята туда вечор погнали (Л. Толстой, Анна Каренина).

Принимая во внимание приведенные материалы, показывающие историю наречия *вечор* ‘вчера вечером’, ‘вчера’, приходится признать неправильной оценку его места в системе современного русского литературного языка, данную в Словаре-справочнике

[12] Там же, с. 151.

«Правильность русской речи» (М., 1965, с. 28), в котором отмечается, что «в литературном языке слово *вечор* закрепилось еще с начала XIX в., со времен Пушкина, лишь в первом значении — 'вчера вечером', 'вчера'». В действительности же, как было показано, в пушкинскую эпоху сохранилась в известной степени уже сложившаяся традиция, которой не удалось сохраниться впоследствии. Впрочем, сложная и недостаточно изученная историческая судьба наречия *вечор* не раз была предметом не совпадающих, а то и противоречивых оценок его в словарях и грамматической литературе. Так, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова оно дано с пометами «разговорное» и «устарелое», в «Словаре русского языка» (в 4 томах) — «устарелое» и «областное», в «Словаре современного русского литературного языка» (в 17 томах) — «устарелое» и «просторечное», в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (изд. 1—8) — «областное», а в переработанном 9-м издании 1972 г. — «просторечное». «Словарь русских народных говоров» включает его в сферу своих интересов. В «Грамматике русского языка» (изд. АН СССР, 1951) оно характеризуется как «устарелое» и «диалектное» (ч. I, с. 627).

Из этих разноречивых оценок ближе всего к реальной действительности та, которая характеризует это наречие как «устарелое» и «областное» («Словарь русского языка» и «Грамматика русского языка»). Действительно, для системы современного русского литературного языка это слово устарелое: более или менее активное функционирование его ограничивается рамками пушкинской эпохи в основном. Однако полнокровная жизнь у этого слова продолжалась в говорах. Об этом свидетельствуют многочисленные диалектологические записи, как старые, так и новые. По данным «Словаря русских народных говоров», наречие *вечор* в XIX—XX вв. имело довольно широкий ареал: оно отмечено в говорах вологодских, вятских, новгородских, владимирских, ярославских, архангельских, нижегородских, пермских, пензенских, уральских, тобольских (вып. IV. Л., 1969). Автору статьи неоднократно случалось отмечать его во время диалектологических экспедиций в последние годы в Архангельскую, Вологодскую, Ленинградскую области, в КАССР: Вечор-то мы с ней рано легли (Давыдово, Каргоп. Арх., 1970); Вечор в кино ходили (Белоз. Волог., 1954); Вечор поздно пришли и сегодня (Волхов. Ленингр., 1954); Вот вечор беседники у нас долго просидели (Кондоп. КАССР, 1954) и другие примеры. Сведения об употреблении этого наречия имеются также в записях, произведенных для «Диалектологического атласа русского языка» в 1945—1970-е годы и для «Общеславянского лингвистического атласа» в 1970-е годы (ИРЯЗ, Москва). Таким образом, для архаичного слоя говоров второй половины XX столетия *вечор* продолжает сохраняться в качестве живой лексико-семантической единицы, хотя и уступающей постепенно свои позиции общенародным *вчера* и *вчера вечером*, как об этом свидетельствуют записи для ОЛА.

Ю. Ф. ДЕНИСЕНКО

Из истории формирования русской областной лексики[1] (наречия с корнем *-нон-/-нын-*)

Наречия *ныне*, *ноне* — очень древние образования: с гласным *о*, *і/у*, *е* в корне это слово, по Фасмеру, свойственно всем славянским языкам,[2] соответствия к нему с чередованием в корне *u||i||o* прослежены во многих других индоевропейских языках.[3] В восточнославянских лексических источниках XIX—XX вв.[4] нами

---

[1] Имеется в виду лексика, которая в словарях русского литературного языка маркируется прежде всего как «обл.» или «простонар.», также «простореч.», «устар.» и «разг.», последние пометы учитываются только как вариантные в некоторых словарях на фоне «обл.» и «простонар.» оценок других словарей для одного и того же слова.

[2] Среди славянских параллелей у М. Фасмера отсутствуют белорусские; ср., однако, у А. А. Преображенского белорус. *нынейший* (Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1910, с. 619); о других известных нам белорусских фактах см. ниже.

[3] См., например: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 3. М., 1971, с. 91 (*ныне*, *нынча*), 82 (*ноне*), 77 (*но*); Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1971, с. 295 (*ныне*), 293 (*но*).

[4] Список использованных источников:

а) словари и опубликованные материалы: Беларуска-рускі слоўнік. М., 1962 (далее: БРС); Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік Усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970 (Сл. Бельк.); Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896 (Сл. Гор.); Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка, т. 2. Киев, 1908 (Сл. Гринч.); Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 1955 (Сл. Даля); Коломієць В. Т. Розвиток лексики слов' янських мов у післявоєнни період. — «Мовознавство», 1970, № 5, с. 50—58 (Коломиец); Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870 (Сл. Носов.); Общий церковнославянско-русский словарь, составленный П. Соколовым, ч. 1. СПб., 1834 (Сл. Скл.); Преображенский А. А. Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1910 (Сл. Преобр.); Російсько-український словник. М., 1961 (РУС); Словарь Академии Российской, ч. 4. СПб., 1793 ($САР_I$); Словарь Академии Российской, ч. 3. СПб., 1814 ($САР_{II}$); Словарь русского языка, т. 2. М., 1958 (МАС); Словарь современного русского литературного языка, т. 7. М.—Л., 1958 (БАС); Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.).-М., 1969 (Сл. Деул.); Словарь церковнославянского и русского языка, т. 1. СПб., 1847 (Сл. 1847).

выявлено около 60 наречных образований (не считая приставочных, производных от них прилагательных и т. п.) с огласовкой корня *о*, *ы*, *у*, *и*, *а*, причем лишь к некоторым из них удалось найти украинские или белорусские аналоги, основная же масса этих слов принадлежит русскому языку и его говорам. Назовем основные из них: *ноне*, *коневка*, *конече*, *конечка*, *коноче*, *конче*, *конынь*, *конь*, *конька*, *коньма*; *ны*, *ныне*, *ныневка*, *нынече*, *нынечка*, *ныноче*, *нынче*, *нынь*, *нынька*, *ныньма*; *нуне*, *нунека*, *нунечко*, *нунку*, *нунче*, *нунька*; *нине*, *киньма*; *нане* и др.[5]

В просмотренных словарях русского языка XIX—XX вв., отражающих преимущественно литературный язык, отмечаются только *ноне*, *нонче*, *ныне*, *нынече* и *нынче*, причем все они в разное время и в разных словарях маркируются указанным выше образом; по диалектным же источникам все эти наречия являются словами общерусского ареала (свойственны северным, южным и переходным среднерусским говорам), в говорах есть еще только одно наречие такого широкого распространения — *конече*, остальные слова являются локальными в пределах бытования русского языка. Украинскому литературному языку и его говорам свойственно только *нині* (из числа упомянутых наречий общерусского ареала; Сл. Гринч., УРС, РУС; Коломиец); *нончы* отмечается в западнобелорусском, *ныне*, *коныча*, также производное *панонíча* — в восточнобелорусских говорах (арх. ЛАБЯ, Сл. Бельк.), белорусским литературным языком ни одно из них не воспринято (нет их в БРС и в Сл. Носов., в котором фиксируется широко также и диалектная лексика).

Приводим развернутые ареальные характеристики каждого из наречий общерусского распространения в просмотренных диалектных источниках[6] и их маркировку в словарях литературного языка.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный А. Х. Востоковым, т. 1. СПб., 1858 (Сл. Вост.); Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М., 1938 (Сл. Ушк.); Українсько-руський словар, т. 2. Київ, 1970 (УРС);

б) картотеки словарей: Архангельского областного словаря (хранится в МГУ); Брянского областного словаря (хранится в ЛГПИ); Словаря русских говоров Карелии и сопредельных севернорусских областей (хранится в ЛГУ); Словаря русских говоров Низовой Печоры (хранится в ЛГУ); Псковского областного словаря (хранится в ЛГУ); Смоленского областного словаря (хранится в Смоленском пед. ин-те); Словаря русских народных говоров (хранится в ЛО Ин-та языкознания АН СССР); Архив Лексического атласа белорусского языка (ЛАБЯ; хранится в Ин-те языкознания АН БССР, Минск).

[5] Более полный перечень и ареалы многих из них, установленные на основании диалектных словарей и главным образом картотек, см. в нашей статье «Об одной собственно псковской изоглоссе средневековья (наречия времени *коньма* и под.)» (в кн.: Псковские говоры, вып. 3. Псков, 1973, с. 202—203, 197).

[6] Разграничение говоров на севернорусские, среднерусские и южнорусские дается в соответствии с классификацией их в коллективных монографиях: Русская диалектология. М., 1964; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. — При изложении материала эти группы обозначаются соответственно *а*, *б*, *в*.

Ноне: а) Новг. Тихв., Устюж.; Ленингр. Тихв.; КАССР повсеместно; Сев.-Двин.; Арх. повсеместно; Печор. (Коми АССР) повсеместно; Яросл., Яросл. Рыб.; Волог. повсеместно; Вят. Уржум., Нолин.; Киров. Верховин.; Перм. Соликам, Екатеринб.; б) Новг.; Пск. повсеместно; Твер. повсеместно; Моск. Клин.; Владим., Владим. Владим., Суздь., Юрьев., Шуйск.; Нижегор. Лукоян.; Казан. Козьмодемьян., Ядрин.; Волго-Камье; в) Смол. повсеместно; Брян.; Калуж. Мещов.; Рязан., Рязан. Рязан.; Орл. Ливен.; Ворон. Гремяч., Бобр., Аннен., сев.-зап. р-ны; Пенз.; Дон.; Сев.-Кавк.; широко употребляется также в говорах Урала и Сибири; в Словаре Даля — без указания места. В Сл. 1847 ему предпослана помета «стар.», причем иллюстрация дана из русских летописей; в Сл. Ушк. — «обл.», в БАС — «устар. и обл.»; в МАС это наречие отсутствует. В этимологических словарях русского языка его областной характер не остался незамеченным: в Сл. Гор. оно считается «простонародным», в Сл. Преобр. — «диалектным во многих местах».

Нонче: а) Арх. повсеместно; Печор. повсеместно; КАССР повсеместно; Ленингр. Волосов., Тихвин.; Волог. Нюксен., Вашкин., Пест.; Яросл., Яросл. Пошех.; Вят., Вят., Котельн.; Костром.; Перм. Соликам., Красновишер.; б) Ленингр. Волхов.; Пск. Красногор., Опоч., Остров., Палк., Печор., Пск., Пушк., Середк.; Калин. почти повсеместно; Моск. Моск., Клин., Брон., Рузск.; Владим. Покров., Суздь.; Нижегор. Балахн., Лукоян., Семен.; Казан. Казан.; Волго-Камье; Куйбыш. Пестр.; Сарат. Петров.; Бурят. АССР; в) Смол. Починк., Духовщ.; Брян. повсеместно; Калуж. Боров., Мещов., Мосал., Жиздр.; Ворон. сев.-зап. р-ны; Курск. Дмитр., Гайвор., Судж.; Тул. Дубен.; Рязан. Рязан.; Орл.; Пенз., Пенз. Водск.; Дон.; Ставроп. Кубан.; Краснодар. Усть-Лаб.; также во многих говорах Урала и Сибири; в Сл. Даля — без указания места. В Сл. 1847 дано как «простонар.», в Сл. Ушк. — «обл.», в БАС — «устар. и обл.»; в МАС отсутствует. В Сл. Гор. считается «простонародным», в Сл. Преобр. — «диалектным во многих местах».

Нынече: а) Арх., Арх. Каргоп.; КАССР Онеж., Пудож.; б) Новг. Новг.; Пск. повсеместно (но не сплошь во всех р-нах); Твер. Твер.; Казан. Козьмодемьян., Ядрин.; Сарат.; в) Смол.; Калуж. Боров.; в Сл. Даля — без указания места. В $САР_I$ — *нынеча* без помет; в Сл. Скл. — *нынеча* «простонар.»; в Сл. 1847 — «простонар.»; в последующих словарях не отмечается.

Нынче: а) Арх. повсеместно; КАССР повсеместно; Ленингр. Кириш.; Мурман. Бурман.; Печор. повсеместно; Волог. Вытегор., Шексн.; Перм. Красновишер.; б) Пск. повсеместно; Твер.; Моск. Моск., Кашир.; Владим. Покров.; Горьк. Лукоян.; Казан. Спас.; Волго-Камье; в) Брян. Навл., Клетн., Суземн., Трубч.; Калуж. Мещов.; Курск. Обоян.; Ворон. сев.-зап. р-ны; Тул. Новосил.; Рязан. Рязан.; Пенз.; Орл. Болхов.; Краснодар. Отрад.; Астрах. Астрах., Енот.; также в некоторых говорах Сибири; в Сл. Даля —

без указания места. В Сл. Скл. — *ныньче* «простонар.»; в Сл. 1847 без помет; в последующих словарях снова маркируется: в Сл. Ушк. и БАС — «разг.», в значении ‘теперь’ отмечается в МАС как «разг.», в значении ‘сегодня’ — «устар. и простореч.».

Ныне: а) Арх. повсеместно; Печор. повсеместно; Ленингр. Кириш.; Волог. Вытегор.; Костром. Каверн.; Перм. Осин., Красновишер.; б) Пск. повсеместно; Нижегор. Арзамас.; Волго-Камье; в) Смол.; Рязан. Рязан.; Ворон. Аннен., Россош., юго-зап. р-ны; Дон.; в Сл. Даля — без территориальных помет. В словарях XIX в., начиная с $САР_{II}$ (также и в словаре конца XVIII в. $САР_{I}$), без помет; в Сл. Ушк. в значении ‘в настоящее время, теперь’ — «книжн. и устар.», в значении ‘сегодня’ — «обл.»; в БАС в значении ‘в настоящее время’ без пометы, однако ‘сегодня’ дается как «разг.»; в МАС в значении ‘теперь’ — «книжн., устар.», ‘сегодня’ — «устар. и простореч.».[7]

Приводим также ареал для *нонече*, которое отсутствует в словарях русского литературного языка: а) КАССР почти повсеместно; Арх. повсеместно; Ленингр. Кириш.; Новг. Черепов.; Печор.; Яросл., Яросл. Пошех.-Волог.; Волог. повсеместно; Вят. Уржум.; б) Новг. Новг.; Петерб. Гдов.; Пск. повсеместно; русские говоры Прибалтики; Твер., Твер. Ржев., Осташк.; Моск. Рузск., Клин., Дмитр.; Владим. Покров., Суздал.; в) Смол. повсеместно; Вязьма; Калуж. Мещов.; Брян., Брян. Жуковск., Клетнян.; Орл.; во многих говорах Урала и Сибири; в Сл. Даля — без территориальных помет; в Сл. Преобр. — «диалектное во многих местах».

Всем названным наречиям свойственно в говорах темпоральное значение: неопределенное в своих границах ‘теперь, в данное время’ в ряде контекстов можно конкретизировать то как ‘в этом году’, то как ‘сейчас’; ‘только что’,[8] но очень часто на основании одного и того же контекста (при различном ситуативном наполнении его) можно по-разному модифицировать основное значение (‘в настоящее время’), и если устанавливаются более конкретные характеристики, то им сопутствует почти всегда отвлеченный признак ‘теперь’.

---

[7] О стилистической окраске этого слова см. также: В о м п е р с к и й В. П. О семантике и употреблении наречия *ныне* в современном русском языке. — В кн.: Исследования по современному русскому языку. Сб. статей, посвященный памяти Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1970, с. 68—72.

[8] В семантике данных наречий проявилась та же тенденция, о которой писала М. П. Кочерган, исследующая названия общих временны́х понятий в украинском языке (типа *час*, *врем'я*, *пора*, *період*, *хвиля*, *момент*): «Все они не имеют четкого терминологического значения и могут обозначать (и в своей совокупности, и каждое в отдельности, — *Ю. Д.*) как время вообще, так и отдельные его отрезки»; эта «общая тенденция к обозначению разных по протяженности промежутков охватывает все славянские и отчасти неславянские языки» (К о ч е р г а н М. П. Лексика понятий времени в украинском языке. Автореф. канд. дисс. Киев, 1967, с. 12—13).

Вот типичные примеры[9] для основных семантических характеристик: (1) ‘теперь, в настоящее время’ (неопределенное в своих границах); (2) ‘в настоящее время, при жизни данного поколения’ (в отличие от прошлых эпох); (3) ‘в этом году’ и как вариация последнего — более конкретное (4) ‘в этом году зимой (весной и т. п.)’; (5) ‘сегодня’; (6) ‘сейчас/тотчас’:[10]

а) из говора одного населенного пункта (по данным Сл. Деул. — Рязан. Рязан., 1960—1963 гг.): (1) *Нони* за сваих дириванских и то не берись (не ручайся); (2) *Нони* лыки ни таскают, лапти ни плятут; (3) Летась авец ганял, а *ноне* каров; Зима *ныни* теплая; *Ныньчи* сена угарная; (4) *Нони* (в этом году осенью) будут грыбы па приметам; (5) А *ноня* день свежай; Ты *ныня* день пражыви, а завтра. . .; *Ноньчи* у нас ужин будит багатый (сегодня вечером);

б) из однотипных говоров нескольких десятков населенных пунктов в пределах одного района (по данным картотеки Словаря печорских говоров (на новгородско-архангельской основе[11]) — Коми АССР, 1950—1960-е годы): (1) *Ноне* немощь да старость потсадила меня (д. Усть-Цильма); *Нынце* и здесь хорошо живут (Усть-Цильма); (2) *Нонеце* много роду не знают (Тельвиска); (3) Летось колупали серу, а *ноне* не колупают (Верховская); (4) Экой жар был *ныньце*, так нету язей [в этом году летом] (Медвежка); (5) *Нонце* не стала топить (Загривочная); Добры кудри у вас завиты *ноньце-то* (Уег); (6) *Нынце* вымой руки и садись молоко выпей (Сергеево Щелье); Я отдыхать *нонце* не буду, пол затрать надо (Загривочная); Выкопали *нынче* глубок погреб. . . Засадили там старого Илью Муромца (Смехаловка — Печорский фольклор) (в примечании дано: тотчас, сию минуту);

в) из близких говоров нескольких десятков районов в пределах одной области и смежных территорий (по данным картотеки Псковского областного словаря, Пск., 1950—1970-е годы): (1) *Ноне* фсе в порятку (Новорж.); У нас *нониче* претседатель хороший (Вл.); Слава атцу и сыну и святому духу, *ныне* и присва во веки веков (Сл.); С *ныне* до веку, Порх.; (2) *Нонича* не стали в бога веровать (Стр.); Теперь упращено пабирахальства, трудна им *ныни* хадить стала (Остр.); (3) *Ноне* лета не повезло (Печор.); *Нонече* лета нехарошая (Вл.); (4) *Нонеча* как снег сагнала, так была тёпла (в этом году весной) (Вл.); Яблуков *нонеча* меньше

---

[9] Сводная картотека фиксаций рассматриваемых наречий с корнем *-нон-/-нын-* в просмотренных источниках составляет более тысячи употреблений.

[10] В единичных случаях собирателями отмечены такие особенности семантики рассматриваемых слов (по материалам картотеки СРНГ): *ноне* — ‘в ближайший, примыкающий к моменту речи промежуток времени’ (Иркут.), *ноне, нонича* — ‘недавно’ (Волог.), *нынче* — употребляется в значении давно прошедшего времени (Том.).

[11] См.: И в а ш к о Л. А. Проект словаря печорских говоров. — В кн.: Севернорусские говоры, вып. 1. Изд. ЛГУ, 1970, с. 76—77.

(в этом году осенью) (Пл.); (5) *Нынича* кончили работу рано (Ляд.); (6) *Нонече* паласкацца халила (сейчас) (Аш.);

г) из разных говоров (по данным картотеки СРНГ, XIX—XX вв.): (1) Раньше пимики катала, *ноне* в барони попала (пословица) (Перм. Екатеринб., 1895); Бывало я этого горюшка не видала, *Ныне* мне будет хуже прежнего (солдатская песня) (Костром. Коверн., 1916—1919); *нонеча* ‘ныне, теперь’ (Калуж. Новоторж., Мещов., 1916); (2) *Нынче* народ излакомился, а преже лишней утратки не было (Калуж. Мещов., 1892); А уш *ноне* етова нет; *Ноньче* нечево не разберешь (Нижегор. Лукоян., 1901); (3) *Ноне* хлеб-то рано покупаема (Новг. Устюжн., 1903); Он *нонче* весной-то изъелозил их (рубашки) (Влад. Покров., 1910); *Ноньче* хорошо зимовали (Волго-Камье, 1961); *нонеча* ‘в этом году’ (Калуж. Мещов., 1916); (4) *Ноне* грибов в лесах больно много (Волог. Кадуйск., 1900—1910); Грецы я высеял *ныне* 80 мер (в этом году весной) (Нижегор. Арзам., 1901); *Нынче* изюмнику много цветет (Моск., 1968); (5) Малый изледачился никуды: *нынче* приде украсу, завтре приде украсу (Курск. Обоян., 1859); *Нынче* у батюшки, завтра у батюшки и по милости всякий день у него (поговорка) (Орл. Болхов., 1901); *Ноне* сиряда (Ворон. Аннен.); (6) А *ныне* должно у Пашки свадьба-то (сейчас) (Ворон. Аннен.).

Ни одна из характеристик (исключая ‘сейчас/тотчас’) не имеет каких-либо отличий в территориально удаленных говорах; все они представлены в печорских (севернорусских), рязанских (южнорусских), псковских (среднерусских) материалах, также в говорах других групп на территории распространения русского языка в Европе.[12] Характеристика ‘сейчас’ бесспорно выявляется только в печорской картотеке; в остальных собраниях лексики контексты, подтверждающие ее, немногочисленны, пояснения собирателей к таким текстам не всегда могли быть терминологично точны.

По сравнению с диалектными материалами в словарях русского литературного языка XIX—XX вв. семантическая характеристика рассматриваемых наречий представлена беднее. В словарях XIX в. отмечается в основном *ныне* (в некоторых из них также производные *нынче* и *нынече*)[13] в значении ‘днесь, теперь, в сие, в настоящее время’, *ноне* и *нонче* с такой семантикой появляются лишь в Сл. 1847 (первое из них иллюстрируется текстом из летописей). В словарях советского периода реестр наречий — *ныне*, *нынче*, *ноне*, *нонче*; их значения — ‘в настоящее время’

---

[12] Мы отвлекаемся от индивидуальных особенностей речи отдельных лиц, от особенностей островных вкраплений — аномалий на фоне типичных особенностей для основного говора каждой данной территории, как это определяется в указанных выше монографиях по русской диалектологии.

[13] Например: *ныне* — в $САР_{II}$ (в $САР_{I}$ 1789 г. также дано *ныне*), в Сл. Скл. 1834 г. (в нем фиксируются также *ныньча* и *нынеча*); *ныне*, *нынече*, *нынче*, *ноне*, *нонче* — в Сл. 1847.

и 'сегодня'.[14] Однако если обратиться к цитатному материалу (а он представлен широко только в БАС), то можно выделить некоторые из характеристик (в дополнение к 'сегодня'), отмеченных для диалектных употреблений. Например, контекст: Ребятишки. . . побежали смотреть, уродилась ли *нынче* черная смородина (Г. Марков. Строговы) — подтверждает характеристику 'в этом году', а тексты: Да, *ноне* жизнь не шагом идет, а рысью. . . (Харитон) (Мальц. От всего сердца) или: *Ныне* не то время, что прежде. . . (Бел. Литер. мечтания) — характеристику 'в наше время (в отличие от предшествующих поколений/эпох)'. В проанализированном материале налицо тенденции — с середины XIX в. — более широкое вхождение наречий, имеющих общерусское распространение по данным говоров, в литературный язык в количественном плане, а с советского периода — также и в семантическом плане.

Весьма показательны отличия словарей литературного языка и диалектных источников в отношении исторического расслоения (времени приятия—неприятия) данной лексики.[15] *Ноне* и *нонче* появляются в Сл. 1847, повторяются в Сл. Ушк. и БАС, но отсутствуют в МАС. *Ныне* фиксируется во всех использованных словарях русского языка (а также в словарях церковнославянского языка, например в Сл. Вост.), *нынеча* отмечается только в $САР_{I}$, $САР_{II}$ и Сл. 1847, в словарях более позднего времени отсутствует (отсутствует также в Сл. Вост.), *нынче* появляется в Сл. Скл. и позже сохраняется во всех словарях. Налицо большее неприятие литературным языком *нынече* (с гласным *е* после второго *н* — как у *нонече*, которое вовсе не попадает в словари русского языка),[16] а также наречий с корнем *-нон-*, чем наречий с корнем *-нын-*.[17] В диалектных же источниках заметной тенденции к исчезновению ни у одного из рассмотренных слов нет, хотя в количественном

---

[14] *Ныне* и *нынче* в первом из указанных значений даны в Сл. Ушк., БАС, МАС, *ноне* и *нонче* — в Сл. Ушк., БАС; значение 'сегодня' отмечается для *ноне*, *ныне*, *нынче* в Сл. Ушк., для *ноне*, *нонче*, *ныне*, *нынче* в БАС, для *ныне* и *нынче* в МАС.

[15] Мы далеки от мысли считать первой фиксацией данных слов в литературном языке их первое упоминание в словарях литературного языка; словари отражают чаще всего уже совершившиеся и «опробованные» факты, они в известном смысле отстают от происходящих в языке процессов. Т. С. Оловенникова, например, приводит случаи употребления писателями-орловцами в речи персонажей наряду с *ноне* и *нонче* также и *нонече*, которое не отмечается ни одним из словарей литературного языка (О л о в е н н и к о в а Т. С. Из истории наречий. Наречия по данным южновеликорусских текстов XVI—XVII вв. Орел, 1961, с. 13—14).

[16] На своеобразие употребления наречий с гласным *е* после второго *н* (*нонече* и *нынече*) в великорусских говорах обратил внимание еще А. И. Соболевский (С о б о л е в с к и й А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, с. 47).

[17] Полную идентичность наречий с *ы* и *о* отмечает Т. С. Оловенникова только в речи персонажей (О л о в е н н и к о в а Т. С. Из истории наречий, с. 14).

отношении и *нынече*, и *нонече* употребляются значительно реже, чем другие наречия общерусского ареала (ср. хотя бы их ареальные характеристики).

Воспринятые словарями русского языка наречия *ноне/ныне* и др. различным образом оцениваются в них. Ранее всего отмечается областная окраска у *нынче* (в Сл. Скл. — «простонар.»), однако столь же рано и исчезает (в Сл. 1847 слово без пометы; в словарях советского времени — «разг.»). *Нынече* в $САР_I$ без пометы, но в Сл. Скл. и Сл. 1847 «простонар.», позже не отмечается. *Нонче* получает квалификацию «простонар.» со Сл. 1847, в Сл. Ушк. — «обл.», в БАС — «устар. и обл.»; *ноне* в Сл. 1847 дано как «стар.», в Сл. Ушк. «обл.», в БАС — «устар. и обл.» (в МАС оба слова отсутствуют). Словари отмечают в функционировании изучаемой лексики в литературном языке тенденцию снятия синонимической дублетности путем стилистического расслоения (например, в Сл. 1847: *ныне* и *нынче* без помет, *нынече* и *нонче* — «простонар.», *ноне* — «стар.»; в Сл. Ушк.: *нынче* — «разг.», *ныне* — «книжн. и устар.» или «обл.», в зависимости от значения, и *ноне* — «обл.»). В диалектных же источниках налицо стабильная стилистическая однородность (нейтральность) рассматриваемой лексики;[18] если и проступает оценочность некоторых употреблений, то она не снимает основной нейтральной характеристики, а сосуществует с ней (ср., например, употребления *ныне* в псковском материале под номерами 1 и 2).

В результате многопланового анализа достаточно убедительно установлены основные отличия лексики общерусского ареала в говорах от соответствующих областных слов в литературном языке: в количественном, семантическом, стилистическом отношениях говоры сохраняют большую стабильность наречий с корнем *-нон-/-нын-*, тогда как в литературном языке эти характеристики подвижны и изменчивы.[19] В одном отношении прослеживается непосредственная связь русского литературного языка и говоров — в приятии именно слов широкого (общерусского) ареала, из числа последних — наиболее активных по употребительности.

---

[18] Следует оговориться, однако, что собранные нами материалы, хотя и весьма многочисленные, в значительной степени однопланов: в использованных источниках представлены по преимуществу записи нейтральной разговорной речи, в основном крестьянской; довольно значителен пласт фольклорных фиксаций. В работе А. П. Шварц, одним из аспектов которой является выяснение стилистической дифференциации временных наречий, в том числе и с корнем *-нын-/-нон-*, констатируется также их значительная однородность (Шварц А. П. Лексическая система наречий времени в говоре д. Акчим Красновишерского р-на Пермской обл. — Учен. зап. Пермского ун-та, Пермь 1965, т. 137, вып. 1, с. 21—44).

[19] Мы никоим образом не воспринимаем наметившиеся процессы в словарях как буквальные процессы, происходящие в самом языке; словари отражают лишь тенденции этих процессов.

Столь заметные же отличия от говоров могут свидетельствовать о том, что литературный язык воспринял наречия *ноне*, *нынче* и подобные давно, что они в его сфере довольно обособились от своей первоосновы.

Обращение к русской письменности древнего (XI—XIV вв.) и среднего (XV—XVII вв.) периодов, а также к источникам XVIII в. позволяет выстроить такие последовательности развития каждого из слов.[20]

	XI—XIV вв.	XV—XVII вв.	Рус. яз. XVIII в.
конѣ	Общевост.-слав.	Общерус., ограничен. количество фиксаций в старобелорус.	Количество фиксаций ограниченно: письма, комедии, фольклор.
конѣче	Не отмечается	Общерус., ограничен. число фиксаций в старобелорус.	Количество фиксаций ограниченно: письма, комедии, фольклор.
конче	Не отмечается	Общерус., количество фиксаций невелико.	Количество фиксаций ограниченно: соч. Фонвизина, Княжнина, Крылова (и под.).
нынѣ	Общевост.-слав.	Общевост.-слав.	Самое большое количество фиксаций; жанры самые разнообразные.
нынѣче	Общевост.-слав.	Общерус., ограничен. количесво фиксаций в старобелорус.	Количество фиксаций велико; жанры различные.
нынче	Не отмечается	Общерус.	Количество фиксаций велико; жанры различные.

Анализируемые наречия по данным письменности пережили два этапа значительных изменений: 1) в период вычленения отдельных восточнославянских языков все фиксируемые в древнерусский период слова сохраняются в русской зоне в качестве общераспространенных (в староукраинском языке унаследовано только *ныне*, в старобелорусском — *ныне* и в ограниченном количестве употреблений *ноне*, *нынече*); русский язык также более активен в отношении числа производных образований, локальных по распространенности (что сохраняется и в современных говорах); 2) в период формирования русского литературного языка в XVIII в.

---

[20] Перечень источников к каждому слову и его ареал (на основании учета места создания каждого из источников) для древнего и среднего периодов см. в упоминавшейся нашей статье, с. 197. Использованные картотеки: Древнерусского словаря (ДРС) XI—XVII вв. (хранится в Ин-те русского языка АН СССР); Обиходной речи Московской Руси XV—XVII вв. (хранится в ЛГУ); Исторической части картотеки Псковского областного словаря (хранится в ЛГУ); Словаря староукраинского языка (хранится в Ин-те общественных отношений АН УССР, во Львове); Исторического словаря старобелорусского языка (хранится в Ин-те языкознания АН БССР в Минске); Исторического словаря украинского языка (Тимченко) (хранится во Львове); Словаря русского языка XVIII в. (хранится в ЛО Ин-та языкознания АН СССР).

происходит как бы переоценка ценностей (что было, по-видимому, подготовлено в некоторой степени предшествующим периодом): резко падает употребительность наречий с корнем *-нон-*, наблюдаются жанрово-стилистические размежевания в употреблении рассматриваемых слов; прямых свидетельств о диалектах этого времени нет, но, судя по материалам более поздним — XIX—XX вв., эти процессы не задевают сферу диалектной речи. Если особенности областных слов литературного языка очевидным образом восходят к XVIII в., то особенности слов общерусского ареала в говорах, вероятно, к более раннему времени — к среднему периоду. Проследить конкретные пути сложения названных особенностей в русской письменности XVIII в. и среднего периода — задача будущих исследований.

Н. В. ПОПОВА

Отсубстантивная бесприставочная лексика с суффиксом *-ье (-ие)* в фольклорных и диалектных источниках

В работах диалектологов в последнее время уделяется особое внимание группе лексики с суф. *-ьj (е)*, *-ьj (ё)*, эта группа слов в морфолого-синтаксическом плане имеет ряд характерных черт, которые с наибольшей очевидностью проявляются в архаических севернорусских говорах.

Широкое распространение собирательных существительных на *-ье (-ьё)* в значении множественного числа в севернорусских говорах отмечено в работах Т. Г. Паникаровской, М. Н. Бувальцевой, В. В. Симонова и некоторых других.[1] Изучение этой лексики представляет интерес для понимания такого явления в истории русского языка, как номинативные образования на *-ья* типа *колья*, *каменья*, соотносимые с однокоренными, но разносклоняемыми существительными, для выявления особенностей категории собирательности и т. д.[2] Размышлениям об особенностях семантики подобных параллельно сосуществующих форм, о предпосылках для сохранения такого параллелизма в русском литературном языке XVIII в. посвящена статья В. М. Маркова «Из истории номинативных образований на *-ья* в русском литературном языке XVIII в. на материале языка произведений М. В. Ломоносова».[3]

---

[1] См.: Паникаровская Т. Г. Архаические черты в вологодских народных говорах. — В кн.: Вопросы изучения северно-русских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970, с. 56—60; Бувальцева М. Н. Из морфологических особенностей говоров Белозерского района Вологодской области. — Уч. зап. Мичуринского гос. пед. ин-та, вып. 5, 1958, с. 25—60; Симонов В. В. Категория числа имен существительных в кировских говорах. — В кн.: Очерки по русскому языку. Киров, 1962.

[2] См. об этом: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 395—401; Селевич И. Э. К пониманию категории собирательности в русском языке. — В кн.: Вопросы теории и истории русского словообразования. Кратк. излож. докл. второй межвуз. конф. по словообразованию. Март, 1972. Казань, 1972, с. 16—19.

[3] См. сб.: Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века. (Ломоносовские чтения), вып. 2—3. Казань, 1969, с. 167—179.

В статье автор выдвигает предположение «о каком-то ином основании для употребления конкурирующих форм» (*листья—листы, коренья—корни*), «не вызывает сомнения только одно, — продолжает автор статьи, — эти формы генетически связаны с собирательными на *-ье*. Что касается характера этой связи, то о нем существуют разноречивые и спорные мнения, не приведенные в настоящее время к единству».[4]

Нам представляется, что наблюдения, изложенные в нашей статье, могут быть использованы при решении этой неясной проблемы. Так как в работах диалектологов зачастую не делается различия между лексикой на *-ье* (*-ьё*), несущей ударение на основе, и лексикой на *-ьé* (*-ьё*) с ударением на конце слова, то подчеркнем, что наши наблюдения касаются исключительно лексики, несущей ударение на основе: в решении вопроса о степени архаичности этих форм ударение имеет часто принципиальное значение — формы, несущие ударение на основе, представляют собою ограниченный круг слов, т. е. категорию вымирающих форм, или, как охарактеризовал их В. И. Чернышев, это «скудные остатки существительных собирательных на *-ье* с значением единственного числа. Таково, например, *лопóтье* (тряпки, пеленки, в которые завертывают ребенка: Ребенка принесли без лопотья, бизо всиво)».[5]

В литературном языке лексика с суф. *-ьj* (*е*) составляет «отдельные небольшие ряды». Суф. *-ь* (*е*) относится к числу «мертвых суффиксов», а приемы употребления этого суффикса — к «маловыразительным и непродуктивным».[6]

В «Академической грамматике» *бесприставочные* образования на *-ье* от имен существительных с предметным значением не отмечены совсем. Там говорится о суф. *-ь(е)* в *приставочных* словах, а также о суффиксе «собирательности» *-ь (é)*, несущем ударение: «Тип малопродуктивный. Значительная часть слов этого типа носит просторечный характер. Ударение неподвижное — на последнем слоге».[7] «Падение» собирательных форм на *-ье* в литературном языке отмечал еще в 1914 г. В. И. Чернышев: «Некоторые из них устарели и забываются, новых совсем не создается».[8]

В диалектных источниках лексику данного типа находим в весьма небольших количествах. Вот примеры: *вéршье*, волог.

---

[4] Там же, с. 171.

[5] Чернышев В. И. Сведения о народных говорах селений Моск. уезда. — Сб. ОРЯС т. LXVIII, № 3. СПб., 1900, с. 29. — Не различается лексика по месту ударения, например, в статье М. Н. Бувальцевой, где в одном ряду стоят формы *хлопьё*, *лохмотьё*, *чугуньё* и т. п. и *ýголье*, *волóсье*, *пéнье* (см.: Бувальцева М. Н. Из морфологических особенностей говоров. . .).

[6] Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, § 20 и 21, с. 123, 125.

[7] Грамматика русского языка, ч. I. Изд. АН СССР, М., 1952, § 398 и 438.

[8] Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. СПб., 1914, с. 107.

'верхушки, вершины деревьев, спиленные или обрубленные' (СРНГ); *ве́тье*, волог.: В воротах береза стояла, ветьем ворота устлала; калуж.: Много, много у сыра дуба. Много ветья и поветья (СРНГ); *виногра́дье*, арх.: Оглядится чужа дорога кругоскана, жемчужена На сад-виноградье (причет) (Якушкин); *гре́чье*, курск. 'Гречишное поле или жниво, с которого снята греча' (Даль); *гру́дие*, црк. 'Скученная земля: гряда, грядка' (Даль); *ды́шелье* 'дышла' (собир.): С Ветлуги идет дышелье, оглобелье, полозье (Даль); *звёздье*, пск. 'звезды': Ноньма столько звездья николи не было (Карпов, 1855—СРНГ); *лу́нье*, смол. 'кишки, желудок' (Добровольский); *озёрье*, пск. 'глухое озеро, поросшее уже мелким лесом' (Доп. к Опыту. . . , 1858); *щёлье*, арх. 'каменный, гладкий, пологий берег' (Даль); *щепо́тье* (Даль) и некоторые другие.

Выявление этих форм затруднено крайне редкой их употребительностью. Иногда следы их былого существования сохранены в виде одной какой-либо падежной формы или законсервированного речения. В отдельных случаях их можно предполагать в синтаксически спаянных сочетаниях типа *исподлобья*. В источниках такие речения часто не расчленяются, что также затрудняет их выявление. Например, в Словаре Даля нет формы *мо́рье*, *ку́стье*, хотя они присутствуют в иллюстрациях или наречных выражениях. Так, в словарной статье *Понаплыть* — иллюстрация: Понаплыли корабли из-за моря, из-за мо́рья. (По устному сообщению С. Н. Вариной, в русских говорах на территории Карелии и сопредельных областей и теперь можно услышать в повседневной речи *морье*, *озерье*.)[9] *Кустье* в Словаре Даля присутствует в словарной статье *Понадкустью* с песенным примером: Понадкустью пташка летала. Подобное нерасчленение, слитность в написании свидетельствует, как нам кажется, об оскудевании этих форм в живой речи, ограниченности их употребления, переходящей в скованность и окостенение.

Путем разложения некоторых фразеологических сращений можно иногда сделать попытку объяснения отдельных деэтимологизированных элементов. Приведем один такой случай.

В. Волоцкой в «Сборнике материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора»[10] приводит слово *выбылье* с комментарием: «Точное значение слова утрачено; вероятно: задворки, околица, граница селения. Часто употребляется лишь в выражении: по-за выбылью шатался, т. е. пропадал неизвестно где». Г. Г. Мельниченко поместил *выбылье* без цитат и без комментария в «Краткий Ярославский областной словарь», сопроводив толкование «задворки, околица, граница селения» знаком вопроса. Из сло-

---

[9] Например: Не наравне со всем берегом, а наволока в морье (т. е. мыс вдается далеко в море); Девятёрка у нас растёт только на морье (из экспедиционных записей С. Н. Вариной).

[10] ОРЯС, т. LXXII, № 3, СПб., 1902.

варя Мельниченко *выбылье* перешло в СРНГ, также со знаком вопроса и без комментария. Комментарий, однако, в СРНГ все же помещен, но к слову *выбыль*, лишенному грамматических помет в виду затемненной семантики. *Выбыль*, так же как и *выбылье*, опирается на единственную фиксацию выражения *по-за выбылью*, приведенного в словаре В. Волоцкого. Поскольку это выражение часто употребляется с предлогом *по-за*, т. е. оно функционирует в синтаксически связанном состоянии, а следовательно, находится на пути к «окостенению», то мы предположили существование записей этой идиомы в другой орфографии, отражающей стадии «окостенения». Действительно, в картотеке СРНГ, а также в Словаре Даля и Слов. Акад. 1902, содержатся словоформы *завыверье* ‘закоулок’ (Енис., Кривошапкин, 1865); *залыберье* ‘закоулок (?)’: А зимою, нарядясь оборотнями, на извозчиках самых хватских гоняют по залыберью во всю Ивановску (Российский Феатр, ч. XXXV, 66), ср. *завыверье*, *завыбелье* (Слов. Акад.); *завыбель* ‘земля при селении, за выделом дворов, усадов, усадебной; конопляники и огороды, задворки, зады, околица’ (Даль) (к сожалению, Даль не приводит примеров употребления этого слова); *позавыберьи* ‘место, где не положено ходить’: Што это шатаитесь позавыберью (Ветлуга, Д. А. Марков, 1924); *позавыверьям* ‘закоулками ходить’ (Енис., Кривошапкин, 1865). Эта лексика в сущности не только синонимична, но эквивалентна, и при лексикографической обработке одного из вариантов следует иметь в виду и остальные.

Трудно судить, какое из приведенных написаний ближе к истине, так как выявление этимона из этого сочленения крайне затруднительно. Можно лишь предполагать, что здесь присутствует двойной предлог *по-за* в сочетании с элементом *выбылье*. Не является ли *вы-* префиксом? В таком случае можно было бы видеть в основе рассматриваемой идиомы элемент *быль* или *былие*, *былье*, которым, как известно, «поросло все, что было, было и прошло». Растет эта *быль* как раз там, «где ходить не положено», т. е. «за выделом дворов, на задворках, задах и за околицей»: Дикая быль о собѣ възникши на недѣланѣи земли (Слов. Срезневского). В порядке рабочей гипотезы можно предположить существование слова *выбылье* в значении ‘лишняя негодная трава’. Такого типа образования встречаем в говорах. Ср. *выгостья* ‘лишняя докучливая или засидевшаяся гостья’, *выпашина* ‘остаток после вывевания ржи’ (Даль) и т. п. С таким же успехом можно предположить наличие слова с двойным префиксом, а не предлогом — *завыбылье* по типу *завыгорье* ‘низменности или равнины за горами, за горным берегом реки, за кряжем или венцом’ (Даль). Могут быть предложены, вероятно, и другие объяснения; выбор наиболее предпочтительного сделать в данном случае затруднительно.

Иной характер у беспрефиксальной предметной лексики с безударным суф. *-ье* (*ьё*) в фольклоре. Состав этих существительных

весьма ограниченный, но регулярно употребляемый в общих местах.

(Мой булатный конь)
Скачет, пляшет по пенью, по коренью,
По валучему каменью.[11]

Мы прольем кровь по сыру дубу
И распустим перье по чисту полю.[12]

Медное гвоздье-то прищиплется,
Цветное-то платье призабрызжется.[13]

Ветье, *сучье*, *зубье*, *колодье* и многие другие собирательные имена живут в языке былин и обрядовых песен, в них слышна седая старина. Мы находим эти формы и в памятниках древнерусского языка, и в славянских параллелях. В Словаре Срезневского найдем *кустовие*, *людие*, *трупие*: И [людие] . . . падаху с моста в ров. . . и бысть лзе ходить по трупию, яко и по мосту (Лтпс.); Часто врани граяхуть, трупие себе деляче (Слв. о Пл. Иг.); *терньe*, *стеблье*: Аще ли кто, стеблье или терньe хотѧ пожещі, на своей нивѣ възгнѣтить огнь; *ствoлие* 'крапива', *ложие*= *ложье* (собир.) 'лозы', *лозие* (собир.) 'лозы, хворост', *хворостие* (*хврастие*) 'хворост', *лучие* 'злак': Лучие зеленое; *поленье* — собир. от слова *полено* 'поленья'; *прыщие* (собир.) 'прыщи'; *будылие* 'стебли крупных растений', и т. д. Среди славянской топографической лексики находим с суфф. *-ь(е) бóрье*, *болóнье* (болонье — Смол., 1914), *верéтье* и др.[14]

Есть лексические факты, которые показывают, что омертвевший ныне суф. *-ь(е)* не всегда выражал идею «собирательности», но был гораздо многозначнее и мог также выражать идею «единичности» и «двойственности». Так, сильно ослаблена «тема собирательности» в слове *вéтье*, употребленном в таком контексте: Петух. . . стал с древа спускатися, с ветья на ветье, с сучка на сучок (Перм., Смирнов). СРНГ это употребление показал особым значением, где *ветье* определено как 'ветка' (СРНГ, вып. 4).

Приведем еще ряд примеров, где лексика с суф. *-ье* не является собирательной, но несет идею единичности или двойственности: *вéтерье*, *ветéрье* (Арх.) 'ветер': Из-под ветерья как кудрявого, из того орешья зеленого (Григорьев, Былины); Слово держать — не по ветерью бежать (Даль) (СРНГ, вып. 4); *грóбье* 'гроб': Помру, помру, жива я не буду! Строй мне, милый, да ореховое гробье! (Песня, Ворон., 1912) (СРНГ, вып. 7); *грохóтье* (Костромское) 'большая высокая корзина для носки сена' (Даль); *вéршье*, стар.

---

[11] Колпакова-Карбузова Н. П. Промысловые мотивы в фольклоре Терского берега. — В кн.: Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 240.

[12] Рыбников П. Песни, ч. III. Петрозаводск, 1864, с. 282.

[13] Там же, ч. I, с. 285.

[14] См.: Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969, с. 39, 75, 130 и др.

'верх шлема, макушка; ныне вершье или овершье — верх скирды, верх шапки и пр.' (Даль); *лéнтие* 'платок' (Црк. Фасмер, Этимологический словарь); *кнýтие*: Кто межу соралъ или грани ссѣк, ино того бити кнутиемъ. Тогда же Кудара Пришельского кнутьемъ били (Слов. Срезневского); *плéтье* 'плетка, кнут': Пастух потерял свое плетье (Смол. обл. слов. Добровольского, 1914); *навие-навь* 'мертвец': В се лѣто иде Янъка в Грекы, дщи Всеволожа, реченая преже; и приведе Янка митрополита Иоана скопьчину, его же видѣвше, людье вси рекоша: се навье пришел (Слов. Срезневского); *полáтье* 'запалубленная носовая часть ладьи, под крышей которой лежит снасть' (Кузнецов, Рыбопромышленный словарь Пск. водоема. Пгр., 1915); *Пýпие* 'Пуп': Прѣкрти и подъ пупиемъ его (Слов. Срезневского); *ты́лие* 'задняя сторона; обух у топора': Оборотя топор, оудари и тыльемъ повеле отроком сечи я (Слов. Срезневского. Пример повторен Далем в словарной статье *Тылье*).

В «Очерках по лексике памятников старославянской письменности» (М., 1966) А. С. Львов приводит пример: «Бросились они (дочери Соловья) на Илью с дрекольем», в котором отмечает редкое явление отсутствия собирательности: «Употребление разбираемого слова в русском языке только в форме дреколье наводит на мысль, что оно заимствовано из памятников старославянской письменности без осознания формы собирательности» (с. 85).

Можно найти единичные примеры подобных употреблений и в литературном языке, например нет собирательности в слове *платье*: красивое платье, нарядное платье и т. д.

Суф. *-ьj(е)* мог участвовать в образовании парных предметов: *брýсье* 'край нар' (Новг., СРНГ, вып. 3); *крéнье* 'два бруса, прикрепленные снаружи вдоль дна весновального карба' (Беломор., 1929, Карт. СРНГ); *кры́лье* (Новг.). 'две широкие ленты, два лоскута позадь девичьей повязки'. || 'Азиатский веер, плетеный, обращающийся на черене кругом' (Даль); находим эту форму и в фольклорных материалах:

Что на то дерево тонко-высоко
Солеталися гуси-лебеди, птица летная,
Крылье правила, Крылье правое,
Перье ронила, перье сизое
На сыру землю, на шелкову траву.[15]

Плéчье — встречается в загадке, записанной собирателем Карповым в орфографии: Носит бабу по заплечью (вернее здесь выделить предлог *по-за*, чтобы фраза получилась осмысленной); *скрáние* 'висок'. Сию же честь и скрание зовоуть, еже есть лобъ (Слов. Срезневского).

В литературном языке мы видим следы этих форм, например в слове *устье* 'выходное отверстие чего-нибудь', этимологически

[15] Свадебная песня, записанная М. Протопоповым. — Жив. стар., вып. I—II. СПб., 1903, с. 503.

связанное с *устна́* диал. 'рот': вода течет по устны́ (Пск., моя запись). Аналогичное образование имеем в соотносительных формах: *судно—суда*.

Заметим, что по вырванному из контекста существительному на *-ье* не всегда можно определить, идея собирательности или единичности заключена в его суффиксе, так как одна и та же форма слова может функционировать в разном числовом качестве, как например слово *ветье* (ср. два текста: «В воротах береза стояла, ветьем ворота устлала» и «Петух. . . стал с древа спускатися, с ветья на ветье, с сучка на сучок»).

Существительные на *-ье* в фольклорном тексте имеют ряд синтаксических особенностей. К числу таких особенностей мы относим прием асимметрии коррелятивных грамматических форм в одном контексте. Например, *мужи—мужье*:

Сидят мужье, мужи честны,
Яны радють раду добрую.

(Смол. обл. словарь Добровольского, 1914).

Двор-дворье:

По-за дворью, по-за тыну,
По-за нашему овину,
По-за нашему двору
Самоходочкой уйду.

(Пск., картотека СРНГ).

Собиратель сделал запись в другой орфографии — *по задворью*, образовав путем разрыва двойного предлога слово *задворье*, привычное говорам, хотя при остальных однородных членах предложения явно обозначен повторяющийся двойной предлог *по-за*. Между тем в других фольклорных источниках мы находим слово *дво́рье*, забываемое в говорах: Как у нас было за дворьем, росла трава шелковая (СРНГ, вып. 7).

Дуб—дубье:

Ишшо во поле дуб стоит,
Позадубью сокол летит (Вят.) [16]

Собиратель дал слитное написание — *позадубью*, произведя предложное сочетание в разряд наречий, как это неоднократно встречается в записях конструкций с двойными предлогами.

Глаза—глазье, *очи—о́чье* — антиномии, дошедшие до нас не только в текстах былин, но и в разнообразных пословицах и поговорках: В очи хвала, что позаочью хула; В глаза ласкает, а позаглазью лает, и т. д.

Прием антиномии фольклорного характера используется порой первоклассными поэтами, что чрезвычайно обогащает их поэтический арсенал. Ср. стихотворение Тютчева «Первый лист»:

[16] Архив АН СССР, ф. 197, оп. 2, № 56, л. 5 (В. Сергеев, 1897).

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьем молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною как дым. . .

Возвращение к утраченным в живом современном языке подобным формам создает особый поэтический колорит и впечатление новизны. Вот один пример, взятый из заметок о языке современной поэзии А. И. Клитко. В статье автор приводит следующие стихи:

Когда ж зари вечерней пламя
Погаснет, —
Одинокий след на травы росные ложится
Из-за реки до шалаша,
И ухают ночные птицы,
Сердито крыльем трепеща. . .

«Последние две строки, — замечает А. И. Клитко, — говорят нашему воображению особенно много. И как точно найдено здесь полузабытое „крылье"!».[17]

К синтаксическим особенностям лексики на *-ье* в фольклорных текстах относится ее преимущественное использование в конструкциях с двойными предлогами. Регулярность же предложного употребления в «общих местах» фольклорного текста создала предпосылки к образованию устойчивых стереотипов, вошедших как неразложимые сочетания в пословицы, поговорки и в различные фразеологические шаблоны. Из предложных построений такого характера можно выделить ограниченный круг лексем, означающих реалии быта (*стóлье*, *лáвочье*, *бконье* и т. п.), названия рельефа местности и ее топографических особенностей (*лéсье*, *сáдье*, *кýстье* и т. п.). При постоянном употреблении одних и тех же предлогов с одними и теми же лексемами образовались стандартные предложные построения, что привело к созданию ряда характерных сочетаний местоположения, где второй компонент двойного предлога выступает то в роли предложного члена, то в роли префикса. Эти переходные конструкции при любом членении предлога сохраняют один и тот же смысл. Так, слово *кустовье* часто не отделяется собирателями от предлога, хотя до сего дня это слово можно встретить и без предложного окружения. Например: Ивяно кустовье с яроводьем не в спорье, оно растет и на поймах (Даль, словарная статья *Яроводье*); . . . черезъ ручеи. . . промежъ ницевого кустовья лесомъ по гранемъ и по ямамъ (Слов. Срезневского); Почти не задевая обледенелое кустовье неслась по болоту волчья стая — матерый с волчицей и три переярка («Правда», 25 февраля 1972, П. Дудочкин, Заснеженными тропами). А вот как выглядит эта лексема в предложном окружении: Пряли бы

[17] К л и т к о А. И. Голос Руси полевой. — Русская речь, 1971, № 6, с. 34.

волки по закустовью, а нам початки приносили (АГО); Што ты все по закустовью ходишь, — там не найти ягод (Слов. Акад. 1901); И князь Псковскои Иван Горбатои нача заганивати Псковичь, чтобъ не ѣхали розно, а они вси по закустовью. Псков. 1 л. 7011 г. (Слов. Срезневского).

Естественно, что лексика, обозначающая особенности местности, может употребляться в качестве топонимов. Среди географических названий есть *Загородье*, *Загорье*, *Задворье*, *Задубье*, *Залесье*, *Залещье*, *Залужье*, *Заозерье*, *Заречье*, *Заручье*, *Подгорье*, *Поддубье*, *Подлесье*, *Подраменье*, *Подручье*, *Поречье*, *Полесье* и др. Находим в качестве топонимов и реликтовые бесприставочные формы на *-ье*, например *Лужье*, *Раменье*, *Елье*, *Столбье*.[18] Такого рода географические названия содержатся во многих источниках.

Редкая употребительность двойных предлогов и их разложение могли способствовать созданию новых префиксальных слов. Разумеется, это не единственная причина их появления, были и другие. Культивирование приставочных форм лексики, вступавшей в синтаксическую связь с двойными предлогами, имеет глубокие корни — вся эта лексика восходит к общеславянскому словарному фонду. Так, распространеннейшая лексема *заречье* имеет соответствия в украинском (заріче), польском (zarzecze), чешском (zářeči), словинском (zarȇćje), *заплечье* — в украинском (заплічча), польском (zaplecze), словинском (zaplȇčje) и т. д.

Ограничимся данными примерами, которые можно было бы значительно умножить.

Таким образом, «скудные остатки» лексики на *-ье*, сохранившиеся доныне в говорах, утратили часть своих грамматико-синтаксических особенностей, которые обнаруживаются яснее в фольклорных текстах и древнерусских источниках.

---

[18] Приведенные здесь топонимы выписаны нами из «Указателя» к первым шести томам «Новгородских писцовых книг» (Изд. имп. Археограф. комисс. Пгр., 1915).

Г. М. ЛЕВИНА

Наименование курицы в русских народных говорах

В русском языке существует большое количество наименований домашней птицы курицы (gallina). Это, с одной стороны, общенародные названия, известные повсеместно, — *курица*, *наседка*, а с другой — диалектные, территориально ограниченные.

В данной статье рассматриваются только диалектные наименования (по записям XIX—XX вв.).[1] Они многочисленны (более 100 слов) и представляют интерес как в словообразовательном, так и в семантическом отношении. Все они распадаются на следующие группы однокоренных слов.

1. Группа с корнем *дет-*: *детинуха* (Пск. Опыт 1852; Смол. Иванова, 1958; Слов. русск. гов. Ср. Урала, 1964), *детиниха* (ПОС, 1952, 1963), *детитница* (ПОС, 1966), *детюниха* (ПОС, 1959; Максимов, 1959), *детятница* (ПОС, 1958).

2. Группа с корнем *квак- (квах-)*: *квактуха* (Зап. Брян., Расторгуев, 1957; Пск., Завьялов, 1957; Смол., Добровольский, 1890), *квактуша* (ПОС, 1958), *квактушка* (Пск., Копаневич, 1904—1918), *квакуха* (Нижегор., Гуляев, 1875; Дорогобуж. Смол., Манаенкова, 1968; Брян., Орл., Тиханов, 1904; Брян., Проскурина, 1961; БК Дубр. р-н, 1958, Жух. р-н, 1959; Суз. р-н, 1959; Новосиб., Фёдоров, 1964), *квахтуха* (Курск., Машкин, 1859; ПОС, 1956; БК, 1962), *квачка* (Слов. русск. гов. Прибалтики, 1965).

3. Группа *квок- (квох-, квач-) — квык- (квыч-)*: *квоктунья* (Новг., Эрдман, 1857; Новг., Доп. Оп., 1858; Басс. средн. теч. р. Оби, 1965) (это название имеет параллель в украинском языке), *квоктуха* (Лен., Луппова, 1954; Пск. Опыт, 1852; Пушк. р-н, Пск., Ануфриева, 1957; Себеж. р-н Великолукск., Писаренко,

[1] В статье использованы материалы картотеки «Словаря русских народных говоров» (КСРНГ), картотеки «Псковского областного словаря» (ПОС), Брянской картотеки (БК, ЛГПИ им. А. И. Герцена) и картотеки «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ). В дальнейшем указания на картотеку делаются при пользовании материалами ПОС, БК и ДАРЯ, а материалы КСРНГ даются без пометы.

1951; Ряз. Ряз. Словарь, 1963; Свердл., Пашковский, 1965; Ср. Урал, Сахарный; Красноярск., Бондаренко, 1967), *квоктуша* (Пск., Максимов, 1966), *квоктушка* (Ряз. Ряз. Словарь, 1960; ПОС, Плюсск. р-н, 1952; Новосиб., Федоров, 1964), *квокуха* (БК, Дубр. р-н, год?), *квокша* (Ср. Урал, 1971), *квохтунья* (Басс. ср. теч. р. Оби, 1964), *квохтуха* (*квёхтуха* — вар.) (Пск., Максимов, ПОС, 1968; ПОС, Гдовск. р-н, 1963), *квохтуша* (ПОС, 1970; Басс. ср. теч. р. Оби, 1964), *квохша* (Ср. Урал, 1971), *квочка* (Волог., Котлярова, 1901; Яросл., Мельниченко, 1961; Моск., Иванова, 1968; Брянск., Северинова, 1963, Зап. Брян., Расторгуев, 1957; Курск., Хильманович, 1967; Курск., Анненкова, 1897; Судж., Курск., Дмитрюков, 1849; Курск., Дубровский, 1852; Курск. Опыт 1852; Обоян. Курск., Машкин, 1959; Россош. Воронежск., Попов, 1961; Пенз., Колеганов, 1960; Сарат., Богданова Л. В., 1948; Тамб., Сомов, 1920—1949; Дон., Калмыков, 1897; Донск., Миртов, 1929; Кубан., Втор. Доп., Покровский и Яценко, 1905—1921; Кубан., Водарский, 1900; Краснодар., Мастепанов, 1949; Краснодар., Усть-Лабинский р-н, Пономарев; Сев. Прииссыкулье, Хоролец, 1953; Иссык-Куль, Коротенко, 1953; Абакан ХАО, Даниленко, 1967; Абакан ХАО, Андреева, 1967; Абх. АССР. Совх. Цитрусово, Попов, 1965; Красноярск. край, Светлова, год?; Басс. ср. теч. р. Оби, 1964; Новосиб., Федоров, 1967) (слово *квочка* настолько широко употребительно, что попадает в 17-томный академический словарь с пометой «обл.»; это название имеет также параллели в литературных славянских языках: чешск.: kvočka, серб. *квочка*, укр. *квочка*, также *квока*), польск. nasiadka, но имеется глагол kwokać, болг. *квачка*), *квыка* (ДАРЯ, Костр.), *квыкалка* (Пск., Максимов, 1966), *квыкуха* (БК, Комаричский р-н, 1957, Брасовский р-н, 1961).

4. Группа с корнем *клад-*: *кладуха* (Пск., Максимов, 1966; Верхне-Тоем. Арх., 1963; Новг. Тихв. Доп. Оп., 1858; Нюхча Кем. Арх., 1910), *кладушка* (Пск., Максимов, 1966: Южн. Сиб., Гуляев, 1847), *кладышка* (Пск., Доп. Оп., 1858). К этой же группе относится название *некладуха* (Даль).

5. Группа с корнем *клок- (клох-, клоч-) — клух- (клуш) — клык- (клыш-)*: *клока* (ДАРЯ, Костр.), *клокта* (Волог., Доброумов), *клоктунья* (Урал, Миртов, 1930; БАССР, Соколов, 1968; Иркутск., Бобряков, 1970; Басс. ср. теч. р. Оби, 1964), *клоктуха* (Арх., Грандилевский, 1907; Том. Кемер., Молчанов, 1959; Ирк., Бобряков, 1870; ПОС, Пушк., 1947, Подложье, 1967, Островцы, 1958), *клоктуша* (Вят. губ., Красноперова, год?; Новосиб., Федоров, 1967; Ирк., Соколов; Басс. ср. теч. р. Оби, 1964), *клоктушка* (Вятск., Батуева, 1897; Басс. ср. теч. р. Оби, 1964), *клокуха* (Басс. ср. теч. р. Оби, 1964), *клокуша* (Басс. ср. теч. р. Оби, 1964; Новосиб., Федоров, 1967), *клоха* (Яросл., Мельниченко, 1961), *клохта* (Яросл., Копорский, 1929; Яросл., Мельниченко, 1961), *клохтунья* (Яросл., Мельниченко, 1961; Пск., Максимов, 1966; Бурят. АССР, Кабанск. р-н, Соколов, 1968; Новосиб., 1960;

Ирк., Овчинников, 1969; Вят., Кострова, 1896), *клохтуха* (Яросл., Голанов и Копорский, 1926; Пск., Максимов, 1966; Арх., Грандилевский, 1907), *клохтушка* (Новосиб., Маслянск. р-н; Омск., Пахотина, 1968; Ирк., Бобряков, 1970), *клочка* (Лен., 1958; Пск., 1966; Басс. ср. теч., р. Оби, 1964) (слово имеет параллель в болгарском языке: болг. *клочка* 'наседка'), *клуха* (Ростов. Яросл., 1902; Мещов. Калуж., Косогоров, 1916; Яросл., Мельниченко, 1961; Моск., Иванова, 1965; Борович. Новг., Барновский, 1923; Пенз., Колеганов, 1960; ПОС, Ашевский р-н, 1962), *клуша* (Моск., Иванова, 1965; Юрьев-Польск., Влад., Толин, 1968; Калин., Копорский, 1946; Влад., Гарелин, 1854; Мещов., Калуж., Косогоров, 1916; Костром., Леонов, 1846; Беломор., 1929; Яросл., Мельниченко, 1961; Курск., Хильманович, 1967; Нижегор., Бутурлин, 1852; Пск., Максимов, 1966; Пск., Завьялов, 1957, Пск., Копаневич, 1902; ПОС, 1962; Басс. ср. теч. р. Оби), *клушка* (Сарат., Зайковская, 1918; Сарат., Богданова, 1948; Сарат., Колеганов, 1959; Куйб., Малаховский, 1939; Пенз., Пашковский, 1953; Вят., Тиховидов, 1848; Челяб., 1914; Урал, Миртов, 1930; Свердл., Пашковский, 1965; Оренб., Лосневский, 1849; Басс. ср. теч. р. Оби, 1964; Ордын. Новосиб., 1966; Омск., Пахотина, 1968), *клыка*, *клыха*, *клыша* (ДАРЯ, Костр.).

6. Группа слов с корнем *кур-*: *кура* (Волх. Лен., Попов, 1954; Арх., Моторжина, 1957; Устьянск. Арх., Попов, 1958; Шенкурск. Арх., Борисов, 1844; Холмог., Грандилевский, 1907; Арх., Подвысоцкий, 1855; Олон., Куликовский, 1885; Олон., Влад., Новг., Калуж., Втор. Доп., Покровский и Яценко, 1905; Пск., Копаневич, 1904; Нижегор., Лавровский, 1860; Брян., Брасов., Проскурин, 1961; Урал, Миртов, 1929; Тобол., Доп. Опыт, 1858), *куруха* (Смол., Манаенкова, 1908), *курка* (Моск., Каринский, 1930; Калуж., Владим., Втор. Доп., Покровский и Яценко, 1905; Вельск. Арх., Моторжина, 1957; Арх., Подвысоцкий, 1885; Урал, Миртов, 1930; Южносиб., Гуляев, 1848), *курша* (Урал, Миртов, 1930), *курошта* (Урал, Миртов, 1930), *ку́рушка* (ДАРЯ, Арх.), *куру́шка* (ДАРЯ, Тульск.).

7. Группа с корнем *нес-*: *несётка* (Пск., Карпов, 1855), *несуха* (Рост., Роман. р-н, асп. Рожкова, 1948), *несучка* (Нижегор., Лавровский, 1860; Сарат., Леопольдов, 1846), *несуша* (ПОС, 1962), *несушка* (Курск., Машкин, год?; Пск., 1952; Вост.-Каз. Прииртышье, Гапонова, 1961; Новосиб., Федоров, 1960).

8. Группа с корнем *пар-*: *парунья* (Арх., Вельск., Зимин, 1953; Арх., Устьян., Попов, 1958; Арх. Вельск., Меркурьев, 1957; Волог., Архангельский; Волог., Обнорский; Яросл. губ.; Волог., Дилакторский; Волог., Доброумов; Холмог., Грандилевский, 1897; Волог., Меркурьев; Лен., Подпорожье, Попов, 1956; Яросл., Мельниченко, 1961; Новг., Егоров, 1896; Перм. Усол., Муллов; Перм., Ленорский, 1854; Урал, Бирюков, 1934; Перм., Втор. Доп., Покровский и Яценко, 1905; Свердл., Белоусова, 1964; Прикамье, Серебренников; Вятск., Васнецов, 1907; Перм.,

Луканин, 1856; Басс. ср. теч. р. Оби, 1964; Енис., Кривошапкин; Енис., Арефьев, 1902; Краснояр. у., Анучин, 1902; Том., Молотилов, 1913; Зауралье, Тимофеев; Новосиб., Манаенко, 1965; Новосиб., Федоров, 1964; Краснояр., Мешковская, 1967; Ирк., Бобряков, 1960; Вост.-Каз. Прииртышье, Гапонова, 1961; Амурск., Азадовский, 1913; Хакасия, Андреева, 1967), *паруньяха* (Сибир., Опыт, 1852; Сибир., Черепанов, 1854), *паруха* (Лен., 1955; Лен., Волх., Попов, 1954; Волог., Обнорский; Новг., Втор. Доп., Покровский и Яценко, 1905; Вят., Опыт, 1852; Вят., Тиховидов; Киров., Прозорова, 1962; Киров., Андреев, 1948; Моск., Иванова, 1965); *паруша* (Вят., Мышкина, 1899; Сиб., Даль), *парушка* (Сиб., Даль).

9. Группа с корнем *сед- (сид-)*: *самосадка* (Смол., Добровольский, 1890; Арх., Устьян., Попов, 1958; Новосиб., Сузун, 1965; Прикамье, Серебренников, нач. XX в.), *самоседка* (Пск., Максимов, 1966; Волог., Петрова; Арх., Устьян., Попов, 1958; Моск., Иванова, 1968; Бур. АССР, 1968; Басс. ср. теч. р. Оби, 1964; Яросл., Мельниченко, 1961; Ряз. Ряз., Городцев, 1902; Калуж., Костр., Второе Доп., Покровский и Яценко, 1905; Челяб., Шмурло, 1914; Ирк., Бобряков, 1970), *самосидка* (Пермь, Луканин, 1856), *седоха* (Пск., Максимов, 1966), *седуха* (Пск., Максимов, 1957; Моздок., Тероп., Караулов, 1908; Ср. Урал, Сахарный, 1966), *сидуха* (*сядуха*) (Пск., Царева; Новг., год?), *седунья* (Басс. ср. теч. р. Оби, 1964), *седунка* (Курган., Старцева, 1950; Басс. ср. теч. р. Оби, 1964), *наседоха* (ПОС, 1963), *наседуха* (ПОС, В.-Лук., 1962), *наседыха* (ПОС, 1963).

10. Группа слов с корнем *цып-*: *подцыплятница* (ДАРЯ, Прионежск.), *поцыплятница* (ДАРЯ, Кир.), *цыпка* (Олон., Куликовский, 1885), *цыпленица* (ДАРЯ, Кир.), *цыпленница* (ДАРЯ, Арх.), *цыпляница* (ДАРЯ, Арх.), *цыплятница* (Лен., Попов, 1958; Волх., Лен., Этерлей, 1964; Волх., Лен., Луппова, 1939; Волог., Меркурьев; Пришексн. Волог., Шаргина; Яросл., Мельниченко, 1961; Новг., Егоров, 1896; Смол., Иванова и др., 1958; Калин., Копорский, 1946) (будучи широко распространенным по говорам, это название попадает на страницы художественных произведений, не случайно поэтому оно включено в 17-томный словарь, где дается с пометой «обл.» в значении 'курица, водящая цыплят, наседка'), *цыплятуха* (Арх., Меркурьев, 1957; Арх., Попов), *цыпнечи́ха* (ДАРЯ, Кир.), *цыпне́чиха* (ДАРЯ, Кир.), *цыпнитиха* (ДАРЯ, Арх.), *цыпнятуха* (Арх., Устьян., Попов, 1958), *цыпнятиха* (Арх., Меркурьев, 1957), *цыпотуха* (Волог., Баранников, 1965), *цыпочка* (Волх., Лен., Попов, 1958), *цыпушка* (Томск.), *двоечипница* (Даль), *троечипница* (Даль).

11. Группа слов с корнем *шквар- (шквер-)*: *шкваруха* (Пск., Максимов, 1966), *шкверуха* (ПОС, 1962).

12. Ряд названий с различными корнями: *белаха* (Арх., Попов, 1958), *безперая* (Северн., Барсов, 1872; Олон., 1885), *вороновка* (Даль), *голандка* (Волог., Баженов, 1964), *кутюшка* (Арх.,

Подвысоцкий, 1855; Холм., Грандилевский, 1907; Арх., Устьян., Попов, 1958; Волог., Грязовец., Обнорский; Волог., Дилакторский, 1902); *молодка* (Волог., Амосов, 1962; Волог., Обнорский; Свердл., Пашковский, 1965; Яросл., Балов, 1900; Яросл., Мельниченко, 1961; Костр., Смирнов, 1883; Калуж., Косогоров, 1916; Рязан., Макаров, 1870; Сарат., Наумов, 1960; Пенз., Зимин, 1910; Урал, Бирюков, 1934), *рябуха* (Арх., Попов, 1958; Моск., Иванова, 1968), *рябуша* (Пск., Доп. Оп., 1858), *позднушка* (Обоян., Курск., Машкин, 1859; Переясл., Влад., Бодров, 1849; Курск., Доп. Оп., 1858), *хорхора* (Волог., Опыт, 1852; Волог., Дилакторский, 1902), *шурпа* (?).

Особо следует отметить название *матуха*. В Вельском р-не Архангельской обл. оно зарегистрировано в значении ‘наседка; курица, которая сидит на яйцах’. Но *матухой* в говорах называют всякое животное в период рождения и вскармливания детенышей. Особенно часто это слово используется для обозначения медведицы с медвежатами или отелившейся коровы, хотя зарегистрировано много случаев его применения по отношению к самым различным животным и птицам, в том числе и курице. Ср. также: матка-курица с цыплятами (ДАРЯ, Новгор.).

Семантика и пути образования всех перечисленных названий прозрачны и мотивированны почти во всех случаях (кроме группы с архаическим корнем *кур-*). Эти названия образованы по одной из следующих словообразовательных моделей.

I. Суффиксальное образование.

а) Основа существительного+суффикс: *кур-ушка*, *дет-инуха* ‘курица, имеющая детей’, *цып-нятуха* ‘курица, имеющая цыплят’.

б) Глагольная основа+суффикс. От звукоподражательного глагола: *квак-уха* ‘курица, которая квачит’, *квокт-ушка* ‘квокчет’, *клох-тунья* ‘клохчет’, *шквер-уха* ‘шкверется’. От глагола действия: *клад-ышка* ‘курица, которая кладет яйца’, *нес-ётка* ‘несет яйца’, *пар-унья* ‘парит яйца’, *сед-оха* ‘сидит на яйцах’.

в) Основа прилагательного+суффикс: *бел-аха* ‘белая курица’, *ряб-уха*, *-ушка* ‘рябая курица’, *молод-ка* ‘молодая курица’, *ворон-овка* ‘вороная, т. е. черная, курица’, *голанд-ка* ‘голландская курица’. Особняком стоит название *шурпа* ‘взъерошенная, шершавая курица’, образованное от прилагательного *шурпатый*. Оно не относится к суффиксальным образованиям.

г) Наречие+суффикс: *поздн-ушка* ‘поздно начинает нестись’.

II. Суффиксально-префиксальное образование: *на-сед-оха*, *под-цып-лятница*.

III. Составные наименования.

а) Числительное+субстантивир. основа+суффикс: *двое-чип-ница*, *трое-чип-ница*.

б) Местоимение+глагол. основа+суффикс: *само-сед-ка* ‘сама, без ведома хозяйки, садится высиживать яйца’.

Особо следует остановится на группе слов с архаическим корнем *кур-*. Среди слов этой группы наиболее известно и наиболее

употребительно слово *кура*. Соболевский видел в слове *кура* русское новообразование от *кур* 'петух'. Фасмер (со ссылкой на Бернекера) считает, что *кура* и *курица* древнее, чем *кур*. В свою очередь *кур* он связывает с лит. kaurêt 'реветь, кричать', лат. caurir 'реветь'. Фасмер дает также ряд славянских названий курицы: сербохорват. *кури*, мн. *кӳры*, словен. kùra, чешск. koura, слов., польск. kura, в.-луж., н.-луж. kura.

Таким образом, Фасмер предполагает индоевропейскую древность корня *кур*.

Ф. П. Филиным высказано иное мнение: «Обширен и очень разнообразен состав общеславянских названий птиц, причем большая часть этих названий образована (или заимствована) значительно позже распада индоевропейского языкового единства».[2] Именно к таким образованиям уже общеславянского периода он относит kur, kura.

Л. А. Булаховский также считал kur корнем общеславянской эпохи и указывал, что для него «очень вероятно звукоподражательное происхождение».[3]

У И. И. Срезневского отмечено употребление слова *курица* в памятнике 1057 г. (Остромирово Евангелие).

Что касается всех остальных названий с корнем *кур-*, то они представляют собой суффиксальные образования: *кур-уха*, *кур-ка*.

Таким образом, большинство рассматриваемых названий образовано суффиксальным способом. Какие же суффиксы использованы носителями говоров? Примерно половина наименований имеет суффиксы, известные как диалектам, так и литературному языку:[4] *-уха (квакуха, несуха, седуха, шкверуха* и др.*)*, *-ушка (квактушка, кладушка, парушка)*, *-ка (квочка, клушка, голанка)*, *-ница (дитятница, цыплятница)*.

Другая часть названий имеет суффиксы, встречающиеся лишь в диалектных наименованиях животных (и птиц). Они «неизвестны названиям животных, зафиксированным в словарях современного русского литературного языка, в том числе в 17-томном академическом словаре. . . Наименования животных с этими суффиксами не отмечены ни в исторических, ни в этимологических словарях русского языка».[5]

В говорах эти суффиксы употребляются регулярно: *-унья (парунья, квохтунья, клоктунья)*, *-уша (клокуша, несуша, паруша)*, *-етка/ётка (несётка)*, *-оха (седоха, наседоха)*.

---

[2] Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 115.

[3] Булаховский Л. А. Морфологическая проблематика русских наименований птиц. — ВЯ, 1968, № 4, с. 103.

[4] См. классификацию суффиксов в статье В. И. Максимова «Некоторые особенности суффиксального образования названий животных в диалектах. (На материале псковских говоров)» (в кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966).

[5] Там же, с. 115.

Итак, для образования названий курицы литературные и диалектные суффиксы используются примерно в равном количестве, причем среди первых 24 употребления приходится на долю суф. *-уха* (в говорах к северу и западу от центра европейской части СССР: Рост., Яросл., Арх., Новг., Пск., Смол., Брян., Курск., а также в уральских и сибирских говорах). В другой же половине названий наряду с уже перечисленными регулярно употребляемыми в говорах суффиксами часто имеются случаи единичных изолированных словообразовательных моделей: *дет-юниха*, *дет-итница*, *кур-оштя*, *сед-унка*, *пар-уньяха*, *насед-ыха*, *клад-ышка*, *кур-ша*, *цып-нечиха*, *цып-лениха*.

* * *

С семантической точки зрения рассматриваемая группа названий имеет две основные особенности.

Во-первых, как отмечают исследователи, «названия самок часто связаны с названием самцов (*козлуха*, *индюха*, *утиха*, *кополка*, *кролюшка*). Некоторое исключение составляют названия самок по характерной, специфической именной для самок деятельности. Ср. названия наседки (*квохтуха*, *паруха*, *седуха*, *парунья*)».[6]

Другой характерной особенностью является подробная детализация в названиях одного и того же биологического вида, что всегда было свойственно диалектам.[7]

Поскольку курица — важная в крестьянском хозяйстве птица, поскольку разнообразна приносимая ею польза, постольку сознание носителей говоров направлено на то, чтобы отразить в названиях наиболее важные для хозяйства свойства домашней птицы: яйценоскость, способность высиживать и водить цыплят и т. д. Этим обусловливается своеобразная семантика данной лексической группы.

Названия курицы как наиболее широко распространенной и наиболее широко используемой домашней птицы дают самый обширный и разнообразный материал для семантического анализа. С семантической точки зрения диалектные названия курицы можно разделить на три основные группы.

1. Слова, обозначающие взрослую курицу-наседку вообще, нёзависимо от периода ее жизни и отличительных особенностей.

---

[6] Сахарный Л. В. Некоторые особенности функционирования словообразовательных моделей. — Уч. зап. Пермского ун-та, № 162, 1966, с. 144.

[7] См. многочисленные примеры в работе: Максимов В. И. Некоторые особенности суффиксального образования. . . — Ср.: «За несколькими основными славянскими названиями-терминами стоит множество более ограниченных по распространению и более детализированных по значению названий» (Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, с. 18).

Эта группа представлена наибольшим числом названий. Основная масса всех перечисленных названий отмечена собирателями прежде всего именно в этом общем значении. Но, кроме того, почти каждое из этих слов употребляется еще и в более узком значении: Куриц здесь называют паруньями, наседками, квочками (Басс. ср. теч. р. Оби, 1964); Парунья парит, не кладется (Арх., Попов, 1958); Курицу называем квочкой, когда она цыплят выводит (Новосиб., Федоров, 1970).

2. Слова, обозначающие курицу в один из трех периодов воспроизведения потомства (деление именно на три периода диктует сам материал, даваемый говорами). Следует отметить, что это те же названия, что и в первой группе, но они осознаются носителями говоров дифференцированно в каждом из трех следующих случаев.

а) Курица в период «квохтанья», «рассиживания», приготовления к высиживанию цыплят. К этой подгруппе относятся названия с корнями *квак- (квач-)*, *квок- (квох-, квоч-)*, *клок- (клох-, клоч-)*, *клух- (клуш-)*, *шквер- (шквар-)*. Звукоподражательная семантика очевидна: в этот период курица «квохчет», «клохчет», «квочит», «шкверется»: Клахтуха пошла / на детей хочет (Слов., русск. гов. Прибалтики, 1963); Как начнут клохтать / они все клокуши (Басс. ср. теч. р. Оби, 1964); Квакуха все равно что квочка / как заквохчет / надо посадить (Кошелева, 1969); Куда клохтушку посадить / не знаю — уже три сидят (Ирк., Бобряков, 1970).

Но в этом же значении могут употребляться названия с иными корнями: Курица паруха / если она квохчет (Лен. обл., Кириши, Попов, 1955); Паруха / которая клохчет (Новг., Второе доп., Покровский и Яценко, 1905).

В то же время слова с корнями *квок-*, *клок-* могут использоваться в ином значении: Квочка — курица, сидящая на яйцах (Терск. Кубан., Водарский, 1901); Клоктуха — курица-наседка, выведшая цыплят (Ростов, 1902); Сходи клушу с цыплятами покорми (Подсосонье Пск., Ануфриева, 1957).

б) Названия курицы в период высиживания цыплят. Эти названия представлены группой с корнем *пар-* и группой с корнем *сед-*: У меня парунья трех цыплят задавила / хочу другую сажать (Пошехон., Яросл., 1826); Парунья / это курушка / на яйцах сидит / парит (Сузун., Новосиб., 1969); *парунья* ‘курица в период отсиживания цыплят’ (Амурск., Азадовский, 1913); Парунья / кура-то распарилась / сидит парит (Арх., Попов, 1958); Вон в сенях парунья на яйцах сидит (Новосиб., Федоров, 1964); Квохтушка / некоторые зовут седунья / она сперва клохчет / а потом сидит (Басс. ср. теч. р. Оби, 1964); *седунка* ‘курица, которая сидит на яйцах’: Не шебарши тама / седунку напугаешь (Галкин., Курган, Старцева, 1950); Когда курица на яйцах сидит / она наседоха (ПОС, 1963); Самоседка у меня на полтора десятка посажена (Волог., Петров).

Однако много однокоренных названий отмечено собирателями в общем значении: *седуха* ‘наседка’ (Пск., Максимов, 1964); *седунка* ‘квохтунья’: Седунка не неслась все лето (Басс. ср. теч. р. Оби, 1964); *сидуха* ‘наседка’ (Пск., Царева): Сидуха никак в огороде с цыпкам (Пск., Максимов, 1957); *самоседка*, *самосидка* ‘наседка’ (Пск., Максимов, 1966): Если хорошая самоседка, так одних молодочек выводит, а плохая, дак одних петухов (Ирк., Бобряков, 1970).

В указанном значении ‘курица, сидящая на яйцах’, могут употребляться и другие названия: Квочка сидит на куренятках (ПСО, Болошинский р-н, Кожевникова, 1957); *клоктунья* ‘курица, которая парит яйца’: Плимай-ка эвон клоктунью / надо ее посадить под ведро / чтоб не парила (Усть-Баргузин. Бурят. АССР, Соколов, 1968), Как сядет на яйца / так и клуха (ПОС, 1962).

в) Названия курицы в период вождения цыплят — слова с корнями *дет-* и *цып-*: Детинуха цыплят водит (Слов. русск. гов. Прибалтики, 1963); Детинуху покорми с цыплятами (Смол., Иванова, 1958); Детитница клюнет в нос кота / цыплят защитит (ПОС, 1966).

Иногда слово *детинуха* употребляется в значении ‘курица, уже выведшая, имевшая цыплят’: Наша детинуха уже в другой раз начала клохтать (Пск., Опоч., Опыт, 1852).

Цыплятница ‘курица, которая водит цыплят’ (Пришексн., Волог., Шаргина); *цыплятница* ‘курица, выведшая цыплят’ (Волх., Лен., Луппова, 1938): Раз с цыпками вышла / это цыплятница (Лен., Попов, 1958); Цыплятуха / как уж цыплят вывела (Арх., Устьянск., Попов, 1958).

Названия с этим корнем употребляются и в общем значении: *цыпнятиха* ‘наседка’ (Арх., Меркурьев); *цыплятница* ‘клуха, наседка’ (Осташ., Калинин., Копорский, 1946).

Как и в предыдущих случаях, для обозначения курицы, водящей цыплят, могут быть использованы названия с другими корнями: Опять квочка пришла с цыплятами (Курск., Хильманович, 1967); Клуша — клоктуха / одинаково / это курица / когда цыплят водит (ПОС, 1967); Курица вывела цыплят / клохтушкой называли (Новосиб., Маслянский, 1966).

Приведенные примеры показывают, что в сознании носителей говоров деление на три подгруппы далеко не четкое. Если одни тщательно различают эти значения: Когда курица на яйцах сидит / она наседоха / а с цыплятами / детиниха (ПОС, 1963); Кладушка / курица кладется / а когда сидит / наседыха / а потом детиниха (ПОС, 1962); Как начнут клоктать / они все клокуши / а раз посади на яйца / наседки (Басс. ср. теч. р. Оби, 1964); Парунья выпарит / дак уж цыпнятуха (Арх., Попов, 1958); Когда курица на яйцах сидит / она наседка / а с цыплятами / детиниха (ПОС, 1962), — то другие в одном и том же говоре употребляют одно название в двух значениях (на это указывают сами говорящие): Клуша водит цыплят / и на яйцах сидит клуша и водит

цыплят (Моск., Иванова, 1957); Цыплят высиживает клуха и водит их (Моск., Иванова, 1965).

Иногда же собиратель находит как бы «перемещенные» названия, т. е. в определенном говоре название употребляется не в основном значении, а в каком-то из двух других (хотя в соседних диалектах оно может употребляться в основном значении). Так, в Хакасии отмечен ряд случаев употребления названия *парунья* в значении 'курица, водящая цыплят': Парунья никого к цыплятам не подпускает (Хак., Андреева, 1967); Куда-то парунья ушла с цыплятами (с. Таштып, Хак., Байкалова, 1966), Парунья вывела цыплят на улицу (Хак., Андреева, 1967); На грядке копалась парунья с цыплятами (Хак., Андреева, 1967).

В некоторых же случаях просто невозможно найти названию место в предложенной схеме, настолько переходны оттенки значений: Кого ж квахтуха сидит три дня на одном яйце / надо подсыпать / пущай высижывает (ПОС, 1957); Квахтуху нашел бы пораньше / цыпки-то ранние хорошо (ПОС, 1963); Курица не клюкала долго / а теперь заклюкала / так я посадила / клуша сейчас (ПОС, 1962).

3. Слова, обозначающие специфические признаки той или иной птицы, ее индивидуальные качества.

а) Самое важное для носителя говора свойство — яйценоскость. Для его обозначения употребляются такие названия: *кладушка*, *кладышка* 'курица, которая несет яйца' (Южносиб., Гуляев, 1847; Пск., Осташ., Доп. Опыт, 1858); *несетка* 'курица, несущая яйца (Пск., Карпов); *несучка* 'курица, которая рано начинает и поздно кончает нестись' (Нижегор., Лаврский, 1860); *несучка* 'курица, несущая много яиц' (Сарат., Леопольдов, 1846); *несушка* 'несущая яйца курица' (Пск., Попова, 1952); *несушка* 'курица, которая часто несет яйца' (Обоян., Курск., Машкин). К этой же группе относятся и негативные названия: *некладуха* 'курица, которая не кладет яиц' (Даль); *безперая* 'курица без яиц' (Олон., Куликовский, 1885; Сев., Барсов, 1872); *цыпка* 'курица, еще не несшая яиц' (Олон., Куликовский, 1885). Последнее слово встречается с пометой «просторечное» в 17-томном академическом словаре, но со значением 'курица'.

б) Названия, указывающие, сколько раз или когда курица высидела цыплят: *двоечипница*, *троечипница* (Даль) 'курица, высидевшая цыплят соответственно два или три раза'; *позднушка* 'курица, которая позднее других садится на яйца' (Обоян., Курск., Машкин, 1895), 'курица, которая позднее других оканчивает класть яйца' (Переясл., Влад., Бодров, 1849; Курск., Доп. Опыт, 1858); *молодка* 'молодая курица, еще не несушка или только начавшая нестись' (Влад., Торлин, 1968).

в) Названия могут отражать внешние признаки: *белаха* 'белая курица' (Арх., Попов, 1958); *рябуха*, *рябуша* 'рябая курица' (Арх., Попов, 1958; Пск., Доп. Опыт, 1858); *вороновка* 'черная (вороная) курица' (Даль); *хорхора* 'курица редкоперая, шерша-

вая' (Волог., Опыт. 1852, Волог., Дилакторский); *шурпа* — название, образованное от *шурпатый* 'шершавый'.

г) Различне индивидуальные признаки и качества.

Названия, определяющие курицу, которая высиживает яйца без ведома хозяйки: Двух куриц садили / да еще третья самосидкой отыскалась на повите в сене (Перм., Луканин, 1856); Самоседка сама усядется на яички / ее ищешь, а она уходит с цыплятами (Басс. ср. теч. р. Оби, 1966); У меня было помню тринадцать штук (кур) / глядишь / там самоседкой выведут (Деулино, Ряз. словарь); Парунья иль самоседка наносила яичек в крапиве да села (Новосиб., Сузун, 1965).

Иные признаки: *голандка* 'всякая курица особой породы' (по-видимому от «голландка») (Волог., Баженов, 1964); *молодка* 'молодая курица весеннего выводка под осень называется молодкой' (Пенз., Зимин, 1910). 'молодая курица по второму году' (р. Мста, 1955), 'молодая курица' (Волог., Амосов, 1962; Тамб., Козлов, 1887; Рязан., Макаров, 1820; Яросл., Мельниченко, 1961; Сарат., Наумов, 1960; Яросл., Балов, 1900; Костр., Смирнов, 1883; Калуж., Косогоров, 1916; Ряз., Диттель, 1898), 'курица, которая еще не неслась' (Свердл., Пашковский, 1965), *цыпочка* 'молодая курочка': Яичко маленькое / верно от цыпочки (Волх., Лен., Попов, 1958); название, обозначающее просто курицу, — *цыпушка*: Я думаю / дождь будет / цыпушки ощипываются (Томск.); если 17-томный словарь дает *цыпушка* — ласк. к *цыпка* (с пометой «простореч.»), то в говоре слово бытует в номинативном значении, лишено экспрессивной окраски. В некоторых говорах эмоциональный оттенок носит слово *кутюшка* — «ласкательное имя курице» (Холмог., Грандилевский, 1907).

* * *

Несколько замечаний о территориальном распространении названий курицы.

Проследить регулярность употребления того или иного суффикса в зависимости от территории, от места, где бытует название, оказалось невозможным, так как при сопоставлении выяснилось, что для данной группы названий суффиксы не являются дифференцирующим территориальным признаком.

Если же в качестве такого признака использовать корневые различия, то в большинстве случаев для каждого из корней можно определить довольно четкий ареал. Так, названия с корнем *квок-* бытуют в основном на северо-западе европейской части СССР (Лен., Новг., Пск. обл.), также на Урале и в Сибири.

Названия с корнем *клок-* имеют изоглоссу Вологда—Киров—Пермь и далее в Сибири (среднее течение р. Оби, Новосиб., Ирк. обл.).

Название *клушка* широко распространено в центре европейской части СССР и Среднем Поволжье+Беломорский р-н.

Названия с корнем *клад-* — северо-западные (Арх., Новг., Пск. обл.).

В группе с корнем *пар-* слова *парунья* и *паруха* также северо-западные, но гораздо больше случаев регистрации этих двух названий и других однокоренных в Сибири (У Даля также с пометой «сиб.»).

Названия с корнем *цып-* — северные, преимущественно архангельские и вологодские, но слово *цыплятница* распространено шире (с захватом Яросл., Лен., Новг. и даже Смол. обл.).

Другая часть однокоренных групп имеет более узкую территорию распространения, зачастую такая группа свойственна лишь одному говору. Так, корень *дет-* — псковский.

Корень *квак-* — преимущественно брянский (с захватом Курск., Смол. и Пск. обл.).

Названия с корнем *клох-* в основном употребляются в Ярославской области, откуда отдельные наименования распространяются шире: к западу — Пск. обл., к северу — Арх. обл., к востоку — Кировск., а также бытуют в Сибири.

Квох- — псковский корень, однако большинство примеров его употребления зарегистрировано в районе среднего течения р. Оби.

Сед- — типично псковский корень, встречается также в Сибири.

Шквер- — только псковский.

Различные территории существования таких корней, как *квок-* и *квох-*, *квок-* и *клок-* и др., можно, по-видимому, считать доказательством того, что это не просто фонетические варианты, употребляемые в одном и том же говоре, а самостоятельные морфемы (хотя в некоторых случаях такая вариантность безусловно имеет место).

В заключение предлагается сводная таблица употребления всех рассмотренных корней на территории распространения русских диалектов.

Примечательно, что почти все указанные корни встречаются на территории Псковской обл.

* * *

Итак, в русских народных говорах бытует большое количество разнообразных наименований домашней птицы курицы. Многообразие объяснимо как с этнографической, так и с лингвистической точки зрения.

Во-первых, это повсеместно известная, повсеместно распространенная и широко используемая в крестьянском хозяйстве птица. Сама повсеместность распространения на такой большой территории, как СССР, уже предполагает большое количество наименований. Во-вторых, разнообразна приносимая этой птицей польза, а носителям говоров свойственно подробно детализировать важные для хозяйства оттенки особенностей качеств, периодов жизни, поведения домашних животных.

Многообразие стилистических оттенков достигается не только за счет внутренней образности, но и за счет использования боль-

шого количества разнообразных суффиксов, как известных литературному языку, так и диалектных, причем последние могут быть и регулярными для говоров, и изолированными, единичными.

Многообразие в названиях возникает еще и потому, что в одном и том же говоре часто бытует несколько однозначных наименований. Кроме того, в русском языке существует большое количество синонимичных суффиксов. Поэтому оказалось возможным существование в одной только Псковской обл. не менее 35 различных названий курицы.

Характерной семантической особенностью данной лексической группы является то, что названия самки в большинстве случаев не связаны с названиями самца (исключения могут представлять лишь названия с корнем *кур-*, но и это спорный вопрос).

Однокоренные группы названий имеют в большинстве случаев четкие ареалы на территории СССР или ограничены рамками одного говора.

Следует отметить, что несмотря на разнообразие и даже некоторую пестроту, вся совокупность названий курицы образует единое структурно-семантическое целое, имеет свои закономерности.

Распространение наименований курицы на территории СССР

	Сев.-зап. европ. ч., Пск., Ленингр., Новг.	Сев. европ. ч., Арх., Волог.	Зап. Витеб. Смол., Брянск., Курск.	Центр европ. ч.	Ср. Поволжье	Урал	Сибирь
Дет-	+		Смол.			+	
Квак-	+		+			+	
Квок-	+			Ряз.		+	+
Квох-	Пск.						+
Квочка			+	+			+
Квык-/квых-	+		+				
Клок-	+	+		+		+	
Ключ-	+						+
Клуш-	Пск.	+		+	+		+
Клад-	+						+
Кур-	+			+		+	
Нес-	+			+			+
Пар-	+	+				+	+
Сед-	+						+
Самосед-	+	Арх.	Смол.			+	+
Цып-	+	+		+			
Шквер-	+						

З. М. ПЕТРОВА

О семантической структуре качественных прилагательных в русских народных говорах

Качественные прилагательные принадлежат к числу таких лексико-семантических разрядов слов, семантика которых определяется спецификой их внутренней структуры и междусловных связей и отношений. Необходимым составным компонентом их значения является качественный признак, в силу чего они получают способность наполняться эмоционально-оценочным содержанием, выражая разное отношение говорящего к сообщаемому (ср. *хорош!*, произнесенное с разной экспрессией). Семантическую структуру качественных прилагательных определяет их способность реализовать значение в сочетании с существительными и связанная с этим зависимость значения качественных прилагательных от контекста. На основе сочетаний с существительными качественные прилагательные особенно легко развивают переносные, расширительные значения (ср., например, номинативные значения прилагательных, обозначающих вкус, — *горький*, *соленый*, *сладкий*, *пресный* и их переносные значения, относящиеся к сфере эмоционально-оценочных качеств человека и его поступков). В результате в прилагательных развиваются вторичные значения, и если в них при этом наблюдаются не только смысловые, но и экспрессивные смещения, появляются устойчивые, фиксируемые словарями значения с противоположным смыслом. В литературно обработанной речи, где легко развиваются переносные значения, это явление встречается часто (см. словарные статьи в «Словаре современного русского литературного языка» на прилагательные *горячий*, *сладкий*, *старый*, *тонкий* и мн. др.). При этом следует отметить, что наличие в перечисленных словах противоположных значений не нарушает целостности каждого из них как лексической единицы.

Конечный результат развития противоположных значений качественных прилагательных может быть и иным. В ряде случаев можно наблюдать распад слова на омонимы. Таковы, например, омонимы *лихой* ‘причиняющий беду, зло’ и *лихой* ‘сме-

лый',[1] *благой* 'хороший, добрый' и *благой* 'злой, плохой, взбалмошный, капризный'.[2]

Процесс развития противоположных значений имеет свои специфические особенности у таких качественных прилагательных общеславянского лексического фонда, которые имеют широкий ареал, т. е. функционируют в разных лексико-семантических системах (родственных языках) и микросистемах (диалектах одного языка). Таковы, например, прилагательные *черствый*, *пресный*, *корыстный*, *жадный*, *лакомый*, *хитрый* и др. В настоящее время мы не располагаем сколько-нибудь полными сведениями о территориальном распределении семантики этих слов в диалектах славянских языков (в том числе и русского). Необходимые полные сведения могли бы быть получены после создания областных словарей и лексических атласов русского и других славянских языков, которые показали бы ареал рассматриваемых семантических явлений.

Перечисленные прилагательные на основе исходного этимологического значения на почве каждого отдельного языка или диалекта развили, в той или иной мере независимо друг от друга, противоположные значения, характеризующие предмет с отрицательной или положительной стороны.

Причины поляризации значений качественных прилагательных на почве разных лексико-семантических систем во многом иные, чем в рамках одной системы, когда имеет место появление у слова переносных значений.

Появление у слова положительных или отрицательных значений в разных лексико-семантических системах связано с длительным процессом развития и распада древних широких, диффузных значений слов, закрепления одних или других значений в силу разных условий функционирования слова. Семантика таких слов определяется конкретными связями и отношениями, свойственными лексической системе данного языка или данного говора, их вхождением в тот или иной конкретный синонимический ряд, их антонимическими противопоставлениями. История таких прилагательных, как *пресный*, *черствый*, *крутой*, *корыстный*, *скупой*, *грубый*, *жадный*, *лакомый* и мн. др., может быть иллюстрацией того, как у одного и того же этимологически исходного качественного прилагательного в одних русских говорах развиваются положительные значения, в других — отрицательные.[3]

---

[1] Сороколетов Ф. П. Из истории лексики (слова с корнем *лих-* в русских народных говорах и в литературном языке.) — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966.

[2] Смирнова О. И. Один случай энантиосемии. — В кн.: Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966; Порохова О. Г. Из истории лексики (слова с корнем *благ-* (*блаж-*) в русском языке). — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968.

[3] См. также статью В. Н. Прохоровой «О словах с противоположными значениями» (НДВШ, Филол. науки, 1961, № 1), в которой приводятся

Рассмотрим историю прилагательного *черствый*. Этимологически оно восходит к общеславянскому корню *чьрс* < индоевроп.* kьrs + суфф. *-тв-*. Первоначальное значение этого слова ‘туго стянутый’ (Фасм.), откуда развилось значение ‘твердый’. На его основе в славянских языках развились следующие значения: болг. *чевръ́ст* 1) ‘крепкий, сильный, здоровый’; 2) ‘ловкий, скорый, проворный’; сербохорв. *чврст* 1) ‘жесткий, твердый’; 2) ‘выносливый, крепкий’; польск. czerstwy 1) ‘сухой, несвежий (о хлебе)’; 2) ‘бодрый, здоровый, крепкий’; чешск. čerstvý ‘свежий’ (ср. čerstvá pamět’, čerstvý vzduch), словацк. čerstvý ‘новый; мягкий; энергичный; живой; свежий; чистый’. В украинском и белорусском литературных языках прилагательное *черствый* закрепилось в значениях ‘сухой, несвежий’ и ‘бездушный, холодный, равнодушный’.

На материале памятников русского языка можно видеть, насколько широким было значение этого прилагательного в древне- и старорусском языке. Часто его значение конкретизируется лишь контекстом. В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского приводятся такие значения прилагательного *черствый*: 1) ‘твердый, крепкий’: Дивен есть столпо-т, великим камением сдѣлан. . . и весь есть черств (Дан. иг. — Пал. 25); ‘литой, твердый (о металле)’: Се же сътворение свѣтила: черства злата стебло его и цвѣтци его, черство все (Числ. VIII. 4, Сбор. Волог., XV в.); ‘твердый, не жидкий’: Черъствым брашном питати (Жит. Стеф. Перм., 734); ‘черствый, сухой’: Черъства коврига (Мин., XIII в.); ‘безупречный’: На чръствое блгонравие (Меф. Пат., XVI в); ‘ясный’: Книжен муж без ума черьства яко слепець есть, по пути идя (Пчел., XV в.); ‘искренний’: Акы дроуг чрьствыи (Златостр., XII в.); ‘важный, значительный’: И си проидох, акы велика одного потязания чрьствая, не невѣды, яко же дъвѣма и трьмь. . . толика дасться бечьстью мьзда (Гр. Наз., XI в.) и др.[4]

Следы широких архаических значений слова *черствый* сохранились в пословицах: Мягко стелет, да черство спать (‘жестко’); Ласково говорить, да черство слышать (‘неприятно’). Как наследие предшествующих эпох диффузность семантической структуры слова *черствый* сохраняется еще в XVIII в. Источники XVIII в. фиксируют такие значения прилагательного *черствый*: ‘грубый, резкий’: Князь Белосельской говорил, что нигде такова черстваго штилю нет, как в Военной коллегии, все как в шею толкают, да когда и гладко пишут, так все кажется, что бранят, никакова учтивства не знают (Зап. Порошина, с. 74—75); ‘сухой, не влажный’: Черствость есть качество имущее части весма мокроты лишенны и изсушенны, тѣмже черствое есть совершеннѣ сухо

прилагательные *рахманный*, *соромный*, *вальяжный*, *суровый*, *веснушный* и некоторые другие, имеющие противоположные значения в русских народных говорах.

[4] Сохранены сокращения источников.

(Зерц. естествозр., л. 93, 1713); ‘прямой, негнущийся, твердый’: Признаюсь, поклонюсь; спина моя не чорства (Княжн. Хвастун, с. 137).[5]

В процессе формирования норм русского литературного языка происходит сужение значения прилагательного *черствый*, и в послепушкинский период это слово применяется в сочетании с ограниченным кругом слов.

Что касается русских народных говоров, то материалы картотеки СРНГ отмечают в одних говорах значения с положительной экспрессией, в других — с отрицательной. Ср. ‘здоровый’: О эта старуха черсва (Амур.); ‘смелый; ловкий’: Парень он черьсвой (Олон.). Другие значения прилагательного *черствый* в русских народных говорах реализуются в сочетаниях *черствое мясо* (‘жесткое’) (Пск.), *черствая дорога* (‘твердая’) (Енис.).

На почве разных славянских языков и диалектных лексических микросистем прилагательное *пресный* развивает положительные и отрицательные значения. В болгарском языке прилагательное *прéсен* имеет значение ‘свежий, молодой’, в чешском – přesný ‘настоящий, истинный, точный’. В русских народных говорах прилагательное *пресный* развило значения с отрицательной экспрессией. В сибирских говорах *пресный* означает ‘слабый, чахлый (о лесе)’, в костромских — ‘рассеянный, ветреный, сладострастный’ (КСРНГ). В. И. Даль приводит диалектные композиты (без указания места) с первой частью — прилагательным *пресный*, имеющим отрицательное значение — *пресноплюй* ‘ничтожный, пустобай’ и *пресноглазый* ‘о человеке с тусклым, мутным и тупым взглядом’.

Прилагательное *корыстный* восходит к общеславянскому корню koristь < *корысть* ‘добыча’ (Фасм.). Этимологически исходное значение этого слова трансформируется в прилагательных в славянских языках и диалектах в отрицательные или положительные значения. Ср. польск. korzystny ‘полезный, выгодный, прибыльный’; болг. *користен* и чешск. kořistný ‘стремящийся к личной выгоде, стяжательству, наживе’; укр. *корисний* ‘полезный’.

В диалектах русского языка прилагательное *корыстный* имеет богатый набор значений как положительных, так и отрицательных. Ср. ‘полезный в каком-л. отношении’: Да он и сам для меня не корыстный человек (Волог.); Наш климат-то корыстный для вас городских (Свердл.); ‘влиятельный, важный (о человеке)’: Корыстный ли он человек, а тоже ему кланяться нужно (Кург., Ирк.); ‘имеющий достаточно сил, сильный’: Корыстный ли он еще таскать-та таки кули (Ирк.); ‘красивый’: Она станом не станиста, лицом не корыстна (Задон. Ворон.); ‘хороший’: Лен родился не корыстный (Перм., Арх., Вят., Волог., Ворон., Свердл., Челяб., Урал., Курган., и др.); ‘плохой’: Невестка в семье всегда

---

[5] Примеры взяты из картотеки Словаря русского языка XVIII в.

корыстна (Забайк., Читин., Енис.); ‘завистливый’ (Пск. Осташ., Твер., Терск.).

В письменных памятниках русского языка XVII—XVIII вв. находит свое отражение древняя диффузность значений прилагательного *корыстный*. Ср. ‘выгодный, полезный’: Второе, яко корысть и приемность имуть, аки бы конечную вину благоговение, ея же ради корыстных и приемных желает политик, сирѣчь яко; да благоговеино поживет (Политиколепн. апоф., с. 81); ‘хороший’: Февраля 3 дня приехали на реку Ваемпажу, где купил я костяной не корыстной куяк (род оружия, — *З. П.*), а дал за него табаку двенатцать золотников (Краш. Опис. земли Камч., с. 610); ‘жадный, ненасытный, алчный’: Доволен, что всяк к нему с подарком тащился, Кто у Хирона достать милость был намерен. Так честь презирается, когда не умерен имения властвует глад в корыстных грудях (Кант. Сатира V, с. 117); Таможенныя статьи наруша, отставил (воевода, — *З. П.*), велеть брать с соболей и мягкой рухляди за промысел с цены деньгами для своих бездельных корыстных взятков (ПСЗ, III, с. 255); А за воровство, что великого государя казне были корыстны, винных бить кнутьем нещадно (ПСИ, I, № 9, 1700, с. 45). В дальнейшем за прилагательным *корыстный* в литературном языке закрепляются только значения, характеризующиеся отрицательной экспрессией.

Прилагательные *хитрый*, *лакомый*, *жадный* в славянских языках и диалектах имеют противоположные значения, причины появления которых кроются в их связях с мотивирующей основой. Этимологически эти прилагательные восходят к глаголам *хытити* ‘хватать, похищать что-л.’, *лакати* ‘сильно желать чего-л.’, *жадати* ‘сильно желать чего-л.’, ‘стремиться к чему-л.’. Нетрудно заметить, что глаголы, мотивирующие прилагательные *хитрый*, *лакомый*, *жадный*, обозначают действие, направленное на определенный объект. Эмоциональная окраска данных глаголов связана со значением объекта, на который направлено действие. Предметная (в широком смысле), или объектная направленность действия, обозначаемая этими глаголами, определяет и семантическую структуру образованных от них прилагательных *хитрый*, *жадный* и адъективированного причастия *лакомый*. Положительные и отрицательные оценки, эмоции становятся устойчивыми компонентами семантической структуры этих прилагательных. Так, в болгарском языке прилагательное *жаден* в народно-поэтической речи употребляется в значении ‘сильно желаемый, любимый’, в польском — ‘желаемый, приятный’, в русском и украинском — ‘ненасытный, корыстолюбивый, алчный’; в русских народных говорах наряду с отрицательным значением прилагательное *жадный* имеет значение ‘приятный, милый, желанный’ (Даль).

Прилагательное *лакомый* в болгарском языке имеет значение ‘ненасытно алчный’, в чешском — ‘скупой, скаредный’, в сербохорватском — ‘алчный, жадный, падкий на что-л.’. В русских народных говорах прилагательное *лакомый* имеет значения ‘жад-

ный, алчный, скупой, падкий на что-л.' и 'привлекательный, заманчивый'.

Рассмотрение семантической структуры некоторых качественных прилагательных в русских народных говорах приводит к мысли о том, что в условиях диалектных макро- и микросистем имеют место особые условия для появления у них положительных и отрицательных значений. В говорах, как правило, одно и то же этимологически исходное слово попадает в условия особой лексической микросистемы, в известной мере изолированной от других микросистем и литературного языка. Благодаря этому в слове скорее закрепляются те значения, которые в литературном языке зачастую реализуются лишь на уровне контекста.

А. Ф. МАРЕЦКАЯ

Сложные слова в русских народных говорах (сложения с первым компонентом *верх-*)

Сложные слова в русских народных говорах представляют собой любопытное явление с точки зрения истории русского языка и являются интересным объектом исследования. Своими истоками они уходят в глубокую древность и находят отражение уже в ранних записях местных слов и словарях XVIII в.[1]

В «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г. и «Дополнении» к нему (1858) обобщены накопленные к тому времени лексические диалектные материалы и по сложным словам (в «Опыте», например, насчитывается свыше 400 сложных слов).

Богат сложными диалектизмами «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Отражены они в региональных словарях XIX в. и нашего времени. Значительное место занимают сложные слова в создаваемом сейчас сводном «Словаре русских народных говоров». Не лишены сложных диалектизмов и произведения фольклора.

Между тем специального исследования сложных слов в составе диалектной лексики не велось вплоть до последнего времени.[2]

---

[1] Так, в Словаре 1754 г. в числе диалектной лексики встречаются и сложные слова, например *мутовоз* 'веревка у преслицы', в сочетании *дождь сеногной* 'маленький дождь' и др. Среди них и употребляющиеся сейчас в литературном языке, например *скалозуб* (Слов. 1754), *горемыка* (Слов. 1772). В Путевых записках П. И. Челищева (предпринявшего в 1791 г. путешествие с целью изучения диалектной лексики по северным. областям России) в описании рыб находим *пескозуб*. Заметим, что вообще, по всей вероятности, «фиксация диалектных слов началась в первой половине XVIII в.» (Князькова Г. П. О диалектной лексике в русском языке XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 135).

[2] Это уже отмечалось, например О. Д. Кузнецовой, которая, говоря о недостаточной изученности диалектных сложных слов, указывает, что они «вообще не назывались еще в качестве объекта диалектного словаря» (Кузнецова О. Д. О некоторых трудностях отбора слов в диалектный дифференциальный словарь. — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 24).

В последние годы в связи с возросшим интересом к вопросам диалектной лексики и диалектного словообразования появились отдельные работы частного характера и по сложным диалектным словам.[3]

Обобщающего исследования по сложным словам в русских народных говорах нет. Необходимость в нем несомненна.

В данной статье рассматриваются сложные слова с первым компонентом *верх-* в русских народных говорах, делается попытка проследить специфику их образования и семантики в сравнении с литературным языком и в плане истории русского языка.

В словарях современного русского литературного языка насчитывается 9 сложных слов с компонентом *верх-* в первой части сложения; они представляют собой три семантико-словообразовательных пучка: *верх + вод* (*верховод*, *верховодец*, *верховодить*, *верховодка*), *верх + гляд* (*верхогляд*, *верхоглядка*, *верхоглядничать*, *верхоглядство*) и *верх + лаз* (*верхолаз*).

В русских народных говорах «сложение. . . является одним из излюбленных приемов образования слов».[4] Поражает богатство и разнообразие сложных слов в диалектах. Показательны в этом отношении и сложные слова с первым компонентом *верх-*: если в литературном языке, как уже говорилось, их насчитывается 9, то в говорах, по имеющимся в нашем распоряжении материалам, их свыше 50. Особенно многочисленна группа сложных существительных: *верховóдица*, *верховóдка*, *верховóдье*, *верхоглáз*, *верхоглáзка*, *верхоглядá*, *верхоглядка*, *верхоглядочка*, *верхогрызка*, *верходвóра*, *верходýмка*, *верхозéм*, *верховóйка*, *верхолáз*, *верхолáзка*, *верхолáничество*, *верхолéдка*, *верхолéт*, *верхолéтка*, *верхомóл*, *верхоплáн*, *верхорýб*, *верхосвúрка*, *верхосы́тка*, *верхосы́точка*, *верхотýчник*, *верхотычка*, *верхоýша*, *верхошúвка*, *верхошúтка*, *верхошóв*, *верхвóйка*, *верхрéчье*, *вéрхсыть* и др. Реже встре-

---

[3] См., например: Сороколетов Ф. П. Из истории лексики. (Слова с корнем *лих-* в русских народных говорах и в литературном языке). — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, с. 151—174 (в общем семантическом анализе рассматриваются и сложные слова с первой частью сложения *лих-*); Марецкая А. Ф. Слова с корнем *весн(а)* в русских народных говорах. Раздел IV, Сложные слова. — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 87—102; Попов И. А. 1) Наречия с местоимением *сей/сь*. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, с. 62—86; 2) Наречия, образованные от именных словосочетаний с местоимениями *оный, он, тот*. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 161—180; Варина С. Н. Некоторые особенности в образовании сложных имен существительных, обозначающих лиц, в современных псковских говорах. — В кн.: Программа и краткое содержание докладов к юбилейной научно-методической конференции сев.-зап. объединения кафедр русского языка пед. институтов. 27 I—1 II 1969. Л., 1969, с. 285—287; Арьянова В. Г. О словообразовании имен существительных в говорах Среднего Приобья. (По материалам лексики флоры). — Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971 (в статье выделяются названия растений, возникшие в результате сложения).

[4] Кузнецова О. Д. О некоторых трудностях отбора слов. . ., с. 24.

чаются прилагательные: *верхоко́нный*, *верхоко́брый*, *верхоро́дный*, *верхоу́зкий*, *верхоширо́кий* и др. Отметим также глагол *верхола́зить*.

Широко бытуют наречные образования, представляющие собой сочетания наречного типа: *на верхосы́ток*, *на верхосы́тку*, *на ве́рхсыти*, *наве́рхсыть* и *наверхосы́ток*, *наверхосы́тку* и т. п. (встречается различное написание).

Этот список диалектных сложных слов можно было бы дополнить сложными словами из «Толкового словаря» Даля, которые приведены в нем без указания территории распространения и позднейшими диалектными материалами пока не подтверждаются. Мы не принимали их во внимание при анализе, хотя многие из них можно рассматривать как областные. В числе их (даем с определениями Даля) существительные: *верхоре́з*, *верхосъе́м* ‘марево в степях, срезывающее вершины гор; туман вверху, скрывающий вершину леса’, *верхосви́ст*, *верхоща́п* ‘верхогляд, ветрогон, человек, который судит не смысля, самоуверенно’, *верхосу́шник* ‘вершинник, хворост суховерхих дерев’, *верхоцве́т* ‘растение Acmella’; прилагательное *верхоле́тный* ‘ветреный, опрометчивый’; глаголы *верхогла́зить* ‘глазеть или зевать по верхам, ротозеить’ и *верхопра́вить* ‘забрать всю власть в свои руки, управлять одному’ и др.

Как видно из приведенного перечня диалектных сложных слов, они образованы от двух основ; способ образования их в говорах подобен способу образования в литературном языке: первая часть сложного слова, как правило, бесприставочная, обычно словосложение с соединительным гласным *о*. Однако (в отличие от литературного языка) в говорах имеются случаи образования и без соединительного гласного (*верхво́йка*, *верхре́чье*, *ве́рхсыть*). Эта словообразовательная модель (объединение частей сложных слов происходит непосредственно) является «первичной»: на ее основе возник тип сложных слов с соединительными гласными *о*/*е*, «являющийся сейчас основным и единственно продуктивным» в русском языке.[5]

В диалектных сложных словах (как и в литературном языке) ударение падает на вторую часть слова, и только в словах, образованных без соединительного гласного, встречается ударение на первой части: *ве́рхсыть*, *на ве́рхсыти*.

Грамматическая принадлежность сложного слова определяется тем, какой частью речи выражена вторая часть сложения.

В сложениях имен существительных наблюдаются образования мужского, женского и среднего рода, обозначающие названия лиц, названия действий и названия предметов по их назначению. При этом вторая часть сложного существительного может быть бессуффиксальной основой существительного (в мужском роде —

[5] Ш а н с к и й Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, с. 112—113.

верхозём, в женском роде — *верходво́ра*, *верхоу́ша*) и основой существительного, осложненной суффиксами (в мужском роде — *верхоту́чник*, в женском роде — *верховбдица*, *верховбдка*, в среднем роде — *верховбдье*, *верхре́чье*), глагольной бессуффиксальной основой (в мужском роде — *верхогля́д*, *верхола́з*, *верхомо́л*, *верхопла́н*, *верхопла́в*, *верхору́б*, *верхоши́в*) и осложненной суффиксом (в женском роде — *верховбдка*, *верхогля́дка*, *верходу́мка*, *верхола́зка*, *верхоле́тка*, *верхоши́вка*, *верхоши́тка*).

В некоторых сложениях (например, *верховбдка*, *верхогла́з*, *верхогла́зка* и др.) определить, глагольная или именная вторая основа, можно лишь в контексте.

Следует отметить, что сложные существительные с первым компонентом *верх-* были известны уже в XI в. древнерусскому языку. Так, в «Материалах» И. И. Срезневского находим существительное *верхотворец*:[6] Нбсному кругу Верхотворче ги (Мартовская служебная минея русского письма XI в.). Ср. также: Вьрхотворьче Господи (Ирмология библ. Воскресен. Н. Иерусал. мон., 1250).

Картотека ДРС содержит указание на наличие сложных существительных со второй именной и глагольной основами в текстах XV—XVII вв., таковы, например, *верхокамец*, *верхокамье*, *верхолузье* (Строган. грамоты XV—XVII вв.), а также *верхомет*: Продали есми тое свою вотчину. . . съ пчелами и безо пчел . . . с верхометы и о всяким зверем (Купчая на бортный ухожей на р. Исе, 1629—1630, Инсар. у.).

Сложные прилагательные в говорах образуются путем соединения существительного *верх-* с прилагательными, например: *верхоу́зкий*, *верхоширбкий*, *верхокбрый* и могут быть образованы от соответствующих сложных имен существительных с помощью суффикса *-н-*, например: *верхорбдный*, *верхокбнный*. (Впрочем, данные образования можно рассматривать также как соединение двух именных основ, вторая основа — прилагательное, образованное от существительного с помощью суффикса *-н-*.) Образования подобного типа являются продуктивными и для русского литературного языка.[7]

Аналогичные образования сложных относительных прилагательных известны древнерусскому языку и языку XVIII в. Ср. в памятниках XV—XVII вв. *верхорецкий* (вторая часть образо-

---

[6] Толкования слова *верхотворец* у И. И. Срезневского не дано, значение его ясно из иллюстраций — здесь звательная форма *верхотворче* заменила уже тогда существовавшее *творец неба* и более позднее *создатель*. В этом значении *верхотворец* помещено в Словаре Академии Российской 1789 г. и в Академическом словаре 1806 г. Последующие словари русского языка не включают его, оно не укрепилось в литературном языке — вытеснено своими семантическими конкурентами *всевышний*, *творец*, *создатель* и др.

[7] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 222, § 539—540.

вана от основы существительного с помощью суффикса *-к-*), *верхосухонский* (вторая часть — прилагательное с суффиксом *-онск-*).

Кроме этого, в древнерусском языке XV—XVII вв. отмечается во второй части сложения глагольная основа с суффиксами *-н-* и *-енн-*: *верхоломный*, *верхопашенный*. Известны подобные прилагательные и языку художественной литературы XVIII в., ср., например: *верхоплывные* облака (Тредиак.).

В XVIII в. особенно широко представлены сложные прилагательные в сочетаниях терминологического характера: медицинских (*верхобрюшная* жила, *верхоголовная* кость, *верхогубная* ложжинка — Гейстер, Сокращенная анатомия, 1757), географических (*верховодная* земля: Прочее все земли верховодные должны бы нарещися островами, понеже остров ничто ино есть, токмо земля от воды окруженная. . . О причине и начинании сих земель верховодных или островов будем рассуждати во главе 18 . . . — География генеральная, 1718), исторических (*верхотяглые* люди: . . . а которые люди в Новогородском уезде явились верхотяглые и живут в уездах на пашенных землях вотчинников, а по сказкам их явилось, что отцы их вышли из-за рубежа, а в посадах не бывали, таковых писать за теми вотчинниками, на чьих землях они тогда обретались — Полн. собр. законов Росс. имп., 1744, т. XII), охотничьих (. . . можно от третьего колена прямо *верхочутных* собак иметь — Кн. охотн., XVIII в.).

Они отражают процесс становления терминологической лексики в период формирования русского литературного языка, образованы по рассмотренным выше образцам.

Что касается диалектного глагола *верхола́зить*, то в этом случае трудно установить, образован ли он путем сочетания первой основы *верх-* с глаголом с помощью соединительного гласного *о* или является производным от сложного существительного *верхола́з*.

В сущности очень трудно определить, какие из сложных слов образованы по существующим в языке моделям, какие возникли из сочетаний.[8] Даже параллельное употребление в сходном значении словосочетания и сложения в говорах не означает, что это сложное слово возникло из сочетания. Так, например, наряду со сложным словом *верховодка* ‘прибылая вода в реке (с моря)’ (Беломор. Арх., 1929), в беломорских архангельских говорах отмечено сочетание *верховая вода* в значении ‘прибылая вода в реках и озерах, поднявшаяся от дождей, весеннего таяния снегов’. Думается, однако, что подобный факт сам по себе еще не является достаточным основанием для утверждения о том, что сложное слово *верховодка* образовалось из сочетания *верховая вода*. Напротив, сложные наречия (*наверхсыть*, *наверхосыток*, *наверхо-*

[8] Об этом говорят многие исследователи, см.: Василевская Е. А. К проблеме сложного слова (по памятникам русской письменности XV—XVII вв.). — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1960, с. 63—64.

сытку и др.) можно рассматривать как пример образования сложных слов из словосочетаний. В записях, как уже сказано, представлено то слитное, то раздельное написание их. Некоторые записи прозрачно выражают способ образования этих наречий, например: Поешьте-тко киселька *на-верх-сыть* (Вытегор. Олон., 1891) — сочетание предлога *на* с существительными *верх* и *сыть*[9] в винительном падеже. В наречиях же *наверхосытку*, *наверхосыток* (*на-верх-о-сытку*, *на-верхосыток*) и других наряду с сочетанием предлога с существительными в определенном падеже вступает в силу соединительный гласный *о*, причем образование по модели с соединительным гласным является типичным для говоров.

В плане семантическом ряд сложных слов с первым компонентом *верх-*, общих для литературного языка и для говоров, имеют в говорах значения, не свойственные литературному языку. К числу таких семантических диалектизмов следует отнести слова *верховодка*, *верхогляд*, *верхоглядка*, *верхолаз*.

Так, *верховодка* образует в диалектах два самостоятельных семантических комплекса. Ряд областных значений этого слова зависит от значения второй (именной) основы — *вод(а)*. Такие значения преобладают. Более раннее из них по фиксации — ‘мелкая рыба, плавающая в верхних слоях воды’:[10] Она весною, вероятно по какому-либо недугу плавательного пузыря, плавает и мечется боком поверху воды.[11] В 1897 г. указанное значение слова отмечено в новгородских говорах, позднее — новгородских, архангельских, калужских, смоленских. К этой же группе относится значение ‘удочка с поплавком для мелкой рыбы, плавающей в верхних слоях воды’ в «Словаре областного олонецкого наречия» Г. Куликовского (1885—1898), позднее — в архангельских и воронежских говорах. В архангельских говорах (1896), затем в калужских отмечено значение ‘весенняя вода до половодья, покрывающая лед на речке’. В беломорских, архангельских говорах зафиксировано близкое к этому значение: ‘прибылая вода в реке (с моря)’ (1929). В материалах диалектологической экспедиции Ленинградского университета им. А. А. Жданова *верховодка* — ‘часть суши, покрываемая приливной водой позднее’: Напрасно хлупались, даже на верховодке ничего нет — Кондоп. КАССР, 1970.

Что касается значения, соотносительного с литературным, как-то: ‘затейщица, зачинщица дела, предприятия’ (Яна тут *верховодка* — Пск., Смол.), а также значений ‘проворная, ловкая девушка’ (Калуж.) и ‘женщина или девушка легкого поведения’

---

[9] См. «Материалы» И. И. Срезневского: *сыть* ‘сытость, насыщение’. До сыти. Сыти не имети, и т. п.

[10] *Верховодка* как термин ‘мелкая речная рыба’ известно в языке XVIII в., см.: Словарь поваренный. . ., ч. I. СПб., 1795.

[11] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (в каких местах записано слово, не указано).

(Калуж.), то здесь в слове *верховодка* вторая часть сложения глагольная, и, следовательно, значения его связаны с глаголами *водить* или *верховодить*, в зависимости от образования данного слова.

Верхогля́д (литературное ‘тот, кто отличается верхоглядством’) нашло отражение уже в Слов. Акад. 1789 г. с пометой «простонародное» — ‘зевака; человек, который, оставя дело свое, занимается одним бездельным смотрением по посторонним предметам’ (Где ты, верхогляд, доселе был?); отмечено у Даля (без указ. места) в значении ‘тот, кто ходит высоко подняв голову’ (У верхогляда ноги болят, он спотыкается) и в этом же значении в якутских говорах (1886). В нижегородских говорах *верхогляд* — ‘рассеянный человек’, в уральских говорах (Урал., Перм., Свердл.) — ‘легкомысленный человек’. Встречается сочетание *верхогляд в избе* ‘крюк, гвоздь, на который вешают что-л.’ (Даль, Пословицы; Тамб., Моск., Яросл., Нижегор.). В печорских говорах (1967) зарегистрировано значение ‘баловник, шалун’: Мишка-то наш верхогляд такой.

Верхола́з (литер. ‘рабочий, специалист по работам на большой высоте’) отмечено в псковских и смоленских говорах в значении ‘проказник, любящий лазить по крышам, заборам, деревьям’ (1902—1904).

В зависимости от семантики первой части сложения — *верх-* сложные слова, объединенные этим компонентом, могут быть подразделены на несколько групп. Наиболее многочисленна группа сложений, в которых *верх* обозначает ‘верхнюю часть, поверхность чего-л.’ Например, *верхозе́м* ‘верхний слой земли (обычно пахотной)’ (Вишь какой у нас верхозем-то хороший — Волог., 1902); *верхово́дье* ‘верхняя прибылая вода в реке’ (Верховодье по Цильме пошло — Печор., 1966); *верхоле́дка* ‘весенняя вода до половодья, покрывающая лед на реке’ (Боров. Калуж., 1847—1852). К этой группе относятся и слова, обозначающие название предметов по их признакам и действиям на поверхности: *верхово́дка*, *верхово́дица*, *верхоле́тка*, *верхопла́вка* ‘мелкая рыба, плавающая в верхних слоях воды’ (об употреблении слова *верховодка* сказано выше); *верховодица* отмечено в архангельских говорах (1929), *верхолётка* — в калужских говорах (1847—1852), *верхопла́вка* — в костромских (1897), затем ярославских, нижегородских, владимирских, тверских, московских, на Кубани (Верхоплавка поверху плавает — Любытинск. Новг., 1968); *верхогля́дка* ‘удочка или блесна, держащаяся на поверхности воды’ (Астрах., 1858, Волж.); *верхопла́в* ‘поплавок’ (Медвежьегор. КАССР, 1956), а также ‘способ ловли рыбы в верхних слоях воды’ (В Онеге вот скоро будут ловить *верхоплавом*, . . . сетка не на дне, вверху стоит; ставят так, когда жарко, когда рыба наверху плавает — Кондоп. КАССР, 1962).

Родственны этой группе сложения, в которых *верх* обозначает лицевую сторону поверхности. К ним относятся сложные слова,

значение которых связано с вышивкой по поверхности, по лицевой стороне ее (по канве или без канвы); они могут обозначать и одностороннюю вышивку в отличие от двусторонней, где узор одинаков по лицевой стороне и по изнанке. Например, *верхошúвка* 'вышивание по канве' (Бухтарма Том., 1930), *верхошúтка* (А рубахи вышивали верхошиткой — Кондоп. КАССР, 1970), *верхошóв* 'вышивка крестом' (Верхошов шьем без пяльц, красным и черным ниткам — Мстин. Новг., 1948), *верхошúв* 'вышивка гладью' (Мы верхошивом вышивали без канвы — Славк. Пск., 1957).

К основному семантическому ряду примывают также сложения, в которых *верх* обозначает 'верхушку, вершину чего-л.': *верхолáз*, *верхолáзка*, *верхолáзить*, *верхолáзничество* (имеется в виду лазание по деревьям, заборам, крышам и т. п. — Пск., Смол., 1902—1904); *верхорýб* 'дерево со срубленной вершиной' (Макар. Нижегор., 1861) (ср. в древнерусском языке прил. *верхоломныи* 'о дереве с надломленной вершиной, верхушкой': . . . от того столба, направо вкруте, на березу верхоломную, та береза покляпа. . . — Книга строительная города Синбирска, 55, 1654). К этой группе относятся и прилагательные, в которых *верх* обозначает 'верхнюю часть предмета': *верхоширóкий* 'с широким верхом' (Верхоширокая шляпа — Твер., Даль), *верхокóрый* (хлеб) 'хлеб, с отделившейся коркой' (Прионеж., 1964).

В *верхокóнный* 'всадник, верховой' (Роман. Рост., 1948—1950) *верх-* указывает на поверхность и вместе с тем нахождение *сверху* этой поверхности.

Верх- в значении 'сверх чего-л.' объединяет группу диалектных сложных существительных, наречий и сочетаний наречного типа:[12] выпить, съесть и т. п. *на верхосытку*, *на верхосыток* (*наверхосытку*, *наверхосыток*) и т. д. Особенно широко распространено *на верхосытку* (*наверхосытку*): во владимирских (1848),

---

[12] В этой диалектной группе слов *верх-* употребляется в значении 'сверх-'. В говорах сложения с первой частью *сверх-* крайне редки и представляют собой сравнительно позднее явление. Значение их определяется тем существенным, что характерно для первой части сложения: они обозначают 'превышение какой-либо меры, предела, крайнюю степень чего-либо'. Образованы они, как и в литературном языке, без соединительного гласного, вторая часть сложения — относительное прилагательное с суффиксом *-н-* или соответствующее ему наречие. Одно из таких образований отмечено еще в «Дополнении» к «Опыту» (1858): субст. прил. *сверхчáстный* 'особый надзиратель по питейной части' (Сарат.). Другие записаны спустя 100 лет, например: прил. *сверхчýрный* и нареч. *сверхчýрно*: Человек он сверхчурный: работать возмется, ночей не спит, больше и лучше его никто не сделает, а гуляет — дотла все пропьет; Пройти пять верст было для него сверхчурно — больной он был (Верхозим. Петров. Сарат., Наумов, 1960—1961). Укажем еще наречие *сверхстрочно* (Сверхстрочно остался — Бассейн ср. течения р. Оби, 1964), по-видимому, пришедшее в говор из литературного языка и получившее в нем диалектную фонетическую окраску. Интересно отметить также сложение со второй основой — существительным: *сверхурок* (Кто желает, на сверхурок идет — Ряз., Шапиро, 1953).

вятских (1858), архангельских (Да давай, выпей же, на верхосытку ведь), вологодских, ярославских, костромских (Наверхосытку молоко захлебнем), уральских, свердловских, пермских (Чё варенье, кака еда, его только наверхосытку), сибирских, тобольских, иркутских говорах, в Зауралье; реже встречается *на верхосыток* (*наверхосыток*): Но чё, кампотику похлебай еще наверхосыток; Зелень . . . надо помаленьку, да наверхосыток (Иркут., 1970), *на верх-сыть* (*наверхсыть*) (Олон., 1872): А на верхсыть репу подали (Олон.), *на верхсыти*, *наверсыти* (Новг., 1904): А ну, съешь еще наверхсыти (Новг., 1965) — о кушанье, подаваемом в конце обеда или ужина: десерт, на десерт, иными словами — о том, что сверх «сытости».[13]

Выделяются композиты, в которых *верх-* имеет древнее значение 'высота,[14] вышина', указывает на отношение к высоте, вышине второй части сложения, например: *верхолёт* 'вертолет' (Кириш. Ленингр., 1970), *верхопла́н* 'аэроплан' (Пск., 1971), *верхоту́чник* 'овод' (Каргасок. Том., 1964). *Верхоплан* и *верхолёт* можно рассматривать как новообразование на основе переосмысления слов *аэроплан*, *вертолет*. Ср. также в значении 'высоты' первый компонент *верх* в прил. *верхоплывные* — употребляется у В. Тредиаковского в качестве эпитета к *облака* (Пристань и — вся земля убегает созади — нисъ казалась, И как будто всяжъ пропадает в облаках верьхоплывных — Тилемахида, 1766).

Особую группу составляют сложные слова, в которых *верх-* обозначает 'превосходство, преимущество', а также 'силу действия, влияния, которым трудно противостоять' (ср. в пословице: Чей верх, того и воля).[15] К ним относится, например, прил. *верхоро́дный* 'происходящий из знатного рода, великородный' и образованное от него существительное ж. р. *верхоро́дная* (Мужику не под стать на верхородной жениться — Покр. Влад., 1905—1921). Опосредствованно, через силу воздействия на человека, связаны с этой группой сложные существительные *верхогры́зка* 'лихорадка' (Казан., 1897), *верхомо́л* 'колдун' (Осташк. Твер., 1855), обладавшие, по суеверным представлениям, магической силой действия.

Отдельную группу образуют сложные слова, в которых *верх-* имеет значение 'верхняя, поверхностная сторона явления'. Сюда относятся существительные с обозначением понятий, связанных с поверхностным, неглубоким восприятием природы и жизни общества, например: *верховóдка*, *верхолётка* 'женщина или девушка легкого поведения' (Мещов. Калуж., 1916), *верхогля́з*,

---

[13] Ср. Словарь Толля: *верхосытка* 'десерт, лакомство после еды'.

[14] См. об этом значении слова *верх*: Богатова Г. А., Добромыслова А. Н. Об одной группе фразеологизмов. — В кн.: Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969, с. 308.

[15] Это значение в слове *верх*, соотносительное со значением 'победа', отмечено в «Материалах» И. И. Срезневского (Ко князю великому весть приде на борок, что верхъ его — Никоновская л., 6958).

верхогла́зка ‘гордец, гордячка’ (Порх. Пск., 1855. Пск.), *верходу́мка* ‘легкомысленная женщина, девушка’ (Рыб. Яросл., 1907), *верхору́б* ‘грубый человек, поступающий опрометчиво, необдуманно’ (Эдакого верхоруба поищешь и не найдешь — Ветл. Нижегор., 1861).

И, наконец, выделяется группа сложных диалектизмов, в которых *верх-* употребляется в значении ‘*верхне-*’[16] означает: а) ‘находящийся или расположенный в верхнем течении реки’, б) ‘находящийся или расположенный в верхней части местности, края и т. п.’, например: *верхре́чье* ‘верховье реки’ (Борково-то речка, вершина ею верхречье — Печор., 1966), *верхоу́ша* ‘казак с верховьев Дона’ (Дон., 1901), *верходво́ра* ‘житель деревни Верхний Двор’ (Белозер. Новг., 1896), *верхосви́рка* ‘сиг, встречающийся в Онежском озере у истоков Свири’ (Берг).

Ср. также в древнерусском языке, например, сложные существительные: *верхока́мец* ‘житель верховьев р. Камы’, *верхокамье* ‘верховье р. Камы’, *Верхолузье* ‘название деревни’ (Строгановские грамоты XV—XVII вв. по Великопермским вотчинам), сложные прилагательные, например: *верхорецкии* (межъ верхорецкои дороги — Писц. кн. по Пскову и его пригородам, XVI в.), *верхосухонскии* (2 паруса верхосухонских ветхи да парус двинскои привезены для того что передран — Опись вологодских амбаров Кир. мон., 1656), *верхопашенныи* (На подгородные сенные покосы на пустое место, что покинули верхопашенные крестьяне — ДАИ, V, 160, 1667).

Сложные слова в говорах обычно однозначны. Однако встречаются среди них и отдельные слова с двумя значениями (*верхолётка*, *верхоруб*, *верхотычка*) и многозначное *верховодка*.

Наблюдаются близкие или одинаковые по значению сложные слова, образующие семантические пары или группы, соотносительные прежде всего со значениями многозначных слов, производных однокоренных от *верх-* и сложных с компонентом *верх-*. Так, *верховóдка* (с второй именной частью сложения) имеет семантические пары ко всем трем значениям. В значении ‘мелкая рыба, плавающая в верхних слоях воды’ (Новг., Арх., Смол., Калуж.) оно соотносительно с многозначным производным от *верх* словом

---

[16] В русском языке встречаются случаи, когда первоначальное сложение с основой *верх-* в значении ‘верхне-’ и заменяется затем последней. Например, в «Дополнении к Словарю Толля» дано: Верхобойное вододействующее колесо. Позднее в специальной литературе употребляется только *верхнебойное колесо* (Ср.: Техническая энциклопедия, а также «Русская техника» Данилевского, «Жизнь рек» Галактионова, «Мукомольно-крупяное производство» Акинина). Это является свидетельством тому, что вторая часть сложного слова *верхне-* более позднее явление. Первоначально его функции выполняло *верх-* (в первой части сложения). Об этом свидетельствуют и диалектные материалы: мы располагаем лишь двумя сложными словами с первой частью *верхне-*: *верхнекóнский* и *верхнеконча́нский* ‘живущий в верхнем конце селения’ (Курган. Тобол.). Впервые *верхне-* как первая часть сложного слова отражено в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1949).

верховка (Новг., Твер.), а также совпадает в значении со сложными однозначными словами *верховодица* (Беломор. Арх.), *верхолётка* (Калуж.) и *верхоплавка*. Последнее широко представлено в говорах — костромских, ярославских, нижегородских, владимирских, новгородских, тверских, московских, кубанских.

В значении 'весенняя вода до половодья, покрывающая лед на речке' употребляются слова *верховодка* (Арх., Калуж.) и однозначное *верхоледка* (Калуж.).

К *верховодка* 'удочка с поплавком для мелкой рыбы, плавающей в верхних слоях воды' (Олон., Арх., Ворон.) близки семантически *верхоглядка* 'удочка или блесна, держащаяся на поверхности воды' (Астрах., Волж.) и *верхоплав* 'поплавок' (Медвежьегор. КАССР).

В калужских говорах в значении 'проворная, ловкая девушка' отмечены сложения *верховодка* и *верхолётка*.

В значении 'всадник, верховой' наряду с широко распространенными многозначными однокоренными словами — субстантивированным прилагательным *вершний* в различных вариантах: *вéршний* (Сиб., Том., Енис., Забайк., Байкал., Свердл., Вят., Волог., Арх.), *вершнóй* (Орл., Пск., Енис., Краснояр.), *вéршный* (Перм., Челяб., Том., Амур.) и существительным *вéршник* (Сиб., Перм., Свердл., Ср. Урал, Пенз., Твер., Яросл., Пск.), также с иным вариантом ударения *вершни́к* (Яросл., Волог.), употребляется однозначное сложное слово *верхокóнный* (Роман. Рост.).

Анализ сложных слов с первой основой *верх-* в русских народных говорах позволяет сделать следующие выводы.

Сложения с первым компонентом *верх-* известны были древнерусскому языку уже в XI в. Отмечены они в древнерусских текстах XV—XVII вв. и в языке XVIII в.

Образование сложных слов с первой частью *верх-* в народных говорах является результатом поисков способа выражения какого-либо конкретного понятия (указанного во второй части сложения), связанного с одним из значений слова *верх*, нередко уже передаваемого многозначным однокоренным словом или описательно, и требующего своего самостоятельного оформления, такого, которое наиболее четко отражает содержание этого понятия. Композиты обычно однозначны.

Сложные слова продолжают линию выделения конкретных частных понятий из ряда общих, как и суффиксальные, и префиксальные образования от однокоренных слов.

Сложное слово выражает такое конкретное понятие, которое не передать приставочными и суффиксальными образованиями от однокоренного слова. Только благодаря первой основе *верх-* создается новое представление, выражающее конкретное понятие о предметах, качествах, свойствах, действиях, обозначенных второй частью сложного слова. Первая часть сложного слова заме-

няет многословное выражение, требующееся второму компоненту для его конкретизации.

Первый компонент сложного слова с одной стороны выполняет грамматические функции приставки: с помощью его образуется новое слово. Но в отличие от приставки первая основа *верх-*, присоединяя к себе вторую основу (или присоединяясь к ней), сохраняет свою семантику, выполняет функции словообразующего корня и, с одной стороны, являясь общей частью родственных сложных слов с первым компонентом *верх-*, объединяет все присоединившиеся к ней основы (различных гнезд слов) в один родственный разряд сложных слов; с другой стороны, в зависимости от значения слова *верх* (первой части) эти сложные слова образуют родственные семантические группы. Таким образом, первая основа сложного слова имеет и грамматическое, и лексическое значения (как и вторая).

В народных говорах значительно богаче (по сравнению с современным литературным языком) возможности образования сложных слов. Если в литературном языке с первым компонентом *верх-* образованы сложные слова лишь от трех основ, то в говорах первая основа *верх-* обладает исключительной продуктивностью: с помощью ее образованы сложные слова от 27 основ. При этом вторая основа сложения имеет больше суффиксальных возможностей в говорах (по сравнению с современным литературным языком). Говоры сохраняют известные древнерусскому языку возможности первой и второй основ при образовании сложного слова.

Как и в литературном языке, в диалектах обычны сложения с соединительным гласным *о*. Наряду с этим (в отличие от литературного языка) в говорах образуются сложные слова и по «первичной» словообразовательной модели, при которой две основы слова соединяются непосредственно, без соединительного гласного (*верхре́чье*, *ве́рхсыть*). Широко бытуют в народных говорах не свойственные литературному языку наречные образования, представляющие собой сочетание предлога *на* с существительными *верх* и *сыть* (без соединительного гласного и с соединительным гласным).

Сложные диалектные слова с первым компонентом *верх-* образуются как от глагольных, так и от именных вторых основ. При этом наблюдаются отдельные случаи, когда глагольная и именная основы совпадают в одной форме (например, *вод-а*, *вод-ить*); следствием этого является образование одного по форме слова (*верховодка*) с четкой дифференциацией его значений по двум омоничным смысловым центрам второго компонента (в современном литературном языке сохранились сложения лишь с глагольной второй основой).

Нельзя обойти молчанием способа образования сложных слов и новых грамматических категорий от уже сложившихся функционирующих сложных слов, например *верхолаз — верхолазить*

или *верхолазить — верхолаз*. К этому же способу относится и субстантивация прилагательных. Так, сущ. *верхорбдная, ой*, ж. 'женщина из знатного рода' образовано от прил. *верхорбдный, ая, ое*. Ср. также *верхокбнный, ого*, м. 'верховой, всадник'.

В процессе образования сложных слов, с одной стороны, появляются близкие или одинаковые по значению слова, образующие семантические пары или группы слов, и выделяются омонимы; с другой стороны, происходит перераспределение в значениях многозначных слов: с появлением однозначного слова, соотносительного с многозначным, возможно уменьшение семантической нагрузки многозначного слова.

Понятие сложного слова как сложения переплетается с понятием сложного слова сочетания, они могут быть идентичны (ср., наример, *верховодка — верховая вода*, сосуществующие параллельно, и *на верх сыти — на верхсыть*). Исследование диалектных сложных слов, представляющих собой несращенные, тождественные слову и сращенные сочетания поможет уточнить взаимоотношения слова и сочетания, отличить словосочетание как сложное слово от различных других типов сочетаний слов: свободных и идиоматических.

Семантико-словообразовательный анализ сложных слов с общеславянскими основами в русских народных говорах [17] в сравнении с современным литературным языком и в связи с историей русского языка ставит под сомнение традиционное утверждение о том, что словообразовательная модель сложных слов заимствована у греков, что насаждались на русской почве так же, как это было и на старославянской, греческие модели словосложения.[18] Есть основание полагать, что сложные слова в русских народных говорах представляют собой самобытное явление. Думается, что аналогичные греческим образцам композиты могли возникнуть и на основе внутреннего развития славянских, и в том числе русского, языков на народной основе.[19] Вероятно, благодаря тому что сложные слова уже существовали на славянской народной основе,[20] и облегчалась задача переводчиков с греческих

---

[17] Ср.: Сороколетов Ф. П. Из истории лексики. (Слова с корнем *лих-*. . .) и другие указанные выше работы.

[18] Истрин В. М. Хроника Амартола, т. II. Пгр., 1922.

[19] Например, З. М. Петрова, связывая прил. *верхоплывные* (*облака*) с «гомеровской традицией», замечает: «Для создания эпитета *верхоплывные* Тредиаковский мог воспользоваться образцами устной народной поэзии» (Петрова З. М. Сложные прилагательные в поэзии второй половины XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 166).

[20] Еще М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» и в материалах к ней приводит примеры сложных слов из живой народной речи. За ним Ф. И. Буслаев отметил, что «в просторечии употребляется много слов чисто русского сложения» (Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики, ч. 1. М., 1858, с. 153). В. А. Богородицкий наряду с заимствованиями отмечал и «природные сложения» (Богородицкий В. А. Общий курс русской

текстов. Может быть, в этом плане и следует понимать замечание А. Х. Востокова: «Древние переводчики не были робкими подражателями, они придерживались свойственного славянам словосочетания и перелагали по большей части греческие сложные слова двумя словами своего языка».[21] «Возможно, вместе с тем были и такие случаи, когда. . . греческое словосочетание передавалось старославянским сложением. . . Для языка старославянских памятников в целом характерно употребление в одном значении нескольких сложений. . ., передающих одно и то же греческое соответствие».[22] Это не исключает заимствования сложных греческих (и других иностранных) слов в русском языке, речь идет лишь о том, что при переводе с греческого переводчики могли прибегать и к природным сложениям своего родного языка.

Исследование сложных слов в русских народных говорах поможет разрешить проблему взаимоотношения сложных слов в диалектах и современном литературном языке и проблему соотношения самобытных и заимствованных слов в русском языке.

Данные по сложным словам в русских народных говорах опровергают существующее до сих пор среди ученых мнение о том, что «народный язык совсем не употребляет словосложения»,[23] что словосложение является искусственным созданием в русском языке.

грамматики. М.—Л., 1935, с. 95). Эти замечания находят подтверждение в исследованиях сложных слов по памятникам письменности, появившихся за последние 20 лет. См., например: Сабанская Т. В. Типы сложных прилагательных в языке русской письменности XI—XVIII вв. Ростов-на-Дону, 1951; Пономарев В. И. История сложных слов в русском языке. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания, т. IV. М., 1953; Василевская Е. А. К проблеме сложного слова; Немировский М. Я. Народные истоки словосложения в славянских языках. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, кн. 4. Изд-во Львовского ун-та, 1955.

[21] Востоков А. Х. Грамматика церковнославянского языка. СПб., 1863, с. 102—103.

[22] Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. (Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв.). Автореф. докт. дисс. М., 1973, с. 25, 31.

[23] Meillet A., Vendryes. Traite de Grammaire comparée des langues classiques. Paris, 1924 (цит. по: Немировский М. Я. Народные истоки. . ., с. 36). М. Я. Немировский справедливо замечает: «Какую книгу, касающуюся так или иначе этой проблемы, не раскроешь. . ., везде почти встретишь в виде незыблемого положения характеристику словосложения как искусственного создания» (с. 35).

Н. И. АНДРЕЕВА-ВАСИНА

О глагольной приставке *при-* в разных группах русских народных говоров

Префикс *при-* в говорах русского языка широко используется как словообразовательное средство. Основные значения приставки, а также способы словопроизводства глаголов одинаковы с литературным языком. Но имеется, однако, целый ряд особенностей и отличий.[1] В связи с этим небезынтересно выяснить, каким образом распределяются эти особенности и отличия по говорам. Но сопоставимого материала, который позволил бы с достаточной точностью установить это, пока еще очень мало. В большинстве работ содержатся в основном лишь указания на возможность таких различий. Имеющиеся материалы [2] показывают, что сфера употребления приставки *при-* во всех русских народных говорах достаточно обширна. Вместе с тем по говорам наблюдаются специфические особенности в глаголообразовании с помощью префикса *при-*.

Так, севернорусские говоры характеризует высокая степень использования его как словообразовательного средства.[3] В под-

---

[1] См. статьи автора: Андреева-Васина Н. И. 1) Значения глагольной приставки *при-* в русских народных говорах и произведениях устного народного творчества. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, с. 87—105; 2) О некоторых особенностях диалектного словообразования (на материале глаголов с приставкой *при-*). — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972, с. 152—160.

[2] В статье использованы материалы картотек СРНГ и Словаря современного литературного русского языка.

[3] Ср. высказывание В. Я. Ильина: «. . . из всех извлеченных (из словарей, — *Н. А.-В.*) глаголов (с 19-ю префиксами) в северных говорах встретилось диалектных приставочных глаголов в полтора раза больше, чем в южных (в северных — 1215 глаголов, в южных — 767), и в три раза больше, чем в среднерусских (390 глаголов)» (Ильин В. Я. Префиксальные глаголы в различных типах народных говоров. — В кн.: Вопросы теории русского языка и методики его преподавания, вып. 2. Саратов, 1970, с. 163). На специфические особенности северных говоров в словообразовании, и в частности в префиксальном глаголообразовании, указывают многие исследователи. См., например: Зелепукина Л. А. Особенности глагольного слово-

тверждение этого можно привести следующие данные: из рассмотренной тысячи с лишним глаголов (1241) 575 зарегистрировано в севернорусских говорах, 419 — в южнорусских и 219 — в среднерусских.

Обращает на себя внимание и то, что префикс *при-* обнаруживает бóльшую активность при образовании глаголов в севернорусских говорах независимо от своих значений или характера производящей основы (диалектная или общенародная). Это подтверждается наблюдениями над количественными соотношениями префиксальных глаголов. В севернорусских говорах зафиксировано 129 глаголов с пространственными значениями приставки (производящая основа диалектная), в южных говорах — 80, в среднерусских — 58; с результативным значением (и его оттенками), а также значением ликвидации действия (при той же основе) в северных говорах — 105 глаголов, в южных — 93, в среднерусских — 47; со значением неполноты действия в северных говорах — 55 глаголов, в южных — 38, в среднерусских — 38.

Такие же соотношения сохраняются в глаголах, производящие основы которых общенародны. В севернорусских говорах этих глаголов с приставкой *при-* с пространственными значениями насчитывается 61, в южных — 46, в среднерусских — 15; со значениями результативности или ликвидации действия северные говоры имеют 146 глаголов, южные — 97, среднерусские — 64; со значением неполноты действия северные говоры — 48 образований, южные — 37, среднерусские — 16, и т. д.

Таким образом, в южных говорах, и особенно в среднерусских, наблюдается сужение сферы функционирования диалектных глагольных образований с приставкой *при-*.

Это обстоятельство, касающееся южных говоров, находит свое объяснение в том, что они неоднократно испытывали на себе, особенно в XVI—XVII вв.,[4] интенсивное влияние московского говора, на основе которого складывался язык великорусской народности.

Резкое снижение по сравнению с другими говорами количества диалектных префиксальных глаголов в среднерусских говорах является результатом близости этих говоров к литературному

образования в севернорусских говорах Сосновоборского района Пензенской области. — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Куйбышев, 1961; И л ь и н В. Я. Префиксальные диалектные глаголы в севернорусских говорах. — В кн.: Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967; Б е л о з е р ц е в Г. И. О соотносительных образованиях с префиксами *вы-* и *из-* в русских народных говорах. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы исследования. М., 1972, и мн. др.

[4] Ф и л и н Ф. П. К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка. — В сб.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962.

языку, а также и их меньшей территориальной распространенностью.

Не полагаясь полностью на цифровые данные, поскольку любая статистика при кажущейся объективности на самом деле зависит нередко от очень субъективных факторов (неполнота материала, субъективность записи собирателя и т. д.), рассмотрим в структурном и семантическом плане приставку и ее взаимодействие с производящими основами в разных группах русских говоров.

Как в северных, южных, так и в среднерусских говорах приставка *при-* употребляется с пространственными и количественно-временными значениями.

В локальных значениях, совпадающих с литературным языком, каких-либо различий в северных, южных и среднерусских говорах не обнаруживается. Однако в значениях, которые неизвестны литературному языку, приставка *при-* употребляется преимущественно в северных говорах, как например при обозначении 'движения вверх': *призыма́ть* (Волог.); 'движение через что-л.' *припиха́ть* (Том.) и др.

Наблюдения показывают, что в севернорусских говорах в сферу словопроизводства наиболее часто вовлекается приставка *при-* со значениями, представляющими собою оттенки к основному результативному значению. Например, из 27 глаголов с лексическим значением 'уничтожения действием' и приставкой с указанной семантикой 14 зафиксировано в севернорусских говорах, 8 — в южнорусских и 5 — в среднерусских говорах. В материалах имеется также 14 дистрибутивных глаголов, 13 из них записаны в севернорусских говорах и только 3 глагола относятся к южнорусским диалектам, и т. д.

Рассмотрение лексико-семантических групп глаголов в севернорусских, южнорусских и среднерусских говорах позволяет сделать вывод о том, что различий в этом плане между разными говорами не имеется. Так, например, приставка *при-* с пространственными значениями особенно продуктивна с конкретными глаголами, а именно с глаголами движения и физического действия. Результаты анализа типа производящих основ в разных диалектах показывают, что существенной разницы в их распределении по севернорусским, южнорусским и среднерусским говорам на наблюдается.

Исследование фактического материала позволяет также установить, что нет различий в разных говорах в употреблении приставки *при-* с производящими основами, обозначающими сильные физические действия, что представляет собою одну из диалектных особенностей префикса.

Своеобразие префикса *при-* в говорах проявляется также в его взаимодействии (в значении неполноты действия) с общенародными производящими основами, обозначающими действие,

которое совершается над объектом и проявляется благодаря этому объекту (*прибели́ть щи*, *присоли́ть что-л.* и т. д.). Эта особенность, как показывают материалы, имеет одинаковое распространение в северных, южных и среднерусских говорах.

В диалектах русского языка приставка *при-* достаточно широко используется для словообразования глаголов собственно от основ имен существительных: *пристару́шиться* (Енис.), *притулу́питься* (Тул.), *пришу́биться* (Тамб.), *прихворости́ть* (Смол.), *припия́ться* (Моск.), *прибула́вить* (Влад.), *придве́рничать* (Пск.), *прислуга́ть* (Вят.), *приворо́тничать* (Пск., Твер.), *приземли́ться* (Новг.), *призя́тить* (Орл.). Подобные образования (как это видно даже из приведенных здесь материалов) имеют место как в северных и южных, так и в среднерусских говорах.

Таким образом, анализ производящих основ, к которым присоединяется префикс *при-*, позволяет установить, что в кругу основ, вступающих в соединение с *при-*, практически нет различий в разных группах русских народных говоров.

Одной из ярких особенностей русских говоров является глаголообразование со вторичным *при-*. В связи с этим небезынтересно сопоставить аналогичные способы словопроизводства в разных диалектах русского языка. Любопытны статистические данные: с помощью вторичного *при-* в севернорусских говорах (из общего числа 92 рассмотренных бипрефиксальных глаголов) образовано 69 производных, в южнорусских — 18 и в среднерусских говорах — 5.[5] Сопоставляя характер производящих основ, можно заметить, что (как это было и в кругу образований с первичным *при-*) существенных различий в этом плане в разных группах русских говоров не обнаруживается. Наблюдаются различия в численности типов сочленений с первой приставкой по говорам. В диалектах в словопроизводстве глаголов со вторичным *при-* принимает участие 15 типов сочетаний (*приза-*, *прию-* *прио-* и т. д.). Абсолютное большинство указанных сочетаний имеет место в севернорусских говорах, в южных говорах зафиксировано лишь 6, в среднерусских — 4. Только в северных говорах функционируют глаголы с приставками: *прираз-*, *приот-*, *прииз-*, *припо-*, *привы-*.

Примечательны статистические данные о частотности употребления того или иного типа сочетаний в разных группах говоров. Например, глаголов с *приза-* в севернорусских говорах зафиксировано 19, в южнорусских — 4, в среднерусских — 1; с сочетанием *прию-* в северных говорах имеется 9 глаголов, в южнорусских — 5. Глаголов с *прио-* в северных говорах насчитывается 17, в южных — 1, и т. д.

---

[5] Подобные же выводы сделаны В. Я. Ильиным (с учетом всех префиксов, функционирующих в говорах); см.: Ильин В. Я. Префиксальные глаголы. . ., с. 171.

Из этого следует, что севернорусские говоры значительно активнее используют такой способ глаголообразования, как вторичная префиксация.

Заслуживает внимания и «география» распространения префиксального словопроизводства глаголов от диалектных и общенародных основ. Примечательны статистические данные, отражающие характер взаимоотношений говоров в использовании общенародных и диалектных производящих основ в глаголообразовании. В северных говорах зарегистрировано 129 глаголов с диалектными производящими основами и 61 глагол с общенародными основами (при пространственных значениях приставки). В южнорусских говорах — соответственно 80 и 46. Почти такое соотношение наблюдается и в среднерусских говорах (58 и 15).[6]

Таким образом, в рамках словопроизводства с приставкой *при-* с пространственными значениями доминирующую роль во всех говорах играет глаголообразование от диалектных основ.

Сопоставляя количественные данные об образовании глаголов от общенародных и диалектных основ (при количественно-временных значениях приставки), можно видеть, что здесь наблюдается иная картина. В севернорусских говорах зафиксировано 179 глаголов с диалектными производящими основами и 206 глаголов с общенародными основами. В южнорусских говорах соответственно 145 и 148 глаголов, в среднерусских — 90 и 84 глагола. Таким образом, статистические подсчеты позволяют установить тот факт, что в севернорусских и среднерусских говорах глаголообразование с диалектными основами (при количественно-временных значениях префикса *при-*) значительно уступает словопроизводству глаголов от основ общенародных (южнорусских говоров это касается в меньшей степени, поскольку численность глаголов, образованных от обоих видов основ, находится почти на одном уровне). Этот вывод подтверждается также статистическими подсчетами другого рода. Так, если сравнить процентное соотношение количества глаголов в каждой из групп значений приставки и общее количество глаголов по данной группе говоров, то соотношение будет следующим (см. табл. 1 и 2 на с. 170).

---

[6] Ср. наблюдение В. Я. Ильина, который, рассматривая количественные соотношения приставочных образований (со всеми приставками, функционирующими в говорах) от общенародных и диалектных основ (безотносительно к значениям приставок), пришел к иному выводу: «Если в северных говорах количество диалектных приставочных глаголов, возникших от общерусских и диалектных основ, примерно одинаково, то в южных и среднерусских говорах большинство глаголов образовано от диалектных основ», поэтому «диалектность глаголов в переходных и южнорусских говорах. . . больше зависит от диалектной основы (точнее — диалектного корня) слова, а не от тех комбинаций, в которые вступает префикс с другими морфемами слова» (И л ь и н В. Я. Префиксальные глаголы. . ., с. 166, 167).

Таблица 1

Глаголы с общенародными основами

Говоры	Значения приставки, %	
	пространственные	количественно-временные
Севернорусские	23	77
Южнорусские	24	76
Среднерусские	14	86

Таблица 2

Глаголы с диалектными основами

Говоры	Значения приставки, %	
	пространственные	количественно-временные
Севернорусские	43	57
Южнорусские	35	65
Среднерусские	40	60

Приведенные выше таблицы несколько под другим углом зрения также отражают неравномерность количественного распределения глаголов с префиксом *при-* по говорам. Ср., например, общее число глаголов с диалектной основой при количественно-временных значениях префикса. В севернорусских говорах таких глаголов зафиксировано больше, чем в южнорусских (179 и 145) (см. табл. 4). Однако процентное отношение к общему числу глаголов с указанными основами по данным говорам показывает, что в северных говорах таких глаголов все же меньше, чем в южнорусских (57 и 65%, см. табл. 2). Южные и среднерусские говоры совпадают в количестве глаголов (при диалектной основе) с приставкой *при-* в значении неполноты действия (38 и 38). Но по отношению к общему количеству глаголов соотношение будет иным: для южнорусских оно составит 17% общего числа глаголов, для среднерусских говоров — 25%, и. т. д.

Как можно было заметить (см. табл. 1), в среднерусских говорах глаголообразование от общенародных основ осуществляется еще шире, чем в южнорусских говорах. Среднерусские говоры, как уже указывалось выше, занимают особое положение. Они резко отличаются по всем параметрам статистических подсчетов от других групп говоров (ср., например, если в северных говорах насчитывается 61 глагол с префиксом *при-* с пространственными значениями или в южнорусских — 46, то в среднерусских гово-

рах только 15 глаголов). Существенно отличаются эти говоры и в употреблении приставки *при-* с пространственными значениями с диалектными основами (ср., в северных говорах зафиксировано 129 глаголов, в южных — 80, в среднерусских — 58 глаголов и т. д., см. табл. 3 и 4). Имеются некоторые расхождения и относительно употребительности префикса *при-* в некоторых из значений. Например, в материалах не встретилось ни одного глагола с начинательным значением приставки, почти нет образований со вторичным *при-*, относящихся к среднерусским говорам.

Таким образом, предварительные наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

Словопроизводство глаголов с префиксом *при-* в севернорусских, южнорусских и среднерусских говорах осуществляется сходными способами. Существенных расхождений во взаимодейст-

Таблица 3

Глаголы с общенародными основами

Говоры	Значения префикс *при-*	
	пространственные	количественно-временные
Севернорусские	61	206
Южнорусские	46	148
Среднерусские	15	84

Таблица 4

Глаголы с диалектными основами

Говоры	Значения префикса *при-*	
	пространственные	количественно-временные
Севернорусские	129	179
Южнорусские	80	145
Среднерусские	58	90

вии префикса с производящими основами как в структурном, так и в семантическом плане не обнаруживается. Однако численность префиксальных образований в диалектах русского языка имеет различия. В этом можно наглядно убедиться при сопоставлении цифровых данных (табл. 3 и 4).

Из данных, приведенных в таблицах, следует, что севернорусские говоры обладают максимальным количеством производных с префиксом *при-*, именно в этих говорах наблюдается наи-

более широкая сфера употребления префиксальных образований. Активность приставки в них (по сравнению с другими говорами) значительно выше. Намного интенсивнее в этих говорах осуществляется также глаголообразование с помощью вторичного *при-*. Заслуживают внимания и отдельные свидетельства о более широкой семантической наполненности префикса в севернорусских говорах. Это несомненно оказывает влияние на количество диалектных глаголов в северных говорах.

Статистические подсчеты позволили также установить, что как средство глагольного словообразования приставка *при-* оказывается наименее употребительной в среднерусских говорах (например, глаголов с общенародными основами при пространственных значениях приставки в среднерусских говорах в четыре раза меньше, чем в северных говорах, см. табл. 4).

Рассмотрение количественного соотношения префиксальных образований в зависимости от значений приставки позволили установить тот факт, что образование приставочных глаголов, например, от общенародных основ в разных группах русских народных говоров резко меняется в зависимости от значений префикса (ср., данные по среднерусским говорам, табл. 1).

Таким образом, приведенные материалы позволяют говорить о наличии своеобразия в использовании общерусских словообразовательных средств в различных группах русских народных говоров. Изучение особенностей словопроизводства глаголов с префиксом *при-* в севернорусских, южнорусских и переходных среднерусских говорах должно представлять интерес в плане их сопоставительного исследования.

Г. И. ДЕМИДОВА

Образование сравнительной степени прилагательных и наречий в брянских говорах

Если в русском литературном языке степени сравнения неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, то в диалектологии эта тема остается на периферии научных интересов. Скупые и далеко не полные сведения о степенях сравнения, содержащиеся в общих грамматических курсах по диалектологии, не дают достаточно полного представления об этой своеобразной категории. Не считая целесообразным освещать здесь литературу вопроса, назовем лишь две монографические работы, написанные на материале говоров, — это исследование И. С. Филипповой «Образование сравнительной степени в говорах русского языка» [1] и С. В. Бромлей «Формы сравнительной степени в русских говорах в свете данных диалектологического атласа».[2] Оба автора в силу обобщающего характера своих работ определяют основные тенденции образования форм сравнительной степени для всех русских говоров (их материалы охватывают до 5 тыс. населенных пунктов евпропейской территории РСФСР). Это обстоятельство само по себе предопределяет то, что специфические особенности образования сравнительной степени отдельных говоров растворяются в массе привлекаемого материала и подчас не раскрываются.

Предлагаемая работа посвящена изучению образования сравнительной степени прилагательных и наречий [3] в говорах Брянщины — говорах, занимающих крайнюю западную часть южновеликорусского наречия и находящихся на перекрестке трех языковых областей. Это позволяет очертить границы распростра-

---

[1] Филиппова И. С. Образование сравнительной степени в говорах русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1955.

[2] Бромлей С. В. Формы сравнительной степени в русских говорах в свете данных диалектологического атласа. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, Нов. сер., т. I. М., 1959.

[3] Сравнительная степень прилагательных и наречий рассматривается вместе, так как различия между ними прослеживаются лишь в синтаксическом плане, а морфологически образования совпадают.

нения диалектных явлений русского языка и сопоставить их с особенностями аналогичных категорий в близкородственных восточнославянских языках.

В основе работы лежат наблюдения над диалектной речью, полученные в результате многочисленных экспедиций преподавателей и аспирантов ЛГПИ им. А. И. Герцена, материалы картотеки Брянского областного словаря, материалы общеславянского лингвистического атласа. Дополнительно привлекаются сведения из южнорусских рукописных памятников второй половины XVII в., связанных с Брянщиной, которые до последнего времени были вне поля зрения историков языка. Используются также данные опубликованных брянских текстов XVII—начала XX в.[4]

Говоря о материале, на котором построено исследование, заметим, что формы сравнительной степени прилагательных и наречий характеризуются низким частотным показателем. Так, рукописные памятники XVII в., представляя большой интерес для изучения склонения существительных, прилагательных, числительных, форм степеней сравнения почти не содержат (мы располагаем лишь единичными примерами). Это объясняется, с одной стороны, содержанием памятников делового языка, бедных описанием ситуаций, в которых могли бы быть употреблены степени сравнения. С другой стороны, это обусловлено тем, что сравнительно с другими частями речи прилагательные и наречия обладают значительно меньшей частотностью употребления вообще как в литературном языке,[5] так и в диалектной речи.[6] Нельзя забывать и того факта, что сравнительная степень образуется главным образом от одного разряда прилагательных и наречий — качественных, т. е. образование форм сравнительной степени ограничивается и семантическими причинами.

В настоящей статье рассматриваются суффиксальные и префиксально-суффиксальные образования.

В Брянских говорах отмечается большее количество суффиксов сравнительной степени, чем в русском литературном языке: *-ее* (*-ей*), *-ейше*, *-ейш*, *-еиче* (*-ейче*), *-е*, *-ше*, *-шей*. Эти суффиксы восходят по происхождению к двум общеславянским суффиксам. От суф.**-ejьs* ведут свое начало суф. *-ее* (*-ей*), *-ейше*, *-ейш*, от суф.**-jьs* (*-jes*) — суф. *-е*, *-ше*.

1. Самым продуктивным суффиксом сравнительной степени в брянских говорах является суф. *-ее* и его фонетический вариант *-ей*. Некоторые исследователи считают суффикс *-ей* не вариантом

---

[4] Список обследованного материала приведен в конце статьи.

[5] По данным «Частотного словаря современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдта (Таллин, 1963), части речи по употребительности находятся в следующем соотношении (в %): существительные — 44, глагол — 24, прилагательные — 13, наречие — 9 (с. 40).

[6] См.: Москвая Э. А. Опыт составления частотного словника диалектной речи. — В сб.: Вопросы истории и диалектологии русского языка, вып. 1. Челябинск, 1965, с.140—141.

-ее, а самостоятельным суффиксом сравнительной степени. И. С. Филиппова, например, для говоров белорусского языка и части переходных говоров русского языка, куда она безоговорочно включает и все брянские говоры, расценивает суф.- *ей* в качестве морфологизованного самостоятельного суффикса сравнительной степени, поскольку, по ее мнению, в указанных говорах употребляется исключительно суф. *-ей*.[7] Это утверждение И. С. Филипповой нуждается в коррективах.

Формы с суф. *-ее* зафиксированы во многих брянских говорах (Навлинский, Жуковский, Брянский, Карачевский, Почепский, Дубровский, Клетнянский, Погарский, Трубчевский, Суземский, Севский и другие районы): *вольнее* (Навл. Гладское), *беднее* (Навл. Пролысово), *дичее* (Жуков. Никольская Слобода), *теплее* (Жуков. Овстуг), *укуснее* (Брян. Супонево), *слабоватее* (Брян. Чернетово), *белее* (Карач. Семеновка), *плошее*, *провяльнее* (Почеп. Рогово), *дробнее* (Почеп. Тубольцы), *светлее* (Почеп. Титовка), *скорее*, *плотнее*, *согласнее* (Дубров. Снопоть), *осторожнее* (Дубров. Алешенка), *мельчее* (Клетнян. Алень), *моложее* (Клетнян. Мужиново), *соложее* (Сузем. Чухраи), *длиннее* (Сузем. Невдальск), *злее* (Севск. Быки), *укуснее* (Погар. Джуровка), *корочее*, *харменнее* (Погар. Заречное), *тужее*, *слабее* (Трубч. Сагутьево), *грубее*, *крупнее*, *дебелее* (Трубч. Гнилево), *выносливее* (Трубч. Передние Городцы), *чащее*, *теплее* (Трубч. Арельск), *дробнее*, *сушее* (Трубч. Кветунь) и др. Встречаются они и в крайних западных брянских районах, примыкающих к белорусским, например в Красногорском, Суражском, Унечском: *более*, *чистее*, *мэладее* (Красногор. Антоновка), *вкуснее*, *ружнее*, *малопогоннее* (Сурож. Федоровка), *длиннее* (Унеч. Красновичи). Эти формы отмечал в 1912 г. А. Д. Нечаев в селе Гарцове Стародубского уезда: *веселее* (№ 110), *вернее* (№ 112), *скорее* (№ 113) и др. Находим их и в материалах XIX в.: *сходнее*, *веселее*, *полнее*, *вернее* (Тих., Бр. гов.). Таким образом, нет оснований исключать суф. *-ее* из числа формообразовательных морфем сравнительной степени в брянских говорах. В собранном нами материале среди 633 слов (с учетом повторений) форм на *-ее* — 57, т. е. примерно 9%. И хотя по частоте употребления формы с суф. *-ей* значительно превосходят формы на *-ее* (они составляют 240 слов всего материала, т. е. примерно 26%), нет необходимости выделять суф. *-ей* в самостоятельный суффикс сравнительной степени. Как и в литературном языке, для брянских говоров это фонетический вариант суффикса *-ее*.

Формы с суф. *-ее* (*-ей*) отмечены как в прилагательных, так и в наречиях. Например, в прилагательных: Тый берег *кручей* (Трубч. Радутино); Услон *корочей* лавки (Унеч. Красновичи); Птица белохвостик небольшенькая, *буйней* за соловья (Трубч. Кветунь); в наречиях: Теперь вобласть, а *давней* была губерния (Красногор. Антоновка); Ты *скорей* за яго помрешь (Красногор.

[7] Филиппова И. С. Образование сравнительной степени. . ., с. 12—13.

Антоновка); Тепереча *корочее* шьют, *харменнее* (Погар. Заречное) и др.

Сравнительная степень в говорах образуется, как и в литературном языке, от основ качественных прилагательных и наречий. В качестве производящей основы иногда используются и такие качественные прилагательные и наречия, от которых в литературном языке форма сравнительной степени не образуется, так как признак, называемый этим прилагательным или наречием, является таким, который не может проявляться в большей или меньшей степени: Раньше народ *дичее* был (Жуков. Никольская Слобода). Состав производящих основ, сочетающихся с суф. *-ее* (*-ей*), может быть расширен в говорах и за счет вовлечения единичных определительных местоимений, имеющих внешние формальные приметы прилагательного и функционально сближающихся с прилагательными.[8] Примером может служить местоимение *иной*: Смородына, а то есть не смородына, а што *иней* как звали (Красногор. Антоновка).

Расширение состава производящих основ в говорах по сравнению с литературным языком происходит также и за счет того, что в них используются производящие основы такой структуры, от которых в литературном языке формы сравнительной степени невозможны. Так, в говоре находим сравнительную степень от основы прилагательного с суф. *-оват*, вносящим уже сам по себе оттенок смягчения, уменьшения и приблизительности проявления признака: *Слабоватее* она (Брян. Чернетово). Таким образом, ограничения производящей основы, обусловленные семантическими и структурно-морфологическими факторами, в говорах отчасти снимаются.

В меньшей степени проявляются и формальные ограничения. Под формальными ограничениями нами, вслед за И. С. Улухановым, понимается звуковой характер конца производящей основы, в частности, на какой согласный или стечение согласных оканчивается производящая основа, имеются или нет чередующиеся звуки при сочетании морфем, количество слогов в производящей основе.[9]

Суф. *-ее* (*-ей*) отличается широкими комбинаторными возможностями: он сочетается с основами, имеющими разнообразное звуковое оформление в конце производящей основы. Отчетливее при образовании сравнительной степени проявляется ограничение, связанное с количеством слогов в основе. Наиболее часто встречаются формы с суф. *-ее* (*-ей*) от основ на *сонанты*, причем от основ односложных: *белее*, *дробнее*, *теплее*, *скорее*, *белей*,

---

[8] Словом *иной* выделяется в литературе в особый разряд местоименных прилагательных; см., в частности: Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 201.

[9] Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов). — В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967, с. 172—176.

дробней, теплей, черней, буйней и т. п. Меньше форм от двусложных основ: *провяльнее, дебелее, харменнее, веселее, проворней, тяжелей, спокойней, холодней* и др. Единичные случаи отмечены от трехсложных и четырехсложных основ: *осторожнее, малопогоннее*, т. е. по мере увеличения количества слогов в производящей основе количество форм сравнительной степени уменьшается. Суф. *-ее(-ей)* употребляется с основами на *губной* согласный, причем больше примеров от односложных основ — *слабее, грубее, грубей, живей*, меньше от двусложных основ — *дешевей, красивей* и трехсложных — *выносливее, вытягливее.*

Форм с суф. *-ее(-ей)* настолько активны на Брянщине, что по их образцу создаются формы, которые в литературном языке используют другие суффиксы — *-е, -ше.* Так, суф. *-ее* (*-ей*) в говорах широко сочетается с основами на *переднеязычные д, т, с* и на сочетание согласных *дз, ст* (формы на *з* не отмечены) и на *заднеязычные.* Основы на переднеязычные и заднеязычные согласные искони сочетались с суф.*-*jьs*(-*jes*), чем и объясняется имеющееся в них чередование: *т/ч, д/ж, д/дж, с/ш, дз/дж, ст/щ* и *г/ж, х/ш, к/ч.* Как и в основах на сонанты и губные, формы сравнительной степени чаще наблюдаются от основ односложных: *кручей, хужей, чащее, толщей, бардзо* 'скоро, быстро' — *барджей*; *сушей, плошей, должей, тужей, ловчей, дюжей.* Сюда же примыкают формы, в которых при образовании сравнительной степени от основ с суф. *-к* или *-ок* этот суффикс выпадает: *высокий—вышей, сладкий—слажей.* Суф. *-к* сохраняется, если встречается в комбинации с *л, п, г*, и чередуется с *ч*: *мелкий—мельчей, жалкий—жалчей, крепкий—крепчей, мягкий—мягчей.* В меньшей степени суф. *-ее* (*-ей*) сочетается с двусложными основами: *моложей, молоджей, корочей, богачей, дорожей, широчей, солодчей.* От более многосложных основ формы сравнительной степени не встретились.

В ряде пунктов отмечены формы с отсутствием чередования согласных: У полумиска бережки *крутей* (Почеп. Селище); Уетый человек уроде *худей* того (Клин. Писаревка); Ты штобы *частей* приходила (Красногор. Антоновка); Ни за красою гналися, а за породою, а теперь *плохей* стали (Брас. Веженка); У сливах бубки *долгей* (Почеп. Титовка); Дорють подарки, хто *богатей*, то пуд жита (Погар. Джуровка) и др. Остутствие чередования указывает на полное формальное выравнивание образований от основ на переднеязычные и заднеязычные согласные с исконными формами на *-ее(-ей)*, для которых чередование в исходе производящей основы не характерно (за исключением парного по твердости/мягкости), ср. *скорый—скорее, темный—темнее.* Кроме того, отсутствие чередования создает единство фонемного облика основы исходной формы и сравнительной степени.

С суф. *-ее(-ей)* зафиксировано несколько форм с односложной основой на *сонанты*, которые исконно принадлежали к другому типу образований — суф.*-jьs(-jes) и имели изначально суф. *-е*

(типа *боле*, *мене*, *ране*), позднее *-ше* (типа *больше*, *мельше*, *раньше*). Количество образований с этими суффиксами ограничено в говорах, поэтому они легко попали под влияние форм с суф. *-ее(-ей)*. В ряде слов суф. *-ее(-ей)* присоединяется непосредственно к основе на сонант: Двадцать пудов, не *более* (Навл. Соколово); *Раней* деука, которая не умела вышивать, называлась зарзала (Трубч. Кветунь); У монуха усы есть, он головастый, к плесу *тоней* (Трубч Кветунь); На перчатки шерсть *тонней* надо (Брян. Савлуково) и др.

В отдельных формах можно выделить суффикс сравнительной степени *-шей*, представляющий слияние двух суффиксальных морфем: суф. *-ей* накладывается на суф. *-ше*: Чехлик *тоншей*, а поставка грубей (Унеч. Красновичи); *Лучшей* с естым хлопчиком, с Васильком (Красногор. Антоновка); Это прямей и *лучшей* (там же) и др. Суф. *-шей* известен только в говорах, в литературном языке он не употребляется.

При наложении одной суффиксальной морфемы на другую морфемы сохраняют неизменным свой фонемный состав, и, следовательно, сохраняется звуковое соответствие между первичной формой сравнительной степени (*тоньше*, *лучьше*), выполняющей роль производящей основы, и вторичной с суф. *-ей*, являющейся производным словом.

Анализ языкового материала позволяет установить не только широкие возможности сочетаемости суф. *-ее (-ей)* с различными типами производящих основ, но и указать на степень его продуктивности. Наиболее употребителен на Брянщине вариант суф. *-ей*. Это характерно и для соседних с брянскими смоленских,[10] калужских,[11] орловских [12] говоров. Ограниченно используется этот суффикс в белорусском литературном языке.[13] В белорусских говорах он отмечается лишь на северо-востоке, на границе со Смоленской и Брянской областями,[14] что может быть показателем общности путей развития говоров западной части южновеликорусского наречия и северо-восточных белорусских говоров. В украинском языке формы с суф. *-ее (ей-)* отсутствуют.

2. В отличие от литературного языка в брянских говорах в качестве суффикса сравнительной степени используется суф. *-ейше*. В характере сочетаемости его с производящей основой много сходного с суф. *-ее (-ей)*, что объясняется их генетической общностью. Среди форм с суф. *-ейше* широко представлены образова-

---

[10] См.: Расторгуев А. П. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960, с. 123.

[11] См.: Зотов Г. В. Из наблюдений над некоторыми южнорусскими говорами. — Уч. зап. Магаданского пед. ин-та, вып. 1, ч. 1. Магадан, 1963, с. 103.

[12] См.: Котков С. И. К изучению орловских говоров. — Уч. зап. Орловского пед. ин-та, т. XII, вып. 3. Орел, 1952, с. 129.

[13] См.: Карский Е. Ф. Белорусы, вып. 2. М., 1956, с. 47.

[14] Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964, с. 204.

ния от односложных и двусложных основ на *сонанты*: Пчелки *дробнейше*, а матка *буйнейше* (Трубч. Арельск); А тая вода *чернейше* (Трубч. Передние Городцы); Мы *вольнейше* жили (там же); У вас климат *тяжелейше* нашего (там же), *добрейше*, *скорейше*, *тонейше*, *чернейше*, *веселейше*, *зеленейше* (Трубч. Горошково); Летом в Ленинграде *веселейше* (Дубр. Снопоть) ; Выкраг усе деревни *старейше* за нас (Красногор. Антоновка); Щас *вольнейшче* (Почеп. Рогово).

Суф. *-ейше* сочетается с основами на *губные*: Это лен, конопля, а прядево *грубейше* (Трублч. Гнилево); *красивейше* (Красногор. Антоновка); *дешевейше* (Трубч. Горошково).

Значительно реже этот суффикс соединяется с основами, искони образовывавшими сравнительную степень с помощью суф.* *-jьs*, а именно с основами на *переднеязычные*: А мы *моложейше* были вас (Трубч. Сагутьево); Которые *богачейше* были, ангела справляли (Почеп. Селище); с основами на *заднеязычные*: *плошейше* (Будде, с. 131).

Несмотря на идентичность формальной и структурной характеристики форм с суф. *-ейше* и *-ее* (*-ей*), круг производящих основ у них не является тождественным. Это отражается прежде всего на численности основ, а следовательно, и словоформ. Так, с суф. *-ее* (*-ей*) отмечено 297 примеров, а с *-ейше* — 50, что составляет приблизительно 8% собранного материала. Относительную узость круга производящих основ можно объяснить ограничениями формального порядка: суф. *-ейше* сочетается с основами на сонанты, губные и имеет узкую сочетаемость с основами на переднеязычный и заднеязычный согласный, не сочетается он с многосложными основами (суф. *-ейше* сам уже двусложен), т. е. существует зависимость соединений суффиксов сравнительной степени с производящими основами от сложности построения последней.

Ударение в формах на *-ейше* чаще всего на первом гласном суффикса и только в редких случаях на корне — *красивейше*.

Формы на *-ейше* встречаются реже, чем формы на *-ее* (*-ей*), но отмечаются они в тех же самых районах: Брянский, Жуковский, Дубровский, Почепский; широко распространены они в Трубчевском районе, граничащим с украинскими говорами, и в крайнем западном Красногорском районе. Формы на *-ейше* всегда употребляются параллельно с другими формами сравнительной степени. Например, в с. Горошково Трубчевского р-на зафиксированы формы: *добрейше* и *добрей*; *скорейше* и *скорей*; *тонейше*, *тоней*, *тоньше*, *тоне*; *теплейше*, *тепле*; *далейше*, *дале* и *дальше*. Даже в речи одного и того же информанта можно услышать разные формы: А мы *молодейше* были вас и Я на год *моложей* (Трубч. Сагутьево), т. е. стабилизации суффиксов сравнительной степени в сочетании даже с одними и теми же производящими основами нет.

Наряду с неизменяемой формой сравнительной степени в брянских говорах употребляется местоименная форма с суф. *-ейш*,

которая в литературном языке имеет значение превосходной: *Худейшей* (более худой) коровы не было у стаде (Клин. Новые Катичи); Я ешче *худейшую* (более худую), чем ты купив (речь идет о гусыне) (Стародуб. Нижнее); Тая мука мягкая, а та *луччейшая* (Красногор. Антоновка); Нажили новое, хотя и не такое, *плошейшее* (там же) и др.

Приведенные формы известны не только на Брянщине, но и в соседних русских говорах.[15] Широко употребительны формы на *-ейше* и *-ейш* в белорусском[16] и украинском[17] языках. Общность форм с суф. *-ейше*, *-ейш* для трех восточнославянских языков является показателем общности развития некоторых грамматических явлений в большой компактной группе говоров близкородственных языков.

3. Отмечаются в брянских говорах формы сравнительной степени прилагательных и наречий с суф. *-еиче* (*-ейче*). Этот суффикс известен только в современных русских говорах, в древнерусском языке его не было. Этот суффикс сочетается с односложными и двусложными основами на *сонанты*: Ей надо *быстреиче* итить (Комарич. Усожа); *Быстреиче* пиши мне (там же); Она себе все *похолоднеиче* ложится (Навл. Соколово), *скорейче*, *веселейче*, *белейче*, *вольнейче* (Карач. Каменная гора). В XIX в. встречал эти формы П. Н. Тиханов: *скореиче* (Бр. гов., с. 94), *побелейче* (там же, с. 238). Употребление с другими основами еще более редко. В наших материалах имеется несколько случаев с основой на заднеязычный согласный *к*, чередующийся с *ч*: *шибчеиче*, *крепчеиче*, *мельчеиче* (там же, с. 94). Образований от основ на заднеязычные *г*, *х* и от основ на переднеязычные согласные не отмечено.

Суф. *-еиче* (*-ейче*) по-разному освещается в научных исследованиях. И. С. Филиппова рассматривает этот суффикс как фонетический вариант *-ейше* на том основании, что в некоторой части южновеликорусских говоров (Брянская, Орловская, Курская, Калужская области) вместо *ш* мягкого произносят *ч* мягкое.[18]

С. И. Котков и С. В. Бромлей считают *-еиче* (*-ейче*) особым суффиксом, состоящим из двух частей: из суф. *-ее* или его варианта *-ей* и частицы *че* (в произношении *ч'а*), которая часто употребляется в наречиях, например *давече*, *тепериче*, *ныньче*.[19] Более

---

[15] Филиппова И. С. Образование сравнительной степени. . ., с. 15.

[16] См.: Ломтев Т. П. Грамматика белорусского языка. М., 1956, с. 83; Нарысы па беларускай дыялекталогіі, с. 204; Карский Е. Ф. Белорусы, с. 47.

[17] Баймут Т. В., Бойчук М. К., Волинський М. К., Жовтобрюх М. А., Малина Т. П., Самійленко С. П Порівняльна граматика української російської мов. Київ, 1961, с. 130; Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови, вид. 2. Київ, 1966, с. 91.

[18] Филиппова И. С. Образование сравнительной степени. . ., с. 15.

[19] Котков С. И. К изучению. . ., с. 129; Бромлей С. В. Формы сравнительной степени. . ., с. 63.

убедительным представляется второе толкование. Во-первых, потому, что суф. *-еиче* (*-ейче*) известен в двух вариантах, а суф. *-ейше* в одном — с *й*. Во-вторых, потому, что ареалы распространения форм с суф. *-ейше* и *-еиче* (*-ейче*) не совпадают: формы с *-ейше* фиксируются во многих брянских говорах, а с *-еиче* (*-ейче*) только в восточных говорах: Комарический, Навлинский, Карачевский, Брянский районы.

Помимо брянских говоров эти формы отмечаются в соседних калужских, орловских, курских говорах, местами наблюдаются в северновеликорусских и средневеликорусских говорах.[20]

4. Суффикс *-е* (в безударном положении в брянских говорах он произносится как *'а*, *и*, *ы*, как редуцированный звук) сочетается с односложными основами на *сонанты*, издревле образующими сравнительную степень с данным суффиксом, т. е. восходящими к типу образований с суф.* *-jьs* (*-jes*). Это небольшая группа слов, объединяющая 6 лексем: *боле*, *доле*, *мене*, *ране*, *тоне*, *шире*. Заметим, что основную часть примеров составляют формы от основ качественных наречий и меньшую часть — от основ прилагательных. Примеры сравнительной степени наречия: У вас их не было *ране* (Клетнян. Мармазовка); у нас называют *болле* дитенок (Красногор. Антоновка); Пошел, пошелтя дале (Навл. Глинное). Формы прилагательного: Лавка *шире* и *доле*, а скамейка маленька (Севск). Невдальск); Индеки *мене* (Севск. Хинель); Ширина у гайтану вузенькая, а беечка чуть, чуть *шире* (Трубч. Радутино); Ушат снизу *шире*, а кверху вуже (Навл. Соколово и др.).

Сочетается суф. *-е* с основой на *губной в* (основы на другие губные не представлены): *Дешевле* платили за помол муки (Новозыбк. Новое место); Весенняя шерсть хужде, *дешеуле* (Навл. Соколово) и др.

Чаще же всего суф. *-е* употребляется с основами на *переднеязычные* и *заднеязычные* согласные, которые искони образовывали сравнительную степень с помощью суф.* *-jьs* (*-jes*), а отсюда и чередование звуков в основе *д*/*ж*, *з*/*ж*, *с*/*ш*, *г*/*ж* (основы на заднеязычные *к*, *х* не зафиксированы): *краше*, *млаже*, *моложе*, *выше*, *ниже*, *жиже*, *ближе*, *уже*, *хуже* и др. Несколько форм восходят к основам прилагательных и наречий, которые имеют в конце сочетание согласных звуков, чередующихся с шипящими: *зд*/*жж*, *ст*/*щ*: *пожже* (Трубч. Горошково) и *позже* (Дубров. Снопоть), *толошше* (Трубч. Ложки), *толще* (Тих. Бр. гов., с. 208), *чышче* (Почеп. Рогово), *жешче* (Брян. Лопушь), *чяще* (Дубров. Кисляково) и др.

Несколько примеров от основ на *переднеязычные* отмечено в брянских рукописных деловых документах XVII в.: 110 стружекъ длиною и шириною менши *выше* писанныхъ струговъ (ЦГАДА, ф. 210, оп. 6-Д, ед. хр. 98, л. 190), то писано *ниже* сего (там же), *хуже* весел (ЦГАДА, ф. 210, оп. 6-Д, ед. хр. 103, л. 960 об.).

[20] Русская диалектология. М., 1972, с. 165.

Из приведенных примеров видно, что современные брянские говоры продолжают показания брянских рукописных памятников XVII в., находятся в генетической связи с данными старой южновеликорусской письменности.

Прослеживая особенности производящих основ, сочетающихся с суф. *-е*, с формальной стороны, можно заключить, что суф. *-е* в брянских говорах присоединяется именно к тем основам, которые издревле употребляли этот суффикс. Расширение круга форм с суф. *-е* за счет других типов основ, не сочетавшихся исконно с суф. *-е*, невелико. Это, во-первых, образования от односложных основ на *сонанты*, которые изначально сочетались с суф. **-ějьs*: *тéпле*, *тяжéле*. Эти формы вторичного происхождения, появившиеся в говорах под влиянием исконных форм на сонанты с суф. *-е* типа *боле*, *мене*, *ране* и т. п. Об этом свидетельствует общность конечного согласного производящей основы и ударения на основе тех и других форм (ср. *бóле*, *мéне*, *рáне* и *тéпле*, *тяжéле*). Во-вторых, часть примеров составляют образования от основ с суф. *-к*, *-ок*. В истории языка, как показало исследование С. В. Бромлей, образование сравнительной степени от этих суффиксальных основ претерпело большие изменения. В древности прилагательные с суф. *-ък* образовывали форму сравнительной степени с помощью суф.* *-jьs* непосредственно от корня: *крепък—крепле*, *мягък—мяче*. Со временем процесс формообразования изменился: форма сравнительной степени стала образовываться посредством суф.* *-ějьs* и **-jьs* от основы с сохранением суф. *-ък*: *крепъчае*, *мякъчае* и *крепъче*, *мягъче*.[21] В брянских говорах прослеживаются образования двоякого типа: *мелчей*, *крепчей*, *мягчей* (см. об этом выше в разделе с суф. *-ее* (*-ей*)) и *мелче*, *крепче*, *легче*, *мягче*, *жарче* и др. Причем формы последнего типа выступают иногда с шипящим звуком *ш*: Секера меньше и *легше* топора (Клин. Марицкий хутор); У нас сурово говорют, а они *мягше* (Погар. Суворово). Нарушение чередования может быть объяснено фонетическими особенностями брянских говоров. Как отметил Р. И. Аванесов, в части южновеликорусских говоров встречается произношение *ш* на месте *ч*.[22] Р. И. Аванесов особенно выделял в этом отношении Брянскую и Курскую области.[23]

При образовании сравнительной степени на стыке производящей основы и суф. *-е* наблюдаются различные фонетические и морфологические преобразования. К их числу следует отнести следующие.

а) В основах, где суф. *-к* следует за согласными *л*, *п*, *г*, *р*, образование формы сравнительной степени происходит от основы

---

[21] См.: Бромлей С. В. К истории образования форм сравнительной степени в русском языке XI—XVII вв. — Тр. Ин-та языкознания, т. VIII. М., 1957, с. 456—458.

[22] Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 131.

[23] В брянских говорах наблюдается произношение *ш* на месте *ч* твердого и *ш* мягкого на месте *ч* мягкого.

с сохранением суф. *-к* и соответствующим чередованием звуков *к*‖*ч*: *крепкий—крепче. мелкий—мельче* (см. аналогичное явление в формах с суф. *-ее* (*-ей*)). В основах, где суф. *-к*, *-ок* предшествует переднеязычный *з*, *с*, *д*, суф. *-к*, *-ок* выпадает: *высокий—выше*, *узкий—уже*, *жидкий—жиже*, чередование с шипящим дает уже последний согласный корневой части.

б) Суффикс *-е*, как правило, присоединяется к основе полной формы прилагательного. В виде исключения встречаются образования и от основы краткой формы с сохранением суф. *-ок* и чередованием *к*/*ч*: *ловок—ловоче*, *мягок—мякоче*. Например: На етом месте повыше, *ловоче* (удобнее) садиться (Севск. Заулье); С молоком яишня *мякоче* (там же); *ловоче* (Трубч. Горошково).

в) Для форм с суф. *-е* от основ на переднеязычные, заднеязычные и губные согласные характерно чередование звуков на морфемном шве. Нарушение чередования отмечается в редких случаях. Так, в прилагательных *глубокий*, *глыбокий*, *глыбкий* суф. *-е* присоединяется непосредственно к корневой части *глуб-*, *глыб-*, при этом чередование губного *б* отсутствует: Здесь болото было *глыбе* (Сузем. Устарь); Черепка, как глиняная чашка, тока она *глубе* чашки (Дубров. Щипань). Ср.: в литературном русском языке эти формы употребляются с суф. *-же*: *глубже*, где *же* появилось под влиянием аналогии таких форм, как *реже*, *ниже*, и т. п., у которых *ж* получилось фонетически.[24] Возможно, в диалектных формах типа *глубе* проявляется та же тенденция, что и в формах с суф. *-ее* (*-ей*), — выравнивание основы сравнительной степени по основе исходной формы.

Присоединение суф. *-е* к основам не переднеязычный обычно сопровождается чередованием согласных в брянских говорах, качественно не отличающимся от чередования в русском литературном языке. Иногда же фиксируются формы с своеобразным чередованием звуков, например *д*/*дж*. Эти формы распространены главным образом на территории западных и юго-западных брянских говоров, граничащих с белорусскими говорами: *молодже* (Красногор. Антоновка), *худже* (Стародуб. Гарцово; Погар, Джуровка), спорадически встречаются в южных говорах и на границе со смоленскими говорами. Отмечается и иной вид рассматриваемого чередования — *д*/*дж*: Весною шерсть *хужде*, дешеули (Брян. Добрунь). М. В. Ушаков усматривал в этой фонетической особенности одну из белорусских черт западных брянских говоров.[25] Наличие форм на *дж*, *жд* в брянских говорах и белорусском языке может быть свидетельством общности развития некоторых фонетических и морфологических процессов, начало которых, по-ви-

---

[24] См.: Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, с. 159.

[25] См.: Ушаков М. В. Описание местечка Мглина Гомельской губ. и его окрестностей. — Тр. Постоянной Комиссии по диалектологии рус. яз. (бывш. Московской диалектологической комиссии), вып. 9. Л., 1927, с. 146.

димому, восходит к той поре, когда западные южновеликорусские и белорусские говоры переживали общие языковые процесс.

Формы на *-е* отмечены в большом количестве примеров (185 примеров, что составляет около 30% собранного материала), но вместе с тем нельзя утверждать, что этот суффикс продуктивен на Брянщине, так как он свойствен довольно ограниченному лексическому кругу, при этом примеры на одну и ту же лексему повторяются, например *боле* встретилось 25 раз, *хуже* — 15, *ближе* — 11, *тепле* — 9 и т. д. Большое количество примеров на *боле* объясняется, видимо, тем, что это слово одновременно является формой сравнительной степени к прилагательному *большой* и наречию *много*. Обе эти лексемы на Брянщине многозначны, поэтому многозначна и форма сравнительной степени от них. Например, *боле* как форма сравнительной степени к *большой* имеет значения: 1) 'крупнее по величине': Грушки дробненькие, а дули *боле* (Клетнян. Роша), 2) 'имеющий больше лет, старше': Дети стали *боле* (Карач. Верхополье). Как сравнительная степень к *много* означает: 1) 'больше по количеству': Бей дробней — *боле* будет (Сузем. Устарь), 2) 'чаще, преимущественно': У нас называются домик и вулля, но *боле* домик (Трубч. Радутино).

Формы с суф. *-е* распространены на Брянщине повсеместно. Но вместе с тем нет ни одного населенного пункта, где употреблялись бы только эти формы. От одних и тех же типов производящих основ сравнительная степень образуется с помощью разных суффиксов. Например, в селе Горошково Трубчевского р-на находим: *боле*, *больше*, *мене*, *меньше*; *дале*, *дальше*, *далейше*; *дешевле*, *дешевей*, *дешевейше*; *крепче*, *крепше*, *крепчей* и т. п. Даже одно и то же лицо в одной и той же беседе может сказать по-разному: Дочка *моложей* и Я была *моложе* (Клетнян. Кословчик); Я ж за Левона *молодже*, Я *молоджей* (Красногор. Антоновка).

Изучаемые формы известны в говорах по всей территории РСФСР. Употребляются они с разной степенью интенсивности в зависимости от типов основ.[26]

5. Суф. *-ше* (в брянских говорах он произносится как *-ша*, *-шэ*, *-шы*) является непродуктивным. Круг производящих основ, сочетающихся с этим суффиксом, весьма ограничен. Это прежде всего односложные основы на *сонанты*, искони образовывавшие форму сравнительной степени с суф. **-jьs*: *больше*, *меньше*, *дальше*, *дольше*, *тоньше*, *раньше*, *ширьше*, *горше*. В брянских рукописных памятниках XVII в. также находим некоторые из этих форм: Зделано во Брянску. . . 109 струговъ длиною вверх по 10 ажен и *больше* трех аршинных (ЦГАДА, ф. 210, оп. 6-Д, ед. хр. 98, л. 196); 110 стружекъ длиною и шириною *менши* выше писанных струговъ (там же, л. 190); Во Брянску на пристанях и внизу по реке Десне ото Брянска верстъ в десяти и *больши* и *меньши*. . . адиннатцат стругов (ЦГАДА, ф. 210, оп. 6-Д, ед. хр. 103, л. 1043).

[26] См.: Б р о м л е й С. В. Формы сравнительной степени. . ., с. 68—69.

Число рассматриваемых форм расширяется в говорах за счет сочетания суф. *-ше* с основами, изначально принадлежавшими к типу образований с суф. **-ějьs*. У нас зафиксированы четыре основы на *сонанты* и две основы на *губные* согласные. Примеры на сонанты: *длиньше*, *тяжельше*, *дебельше*, *старше*. Таким образом, в основах на сонанты следует различать исконные формы с суф. *-ше* и вторичные, возникшие позднее по аналогии с исконными формами. С основой на губные — *красивше*, *дешевше*.

Большое количество примеров составляют формы от прилагательного *хороший* и наречия *много*, образованные супплетивным способом с помощью суф. *-ше*, который на Брянщине в этих словах звучит как *-шы*, *-ша*, *-че*, *-чи*, *-чы*, *-шчи*, в чем, как уже было подчеркнуто при рассмотрении форм с суф. *-е*, сказывается фонетическая особенность изучаемых говоров: *лучше*, *лучша*, *лучшы*, *лучче*, *луччи*, *луччы*, *лушчи*.

Всего в наших материалах формы на *-ше* составили 152 примера, т. е. примерно 24%. Но достаточно большое количество форм на *-ше* не говорит о продуктивности этого суффикса, ибо в сферу употребления с суф. *-ше* вовлечен ограниченный круг производящих основ (у нас зафиксировано 16). Отдельные примеры повторяются много раз, например *лучше* — 37 раз, *больше* — 4, *меньше* — 21, *ширьше* — 13 и т. д.

Распространение форм на *-ше* в брянских говорах шире, чем в русском литературном языке, потому что в говорах имеют место формы с суф. *-ше* вторичного происхождения типа *длиньше*, *красивше*, *дешевше*, которые в литературном языке сочетаются с другими суффиксами.

Формы на *-ше* отмечаются во многих обследованных брянских говорах. Зафиксировал их в западных брянских говорах П. А. Расторгуев (ср. *горшы*, *большы*, *меньшы*).[27] Поэтому вряд ли можно согласиться с И. С. Филипповой, утверждавшей, что в отдельных брянских говорах вообще отсутствуют формы с суф. *-ше*.[28] Примеры, приведенные И. С. Филипповой, не совсем убедительны: среди них обнаруживаем формы *раньшей*, *лутчей* с суф. *-шей*, представляющим, как указывалось выше, контаминацию суф. *-ше* и *-ей*.

Формы на *-ше* не являются в русских говорах узколокальными, они известны по всей территории РСФСР.[29] Отмечаются они и в белорусских говорах, главным образом в северо-восточной части Белоруссии — в Гомельской и Могилевской областях, граничащих с Брянской обл.[30] В украинском языке формы на *-ше* используются редко, распространение в нем получили местоименные формы

---

[27] См.: Расторгуев П. А. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927, с. 75.

[28] Филиппова И. С. Образование сравнительной степени. . ., с. 13.

[29] См.: Бромлей С. В. Формы сравнительной степени. . ., с. 76.

[30] Нарысы на беларускай дыялекталогіі, с. 204—205.

сравнительной степени с суф. *-ш (ий)* — *ширший*.[31] Таким образом, наличие форм с суф. *-ше* и *-ш* в трех близкородственных языках свидетельствует о некоторой общности складывания форм сравнительной степени, общности, не доходящей вместе с тем до полного тождества.

6. Рассмотренные выше суффиксальные формы часто употребляются в говорах с приставкой *по-*. Приставка *по-* легко сочетается с основами различного структурного и грамматического оформления: *потемнее*, *построжее*, *подужее*, *подробней*, *посмашней*, *почащей*; *победнейше*, *посильнейше*; *потепле*, *потоне*, *помене*; *побольше*, *поменьше*, *поширьше*; *похолоднеиче*, *погорячейче*, *побелейче* и т. п.

Суффиксальная форма сравнительной степени, называя определенный признак и выступая грамматическим знаком отношения сравниваемых предметов, явлений по степени обладания тем или иным признаком, благодаря приставке получает дополнительные оттенки значения. А. С. Никулин, сделавший ряд тонких наблюдений над формами сравнительной степени, префиксально-суффиксальные образования на *по-* неправомерно ограничил рамками «уменьшительных образований сравнения».[32] В дальнейшем во всех исследованиях по грамматике в принципе поддерживалась эта точка зрения.

Важное дополнение для понимания данного явления содержится в коллективной монографии «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в.», где указано, что в зависимости от лексического значения прилагательного и от контекста у образований с приставкой *по-* возможен оттенок значительного усиления признака.[33] Материалы наших говоров подтверждают это положение, сделанное для литературного языка.

Самую обширную группу составляют формы, где приставка *по-* вносит элемент смягчения степени признака, указывает на незначительное превышение или уменьшение степени признака. Такие формы могут быть заменены синонимическими сочетаниями форм сравнительной степени со словами *немного*, *несколько*: Алый, красный, красный *потемнее* (Навл. Соколово); Сивая масть зовется, если *потемнее* серой (Сузем. Устарь); Ноша сена, беремце это уже *помене* (Навл. Соколово); Подлисок неширокий, *поширше* ладони (Почеп. Колодное) и т. п.

Приставка *по-* может указывать и на высшую степень проявления признака (обычно действия) и выступает с оттенком ‘насколько возможно’. В наших материалах в этой функции употребляется

---

[31] Баймут Т. В. и др. Порівняльна граматика. . ., с. 130—131.

[32] Никулин А. С. Степени сравнения в современном русском языке. М.—Л., 1937, с. 73.

[33] См.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М., 1964, с. 563.

сравнительная степень наречий, указывающих на интенсивность образа действия: Вы ш глядите *побыстрей* с аттыль-та приходите (Навл. Глинное); Ходь бы *поскорей* помереть, ни хота жить у недостатках (Брян. Добрунь); А ты *поскорей*, *поскорей* иди (Клетня) и др.

Итак, приставка *по-* для форм сравнительной степени является как бы своеобразным количественным показателем сравниваемого признака. Указывая на несколько большую, меньшую или высшую полноту проявления признака, приставка *по-* приравнивается тем самым к различным количественно-качественным наречиям, словам степени признака, также дифференцирующим признак с его количественной стороны.

Говоря о префиксальных образованиях, следует иметь в виду, что в значении и структуре слова приставка *по-* не получает перевеса над суффиксом сравнительной степени. Приставка — это лишь один из компонентов, из которых складывается значение производного слова, она привносит в основное значение суффиксальной формы лишь определенный оттенок. Суффиксальная форма сравнительной степени в семантике свои права всегда сохраняет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Будде — Будде Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губ. Материалы, исследование и словарь. Отчет II Отд. АН. — Сб. ОРЯС, т. 76, № 3, СПб., 1904.

Нечаев — Нечаев А. Д. Материалы, собранные А. Д. Нечаевым летом 1912 г. Песни, собранные в с. Гарцове Стародубского у. — В кн.: Материалы по русской диалектологии. Варш. унив. изв., кн. 9. Варшава, 1914.

Тих. Бр. гов. — Тиханов П. Н. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии. — Сб. ОРЯС, т. 76, № 4, СПб., 1904.

Г. Я. СИМИНА

О двувидовых глаголах в народных говорах *(пасть, купить, обидеть)*

Двувидовые глаголы в народных говорах представляют значительное своеобразие. В литературном языке двувидовыми являются глаголы в основном 3-го непродуктивного класса на *-овать* и иноязычные по происхождению;[1] в народных говорах они почти не употребительны. Двувидовыми в говорах выступают другие глаголы, например *пасть*, *падать*, *купить*, *родить*, *обидеть* и, как в литературном языке, *женить*.

Задачей данной статьи является прежде всего показать употребление в диалекте ряда двувидовых глаголов, сохранивших некоторое своеобразие по сравнению с литературным языком, дать грамматическую и лексико-семантическую характеристику их.

Наблюдения наши основываются на материалах севернорусских говоров, главным образом пинежского (картотека пинежского говора — Калининградский ун-т); привлекались и данные картотеки печорского словаря (Словарный кабинет им. Б. А. Ларина, ЛГУ), а также материалы картотеки русских говоров Карелии (Кафедра русского языка ЛГУ).

Пасть

Наибольший интерес в видовом и семантическом отношении среди двувидовых глаголов представляет в севернорусских говорах глагол *пасть—падать*. Он и в литературном языке долго сохранял следы незавершенности дифференциации по виду.[2] На протяжении XVIII и первой половины XIX в. отмечается употребление *пасть* как глагола несовершенного вида наряду с обычными формами совершенного вида. Есть примеры этого рода и в языке

---

[1] См.: Грамматика русского языка, ч. I. Изд. АН СССР, М., 1952, с. 458.

[2] Там же, с. 566.

Пушкина: И тихо меч он опускает, В нем гнев свирепый умирает, И мщенье бурное падет; Раздался девы жалкий стон, Падет без чувств (Русл. и Люд.); На жизненных браздах Мгновенной жатвой поколенья Восходят, зреют и падут (Евг. Он.); Девица плачет, что роса падет (Борис Год.).

В. В. Виноградов отмечает, что видовые соотношения бесприставочных форм глагола *пасть—падать* сложились лишь к середине XIX в.[3] Однако еще и теперь глагол *пасть* выделяется рядом специфических черт среди остальных корневых глаголов.

В современном литературном языке бесприставочная форма глагола *пасть* почти полностью вытеснена приставочным *упасть* в качестве видовой пары к глаголу *падать*. Иная картина в некоторых народных говорах. Бесприставочный глагол *пасть* представлен в системе диалекта весьма широко, употребление его не ограничивается какими-либо устойчивыми словосочетаниями: он вступает в свободные и разнообразные грамматические и лексико-семантические связи. Видовая дифференциация этого глагола в современных живых севернорусских говорах полностью еще не завершена: он воспринимается то как глагол совершенного вида, то как форма вида несовершенного. В нашей пинежской картотеке насчитывается 250 примеров с глаголом *пасть*, из них в значении несовершенного вида — 90 употреблений.

Как известно, двувидовыми называются такие глаголы, которые в одной форме сочетают грамматическое значение обоих видов, но в каждом конкретном случае они употребляются лишь в одном определенном видовом значении.[4] Следовательно, только контекст (иногда широкий) помогает дифференцировать двувидовой глагол (в данном случае *пасть*) по виду. Например: Лочак (кузнечик) припрыгивает да падает на спину (Вт). Наличие в конструкции однородного глагола несовершенного вида (*припрыгивает*) позволяет отнести и глагол *падет* к этой же категории, т. е. в качестве глагола несовершенного вида — *падает*.

Дифференцирующим признаком служит и наличие обстоятельственных словосочетаний (количественных), например: Кабы сутки трои пал дож, дак возмужала бы картошка-та (Вх) (*падал*). Следует принимать во внимание и общий смысл высказывания, ситуацию, жест и вообще поведение собеседников: Гляди-ко, гряд падёт (Кц); Вон дож какой падёт (указывает в окно) (Мт).

Описание материала мы располагаем по грамматическому признаку: сначала рассматриваем глагол в значении несовершенного вида, затем — в значении вида совершенного . В рамках видовой классификации дается характеристика глагола по семантике и употреблению.

---

[3] Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 507.

[4] См.: Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, 2. Братислава, 1960, с. 134.

I. Несовершенный вид

1. Основное значение бесприставочного глагола *пасть* в его имперфективном варианте — ‘выпадать, низвегаться с высоты’ (об атмосферных осадках): Сецяс-то ведрие, а как дожжи живут, и падё, и падё (Ц); Ковда дож падё, дак потока бежит (М); Все дожжик, вишь, падё, в раму-то видно, как падё (Мт); Дож бываёт и сутки падё, и двои падё (Л); Дож падё, затянуло все небо (М); Дож, быва, всю ноць пасть будё (Уст); Дож падё, Фома сено гребё, дож перепался, Фома под ель убрался (Шт); Сетушит сегодня, сетуха (мелкий дождь) падё (Нх); Зимой снег-то тихо-тихо падёт (К); Дорога зимой хороша, как не падё снег, а как падь, как худо ехать (У); Гляди-ко, гряд падё да с дожжом ишшо (Ф); Гряд осенью да весной падё, зимой-то он худо падё, зимой — снег падё (Кш).

Обычно в этом значении глагол *пасть* употребляется в форме настоящего и будущего времени. Формы прошедшего времени отмечены значительно реже: Дож не пал как бутто сегодня (Вх): Кабы неделю пал дож, дак трава бы поднялась (Шг). Употребительны и безличные конструкции: *падет*, *пало* в значении ‘дождь идет, выпадает’. Например: Нёбо закрыло, не падёт ли, поставь каццю под потоку (Нх); Брызгульки на окне, опеть пало, видно (Мт); Пасть не будё, пойдем за грибами (Шг).

2. Отмечено в наших материалах и значение ‘наступать, распространяться понизу’ (о морозе, тумане и т. п.): У нас цясто сивер, холода падут, и хлеба вымерзают, зеленые годы (У); Как морозы не падут, дак и рожь рождается у нас хорошо (Кг).

3. Представлено и значение ‘падать на землю, валиться’: Иду с похмелья, паду, колько раз пала (К); Я болею, все паду без цюств (Вх); Они лежат, лодыри, а тут падёшь, да идешь, нать кому-то делать (Нх).

4. Значение ‘вываливаться, линять’: Волос у меня порато падё, вон сколько выцесала (Пд).

5. ‘Понижаться в уровне’: С весны вода хороша была, больша, потом пасть да пасть, дожжи-те не были, упала вода в реки (Б).

Других значений глагола *пасть*, употребленного в функции несовершенного вида, в наших материалах не отмечено.

II. Совершенный вид

В функции совершенного вида бесприставочный глагол *пасть* употребляется в более разнообразных значениях.

1. Преобладает конкретное значение ‘свалиться на землю, теряя опору, упасть’: Пан Панович пал на воду (Мт) — загадка о листе; С лисвици пала, с душевредностью пала, вередилась порато (Вх); Девушка свернулась с кровати, на пол пала (Вр); Нуром пал, наперед головой (Вх); Ой, не лязай, падешь с хоромы-то, вередишься (Вт); Бой идет необъятный, шаг шагнем и падем (К); Не езди на самолете, падешь, быва (Е); Олена пала

с крыльця, цють не умерла (Шг); Бывало как паду, так мне и не вылезти (Шг); Мати пала, ногу сломила (Б).

‖'Упасть, обвалиться, разрушиться': Изба-та у меня скоро падет вся (Вх); Пала где-то огорода, нать поправить (Е); У меня двор-то уж весь пал, на дрова роспилили (Ш); Пецька пала, опружилась, подмыло (Ф); Все пало на землю, весь дом (Н).

‖'Упасть, произвести шум при падении': У меня пало што-то на задворье, я слышу, што пало, крыша, видно, пала (Шг); Ноцью-то цего-то пало, думаю, не хорома ли вся провалилась, ботнуло порато (Заоз.); Доски падут, ботнут, значит, умрет хто-нибудь (Шг).

‖'Погрузиться': Кибаски (грузила у рыболовной сети) падут на дно, и сетка до дна дойдет (Н).

‖'Упасть, убежать' (переносно): Я так испугалась, што душа в пяты пала (Л).

2. Выявляется и значение 'броситься, быстро опуститься' (добровольно): Пади на грудь мужу, да обойми его покрепце (Вх); Приду на могилу, паду и рёву и плацю (Шг); Устала порато вцерась, пала на кровать и лежу, оддыхаю (Кш); Овдотья как падет, так и спит (Хм); Я вам в ноги паду, только не говорите никому (Пд); Пала в ноги отцю, захватила в охапку его и опеть прицитает (Вт) (невеста).

3. 'Напасть, наброситься с жадностью': Зубов-то нет, дак я на ягоды пала, ем и ем (Кш); Они как пришли, да как пали водку пить, так до утра и жорили (Ю).

4. Представлено в наших материалах и значение 'выделиться из атмосферы, выпать, распространиться' (об атмосферных явлениях): Дож пал отмокло, дак, склиско стало (Мт); Пало, да мало, а ноцью и порато пало (Нх); Роса пала, завтре хорошой день будё (П); На реке-то туман пал (Е); Только сивер бы не пал, все убьет на поле-то (Ю); На землю туман падё, будёт хорошая погода (З); Морос на землю падет, так суха погода будёт (З); Замороски рано пали (Д); Утреник седни пал, белой утреник, картофельну траву убил (Ф); Мороз пал, позябли овошши (Н); Тепло пало, снег ростаял (Уст); Черниця боицця морозу, морос падет, ее и в руки не возьмешь (Усть).

5. 'Случиться, наступить, начаться': Шторм пал, селедка ушла (Вх); Ишшо бы гром хорошой пал (Кб); Погода пала нелетная (Кп); Роспута пала, дак пошта не ходила (К); Неведрие пало, дожжи пошли (Пд).

‖'Произойти' (о каком-н. общественном явлении): Тогда уж война германска пала (Кл); Хорошо живем топерь, только бы войны не пало (Вл); Как переворот-от пал, у меня было три коровы (Нх); Тут война пала гражданска, воёвать пошел (Юб).

6. 'Выпасть на чью-н. долю, достаться': Им промысел хорошой пал (К); Ягодина все хорошая мне пала (Уст); В лес мы зашли, ягодки хороши нам пали (Уст); Не падет ли мне весть от сыноцька (Кл); В этом году мне пало на трудодни 300 рублей (Кр);

В детях сцясьё мне не пало (Кл); Не знаю, как жись падет, како сцясьё им будёт (Вт).

7. ‘Остаться без чего-н., лишиться’: Овця у меня да полкоровы; стара я, а все не могу безо всего пасть (Е).

8. ‘Пройти, миновать, отпасть’: Я едрёна была, мешки таскала, а теперя вот вся роспоролась, все пало, вся сила куда-то девалась (Пд); Нынце мало мы собираемся да поём, все уж пало (Пд); Я все сижу да пою, не поёшь, дак веть цего-нить думашь, а запоёшь, так вся дума падёт (Пд).

9. ‘Запасть в ум, подумать’: Мне в ум пало, што доцька скоро должна приехать (Вх); Мне в голову пало, что это не здря (Шт); Што-то в память мне пало (Е).

‖‘Понравиться, полюбиться’: Коли вам песня эта пала, дак я ишшо спою (Бг).

10. ‘Стать слабее, заболеть’: Ум у меня пал, забыла все (Выс); Иду за дровами, мне как подрезало ноги, еле дошла, все пало, итти не могу (Пд).

11. ‘Умереть, погибнуть’ (на войне): Робёнок был у ей да пал, полгода только и жил (Кп); У меня цетыре сына на войны пали (Нх); Сын один был, да пал на войны (З); Сынок на войны пал (Б).

12. ‘Попасть в поле зрения, встретиться’: Она ушла в лес и потерялась, никому не пала на глаза больше, ни слуху, ни духу(Вт).

13. ‘Впасть, влиться’ (о реке и т. п.): Юла река слева в Пинегу пала (Кш); Себа, руцей, справа пал в Пинегу (Вт).

14. ‘Понизиться в уровне, убыть’: Вода-та поднимается, да падет опеть, опеть мелко станёт (Вт).

15. ‘Издохнуть, пропасть’ (о животных и насекомых): У меня летось корова пала была (С); Лони пала корова, кореньё како-то в озерах есть, объелась (Мт); Три головы скота пало (Чк); Пал борашик, а кыценька осталась, живет (Нх); Кони пали, ну што же? — закопали их (Шг); Топерь все тороканы пали, нету боле ни у кого (В); Клопы все пали од дусту, хорошо средство (Нх); Мухи пали и овода, уж холодна пора-то (Мт).[5]

16. ‘Завянуть, погибнуть’ (о растениях): Ницего не ростё нынце, лук весь пал, дожжа нать (Нх); Лук у меня пал в этом году, свалился весь (М).

Имеются и примеры, в которых трудно усмотреть видовую характеристику, приходится учитывать ситуацию, широкий контекст. Например: Недалёко шшепина-та летит, тут же падет. Это пословица, значит высказывание с обобщенной семантикой, и можно понять глагол *падёт* как форму несовершенного вида *падает*. В предложении: Родимець человека берет, падет на пол и бьецця — наличие однородных сказуемых несовершенного вида тоже переводит глагол *падет* в несовершенный вид, хотя четкой видовой дифференциации здесь нет.

---

[5] См. литературный пример: А потом корова пала — и вся бригада пряслинская пала (А б р а м о в Ф. Две зимы и три лета).

Обзор семантики двувидового диалектного глагола *пасть* приводит нас к выводу, что глагол этот имеет в севернорусских говорах самое широкое распространение и употребление. В диалектной системе этот глагол выступает как очень многозначное слово, обладающее сложной семантической структурой и в то же время связанное единым общим значением — 'движения, падения'. Особенно богат глагол *пасть* конкретными значениями (физического падения сверху вниз), которые в литературном языке уже не представлены.

При сравнении видовых вариантов глагола *пасть* выявляется, что частотность употребления его в значении несовершенного вида и вида совершенного неодинакова; и хотя этот глагол все еще остается в говорах двувидовым, однако употребление его не безразлично к виду. Отмечаются уже существенные элементы дифференциации. Так, в формах несовершенного вида глагол *пасть* встречается значительно реже (около 40% по отношению к общему числу примеров); конструкции, в которых отмечается значение несовершенного вида этого глагола, однообразны и семантически ограничены (см. *падет дождь*, *снег*, *град* и т. п.), тогда как в функции совершенного вида глагол *пасть* исключительно многозначен. Для выражения его семантических оттенков в литературном языке требуется привлечение многих глаголов (или приставочных образований этого же глагола). Например: Кацялась на кацюли да пала ниць (упала); Сено хорошо, да под дож пало (попало); Мне весной в вёршу пять шшук пало (попало, ввалилось); Ягодки хороши нам пали на том угоре (попались); Девки в окна падут и смотрят во все глаза (припадут); Собака Бобко пала на след, горносталя залаяла (напала); У меня зубов нет, все пали давно (выпали); К осени лист будет пасть (опадать); В ум мне пало (запало); Лутче мне в реку пасть с экого-то горя (броситься); Вода в реке опеть пала (убыла, сбыла); Двор весь пал (рухнул, обвалился); Куда бы пасть, да полежать, оддохнуть (лечь).

В современных народных говорах наряду с бесприставочным глаголом *пасть* употребляются и приставочные образования от него, при этом они получают отчетливые характеристики глаголов совершенного вида, однако ни в какой мере не являются видовой парой к бесприставочному *пасть*, так как отчетливо сохраняют своеобразное лексическое значение. Приставки придают им дополнительные семантические оттенки (зачинательный, ограничительный, полноты действия и т. п.). Например: Дож вцера запал было, да не собрался (Уст) — начало действия; Петров день — последний праздник летнёй, три недели пройдет, и Ильин день западет (Л) — настанет; В тот там гот 12 гектар жита запало под снек, не могли убрать полей во время (Заоз.) — ушло; Ей запало на ум, бутто у его друга жонка есть (К); Ему в голову попало, што у Шурки гости (Уст); Дожжик попал даве да гремело (Юб); Ноцью нападё снек, а утром ростаёт (В); Зимой нападё, сумёты больши, не проехать (Л); Припала родина на ум, ну што же!

Я тебя дёржать не могу, поежжай на родину (Вт); Она близорока, как што делать, так нать припасть блиско (Вт) — наклониться; Откуль река-то Юбра выпала, не знаю я (Юб); Она тогда впала ему в ноги: прости меня! (Уст) — упала; Я едрёна была, а теперя никуда уж не попала, вся сила куды-то ушла (Пд); В избы жара кака припала (П); Потолок опадет без матници-то (Уст), и др.

Входит в употребление в говоре и глагол *упасть* наряду с другими приставочными. Если бесприставочный глагол *пасть* весьма многозначный, то приставочный *упасть* значительно беднее семантически, он употребляется только в значении 'свалиться сверху вниз': Дерево упадет, на дрова выпилят (Шг); Я упала на скотном, грудну клетку вередила (Кц); Он вина нажорился, в канаву упал да и уснул (Вх); Выдра упадет в воду и гребется ногами (З).

Есть случаи своеобразного употребления глагола *упасть*: Здорово упало ему, руки назад связали и повели голубчика (В) — попало. Отмечено и производное существительное — *упаденье*: Поменьше удобренья сейте, поменьше упаденья скота будё (Уст).

Представлены в говорах и суффиксальные образования от глагола пасть — *паднуть*. Основное значение его — однократное действие или интенсивное проявление действия: Дож бы паднул, вот были бы грибы (З); Какой дож паднул, и опеть тихо (Е); Падни, падни, дожжик, по-хорошему падни! (Ш). Глагол *паднуть* — совершенного вида, но имеет яркое семантическое своеобразие и, следовательно, не может вступать в чисто видовые соотношения с бессуффиксным глаголом *пасть*; он характеризует действие по способу его проявления, а не по виду.

По способу проявления действие характеризует и другой суффиксальный глагол — *падать*: в говоре он частично сохраняет значение кратности.[6] В большинстве наших примеров в глаголе *падать*, наряду с значением несовершенного вида (к глаголу *пасть*), представлено и значение итеративности, повторяющегося действия. Например: Голова у его свернута была, как не положишь, все падат (З); Веешь, так парево (мякина) на пол падат (Шг) — всякий раз падает; Она тоже в воду падала колько рас (Ю); Мать сырая земля меня не носит, все падаю (Вх); Лета бывают холодны, морозы падают (П); Ну, оддыхайте, падайте все скоре! (Пд).

Можно полагать, что первоначально значение и употребление парных глаголов *пасть—падать* определялось именно их различием по кратности/некратности действия: *пасть* — некратный, *падать* — кратный. Однако в современных говорах глагол *падать* перестал быть итеративным глаголом: он уже изменяется по временам, лицам, наклонениям, т. е. имеет полную парадигму, приобрел все признаки имперфектива.[7] Глагол *падать*, утратив

---

[6] Глагол *пад-а-ть* оформлен суффиксом *-а-*, суффиксом кратности.

[7] Кратные глаголы, как известно, выступают лишь в форме прошедшего времени, ср. *жинал*, *бирал*, нельзя: *жинаю* и т. п. См.: Симина Г. Я.

признаки итеративного глагола, включается в видо-временные отношения, выступает видовым коррелятом к бессуффиксному глаголу *пасть*. В силу этого некратный глагол *пасть* постепенно стал занимать антонимическую позицию по отношению к суффиксальному (маркированному) глаголу *падать*, т. е. становится глаголом совершенного вида. В народных говорах этот процесс еще не вполне завершился, но уже отчетливо наметилась тенденция — закрепить за бессуффиксным (немаркированным) глаголом *пасть* значение преимущественно совершенного вида.

Но в севернорусских говорах категория кратности еще жива и сохраняется ее грамматическое выражение. Процесс имперфективации ранее кратного глагола *падать*, утратившего способность выражать понятие кратности действия, вызвал образование в говоре другого еще более четко маркированного кратного глагола — *падывать* (2-я ступень итеративации).[8] Колько рас я тут падывала (Кб); С самолета ишшо нихто не падывал (Нх). В этих системных условиях глагол *падать* полностью освобождается от значения кратности, становится грамматически однозначным, т. е. только глаголом несовершенного вида, парным коррелятом к глаголу *пасть* ('упасть').

Купить

Двувидовым в севернорусских говорах является и глагол *купить*. В наших материалах представлено употребление этого глагола в значении как совершенного вида, так и несовершенного примерно в равных долях (19 — совершенного вида, 18 — несовершенного вида).

Несовершенный вид

Окол дому родится картошка, не нать купить (Окс); Деньги получю, буду опеть на платье купить (Шг); У нас ране не купили валенок, все свои валенки (Е); Сарафаны ране не купили, — дороговизь, што наткешь, тем и закроесся (Нх); Не пойдешь в лавку купить, все мати дома припасай (Нх); Немного нам бывало купили, все сами ткали (Нх); Трава у нас и так родится, не нать купить ей (Нх); Ели тогды рыбы-то всякой, рыбой-то не морили, все купили, фунт-от был пять копеёк (Кр); Мы раньше покупного не купили никогда (К); Хорошо, што картошка своя, этого не нать купить (Шт); Купить ницего не нать, все свое (Пд), и др.

---

1) Глаголы со значением кратности в говорах Пинежья. — В кн.: Севернорусские говоры, I. Изд. ЛГУ, 1970. 2) Пинежье, очерки по морфологии пинежского говора. Изд. Географ. общ-ва. Л., 1970.

[8] См.: Симина Г. Я. Глаголы со значением кратности. . ., с. 31.

Мне нать рубашка купить хорошая (Е); Купи сахару да соли, да всего (Вт); Некорысну козоцьку купила (Пх); Сани купить и то не на што было (Пх) и др.

Как можно объяснить сохранение двувидовости этого глагола в современных говорах? Глагол *купить* мог обозначать длительное действие, т. е. выступать в качестве имперфективного глагола, это подтверждается фактами древнерусского языка. В «Материалах» И. И. Срезневского представлены примеры: Бысть хмель дорогъ во Пскове, зобницу купиша (покупали) по полтине и по 10 денегъ (Пск. лет.); А селъ ти не купити въ моемъ уделе (Дог. Дм. Ив., 1389), где *купить* — глагол несовершенного вида.[9]

Нет в этом глаголе и четких словообразовательных признаков совершенного вида, глагол этот немаркированный по виду, как и ряд других глаголов этого словообразовательного разряда (*любить*, *губить*, *ходить* и т. п.); в них нет формальных грамматических показателей предельности; значение совершенного вида в глаголе *купить* развилось исторически (как противопоставление супплетивному глаголу *покупать*).

В говоре парным по виду глаголом совершенного вида к *купить* является приставочный — *покупить*. Например: Таня, ты цего это покупила? (С); Нать масла покупить да сахару (Кб); Потрет этот был покуплен в городи (Кб).

В системе диалекта глагол *купить* находится в сложных отношениях вида и кратности. По отношению к глаголу *покупить* он глагол несовершенного вида (*купить—покупить*), но по отношению к кратному ранее глаголу этого же корня *куплять*, в современных говорах уже принявшему на себя функцию глагола несовершенного вида и утратившему значение кратности, он становится глаголом совершенного вида: *купить—куплять*. В этом случае прослеживается тот же процесс трансформации кратного глагола: *куплять* втягивается в орбиту видовых отношений, на смену ему образуется глагол *купливать* с ярко выраженной семантикой кратности. Примеры: Тогда веть хлеб мешками купляли, а теперь килограм купим и все (Е); Хто денежной, тот и куплял, а денек нет, так не купишь (Кб). Я ницего не купливала и не продаивала, так и живу целой век (Я); Я не бирывала, не купливала, у меня все свое (Шг); Она и хлебов не купливала, кака уж это жира! (Н); Кумач по 18 копеек купливан (Нх).

Параллельно развивается видовой коррелят и к приставочному глаголу *покупить*: *покупить* — совершенный вид, *покупать* — несовершенный. Однако это соотношение в говоре еще слабо представлено, примеров мало: Треску покупам в магазине (П); Не хоцю покупать молоко (Окс); Книги в школе покупались (Чк).

---

[9] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стлб. 1370.

Очевидно, глагол *покупать* тоже ранее был кратным, потому что когда он втянулся в систему видовых отношений, т. е. утратил кратность, в говоре образовался глагол, маркированный по кратности — *покупывать*: Базарской-то обутки не покупывала, все в свойх котах хожу (Вт); Не хоцю покупать сметану, век не покупывала (Окс); Хлеба не покупывали раньше (Е).

Таким образом, выстраивается сложная схема: *купить* (несовершенный вид) — *покупить* (совершенный вид), тем самым удерживается значение несовершенного вида, т. е. сохраняется двувидовость глагола *купить*. Но включение ранее кратного глагола *куплять* в разряд имперфективов вызывает отнесение немаркированного глагола *купить* в сферу глаголов совершенного вида, создается отношение: *куплять* (несовершенный вид) — *купить* (совершенный вид). Тем самым усиливается тенденция закрепить за глаголом *купить* значение только совершенного вида. Поддерживает эту тенденцию и соотношение глаголов *покупить* (совершенного вида с суф. *-и-*) — *покупать* (несовершенного вида с суф. *-а-*).

Все эти формы отражают хронологически различные процессы видообразования в говоре, а имеющие место параллельные образования *куплять—купливать*, *покупать—покупывать* свидетельствуют о живых еще явлениях итеративации в системе диалекта. В этих условиях двойной связанности глагол *купить* сохраняется пережиточно как двувидовой.

Обидеть

Двувидовым выступает в говорах и глагол *обидеть*. Многочисленны примеры употребления его в функции несовершенного вида: Как живешь? Не обидит жонка-та, не бранит? (Шг); Цыплят обидят собаки, как увидят, сразу нарушают, за горло да и все (Е); Зацем она будёт меня обидеть? (Кц); У их несоветно было, друг друга все обидели, мужик-то был ересливой, всё дрались (К); Девки овець пасут, а робяты обидя девок-ту, те плацют (Кш); Сусетки хороши у меня, не обидюсь (Уст).

Глагол *обидеть* в прошлом был имперфективным. Многие примеры в «Материалах» И. И. Срезневского отчетливо отражают значение несовершенного вида: Ростиславъ усмотривъ правду, оже Святославъ обидитъ Ольга, тем же нача помогати Олгови (Ипат. лет.); А имуть тебе обидети. . . , намъ боронитися с тобою от них (Гр. 1375) и др. Парного по виду глагола *обижать* в этом словаре не отмечено. Он и в наших материалах представлен малым количеством примеров: Ты на старуху не обижайся, коли што не так скажу (Уст); Любят тебя комары-то, обижают (Кл).

Глагол *обижать* еще не стал в говоре видовой парой к глаголу *обидеть*, и поэтому тот продолжает еще широко употребляться в функции глагола несовершенного вида. Ему противопоставлен приставочный глагол *заобидеть* совершенного вида: Там тебя

нихто не укусит, не заобидит (С); Она заобидицця, бывat, на матерь-то (Кц). Наряду с ним в современных говорах представлен глагол *обидеть* и в значении совершенного вида, как в литературном языке: Парень обидел девку да уехал, скрылся (Нх); Што ты плачешь? Хто тебя обидел? (Вр). Так постепенно и в системе говора (не без влияния литературного языка) устанавливается видовая пара: *обидеть* (совершенного вида) — *обижать* (несовершенного вида). Этот процесс в диалектах далеко еще не закончен.

Итак, в говорах, как и в общерусском языке, совершаются процессы видообразования, но не одновременно с литературным языком, и поэтому диалектные материалы могут служить надежным источником для понимания истории сложения видовой корреляции в русском языке. В говорах как бы на наших глазах творится эта история, происходит нормирование видовых отношений (которые еще полностью не сложились); прослеживается стремление к формализации видовой категории: однокорневые глаголы (дифференцированные ранее по кратности/некратности) проявляют тенденцию слиться в форме одного глагола, образовать его полную видо-временную парадигму.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИИ ПИНЕЖСКИХ ДЕРЕВЕНЬ

Б — Березник
Бг — Богатка
В — Ваймуша
Вл — Валдокурье
Вр — Веркола
Вт — Вальтево
Вх — Вихтово
Выс — Высокая Гора
Е — Ёркино
З — Земцово
Заоз — Заозерье
К — Кеврола
Кб — Кобелёво
Кг — Кулогора
Кл — Кулой
Кп — Карпогоры
Кр — Кротово
Кц — Конецгорье
Кш — Кушкопала
Л — Летопала
М — Марьина Гора
Мт — Матвера
Н — Немнюга
Нх — Нюхча
Окс — Оксовица
П — Почезерье
Пд — Подрадье
Пх — Похурово
С — Сура
У — Ура
Уст — Усть-Ёжуга
Ф — Филимоново
Хм — Хаймусово
Ц — Церкова Гора
Чк — Чакола
Ш — Шардонемь
Шг — Шотогорка
Шт — Шотова Гора
Ю — Юрас
Юб — Юбра
Я — Явзора

В. И. МАКСИМОВ

Распределение и функционирование некоторых словообразовательных типов (моделей) в общенародном русском языке и в говорах

Различия в функционировании одних и тех же словообразовательных средств в общенародном русском языке и в его говорах уже привлекали внимание исследователей,[1] но вполне достоверных фактов накоплено в этом плане еще очень мало. Для того чтобы сравнивать какое-либо явление в разных языковых системах, досконально должны быть изучены его особенности в каждой из этих систем. Однако исчерпывающие исследования, касающиеся словообразования в тех или иных разновидностях русского языка, до сих пор были весьма редки. Углубленному изучению затронутого вопроса мешало и то обстоятельство, что значительное количество диалектных материалов до последнего времени находилось в рукописном виде или было разбросано по различным архивам и не могло использоваться исследователями. Такое положение стало выправляться только с выходом «Словаря русских народных говоров» (вып. 1—11. Л., 1965—1976).

Предметом нашего исследования является суф. *-инк (а)*. Время его формирования и функционирования падает на более поздний этап развития русского языка, словарный состав которого в достаточной степени нашел отражение в литературе этого периода, а также в лексикографических источниках. Рассматриваемый суффикс является многозначным, но появление каждого из его значений относится к разному времени. Рассмотрим соответствующие словообразовательные типы в хронологическом порядке.[2]

---

[1] См., например, библиографический обзор: Порохова О. Г. К истории изучения словообразования в русских народных говорах. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, с. 126—150.

[2] Источниками выборки материала послужили важнейшие словари современного, старо- и древнерусского словаря, произведения русской классической и советской литературы, а также собственные записи автора диалектной речи на территории Псковщины. Имеющиеся в статье сокращения дублируют сокращения, принятые в использованных словарях.

Суффикс *-инк (а)* с уменьшительно-ласкательным значением. Хотя это значение у суф. *-инк (а)* является наиболее ранним, оно до сих пор оказалось не отмеченным исследователями. История возникновения суф. *-инк (а)* с уменьшительно-ласкательным значением представляется нам следующим образом. Уже в древнерусском языке существовали экспрессивно-сингулятивные образования на *-ин (а)*, восходящие к существительным единственного числа,[3] но соотносимые с их формой множественного числа, которые могли сочетаться с суффиксом субъективной оценки *-к (а)*. Например, *храмина* (*храмы*, *храм*) — *храминъка*: Храмина же напълнисѧ отъ вонѧ мура (Io. XII. З. Юр. ев. п., 1119); Ту въскормленъ бысть Христосъ въ святои тои храминци (Дан. иг. — Пал. 118). Производные на *-к (а)*, естественно, могли соотноситься непосредственно с предметными существительными (*храм—храминка*), что приводило к переразложению в основах и к выделению целостного звукового комплекса *-инк (а)*.

В древнерусском языке существовали также производные, образованные посредством усилительного суффикса *-ин (а)*[4] от предметных имен существительных, но уже нейтрализовавшиеся или находящиеся на пути к нейтрализации (при сохранении связи с производящими словами). К ним относятся, например, *долина* (ср. *долъ*), *долина* (ср. *доль*) ‘длина’, *половина* (ср. *полъ*), *хызина=хизина* (ср. *хыза=хиза*). Производные этого типа, как и другие существительные женского рода (*телятина—телятинъка*, *деревня—деревенька*), могли иметь формы субъективной оценки с суф. *-к (а)* и тем самым оканчиваться на *-инк (а)*, увеличивая в языке количество таких образований: *долинка* ‘название одного из крюковых знаков’ (Стихир. XVII в. — Рум. 654), *дубинка* ‘крюковой знак’ (Стихир. XVII в. — Рум. 654), *перинъка* уменьшительное от *перина* ‘тюфяк’ (Оп. Кор. Ник., 1551), *половинъка* ‘кусок ткани определенной меры’.

Пополнение производных на *-инк(а)* за счет форм субъективной оценки с суф. *-к(а)* от нейтрализовавшихся образований с десемантизированным суф. *-ин(а)* особенно наглядно прослеживается ближе к нашему времени. Сюда относятся, например, *хижинка* (Поликарпов, Лекс., 1704), *морщинка*, *хороминка* (Росс. Целлариус, 1771, с. 315), *задоринка*, *зазубринка*, *льдинка*, *проталинка*, *щербинка* (Слов. Акад., 1790—1794), *лощинка*, *прогалинка* (Слов. Акад., 1814—1822), *серединка* (Соколов, Слов., 1834), *ложбинка*, *рогулинка* (Слов. Акад., 1847) и т. д. хронологически.

---

[3] Максимов В. И. Суффикс *-ин(а)* с выделительным значением. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973, с 125—126.

[4] Максимов В. И. Суффикс *-ин(а)* с усилительным значением. — ВЯ, 1971, № 6, с. 109—115.

Многие из приведенных форм на *-инк(а)* выделяли в момент их образования, а некоторые и сейчас выделяют наряду со вторичной производящей основой первичную: *дол-ин-ка*, *загогул-ин-ка*, *колдоб-ин-ка*, *ляд-ин-ка*, *рогул-ин-ка*, *серед-ин-ка*, *хиж-ин-ка*, *хром-ин-ка*, *щерб-ин-ка*. Все это создавало благоприятную почву для переразложения, для выделения сегментемы *инк(а)* и способствовало дальнейшему оформлению последней как особого суффикса с уменьшительно-ласкательным значением. Это значение перешло к нему «по наследству» от одного из составляющих его компонентов — суф. *-к(а)*. Активизация же суф. *-инк(а)* была вызвана его преимуществом перед суф. *-к(а)* (впрочем, как и перед другими суффиксами субъективной оценки) — способностью сочетаться с предметными и даже отвлеченными существительными, как мы увидим дальше, всех родов, унаследованной от второго компонента — суф. *-ин(а)*. Это выгодно отличает его от других суффиксов субъективной оценки, каждый из которых сочетается с существительными какого-либо одного рода, и делало бы перспективным в смысле продуктивности и конкурентоспособности, если бы не его многозначность в современном русском языке.

К одним из первых образований с ум.-ласк. суф. *-инк(а)*, видимо, следует отнести производное *тропинка*. Основания для этого следующие: в лексиконе Поликарпова, где существительное *тропинка* зарегистрировано впервые, оно объясняется через отсылку к слову *стезица* (ср. *тропа* — «зри стезѧ»); производное *тропина*, от которого оно могло бы быть произведено при условии нейтрализации данного производного, таковым не отмечено. К тому же существительное *тропина* зафиксировано на полвека позднее (Лекс., 1762). Наконец, *тропинка* имела и имеет значительно большую употребительность не только по отношению к *тропине*, но и синонимичному образованию *тропка*.

Такие же основания признать и в производном *вечеринка* ‘домашнее вечернее увеселительное собрание’ одно из ранних образований с ум.-ласк. суф. *-инк(а)*. Зафиксировано оно впервые в начале XVIII в. (Вейсманнов Лекс., 1731, с. 769), входило во все последующие словари, в то время как существительное *вечерина* как название «вечерних сходбищ, собраний, пиров» отмечено лишь в Словаре Даля, т. е. почти полтора века спустя; к тому же оно так и осталось на периферии языка (см. СРНГ). Производное же *вечеринка* продолжает широко употребляться в литературной его части.

В последующий период вплоть по настоящее время образования с ум.-ласк. суф. *-инк(а)* появлялись в общенародном русском языке хотя и регулярно, но в немногочисленном количестве. Примеры: *ключинка* ‘маленький ключ?’: А около того озера. . . ключинка Вазалкое, около тоѣ ключинки сѣнных покосов на 20 копен (П. С. З. 1749, № 9683 — Слов. Акад., 1910), *грудинка* (Лекс., 1862), *сиротинка*, *щетинка* (Росс. Целлариус, 1771, с. 458, 602), *горбинка*, *язвинка* (Слов. Акад., 1790, 1794), *задинка*

'задок — задняя часть у небольших животных, в пищу употребляемых' (Слов. Акад., 1809), *слезинка* 'смягч. к слеза' (Слов. Акад., 1847), *звездинка*, *костинка*, *щелинка* (Даль), *искринка*, *метинка*, *мушинка*, *прутинка*, *тваринка*, *усмешинка* (ССРЛЯ).

Сравним примеры производных с ум.-ласк. суф. *-инк(а)* из языка художественной литературы, не отмеченных в словарях: 1) производные от существительных мужского рода: *с басинкой* (Стаднюк, Люди не ангелы), *с бугринками* (Ходжер, Конец большого дома), *дурачинка* (Леонов, Усмирение Багадошкина), *овражинку* (Кожухова, Ранний снег), *с приколинки* (Малев, В краю берендеевом), *с прищуринкой* (Штейнман, Воскресный день на кухне), *стволинки* (С. Акс. Зап. руж. охотника), *стишинки* (Гиляровский, Мои скитания), *человечинка* (М. Горький, На дне); 2) производные от существительных женского рода: *в глушинке* (Никитин, сб. «Костер на ветру»), *кетинку* (Ходжер, Конец большого дома), *коряжинки* (Бажов, Жабр. ходок), *полстинку* (Бабаевский, Сыновий бунт); 3) производные от существительных среднего рода: *озеринки* (Усольцев, Вкус хлеба), *ущелинку* (Лесков, Легенда о совестном Даниле).

Достоверно диалектные образования с ум.-ласк. суф. *-инк(а)* начинают фиксироваться в словарях с сердины XIX в., т. е. позднее общенародных на полтора века. Конечно, это не значит, что в народных говорах этот тип словообразования не мог быть известен раньше. Он нашел некоторое отражение, например, в языке фольклора: Повернулся Вольга сударь Буслаевич рыбой щучиной И побежал по синю морю, Заворачивал рыбу семжинку и белужинку, Дорогую рыбу осетринку (Петроз. — Рыбн. Песни, I, 4); По крайнкам черненько, в середине слатенько (загадка: посуда для масла) (Енис. Аредьев). В говорах подобные образования, хотя и в сравнительно небольшом числе, регулярно появлялись вплоть до настоящего времени: *зазнобинка* 'зазнобушка' (Олон.), *зимови́нка* 'ум. к *зимовка* (зимняя изба в деревне)' (Нижегор. Семен.), *ма́тинка* 'ласк. название матери' (Ворон.), *фирюбинка* 'ум. к *фирбюка* — тряпка' (Смол. Росл.); ср. *нискóлинки* 'нисколько, нимало' (Твер. Вышневолоцк. — Опыт, 1852), *амбаринка* (Псков., Твер. Осташ)), *амбарчи́нко* (Новорж. Порх. Пск.), *води́чинка*, *водининка* 'самая малая часть воды, капля' (Псков., Твер. Осташ. — Доп. Оп.), *зверинка* 'зверек' (Моск. Клин. — Второе Доп.), *жа́добинка*, *жадоба* 'милый, дорогой, желанный' (обл.), *забóтинка* 'ум. к *забота*' (Покров.), *зя́водинка* 'маленький залив реки' (Астрах.), *корчéбинка* 'ум. от *корчма*' (обл.) (Слов. Акад., 1895—1914), *омути́нка* (Шадр.), *часи́нка* (Псков., Смолен. — Карт. ССРЛЯ), *амба́рчинка* (Рыб. Яросл., 1907), *ба́бинка* 'бабушка' (Буйск. Костром., 1905—1921), *блёздинка* 'маленький кусочек' (Осташк. Твер.), ср. *блёздка* 'блестка' (Твер.), *бодожи́нка* 'палочка, тросточка' (Добряк. Перм., 1930), ср. *бодожок* 'ум.-ласк. к *бодог*' (Уржум. Вят., Перм., 1930), *вещи́нка* 'небольшая вещь' (Пск., Смол. Смол., 1902—1904), *га́ржинка* 'маленькая

особь рыбы гариги' (Новг.), *гармóнинка*: Ты гармонинка, гармонинка, Серебряны мехи (Олон.), *глóбинка*, *глоба*: По этой глобинке ступай, выйдешь на большую дорогу (Новг.), *головúнка* 'головенка' (Тотем. Волог., 1905), *грибúнка* 'грибок' (Новорж. Пск., 1957), *двернúнка* 'дверца' (Вытегор. Олон., Смол., Пск., Волхов. Ленинград.), *дочернúнка* (Вят., 1902), *дротúнинка* (Прейл. Латв. ССР, 1963), *дружúнинка* 'ум.-ласк. к *дружина* — подруга, возлюбленная' (Казан. — СРНГ), *водúнка*: Где ильдинка, там водинка, Где полои, там трава (частушка — Сер. Пск.), *забáвинка*: Не сердись, мая забавинка, Николи на меня (Пск.), *заплáтинка* (Пск.), *канáвинка*: На германской на границе Кровь канавинкуй бежить (частушка — Н.-Рж. Пск.), *крохтúнка* 'крошечка': Хлеба ни крахтинки не асталась (Макарино П.), *лужáвинка*: Выбай в лужавинках (Марково Палк.), *селёдинка* (Пск.), *стежúнка*: Черес пакос стежынку пралажыли (Палк. Пск.), *я́блочинка*: Фсе эта яблачинку естишь (Заречье Гд.).[5]

Суффикс *-инк(а)* с выделительно-уменьшительным значением. Суф. *-инк(а)*, «сочетающий в себе значения единичности и уменьшительности»,[6] уже был предметом изучения. Н. М. Громова правильно отмечает, что этот формант возник в результате слияния суф. *-к(а)* с уменьшительным значением и суф. *-ин(а)* — с сингулятивным в производных на *-инк(а)* (*виноградинка*, *изюминка*), претерпевших процесс переразложения. Формированию нового суффикса способствовала многозначность суф. *-ин(а)*. Однако появление нового суффикса Н. М. Громова не хронологизировала, хотя и приводит ряд соответствующих производных: *волосинка*, *кофеинка*, *кровинка*, *крупинка*, *овсинка*, *песчинка*, *пушинка*, *пылинка*, *росинка*, *снежинка*, *соринка*, *чаинка*, *шерстинка*. К тому же ею обычно не приводятся доказательства, которые свидетельствовали бы, что перед нами действительно образования со сложным суф. *-инк(а)*, а не производные с суф. *-к(а)* от существительных на *-ин(а)*.

Разграничение тех и других представляет значительные трудности. Сложность заключается в том, что: а) производные на *-ин(а)* и на *-инк(а)* образуются от производящих слов одного и того же вида (от существительных с собирательным или вещественным значением), б) сингулятивные формы с *-ин(а)* возможны практически от неограниченного круга указанного типа существительных, а следовательно, всегда могут «домысливаться» как производящие при наличии формы на *-инк(а)*. К тому же рассматриваемые суффиксы легко взаимозаменяемы: формы на *-к(а)* с парадигматической легкостью образуются от сингулятивов на *-ин(а)*, но

---

[5] Список сокращенных названий районов Псковской области см. в «Псковском областном словаре» (вып. 1. ЛГУ, 1967, с. 27—41).

[6] Громова Н. М. К вопросу об образовании сложных суффиксов в русском языке. — Наук. зап. Дрогобицьк. пед. ин-ту ім. І. Франко, т. IX. Дрогобич, 1962, с. 38—39.

вполне возможны и чересступенчатые образования от тех же самых производящих слов.

Новый суффикс *-инк(а)* хотя и сочетается с производящими словами того же вида, что и выделительный суф. *-ин(а)* (т. е. с собирательными и вещественными существительными), но не тождествен ему по значению. Его семантика своеобразно объединяет значение двух суффиксов, из которых он состоит: выделительного *ин(а)* и ум.-ласк. *-к(а)*. Суф. *-инк(а)* служит для называния однородных компонентов или отдельных частей, выделяемых из общей совокупности или массы, при условии если эти компоненты или части небольшого размера. Вследствие этого в некоторых параллельных образованиях на *-ин(а)* и *-инк(а)* возникло даже некоторое семантическое противопоставление как обозначение каких-то единиц большего или меньшего размера, что нашло отражение и в словарях. Ср., например, характеристику в ССРЛЯ следующих слов: *кирпичина — кирпичинка*, *снежина — снежинка*, *травина — травинка*.

Обратимся к истории суф. *-инк(а)* с выделительно-уменьшительным значением. Вошедший в него составной частью суф. *-ин(а)* с выделительным значением отпочковался в древнерусском языке, но окончательно сформировался в языке великорусской народности.[7] К этому периоду относятся и первые образования с ум.-ласк. суф. *к(а)* от соответствующих производных. Например, от *быль трава* возникло *былина травинка* (ср. в том же значении в украинском и белорусском языках), а от последнего уже в собственно русском языке образовалось *былинка*. Последнее отмечено уже у Поликарпова (Лекс., 1704) в сопоставлении с собирательным существительным *былие*. Ср. у него же: Былиною или былием порастаю, — где слово *былина* употреблено в собирательном значении, что еще более оправдывает закрепление за уменьшительно-ласкательной формой *былинка* и значения единичности. В результате утраты языком сингулятива *былина* и возникшей соотнесенности производного *былинка* непосредственно с существительным *былие* в этом производном выделилась сегментема *-инк(а)*. В XVIII же веке начинается ее использование в качестве суффикса, например: *пылинка* (Вейсманнов Лекс., 1731, с. 56), *кожуринка* (Росс. Целлариус, 1771, с. 217), *порошинка* ein Polverkorn, ср. *порох* das Palver, *снежинка* (Нордстет, Слов., 1782), *слезинка*, *травинка*, *хмелинка* (Слов. Акад., 1794), *щедринка*: Хазовая кожа ослиная, лошаковая с щедринками (Яновский, Нов. словотолк., 1806 — при толковании слова *шагрин*). Образования с выделительным суфф. *-ин(а)* от соответствующих производящих слов в данных словарях не зафиксированы.

Оформлению нового суффикса способствовало и то обстоятельство, что переходная ступень на *-ин(а)* между производящим

---

[7] Максимов В. И. Суффикс *-ин(а)* с выделительным значением, с. 127—130.

собирательным или вещественным существительным и формой субъективной оценки на *-к(а)* могла (и может) утрачиваться. Это приводило к непосредственной соотнесенности производных на *-инк(а)* с данными существительными. Так, производное *крупина*, впервые отмеченное у Нордстета (Слов., 1780), было вытеснено в разряд областных (ССРЛЯ) образованной от нее формой *крупинка* (Слов. Акад., 1792). Последняя стала рассматриваться как образованная от существительного *крупа* (ССРЛЯ).

В последующий период производные на *-инк(а)* с выделительно-уменьшительным значением встречаются чаще. Первоначально приведем примеры из общенародного языка, в котором параллельные образования с выделительным суф. *-ин(а)* в соответствующий период не отмечены: *кровинка* 'капли крови' (Соколов, Слов., 1834), *пушинка*, *чесночинка* 'часть чесночной головки' (Слов. Акад., 1847), *коноплинка*, *овсинка* 'одно зерно овса', *соринка шелчинка* 'нитка шелку' (Даль), *волосинка*, *дождинка* 'капля дождя', *кофейнка*, *лапшинка* 'крупица лапши', *перчинка*: Тинский — Самозванец с перчинкой (речь об актерах, играющих самозванца в пьесе того же имени; Пет. лист., 1902, № 344) (Слов. Акад., 1897 и сл.), *чаинка* (ТСУ), *остинка*: Ость тонкая и длинная щетинка на оболочке зерна у многих злаков, — *рисинка*, *сенинка*, *хвоинка*, *шелушинка*, *щавелинка* (ССРЛЯ).

Ср. примеры производных с выделительно-уменьшительным суф. *-инк(а)*, не зафиксированных в словарях: ковылинка от ковылинки (Кожевников, Живая вода), ни колосинки! (Вирта, Крутые горы), кукурузинки (Бабаевский, Сыновний бунт,) лопушинки (Малев, В краю берендеевом), в глазах-тернинках (Данилов, Лесные яблоки), фасолинку (Корсунов, Сб. «Мы не прощаемся»), хвощинка («Известия», 3 окт., 1968), черемушинки (Ходжер, Конец большого дома). Здесь же отметим примеры из наших записей разговорной речи: Там вот гречинка лежит, прорастает; Фильтруют воду, чтоб не попала всякая мутинка, песчинка там; Ни проводинки не видно в метро; Комната — ни шуминки. Ср. также *мясинка*, *табачинка*, *колбасинка*, *сыринка*, *навозинка* и т. п.

Образования с выделительно-уменьшительным суф. *-инк(а)*, отмеченные в тех или иных народных говорах — при отсутствии в них параллельных производных с выделительным суф. *-ин(а)* — начинают фиксироваться в словарях с середины XIX в.: *заспинка* 'зерно заспы', *крупинка* (Новг. Тихв.), *солинка* 'крупинка соли' (Новг. Тихв. Псков. — Опыт, 1852), *овсинка* перен. 'сухой, тощий человек', (Псков., Твер. Осташ.), *росинка* 'кроха, крупица' (Моск. Руз. Твер. Осташ.), *шаминка* 'соринка] (Волог. Кадник) с. у Даля *шам* 'сор', 'дрянь', влгд. (Доп. Оп.), *чечинка* 'порошинка', *пылинка* 'крошка' (тул.): Ни чечинки во рту не было! (под словом *чечевица* — Даль), *костичинка* 'одна ость кострики' (обл. — Слов. Акад., 1914), *альчинка* 'плод альчи' (Иссык.-Кульск.), *бархатинка* 'кусок, обрезок бархата' (Шадр. Перм.), *бархатка* 'бар-

хатная тесьма' (Шадр. Пер.), *ботвинка* 'отдельный стебель ботвы' (Егор. Ряз), *буранинка* 'снежинка': Крыша хорошая, ни капельки, ни буранинки не попадеть (Алекс. Куйбыш),. *викинка* 'отдельный стебель вики' (Новорж. Пск.), *водининка* 'капелька воды' (Пск. Осташ. Твер.), *водичинка*, *водиника* (Пск. Осташ. Твер.), *грязинка* 'частица грязи' (Турин. Свердл. СРНГ), *берестинка:* Харош платок, тоненький, как берестинка (Болохонцево Оп.), *гульбинка* 'картофелина' (П.); Схади-ка в агарот, вытащи-ка *калифчинку* (Сер.); Пряду, пряду *куделенку*, С куделинки сасок (Хрычково Порх.), Вот таки *семянинки* нашли (Шумилкино Печ.).

Выделительно-уменьшительный суф. *-инк(а)* приобрел в отличие от своего синонима не только новый оттенок значения, но и расширяет на наших глазах круг производящих слов, вовлекая в него отвлеченные и близкие к ним по семантико-грамматическим свойствам существительные. Благодаря этому суффиксу язык приобрел средство расчленять понятия, которые раньше представлялись как целостные, неспособные делиться на какие-либо составные части. Новизна такого вида производных вполне очевидна. Впервые они зафиксированы (и то как единичные образования) лишь в ССРЛЯ — это *дуринка* и получившее широкое хождение *смешинка*. Но за последние годы появилось немало таких образований, например: *с грустинкой* (Кочетов, Секретарь обкома), *с порчинкой* (Ефремов, Лезвие бритвы), *ни рябинки* (Кочетов, Секретарь обкома), А в глазах *сибиринка*, Таежный оконек (О. Берггольц), ни одна *холодинка* (Шошин, Сб. «Непослушное сердце»), *льдинка-холодинка* (Николаева, Битва в пути). Образования по данной подмодели в народных говорах еще не отмечены.

Суф. *-инк(а)* с пространственным значением. Этот суффикс стал проявлять себя как самостоятельный формант не ранее I половины XIX в. В словарных источниках, отражающих более ранее состояние языка, соответствующие производные не зафиксированы. Отпочкование этого суффикса произошло в составе форм субстантивной оценки на *-инка*, образованных от существительных с суф. *-ина(а)* с пространственным значением типа: *пестрина — пестринка*, *рбина* 'щербина' — *рябинка* (Даль). В Слов. Акад. 1847 и у Даля оказались отмеченными и первые производные непосредственно с суф. *-инк(а)*: *родинка*, *родиминка* 'родимое пятно', *поддубинка* 'выселок под лесом' (Пск.).

Однако данный словообразовательный тип остался малопродуктивным в русском языке, поэтому, видимо, он оказался и не отмеченным исследователями. Можно указать лишь немногочисленные производные, появившиеся в последующий период, причем большей частью в говорах: *береговинка* 'опушка леса; граница поля, луга' (Латв. ССР), *гибинка* 'изгиб, чего-л., углубление дупло' (Смол.), *гладчинка* 'ровное, гладкое или лишенное растительности место' (Демян. Новг.), *гнилинка* 'небольшое место в чем-л. (овощах, дереве и пр.), тронутое гниением' (Исет. Перм.), *дых-*

линка ‘несрошееся темечко у ребенка’ (Сол.), ‘тонкое место в болоте’ (Духов. Сол. СРНГ). Примеры производных с пространственным суф. *-инк(а)*, не отмеченных в словарях: *глубинкой* (Варламова, Сб. «Окно»); *с рыжинками* (Кетлинская, День, прожитый дважды).

Ср. единичное отпредложно-субстантивное образование с пространственным суф. *-инк(а)*: *загрудинка* ‘передний грудной промежуток’ (анатом. — Слов. Акад., 1900).

Незначительную продуктивность данного славообразовательного типа мы объясняем тем, что суф. *-инк(а)* не имеет здесь четкого классифицирующего значения, во многом дублирует значение суф. *-ин(а)*, не стал актуальным в системе языка, так как отсутствовала и отсутствует потребность в назывании каких-то пространственных представлений особо малых размеров.

Суффикс *-инк(а)* со значением опредмеченного признака, проявляющегося в слабой степени. Д. Н. Шмелев, рассматривавший производные типа *хитринка*, *лукавинка* в связи с проявлением активной аналогии в современном русском языке,[8] обращает внимание на употребление этих слов впервые у Лескова: *лукавинка* (Воительница, 1866), с *хитринкой* (Печерские антики, 1883). Он указывает на Словарь Ожегова как на первый лексикографический источник, в котором нашло отражение одно из подобных производных, а именно *лукавинка*. Вместе с тем Д. Н. Шмелев отмечает, что в разговорной речи они становятся все более продуктивными, и приводит ряд примеров из художественной литературы: *сумашедшинка* (А. Толстой), *глупинка* (Шолохов, Нилин), *веселинка* (Шолохов), *фальшивинка* (Кетлинская, Шолохов), *горячинка* (Шолохов), *жестковатинка* (Леонов), *глуповатинка* (Воронин), *задоринка* (Арбузов), *чудинка* (Шолохов), *живинка* (Бажов), *дичинка* (Фадеев), *дерзинка* (Тендряков). Хотя Д. Н. Шмелев и определяет значение этих производных как «неполное проявление качества», но не отграничивает от них отсубстантивные образования с другим разрядным значением: *лжинка* (Леонов), *смешинка* (Панова, Шолохов, Гранин), *усмешинка* (Панова), *прищуринка* («Лит. газета», 16 июня, 1960). Он считает, что в образовании этого типа сыграли роль два фактора: а) наличие в языке таких производных, как *диковинка*, *старинка*, *новинка*, *первинка*, *всячинка* (впрочем, первый и последний пример сюда не подходят: слово *диковинка* семантически может соотноситься с *дикий*, а не *диковый*, а следовательно, выделять сегментему *овинка*; слово *всячинка* образовано от существительного *всячина* не с абстрактным значением, а скорее с собирательным), б) закрепление абстрактного «переносного» значения в отдельных конкретно-предметных существительных с тем

---

[8] Шмелев Д. Н. Об одной активной аналогии в современном русском языке. (Существительные с суффиксом *-инк(а)*). — В кн.: Развитие современного русского языка. М., 1963, с. 113—117.

же суффиксом, ср., например, *изюминка* в переносном значении: Моя жена идеальная женщина была. .., но, что тебе сказать, не было изюминки. Знаешь, в квасе изюминка? — не было игры в нашей жизни (Л. Толстой, Живой труп). (Заметим, однако, что в слове *изюминка* два суффикса: *-ин-* и *-к-*, а не один *-инк-*.)

Слова типа *живинка* рассматривались также В. Г. Костомаровым. Приводя новые материалы, свидетельствующие о продуктивности подобных образований в современном русском языке, автор высказывает сходные соображения о языковых причинах, способствовавших формированию словообразовательной модели: «. . .любая основа со значением отвлеченного качества+суффикс *-инка*=квазисингулятив со значением условно опредмеченной единичности и уменьшительно-оценочными субъективными оттенками».[9] К этим причинам он относит: а) возможность переносного употребления «уменьшительных образований со значением единичности, выделенной из массы или совокупности», таких как *изюминка*; б) поддержку со стороны производных на *-к(а)* от существительных с суффиксами *-ятин(а)*, *-щин(а)*: *азиатчинка*, *бытовщинка*, в) преемственную связь образований рассматриваемого типа «со сказочно-фольклорной традицией олицетворения абстрактного качества»; ср. сказ П. Бажова «Живинка в деле». Экстралингвистическим толчком, вызвавшим продуктивность этих образований именно в «литературно-интеллигентской речи», явилось, по мнению В. Г. Костомарова, стремление «найти новые средства выразительности», с чем нельзя не согласиться. Однако, на наш взгляд, к производным с суф. *-инк(а)* должен быть более дифференцированный подход в плане его происхождения в разных значениях, семантики, словообразовательных моделей, в частности производящих слов. История этого суффикса по существу осталась нераскрытой, соответствующие словообразовательные типы не описаны, не показана специфика связей суффикса с теми или иными производящими основами, их смена.

По нашим наблюдениям, следует особо выделить в суф. *-инк(а)* значение опредмеченного признака, проявляющегося в слабой степени. Он начал формироваться в общенародном русском языке во второй половине (а возможно, только в последней трети) XIX в. Даже в словаре Даля, где столь обширно представлена разговорная лексика, не отмечено ни одного подобного рода образования. Они впервые оказались зафиксированными в Слов. Акад. (1899, 1909); *завялинка* свойство *вялого*, *завядщего* (Кусок-то с завялинкой — Островский), *сладинка* свойство *сладкого* (Аполлонский Самозванец с прохладцей; Юрьев — Самозванец с сладинкой; Самойлов — Самозванец с кислинкой; Тинский — самозванец с перчинкой — «Пет. лист., 1902, № 344 об актерах, играющих самозванца в пьесе того же названия).

---

[9] Костомаров В. Г. Заметки о словах типа *живинка*, *хитринка*. — В кн.: Как подготовить интересный урок иностранного языка. М., 1963, с. 227.

Как видим, употребление первых производных рассматриваемого типа падает на язык художественной литературы (Лесков, Островский). См. еще: Это был, очевидно, настоящий кулак, любивший всякую «дешевинку» даже в чужих руках (Д. Н. Мамин-Сибиряк, Родительская кровь). Появлению его способствовало прежде всего наличие в языке уменьшительно-ласкательных форм на *-инк(а)*, которые представляли образования с суф. *-к(а)*, от отадъективных производных с суф. *-ин(а)*, обозначающих признак, более или менее отвлеченный от конкретного носителя. Эти производные в древнерусском и старорусском языке не могли иметь форм субъективной оценки. По крайней мере ни одно из них в сочетании с суф. *-к(а)* не зафиксировано ни Срезневским, ни в словарях русского языка ранее конца XVIII в., что само по себе уже показательно. Возможность образования в XVIII в. от некоторых отадъективных существительных на *-ина* форм субъективной оценки мы объясняем их большей «заземленностью», опредмеченностью по сравнению с широко распространившимися к этому времени производными, имеющими суффиксы *ость-*, *-ств(о)*. Примеры: *первина* и *первинка* ‘новое для кого-л. дело’, ‘впервые случившееся с кем-л. происшествие’, *старина*, ум. *старинка* ‘то, что было в древности; имение, деньги, скопленные за несколько лет прежде’: Жить стариною, старинкою (Слов. Акад., 1793, 1794), *теплинка* ум. к *теплина* (Опыт, 1852); в Слов. Акад. (1897, 1914) отмечены: *кислинка* ум. к *кислина*, *косинка* ум. к *косина*. Ср. *слабинка* от *слабина*: Есть у вас одна слабинка, неясность вроде (Кочетов, Братья Ершовы). Определенную роль в формировании суф. *-инк(а)* с рассматриваемым значением сыграли явления, связанные с историей слова *новинка*. Оно возникло как уменьшительно-ласкательная форма от существительного *новина* со значениями: ‘новая, вновь вытканная холстина’, ‘ранний плод’ (Новая новинка), ‘новая пашня на месте леса’ — и впервые зафиксировано в Слов. Акад. 1793. Словарь Акад. 1847 также соотносит производное *новинка* с существительным *новина* с указанными значениями. Но уже Даль определяет это производное прежде всего как ‘всякая новость, новизна, новая выдумка’, а уже потом как ‘новина, селетье, первые плоды, овощи сего года’, ‘обнова, новенькая вещь, одежда, украшенье, вновь добытые’. Если учесть, что существительное *новина* со значением ‘новизна, новость’, известным еще древнерусскому языку, к нашему времени постепенно вышло из общенародного употребления, будучи вытесненным соответствующими словообразовательными синонимами (в ТСУ оно отмечено как «обл.», в ССРЛЯ как «устар.»), то производное *новинка* стало непосредственно соотноситься в семантическом и структурном плане с прилагательным *новый*. Это послужило толчком к переразложению основы в данном производном и выделению в нем сегментемы *-инк(а)*, которая потом и получила права суффикса.

За последние годы нарастание продуктивности суф. *-инк(а)*

в рассматриваемом значении шло с удивительной быстротой. Если в ТСУ и ССРЛЯ зафиксировано лишь по нескольку новообразований такого типа (соответственно *хитринка*, *горчинка*, *желтинка*, *лукавинка*, *наглинка*, *тухлинка*, *фальшивинка*, *чернинка*), то лишь в обследованных в этом плане произведениях художественной литературы и публицистики последних двух-трех десятилетий их представлено уже более 50. Такой рост продуктивности данного суффикса объясняется причинами языкового и неязыкового характера. К первым относится та легкость, с которой образуются посредством суф. *-инк(а)* существительные практически от неограниченного круга качественных прилагательных: *сногсшибательнинка* (Пермяк), *нездешнинка* (Евтушенко), *голубинка* (В. Ревунов), *картавинка* (Л. Корнюшин), *курчавинка* («Правда», 7 июня, 1961), *кучерявинка* (Шолохов), *наглинка* (К. Кислов), *раскосинка* (В. Кулемин).

Тем самым в языке появился новый, более «удобный» словообразовательный тип, который семантически в известной степени противопоставлен столь же продуктивному словообразовательному типу, включающему суф. *-ость*: *глупость — глупинка*, *хитрость — хитринка*, *веселость — веселинка*, *шершавость — шершавинка*, *серость — серинка*, *наглость — наглинка*; ср. *желтизна — желтинка*, *упрямство — упряминка*. Если образования с суф. *-ость* обозначают опредмеченное качество, проявляющееся в полной мере, то производные с суф. *-инк(а)* указывают на то же качество, проявляющееся в незначительной степени.

К экстралингвистическим причинам появления последних относится, видимо, назревшая необходимость в «общедоступном» выразительном средстве языка, совмещавшем бы номинативную и экспрессивную функции, взамен малоупотребительных и не столь удобных в словообразовательном плане производных с суф. *-ец(а)*, *-ц(а)*. Недаром новый суффикс взяли на вооружение прежде всего писатели и поэты. Именно они «узаконили» употребление соответствующих образований в литературном языке, хотя сами по себе эти образования наследуют от составляющих их суффиксов *-ин(а)*, *-к(а)* разговорную стилистическую окраску. В этом и состоит функционально-стилистическая особенность производных со значением опредмеченного признака, проявляющегося в слабой степени. Примеры из произведений художественной литературы: *веселинка* (Шолохов, Поднятая целина), *глупинка* (Шолохов, там же), *горчинка* (Стаднюк, Люди не ангелы), *желтинка* (Кочетов, Братья Ершовы), *золотинка* (Полякова, Красота), *лукавинка* (Шолохов, Поднятая целина), *наглинка* (Мальцев, Войди в каждый дом), *рыжинка* (Кетлинская, сб. «День, прожитый дважды»), *свежинкой* («Футбол», 15 нояб. 1964), *серебринка* (Коптелов, Большой зачин), *сумасшедшинка* (Никитин, сб. «Костер на ветру»), *суровинка* (Скородумов, сб. «Время идет»), *фальшивинка* (Шолохов, Поднятая целина), *хитринка* (Панферов, Раздумье), *хорошинка* (Е. Евтушенко, Станция Зима), *ребячьи чепуховинки*

(«Веч. Ленинград», 24 янв. 1969), *чудинка* (Шолохов, Поднятая целина).

Примеры из записей устной разговорной речи: Еще с розовинкой картошка, значит молодая; Сделай мне картошку с сыринкой.

Примеры из народных говоров единичны: Дай мне крахатинку атпить (Шумилкино Печ.); Прошлый гот ва мху сыринки не была (Мархово Палк.), ср: Малый с дураковинкой, с зайцем в голове (Смол., 1914).

Многие из указанных производных по вычитании суф. *-инк(а)* выделяют производящую основу, которая может представляться как адъективной, так и глагольной. Например, *фальшивинка — фальшивый, фальшивить*; *хитринка — хитрый, хитрить*; *лукавинка — лукавый, лукавить*. Это создало условия для непосредственно отглагольных образований с рассматриваемым суффиксом, хотя новая словообразовательная модель не стала еще подуктивной: *блестинки* народного наследия (Лобанов, Блестинка наследия). Ср. *завидинка, насгибинка* (Е. Евтушенко).

В народных говорах образования по этой модели не отмечены совсем.

Таким образом, рассмотренные материалы свидетельствуют о следующем.

1. Время появления определенных словообразовательных типов и моделей в общенародном языке и в говорах может совпадать и может разниться. К первому случаю относятся, например, словообразовательные единицы с пространственным суф. *-инк(а)*, ко второму — с суф. *-инк(а)*, имеющим значение опредмеченного признака, проявляющегося в слабой степени. При неодновременности появления словообразовательных единиц с суф. *-инк(а)* в общенародном языке и в говорах их формирование происходило в общенародном языке и лишь спустя какой-то отрезок времени они получали распространение и в говорах.

2. О возможном характере распределения и функционирования словообразовательных единиц в общенародном языке и в говорах достоверно можно судить только на материале новообразований современного русского языка. В ретроспективном плане до выхода полноценных словарей древне- и старорусского языка, включающих и общенародную и выявленную местную лексику, в этом отношении возможны только догадки и предположения. Например, суф. *-инк(а)* с уменьшительно-ласкательным значением появился скорее всего в XVII в., о чем свидетельствует наличие соответствующих образований в словарях уже начала XVIII в., а также в языке фольклора. О времени же появления данного словообразовательного типа в говорах можно говорить лишь предположительно, что это произошло позднее, так как в распоряжении исследователя нет данных о диалектной лексике рассматриваемого типа, относящейся к XVIII—началу XIX в. То же самое следует сказать о суф. *-инк(а)* с выделительно-уменьшительным значением. В общенародном языке он функционирует по крайней мере с на-

чала XVIII в., местные же образования с этим суффиксом фиксируются в словарях только середины XIX в. Время фактического появления диалектных образований такого типа остается неизвестным, а отсюда возникает только предположение о более поздней их активизации в говорах.

3. В большинстве своем словообразовательные типы и модели с суф. *-инк(а)* представлены и в общенародном языке, и в говорах, причем с одинаковой степенью продуктивности. Некоторые словообразовательные единицы с этим формантом функционируют только или преимущественно в какой-либо одной из указанных разновидностей русского языка. Так, является достоянием только общенародного языка подмодель, включающая выделительно-уменьшительный суф. *-инк(а)* в сочетании с существительными отвлеченными или близкими к ним по семантико-грамматическим свойствам (*дуринка — дурь*, *холодинка — холод*). Преимущественно в языке художественной литературы (в авторской речи), а также в речи интеллигенции функционирует словообразовательный тип, образуемый в целом суф. *-инк(а)* со значением опредмеченного признака, проявляющегося в слабой степени, и соответствующими производящими основами. Причем только в языке художественной литературы встречается подмодель, включающая данный суффикс в сочетании с глаголами (*блестинка — блестеть*).

В противовес этому в народных говорах сравнительно активнее проявлялся словообразовательный тип с пространственным суф. *-инк(а)*.

4. Если это не случайность, обусловленная неравномерным отражением в существующих лексикографических источниках диалектных материалов, где больше представлена лексика северновеликорусских и северо-западных говоров, суф. *-инк(а)* с уменьшительно-ласкательным, выделительно-уменьшительным и пространственным значением является отличительной чертой именно данной группы говоров и не характерен для южновеликорусских и сибирских говоров.

К. А. КАРУЛИС

О «Словаре русских народных говоров» (вып. 1—10)

Русская советская лексикография за последние 20 лет дала много не только русским читателям, но и читателям, прежде всего языковедам, других народов: зафиксированная во многих словарях современная литературная, диалектная и историческая лексика русского языка раскрывает не только охваченную языком жизнь и мышление русского народа, но дает также новый взгляд на взаимные языковые отношения и часто обращает внимание на важные явления в истории языков этих других народов — раскрывает причины и закономерности языковых фактов. Особенно это можно сказать о «Словаре русских народных говоров» (далее: Словарь), десять выпусков которого (А—Заросить) уже вышли в свет. За неполные десять лет (1965—1974) сравнительно небольшой коллектив языковедов под руководством Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова проделал огромную работу, выбирая из почти необъятного запаса материалов лексическую документацию для 40 тыс. словарных статей (33 811 самостоятельных слов и 2 444 ссылочных), систематизируя этот материал и обеспечивая его соответственной грамматической и семантической характеристикой.

Составление и издание Словаря означает не только большую лексикографическую работу, которая часто связана с преодолением непонятных для неспециалиста трудностей (например, расшифровка десятков тысяч трудно разбираемых рукописей XIX в.), но это сопряжено также с решением сложных теоретических вопросов. Составители Словаря не имели готового образца; не было также хорошо разработанной теории диалектной лексикографии, которой они могли бы воспользоваться в своей работе. Имеются десятки словарей говоров (также русского языка), имеются собрания лексики типа тезауруса (или более или менее удачные попытки создать такие собрания), но нет ни одного такого хорошего дифференциального словаря, который охватывал бы лексику всех говоров языка. С другой стороны, имеется обилие статей и очерков о диалектной лексике, многие из них написаны даже с точки зрения лексикографической, но нет всеохватывающей теории

диалектной лексикографии. Создать такую теорию, как исходную теоретическую базу, пришлось самим сотрудникам Словаря.[1]

В настоящий момент, когда завершен крупный этап намеченного труда, можно судить как о правильности выдвинутых в начале работы теоретических основ, так и о характере систематизации и обработки материала, включенного в Словарь. Прежде всего следует признать, что правильным и обоснованным оказался тезис о создании дифференциального диалектологического словаря (Проект, с. 16). Правильным с двух точек зрения: во-первых, большая часть общенародной лексики русского языка уже собрана в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка», последний том которого вышел в свет в 1965 г., и поэтому нет никакой необходимости дублировать этот словарь (хотя бы и с иллюстрациями образцов областной речи); во-вторых, объем Словаря уже теперь так велик, что даже трудно точно установить общее число его томов и время окончания работы; включение общенародной лексики еще значительно увеличивало бы объем Словаря и замедлило бы работу над ним. В свою очередь это уменьшило бы значение издаваемого Словаря, так как он — как любой словарь — приобретет свою полную ценность только тогда, когда будет опубликован материал, отвечающий всем буквам алфавита.

Одним из основных принципов Словаря является то, что в него включаются зафиксированные в источниках XIX—XX вв. диалектные слова русского языка (Проект, с. 139); иллюстративные примеры берутся также только из источников; собственные речения авторов Словаря не допускаются (Проект, с. 151). Такой подход к лексике, зафиксированной в источниках, увеличивает аутентичность словарного материала.

Вполне справедливым оказался тезис, выдвинутый в начале работы над Словарем, о фонетических различиях, не составляющих фонетических и морфологических закономерностей, — сводящийся к тому, что эти различия начинают играть роль лексических признаков и становятся структурными элементами слова как лексического явления (Проект, с. 37). В Словарь включено много таких слов с иррегулярной фонетикой, они побуждают языковедов к размышлениям о причинах этих явлений. Например, широко распространены слова *брюхва* (Арх., Новг., Яросл., Вят.) и *буква* (Вят., Перм., Свердл., Костром., Пенз., Куйбыш., Тамб., Калуж., Тул., Орл., Курск., Ряз., Моск., Влад., Смол., Твер.) ‘брюква’. Но вызывает сомнение необходимость включения в Словарь слов, фонетический облик которых изменяется закономерно с перемещением ударения (например, *всёгда* ‘всегда’ — 5, 197);[2] ведь, как правило,

---

[1] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л., 1961 (далее: Проект).

[2] Здесь и дальше после примеров в скобках указан выпуск Словаря (первая цифра) и страница (вторая цифра).

диалектные отличия в ударении в Словаре не принимаются во внимание.

Динамика диалектизмов и отражение ее в Словаре является проблемой, которая осталась открытой во время выработки теоретических основ Словаря и не решена также в самом Словаре. Нет, очевидно, достаточно надежных исследований, чтобы зафиксировать «вчерашние» диалектизмы и охарактеризовать их в Словаре. Областной лексический материал, который собран за 170 лет, теперь в Словаре является только материалом-основой, который необходимо будет когда-то дополнить одним или несколькими выпусками общенародной лексики, которая образовалась из диалектной лексики в XIX—XX столетиях (Проект, с. 23). Но, чтобы создать такое дополнение, недостаточно одной интуиции составителей Словаря и некоторых литературных данных.

Увереннее можно судить по материалам Словаря о бывшей общенародной лексике, которая теперь используется только в некоторых областях. Например, много дают для изучения истории языка те исконно русские диалектизмы, вместо которых в литературный язык внедрились старославянские (церковнославянские) заимствования; например, диалектный глагол *вередить* (4,127) применяется параллельно с литературным *вредить*. Многие из этих лексических параллелей позволяют делать интересные выводы. Например, тот факт, что рядом с калькой с французского языка *вкус* (к глаголу *кусить*) встречается областное *вокус* (5,36; с.-сл. *въкусъ*) дает возможность судить о времени происхождения и путях внедрения этой кальки в русский язык.

Привлекает внимание тот факт, что такие слова, как *волгкий*, *волгный* и мн. др. со значением ‘влажный’ (5.37), сохранились главным образом в западных областях. Как известно, фонетически близкие дериваты этого корня, но чисто балтийского происхождения, с той же семантикой, широко распространены в балтийских языках (латыш. valgs, valgans и др. ‘влажный’); это заставляет думать о тесных языковых связях (изоглоссы, которые тянутся далеко через границу одного языка).

О языковых связях и взаимном влиянии соседних языков можно говорить также, находя в Словаре много областных слов, которые зафиксированы только или главным образом в речи жителей русского населения прибалтийских республик. Например, слова *борканинка* (3,100) и *запаленье* (10,30) встречаются только в прибалтийских республиках, так же как и слова *вуть-вуть*, *вуять* (5, 240), *заглядать* (10, 8) и *замодеть* (10, 250). Так как эти слова зафиксированы в одной и той же форме во всех трех прибалтийских республиках, не может быть речи о влиянии местных языков (так как они разные). Может быть, здесь видны следы существовавших когда-то западных говоров русского языка?

Многие словарные статьи свидетельствуют о тенденциях языкового развития. Два примера. Рядом с усиленным заимствованием и внедрением интернациональной лексики в литературный

язык во многих языках наблюдается тенденция заменять интернациональные суффиксы морфемами местного происхождения. Например, в литовском языке широко распространен прием замещения суффикса -ist- суффиксом -inink-: вместо слова traktoristas 'тракторист' появился traktorininkas и т. п. Примерно такая же тенденция видна в русской областной лексике; например, читаем *арестанец* вместо *арестант* (1, 274). Другая тенденция: когда в общенародном языке одно название заменяет другое, старое слово в областной лексике иногда не исчезает, а приобретает специализированное значение, близкое к старой семантике слова. Например, после того как слово *шерсть* заместило применяемое раньше в том же значении слово *волна*, последнее в некоторых говорах приобрело значение 'овечья шерсть осенней стрижки' и 'шерсть, только что состриженная с овцы, не обработанная и не рассортированная' (5, 43).

Говоря о значении Словаря для изучения истории языка, на одном из первых мест следует поставить его значение для этимологии. Материал Словаря дает возможность по-новому объяснить происхождение и родственные связи многих слов русского языка, поэтому этимологи теперь в гораздо лучшем положении, чем, например, М. Фасмер. Диалектизмы русского языка как по форме, так и по семантике хорошо помогают при этимологизации лексики, в частности, например, балтийских (и, конечно, других родственных) языков. Вот несколько примеров.

Слово *врач* некоторые авторы (среди них и М. Фасмер) связывают с глаголом *врать*,[3] другие (в том числе Н. М. Шанский) отрицают это.[4] Достоверных доказательств не имели ни одни, ни другие. Доказательства в пользу теории М. Фасмера и других дает теперь Словарь. В диалектной лексике слово *врач* функционирует в значениях: 1) 'лгун; обманщик'; 2) 'говорун, болтун' (5, 188); такую же семантику имеют производные слова. Исходное значение для связи обоих слов не 'лгать', а 'говорить', 'болтать': обл. *врать* 'говорить что-л. неприличное, непристойное' и *враха* 1) 'лгунья'; 2) 'говорунья; болтунья; балагурка' и др. (5, 188). В основе обоих слов индоевроп. *uer-, из этого и латыш. vārds 'слово' и vārdot 'красиво говорить; говорить, чтобы обмануть; колдовать; лечить'.

Латыш. brèkt 'кричать, громко плакать' некоторые авторы связывают с русск. *брехать*.[5] Не находя другой основы, Н. М. Шанский видит в слове *брехать* звукоподражание *бре-* .[6] Характерно, что в литовском языке нет соответствующего слова к латв. brèkt,

---

[3] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., «Прогресс», 1964, с. 361.

[4] Этимологический словарь русского языка. Под руководством и редакцией Н. М. Шанского, т. I, вып. 3. М., Изд. МГУ, 1968, с. 193.

[5] Mīlenbahs K. Latviešu valodas vārdnīca, t. I. Rīga, 1923, с. 331; Фасмер М. Этимологический словарь. . ., с. 213.

[6] Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 2, с. 195.

зато в обоих балтийских языках встречаются фонетически и семантически близкие к этому слова: латыш. rèkt и лит. ř̃ekti. Гипотетически можно полагать следующее: звукосочетание br- в латышском языке образовалось из *u̯r-, так как в латышском языке характерно такое чередование (ср. лат. brokasts < ср.-н.-нем. vrokost), но такое чередование, как правило, не встречается в литовском языке. Итак, вероятно, латыш. brèk- < *u̯rek-. Так как звукосочетание u̯r- в балтийских языках неустойчивое, u̯ перед r могло также исчезать, и в итоге создались слова: латыш. rèkt и лит. ř̃ekti. По принципу возрастающей звучности слога (который имел место не только в старославянском языке, но во многих случаях действовал и в древнебалтийском языке), корень *u̯erk- мог образоваться из индоевроп. *u̯erk- ‘(громко) говорить, кричать’. Из этого корня образовались также лит. veřkti ‘плакать, кричать’ и латыш. veřkš(k)ēt ‘кричать, плакать; неясно говорить; лаять’. Для связывания этих слов и для верификации всей этой гипотезы требовались данные других языков, которые заполнили бы пробелы в формальном и семантическом аспектах. В Словаре указано, что обл. *брехать* не только ‘лаять’, но в первую очередь ‘издавать звуки, кричать (о животных); говорить, рассказывать; ворчать, брюзжать’ с некоторыми семантическими оттенками (3, 176). Соответствует также семантика обл. *брёх* ‘собака’; ‘о человеке, любящем браниться, ворчать; болтун’ (исторически порядок значений обратный). Промежуточное фонетическое звено создают обл. *вракать* (5, 186), *врекать*, *врековать*, *врёк* (5, 190). Более близкие слова к индоевроп. *u̯erk- (*u̯ersk-) *верезжать* ‘просить чего-л. со слезами (о детях)’, *верезгун* ‘тот, кто много кричит, плачет’ (4, 129), *верюзжать* ‘пронзительно кричать, плакать с визгом; просить что-л. со слезами (о детях)’, *верюзга* ‘тот, кто много кричит, плачет’ (4, 178). Балтийскому rek- отвечает русск. *реку* (*рещи*). Итак, не только теоретически можно реконструировать ход развития *u̯erk < brek // rek-, но можно найти этому примеры в живой речи. Упомянутая этимология благодаря Словарю явно демонстрирует тесную историческую связь между русским и балтийскими языками.

Инструкцией Словаря предусмотрено, что порядок расположения значений слов и их оттенков по возможности должен показывать историческое развитие диалектной лексики (Проект, с. 148). Как уже показал пример со словом *брёх*, без специальных исследований не всегда можно определить историческую последовательность значений. Порядок значений слова *врач* в Словаре — 1) ‘лгун; обманщик’; 2) ‘говорун, болтун; балагур, шутник’; 3) ‘сказочник’ — также не отвечает историческим данным: исходным является 2-е значение, а 3-е значение является только оттенком предыдущего.

Даже независимо от исторического развития не всегда удовлетворяет деление и расположение значений слова. Иногда значения глагола расположены не по семантическим признакам самого слова,

а по объектам. Например, к слову *заламывать, заломать* в 5-м значении дано сочетание *заломать дорогу* ‘преградить путь свадебному поезду, образуя залом’ (10, 193), а в 9-м значении — *заламывать, заломать ворота* ‘закрывать ворота’ (в свадебном обряде) и *заломать ворота* ‘завалить, забаррикадировать ворота снаружи’ (чаще в шутку) (10, 194). Кажется, во всех случаях слово здесь имеет одно и то же значение: ‘преградить, загородить’.

Иногда деление значений непоследовательно. Например, семантика слова *аред* (1, 272) разработана подробно, а семантика другого слова такого же типа *аспид* (1, 286) подана совсем кратко. У первого слова как самостоятельные значения выделены такие семантические моменты, которые у второго объединены или даны только как оттенки, хотя по применению эти слова мало отличаются друг от друга: *Áред.* 1. Дряхлый старик. 2. Злой, жестокий старик. || Ворчливый старик. || Злой, жестокий, зловредный человек. || Злой, жадный до какого-либо дела человек. . . 5. Чрезвычайно скупой человек, скряга. 6. Бранное слово; *Áспид.* Злой, вредный человек. || Нахал, дерзкий, ехидный человек. || Скупой человек, скряга. || Бранное слово.

Детальная дифференциация семантики слов является заслугой составителей Словаря, но не следует все мелкие оттенки значений давать в семантической схеме слова как самостоятельные значения — они должны быть включены в границы более общего смысла. Значения близких слов, производных из одного корня, следовало бы разрабатывать по одной схеме. Например, трудно понять, почему у слова *áркать* (1, 275) выделены следующие самостоятельные значения: . .3. Браниться, вздорить. 4. Кричать, шуметь. А рядом с этим у слова *аркаться* (1, 278) такие же семантические моменты объединены в одно значение: . .2. Ругаться, браниться, ссориться. . . || Шумно спорить, кричать.

Слово *загон* (10, 16) разделено на два омонима, и у второго омонима выделено 23 значения. Некоторые из них так близки между собой, так тесно связаны друг с другом, что следовало бы считать их только оттенками одного значения. Явно выделяются отдельные семантические группы: 1—7 и 12 значения относятся к земле, 8 и 14 — к скоту, 9—11 — к селу и лесу, 18—19 — к ограде, 20—22 — к ловле рыбы. Если объединить соответствующие значения и указать на их семантические особенности в виде оттенков, словарная статья стала бы более наглядной. Например, 1—4 значения можно сформулировать как ‘полоса земли’, выделяя потом оттенки: ‘вспаханная’, ‘невспаханная’ и т. п. Если соблюдать исторический принцип, на первое место следует выдвинуть значение, которое относится к скоту (gon- $<$ *gen- ‘гнать’).

Некоторые замечания о пометах. Вызывает сомнение употребление к материалу Словаря пометы «перен.» (переносное). С точки зрения исторической такая помета относится не менее чем к половине всего лексико-семантического материала. Что касается ситуации речи в каждом конкретном случае, то составителям Словаря

невозможно углубиться в данную ситуацию так, чтобы судить о переносе значения слова. Определять с точки зрения современного литературного языка или общенародной лексики тоже нецелесообразно: это потребовало бы совсем другого подхода к материалу. Например, с пометой «перен.» следовало бы тогда дать слова *арестант* ‘мелкая сушеная рыба’ (1, 274) и *заглотать* ‘присвоить чужую вещь’ (10, 16). Не лучше ли отказаться в Словаре от пометы «перен.»?

Кажется, не следовало бы выделять у слова особого значения с голым определением «бранно»: составители Словаря должны только установить объективный семантический состав слова, ибо при ругани к объекту можно применить любое слово с отрицательным, неприятным содержанием. В отдельных случаях лучше поставить помету «бранно» к конкретному иллюстративному примеру.

Несколько слов о ссылках в Словаре. Приятно, что в словарном тексте применяются ссылки на другие слова того же значения и, как правило, того же происхождения; этим облегчается исследовательская работа и получается экономия места и времени для толкования и документации каждого отдельного слова. К некоторым словам таких ссылок много. Например, к слову *волвенка* (5, 36) даже 31 ссылка! Но система ссылок усложняется положением, когда от одного слова читателя посылают к другому, а потом к третьему. Например, *брехач* ‘то же, что брёх’ (в 4-м знач.) (3, 177), но в 4-м значении слова *брёх* исчерпывающего ответа нет, читатель отсылается к трем другим словам: *брехло* (во 2-м знач.), *брехунец* (во 2-м знач.), *брехунок* (в 3-м знач.). Нельзя ли упростить эту систему?

При теперешней системе встречаются также ошибочные ссылки. Слово *берно* определено: 1. То же, что бервено. 2. Мостик, лавы (2, 260). Семантика слова *бервено*: 1. Бревно. 2. Лавы, мостки (2, 242). В одном слове следует дважды читать формулировку 2-го значения. Никакой путаницы не было бы, если бы 1-е значение слово *берно* определилось бы совсем кратко и ясно: ‘бревно’.

Лицо Словаря изменилось при сравнении 1-го выпуска и 10-го. Нет сомнений, что обработка огромного лексического материала будет улучшаться и в дальнейшем. Но главное не в мелких пробелах и шероховатостях, главное — те колоссальные языковые богатства, которые из практически недоступных лексических запасов доходят до читателя.

Н. А. РОМАНОВА

О судьбе тюркизма *урос* в русских говорах

В «Словаре современного русского литературного языка» [1] есть слово *урбсливый* со значением ‘капризный, своенравный’ (с пометой «обл.»): — Только моей-то бабе не надо говорить, сколько стоит. Не пойдет или свои деньги выложит. — Урословая же твоя баба! (Решет. Где лучше? 11, 20); — И оченно опасаюсь, я, матушка, не прогневать бы мне Тимофея Гордеича. Сама знаешь, какой привередливый он да урословый (Печер. В лесах, IV, 5).

Словарь квалифицирует как образное (*) следующее употребление слова: Я видел много таких винтовок, можно сказать, капризных, или, как говорят сибиряки, урословых (Черкас. Зап. охотн. Вост. Сиб.). Далее читаем в словаре под значком‖: Норовистый: о лошади. Глаз у этого Ести круглый, как у урословой лошади (Мам.-Сиб. Золотуха, 4); «Газик» рывками, будто урословый конек, . . . побежал по улице (Фадеев, Молод. гвардия, I, 8); Но вот, когда паренек обогнал мчавшегося впереди бородатого горца, урословый, своевольный жеребец нежданно встал на дыбы (Саян. Лена, I, 1).

В художественной литературе мы встретим не только прилагательное с корнем *урос*: Язык совсем потерял себя, непослушным сделался, и остановилась мысль, словно зауросившая перед крутым взъемом лошадь (В. Шишков, Тайга); И зауросившего на берегу коня Любава со всего плеча ударила нагайкой (Гребенщиков, Любава); Бредюк вскочил в седло, и конек, урося задом. . . и разбрасывая хлопья пены, боком вынес Бредюка к строящимся неподалеку ротам (Фадеев, Последний из удэге).[2] Здесь мы видим глагольные формы.

Сравним литературный материал с записями русских народных говоров.[3] Прежде всего, отметим, что слова с корнем *урос* зафик-

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 16. М.—Л., 1964.

[2] Заметим, что названные произведения изображают события, происходящие в Сибири, на Дальнем Востоке, на Урале и Дону.

[3] Рассматриваемый материал почерпнут из картотеки СРНГ, картотек ЛГУ (по псковским, печорским, архангельским и карельским говорам), личных записей автора и некоторых других источников.

сированы и в диалектологических словарях прошлого века. Так, в Опыте [4] представлено уже несколько слов: *зауро́сить* ‘заупрямиться’ (Сиб.); *ура́з* (2-е значение) ‘упрямец’ (Арх.); *ура́зистый* ‘о лошадях: норовистый, упрямый’: Уразист больно ты у меня, воронко (Арх. Шенк.); *урас* 1) ‘упрямец’ (Арх. Шенк.), 2) ‘упрямство’: Лошадь с урасом (Волог. Сольвыч.), *на урас* ‘на беду, к досаде, к несчастью’: На урас он тут попал (Камч.); *ура́сить* ‘упрямиться’: Полно урасить; Лошадь урасит (Арх., Шенк. Арх., Сольвыч., Усол. Перм., Камч.; *уро́сить* ‘капризничать, своевольничать, упрямиться’: Конь зауросил; Ребенок уросит (Иркут.); *у́росить* ‘капризничать, своевольничать, упрямиться’: Он еще уросит (Волог., Перм., Том.); *у́росливый* ‘капризный, преимущественно о детях’ (Иркут.).

Вслед за Опытом и В. И. Даль приводит уже 9 слов с этим корнем:[5] *зау́росить(ся)* (вост., вят.) ‘заупрямиться, начать упрямиться, упорствовать, закоснеть в упрямстве’; *изу́роситься* (вят.) ‘изупрямиться’; *у́росить(ся)* и *у́росничать* (вят., каз., влгд., прм., сиб.) ‘упрямиться, упираться, упорствовать; вередовать, причудничать, капризничать; настаивая безрассудно, не уступать’: Дитя уросит, зауросило; Лошадь с норовом, уросит; *у́росливый* ‘упорный, упрямый, непокорный, непослушный, капризный и своевольный’: Урословый конь воду возит; На урослива коня не жалей ремня; *у́рось* ‘упрямство, упорство’; *у́рос* ‘упрямец, строптивец, упорный человек, скотина; своевольник, неслух, плаксивое, сердитое, капризное дитя’.

Диалектные записи XIX—XX вв. показывают, что область распространения слов с корнем *урос* в русских говорах достаточно обширна: Арх., Беломор., Печор., Карел., Волог., Петрогр., Влад., Казан., Нижегор., Вят., Перм., Свердл., Курган., Челяб., Оренб., Чкал., Кокчетав., Тобол., Омск., Новосиб., Том., Енис., Краснояр., Иркут., Нерч., Бурят. АССР, Амур., Колым., Анадыр., Камч., Новоросс., Дон. Рассматривая фонетическую сторону диалектных слов с корнем *урос*, можно видеть, что в русских народных говорах в этом корнепроисходят фонетические чередования. С одной стороны, чередуются гласные: *а/о/у/ы/*нуль звука:[6]

а в корне мы наблюдаем бесспорно в следующих случаях: *ура́сливой*, *ура́систой*, *ура́ситься* (Арх., Онеж., Холмог., Шенк. Арх.), *ура́сливой* (Холмог. Арх.);

о: *уро́шливый* (Кадн. Волог.): Капризной ребенок-то, говорят, порато уросьной мальцик, больно урословой (Пинеж. Арх.,

---

[4] Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

[5] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 1-е. СПб., 1863—1866; изд. 3-е. СПб., 1903—1909.

[6] О чередованиях *а/о* можно судить предположительно, так как не все собиратели вели точные фонетические записи и не во всех случаях мы находим даже ударение. Поэтому рассматриваются только бесспорные ударные формы. На характер говоров в отношении аканья мы тоже опираться не можем, так как даже один и тот же собиратель представляет оба случая записи: Поди туда! Не зау́росил, пошел. Урасит, урас какой (Пинеж. Арх., 1960-е годы).

Минус. Краснояр., Иркут.); *урóсить* (Енис., Иркут.): Не вельможничай ты с ней, она опять зауросила (Пинеж. Арх.); Ну ты шо, девка, зауросила? (Ирбит. Свердл. Сиб.);

у: урýсливый: У Марченкиных такие ребятишки урусливые, прямо акае (Асумайск. Иркут.);

ы: урысить, наряду с *уросить* (Том., Алт.); *урысливый*, *урысь*: Лошадь с урысью (Спасск. Казан.);

нуль звука: *урсливый* (Сакмар. Чкал.); *урситься*: Это тоже не по уму, тоже урсимся, дуемся (Пинеж. Арх.).

С другой стороны, слова с этим корнем встречаются в говорах с чередованием согласных *с/ш*: *урóшливый* (Волог.); *ýрошный*: Внучек урошный такой (ср. теч. р. Оби — Том. слов.).

Из других фонетических явлений отметим протетическое *в* в начале слова: *вуросить* (Волог.).

Что касается ударения, то оно в рассматриваемой группе слов подвижно.

Обращает на себя внимание богатство словообразований с этим корнем. Мы видим в говорах как имена существительные, так и прилагательные и глаголы.

Имена существительные: *урас* (*урос*) ‘каприз, норов, упрямство’: Што-то мне не таланит в лошадях-ту: та была с уросом, падеж экая, одва смотал на базар, а эта опеть больно пужлива (Нолин. Вят., Арх., Волог., Петрогр.); Лошадь эта с уросом, зауросит, дак в дыбы да в дыбы (Перм. Урал., Оренб., Челяб., Том., Ср. теч. р. Оби, ХАО); Что? Урас напал на тебя? (Новосиб. Тобол., Енис., Иркут., Забайк., Нерч., Колым., Якут.). Это же свойство человека и лошади может называться иначе — *урость*: Урость в ней, вот она и урословая (о лошади) (Соль-Илецк. Чкал.). В записях XIX в. находим слово *урысь* — *урысь* ‘норов, дурная привычка, характер — кучерское выражение’: Лошадь с урысью (Спасск. Казан.); *уросинь*: Уросинь его взяла, бьет головой об пол и руками (Иркут.).[7]

Существительное *урас* (*урос*) может обозначать и самого упрямца: капризного ребенка, норовистую лошадь: Юрка урос был, уросить любил, теперь выправился (Терск. Беломор. Волог., Влад.); Экой урос девка (Медян. Киров. Вят., Перм., Урал., Заурал., Кунгур., Ср. теч. р. Оби, ХАО, Краснояр., Иркут., Забайк.,

---

[7] В отношении этого редкого суффикса *-инь* скажем следующее: ни словарь Билфелдта (B i e l f e l d t H. H. Rückläufiges Wörterbuch Der Russichen Sprache Der Gengenwart. Berlin, 1958), ни «Обратный словарь русского языка» (М., 1974) не дают слов с этим суффиксом с выделяемым значением свойства человека (первый содержит 13, а второй — 17 слов с таким концом). В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) читаем о суф., *-ень* (по всей вероятности, мы здесь имеем дело именно с ним, но записанным неточно. Оба указанных выше словаря содержат большое количество слов с этим суффиксом): «Существительные мужск. рода с суффиксом *-ень*. . . обозначают предмет. . ., характеризующийся действием, названным мотивирующим словом» (с. 61). В данном случае мотивирующим словом является слово *урос*.

Нерч., Амур., Колым.). Говорам известна и форма женского рода: Такая она урóса, что и делать с ней, отец все поваживает (Пинеж. Арх.) (там же и *у́роса*). Собиратель Тимофеев в записях по Курганской обл. приводит обе формы как равноправные с грамматической пометой «общ. рода»: *урос(а)* ‘капризный, неспокойный (о человеке, о лошади)’.

Названия упрямых людей требуют еще и специальных, обособленных имен: *у́расник* ‘капризник’ (Оренб.), *уросу́нья*: Все уросит, уросунья! (Пинеж. Арх.).

Имена прилагательные: *урословый* (Арх., Коми АССР, Перм., Чкал., Челяб., Том. — и *урысливый* — ХАО, Краснояр., Тобол., Иркут.); *уросный* (Челяб.); *уросьной*: Порато уросьна девоцка (Пинеж. Арх.); *урошливый* (Волог.); *урошный*: Внучек урошный такой (Ср. теч. р. Оби); *урсливый* (Сакмар. Чкал.); *урасистый* (Арх.).

Достаточно широко в русских говорах представлены глагольные образования с этим корнем: *доурасить*: Доурасишь ты до вицы (Сольвыч. Волог.); *зауросить*: Ты чо сидишь, молчишь, как обыс. Зауросил, обыс. Вот обыс-то, и слова не ответишь (Краснояр.); *зауроситься*: Зауросились дежни, не снялись со сковороды, смотри скоблю ножом (Усть-Цильма, Коми АССР); *изураситься*: Изурасилась лошадь, совсем испортилась от своего ураса (Сиб.); *переурасить* (Волог.); *поуросить*: Поуроси, покатайся! У, какой урословой, . . .уросит над бабкой (Пинеж. Арх.); *разурасничаться*, *разурасничиться* (Оренб.); *разуроситься*: Вот я на тебя розгорецилась, не говорю, дак вот урошу; Кто розуросится, дак поругается, а кто молцит (Пинеж. Арх.); *суросить*: Опеть суросила, на пець увернулась (Пинеж. Арх.); *уросить*: А дети еще лучше умеют уросить, кто как россердится (Пинеж. Арх. КАССР, Волог.); На быках возили. Они уросят, беда. Все поля выволоцили (Усть-Цильма, Коми АССР. Вят. и *урысить*); Все утро урсит (Перм. и *уросить*); Уросят только маленькие дети (Курган. Сиб.); Ребенок уросит да лошадь (Свердл. Том. и *урысить*, ХАО, Краснояр., Кунгур., Тобол., Сургут., Тюмен., Алт. и *урысить*, Енис., Иркут., Бурят. АССР, Якут., Камч.); *уроситься*: Как ни просил его, а он уросится (Белояр. Свердл. Арх. и *урситься*); *уростить*: Давенько привязался Миронович, дак три часа уростил в сенях, уростил, уростил, да потом опять пришел (Терск. Беломор. Арх.).

Видимо, наречную форму встретили мы в записях пинежского говора: *у́рось*: Когда у́рось сидим, недовольны, сидим по углам (рассорившись) (Арх.).[8]

Как видно из рассмотрения слов, бытующих в русских диалектах, корень *урос* имеет два основных значения: 1) ‘каприз, норов,

---

[8] Среди большого количества записей диалектной речи с сохранением в корне *с* и чередования его с *ш* мы встретили три случая звонкого свистящего в корне: *ураз* и *уразистый*: Уразист больно ты у меня, воронко (Арх., Опыт). Вологодские говоры в единственной записи дают *ураз* и *урас* параллельно,

упрямство': Эк тебя урос-от взял! Надо его выбить из тебя. (Перм.), иногда такое качество противопоставляется лени: Хоть какой будь лентяй, а без уроса лучше (Тобол.), 2) 'капризный ребенок или лошадь, как носитель этих качеств': Урос — не смирная лошадь, капризная (Забайк.); Ах ты урос, какой парнишка досадный (Ср. теч. р. Оби).

Самые ранние диалектные записи свидетельствуют о языческом еще представлении и осмыслении явлений действительности: Промусол уросит 'не хочет быть удачным'; Сеть уросит 'отказывается промышлять'. Уросящие орудия промысла бывают подвергаемы шаманским действиям, чтобы вернуть им потерянное счастье. Также часто уросящие орудия подвергаются наказанию, например обрезывается часть грузил у сети или даже пачкают ее калом, чтобы заставить ее исправиться (Колым. Богораз.). В. М. Зензинов подробно рассказывает о подобном явлении: «Осенью во время промысла озерных чиров ко мне пришел староста: — Сделай милость, на сковородке теперь чира не жарь, сердится он, озеро от этого уросит (капризничает, колдует), а варить — вари, сколько хочешь. . .» и далее: «Случается, что вдруг начинает уросить ружье — попасть попадешь, а до смерти не убьешь. Такое ружье надо положить под порог и заставить переступить больную женщину — ружье будет исправно (из поверий)».[9]

В подобных случаях *урос*, таким образом, значит 'неудача, неблагоприятный поворот промысла вследствие измены счастья': Урос пал на меня нынче (Колым.); Урос или притча означает наваждение лукавого духа (Охан., Соликам. Перм., Волегов).

С этим же значением слова связано, как представляется, и сочетание *на урас* 'на беду, к несчастью, к досаде': На урас он тут попал (Камч., Опыт); Соха-то испорухалась, а на урос топора-то я не взял, починить нечем; дак ли поскакал! Да умудрился уж камнем сколотил, мало-малишко дело поправил (Перм., 1856).

сразу в трех значениях: 1) 'упрямец', 2) 'упрямство', 3) 'сильный ушиб' (Иваницкий). У Кузмищева читаем также *ураз* и *урас*: 1) 'опухоль, ушиб, боль от ушиба', 2) о лошади: лошадь с урасом, упрямая или пугается и не слушается (Арх., со ссылкой на Сибирь). Можно было бы предположить, что мы имеем дело с корнем *раз/рез*, если принять *у* за приставку, тем более что в большинстве славянских языков есть этот корень *раз/рез* со значением, сходным с нашим: укр., болг., сербохорв., словен., чеш., словац., польск., в.-луж., н.-луж. razъ (см.: Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1971). Вероятнее всего, здесь мы наблюдаем явление смешения корней, ложного переосмысления этимологии, которое стало возможным благодаря отдаленному сходству их значений и частичному фонетическому совпадению. Несомненно, что *ураз* в значении 'порез, ушиб' и т. п. содержит в своем составе приставку *у*, что легко подтверждается славянскими соответствиями (см. Словарь М. Фасмера). В изучаемом же корне *у* явно принадлежит самому корню, так как звук этот без изменения сохраняется во всех без исключения записях диалектной речи, во всех словообразовательных вариантах.

[9] Этнографическое обозрение, I—II, М., 1913, с. 199—200.

Отметим весьма характерную особенность употребления данной группы слов. Если первоначально они могли обрисовывать поведение ребенка или лошади, то с течением времени сфера их применения расширилась: Был белой бык, уцили, ездили. Такой уросливой был (Печор. Коми АССР, 1953); Ономедни медведчики у нас были: чего-то медвидь и зауросил! (Перм., 1905); Лампа зауросила (плохо горит) (Акм., Кокчетав., Иркут., 1920-е); Был иродром, садились самолеты. Нонь зауросили, не хотят (Усть-Цилем. Коми АССР, 1961); Мотоцикл у его все время уросит (часто ломается) (Верхот. Свердл.., 1970); Уросит што-то цесова стрелка, вся ходуном ходит (Онеж. КАССР, 1968); Нога-то уросит все, не слушает меня (болит), (Усть-Цилем. Коми АССР, 1953); Зауросит лодка, дак есть захоцете (если сломается) (Усть-Цилем. Коми АССР, 1963). Мы видим, что слова нашей группы могут уже характеризовать поведение не только ребенка или лошади, но и быка, медведя и даже плохую работу машин и механизмов.

Следует подчеркнуть, что ни словари древнерусского языка, ни словари русского языка XVII-XIX вв. не содержат слов этой группы,[10] т. е. по всей вероятности, в литературном языке этих слов не было.

Достоверно зафиксированным слово *урос* оказывается в письмах декабриста Е. П. Оболенского: «Они еще дети — и дети капризные — с небольшим уросом, по сибирскому выражению».[11]

Вопрос об этимологии рассматриваемых слов интересовал ученых, и не только их, еще в прошлом веке. Так, В. И. Даль предположительно связал *урос* с татарским urus,[12] приведя 6 слов с этим корнем. Некоторые собиратели также связывали происхождение слов *урас*, *урасить* с татарами (например, Иваницкая, сибирские записи), не вдаваясь в анализ. Писатель П. И. Мельников-Печерский прямо утверждает: «Уросливый — от уросить — капризный, своенравный. Слово это употребляется в Поволжье, в восточных губерниях и в Сибири. Происходит от татарского урус — русский. Татары своенравных и причудливых людей зовут русскими».[13] М. Фасмер, приводя данные В. И. Даля и П. И. Мельникова-Печерского, ставит под сомнение их этимологию.[14]

Ни «Древнетюркский словарь», ни словарь В. Р. Радлова не содержат в своем составе слово urus в значении ‘русский’. Оно в таком значении — более свежее заимствование из русского в тюркские.[15] Таким образом, этимология слова *урус*, предложен-

---

[10] Как и картотеки ДРС ИРЯЗ и словаря русского языка XVIII в.

[11] Декабристы. Материалы для характеристики. Ред. П. М. Головачев. М., 1907, с. 69. — Записи можно отнести к середине XIX в.

[12] От татар. urus — ‘русский’? (см. Словарь В. И. Даля).

[13] Мельников-Печерский П. И. В лесах, ч. 4, гл. 5. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. 319, примеч.

[14] Фасмер М. Этимологический словарь. . .

[15] Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 49: «. . .тюркск. *урус* — русский (казахск. *орус*, чуваш. *вырас*). . . Начальный гласный

ная ранее, выглядит сомнительной. В том же «Древнетюркском словаре» читаем: urus 'драка, сражение, ссора'.[16] В свою очередь В. В. Радлов [17] приводит *урус* (сагайск.) 'драка, сражение; ссора', *урускак* 'ссорливый, драчун', *урушцы — урушчы* (алт., бараб., тобол.) 'драчун', *уруштур* 'заставить сражаться', *урушкан* 'драчливый, буйный' (алт., телеут.).[18]

От значения 'драка, ссора' к значению 'ссорливый, буйный, драчливый, драчун' — так шло, можно предполагать, развитие значения этого заимствованного слова. Слово urus могло проникнуть в русские диалекты в результате взаимодействия с тюркскими языками, носители которых жили в тесном общении со многими русскими областями на протяжении веков. Это чуваши, татары, башкиры — на Волге и притоках, алтайцы, хакасы, тувинцы, шорцы — на Алтае, долганы и якуты — в Восточной Сибири. Почти буквальные соответствия нашему *урос* мы находим в современных словарях соответствующих языков: хакасск. *урус* 'драка', *урусхах* 'драчливый', *урусчы* 'драчун';[19] шор. *уруш* 'драка', *уружарга* 'драться,[20] алт. *уруш-согуш* 'драка,[21] казахск. *урсу* 'бранить, ругать', *урыс* 'ругань, ссора, дрязги', *урысқақ* 'бранный, бранчливый',[22] *урыс* 'драка, сражение', *урыс-керис* 'ссора',[23] башк. *ярышыу*, *ярыш* 'сражение, схватка', *ярышыу* 'вступить в спор'.[24] Естественно, что в процессе языкового общения этот тюркизм в русских говорах несколько отошел от первоначального значения слова в языке-источнике.

Известно, что полное грамматическое и семантическое освоение заимствованных слов предусматривает вовлечение их в систему словообразования, характерную для данного языка. Приведенный выше материал позволяет говорить, что слово *урос*, проникнув из тюркских языков в русские диалекты, достаточно прочно вошло в систему русских народных говоров.

звук в общетюркск. *урус* является вспомогательным, так как звуком *р* тюркские слова начинаться не могут».

[16] Древнетюркский словарь. Л., 1969.

[17] Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, вып. 1—24. СПб., 1888—1911.

[18] Интересны данные болгарских диалектов: *урисйт* 'проклятый, злой и раздражительный', *урсу́с* — неизменяемое прилагательное из турецкого. См.: Колев Н. Ив. Поособени думи в говора на с. Страхилово, Свишовско. — В кн.: Българска диалектология. Проучвания и материали, кн. 3. София, 1967. — Прилагательное *урисит* имеет суффикс *-ит*, следовательно, корень его — *урис*. Эти параллели интересны как независимые заимствования из турецкого в славянский язык.

[19] Русско-хакасский словарь. М., 1961.

[20] Русско-шорский словарь. Новосибирск. 1940.

[21] Русско-алтайский словарь. М., 1964.

[22] Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954.

[23] Русско-казахский словарь. М., 1954.

[24] Русско-башкирский словарь. М., 1964.

И. А. ПОПОВ

Диалектологическая экспедиция в Архангельскую область

Пополнение картотеки «Словаря русских народных говоров» остается по-прежнему одной из забот составителей словаря, поэтому продолжается систематическая обработка для картотеки печатных и рукописных источников диалектной лексики, поддерживается активная переписка с корреспондентами словаря, предпринимается экспедиционное обследование говоров.

Новая экспедиция была организована в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской обл. в июле 1971 г. специально с целью собирания диалектной лексики для словаря. В картотеке словаря лексика говоров названной территории представлена недостаточно полно,[1] и ощущается необходимость в дополнительных сведениях. Это обстоятельство и определило выбор маршрута. Принималось также во внимание, что избранный район удален от оживленных путей сообщения, больших городов, вследствие чего диалектные особенности говоров здесь сохраняются лучше. Впоследствии, как и предполагалось, оказалось, что выбранная территория представляет очень большой интерес в диалектологическом и этнографическом отношениях. Здесь хорошо сохранились архаические особенности говоров и многие предметы материальной старой культуры.

---

[1] Кораблев С. П. Этнографический и географический очерк г. Каргополя Олонецкой губернии с словарем особенностей тамошнего наречия. М., 1851; Светлов Я. О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губернии). — Жив. стар., 1892, вып. III, с. 156—164; Шеломов. Сборник слов каргопольских. — Олон. губ. вед., 1846, № 11, ч. неоф., № 12—14, 16—18, 21, 22, 25; 1852, № 20; Киснемская. Материалы по диалектной лексике из Каргопольского района Архангельской области, 1928—1930 (на карточках); Петров К. Сборник местных слов Каргопольского уезда (Олонецкой губернии) Устьмошинского прихода, [б. д.] — Архив АН, ф. 216, № 121; Корехов И. К. Лепшинский приход Каргопольского уезда, 1897. — Архив АН, ф. 197, № 193. Некоторые сведения имеются из источников общего характера, например Словаря Г. Куликовского, и др.

В экспедиции участвовала группа студентов Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена — Н. Воробьева, Л. Ковпак, Л. Кузнецова, Т. Окулович, М. Стафеева, Э. Эрли, сотрудники Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР — кандидат филологических наук З. М. Петрова, кандидат филологических наук Е. Е. Корди и автор статьи.

Экспедиция собирала материал в пяти населенных пунктах, точнее в 5 кустах деревень, максимальное удаление между которыми достигает приблизительно 150 км: Нокола (вместе с Белой, Васковецкой, Морщихинской, Московской) Нокольского сельсовета, Конново Конновского сельсовета, Давыдово (с примыкающими Филино, Межное, Заполье, Исаково) Кречетовского сельсовета, Озерко Спасо-Архангельского сельсовета Каргопольского района, Плесо Коневского сельсовета Плесецкого района.

Наблюдения проводились над речью 80 человек, в основном по программе «Пособие-инструкция для собирания сведений и составления региональных словарей» (М., 1960), проводились магнитофонные записи в Ноколе, Озерке, Плесе — 4000 м (записаны рассказы на разные темы: о природе, животном мире, полеводстве, огородничестве, промыслах и ремеслах, обычаях и обрядах, постройках, орудиях труда и т. п.; диалоги, песни, сказки; контрольная проверка собранных по лексике сведений).

Собранные материалы, рукописные и магнитофонные, обрабатывались, как правило, на месте, что позволяло сразу же вносить в них необходимые уточнения.

Естественно, что определенная часть материалов представляет собой новую фиксацию уже известных по «Словарю русских народных говоров» слов, записанных ранее в каргопольских говорах. Таковы, например, *волок* ‘расстояние’, *воронец* ‘полка’, *востóк* ‘восточный ветер’, *впереде́* ‘впереди’, *вчастую* ‘часто’, *вы́здынуть* ‘поднять’, *вы́парить* ‘высидеть (цыплят)’, *вы́пахать* ‘вымести (пол)’ и др. Эти сведения интересны в том отношении, что свидетельствуют о жизни ранее отмеченных слов в лексико-семантической системе современных говоров.

Вместе с тем собрано и немало новых сведений. Их по характеру особенностей можно распределить по трем главным группам.

а) Слова, впервые зафиксированные на данной территории. Таковы, например, *бугóрник* ‘кочка’: Бугорники большие, большие клочи, бугорники (Давыдово); *бу́чить* ‘пить в большом количестве)’: Чай бучим да и все; Только один чай бучь да и все (Нокола); *бычóк* ‘поленница нерасколотых дров’: Бычок — не расколоты дрова, а как расколоты, это уже поленница (Давыдово); *вакáтный* ‘свободный от дел’: Я человек вакатный, дома сидеть одному скучно (Нокола); *вéтринка* ‘небольшое прямоугольное отверстие в стене дома для проветривания подполья’. Протесь, хоть ветринка, к зиме запечатаем глиной (Нокола).

б) Слова, отмеченные с другими значениями. Например, *беля́нка* ‘вид съедобного пластинчатого гриба’: Белянок насолим (Озерко); *бесе́дка* ‘доска для сидения на качелях’: Кулубель, беседка такая тут, кулубельницы тут, кулубаться надь (Межное); *вешня́ть* ‘становиться дряблым (об овощах)’: Брюква повешняла, свекла вешняет, в подполье не вешняет (Нокола); *ве́ршник* ‘верхний жернов’: Наделано: нижник и вершник. Нижник не вертится, а вершник вертится, муку делает (Давыдово); *Вы́ляпать* ‘разровнять рукой (тесто)’; Корочку выляпаешь, таку рукой ляпаем (Давыдово).

в) Новая территория бытования слова. Уточняется, таким образом, ареал ряда слов, их изоглосса. Например, *боро́нщик* ‘человек, который боронит’. Эй, боронщик, давай, поехали (Нокола), *бродо́к* ‘вид рыболовной снасти’: Бродок — ‘ловушка тягловая с матицей и крыльем’ (Нокола); *брусёна* ‘брусника’ (Нокола); *быва́льщина* ‘быль’: Былина́, быль, бывальщина, это дело было еще при царизме (Нокола); *висе́ться* ‘висеть’: Никого нету, замок висится (Нокола); *вно́во* ‘вновь’: Вново разделяют луга (Давыдово); *волю́га* ‘суп, жидкая пища’ (Филино).

Иногда собранные материалы уточняют ударение в слове, иногда территорию и ударение, ударение и значение и т. п.

Интересно отметить, что, помимо собственно русской лексики, встретилось некоторое количество заимствований, например *ри́паки* ‘поношенное белье’: Рипаки сегодня стирать буду (Нокола); *Ри́псы, рипсова́тый* ‘лохмотья, с лохмотьями’ (Нокола); *Ро́кша* — ‘отстой после вытапливания масла’ (Нокола).

Переезд из одного пункта в другой давал возможность заметить некоторую разницу в лексике изучаемых говоров. Сравним несколько примеров слов, записанных в с. Нокола (южнее Каргополя) и в. д. Озерко (севернее Каргополя):

Значение слова	Слово	
	в с. Нокола	в д. Озерко
Каша	*Соломáта*	*Ка́ша*
Ватрушка с творогом	*Молóчник*	*Творóжная калúтка*
Вертикальные стойки дверной коробки	*Лúпины*	*Стамúки*

Проведенные в экспедиции наблюдения свидетельствуют о необходимости энергичного продолжения собирания диалектной лексики экспедиционным путем.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Содержание

Стр.

Предисловие 3

Сороколетов Ф. П.
Народные песни как источник диалектных словарей 5

Этерлей Е. Н.
Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре 13

Павленко П. И.
К вопросу о взаимодействии лексики литературного языка и диалектов (на материале слов с приставкой *воз-*) 26

Князькова Г. П.
К взаимоотношению словарного состава литературного языка и диалектов (*пойма* и *займище*) 33

Балахонова Л. И.
Диалектные по происхождению слова в общенародной терминологии (к истории названий «сухого дерева») 41

Порохова О. Г.
О лексике с неполногласием и полногласием в русских говорах, часть III (лексико-семантические и морфонологические особенности слов с корнями *брем-/берем-*, *бреж-/береж-*, *празд-/порож-*, *прах-/порох-*, *слад-/солод-*, *смрад-/смород-*) 52

Кузнецова О. Д.
О словах с протезой *j* (на материалах южнорусских говоров) 70

Кузнецова О. Д.
Слова с протетическим *j* на Севере 82

Попов И. А.
Лексико-семантические группы наречий со значением ‘вчера’, ‘вечером’ 99

Денисенко Ю. Ф.
Из истории формирования русской областной лексики (наречия с корнем *-нон-/-нын-*) 113

www.ruslang.ru

Стр.

Попова Н. В.
Отсубстантивная бесприставочная лексика с суффиксом *-ье(-ие)* в фольклорных и диалектных источниках 123

Левина Г. М.
Наименование курицы в русских народных говорах 132

Петрова З. М.
О семантической структуре качественных прилагательных в русских народных говорах 145

Марецкая А. Ф.
Сложные слова в русских народных говорах (сложения с первым компонентом *верх-*) 151

Андреева-Васина Н. И.
О глагольной приставке *при-* в разных группах русских народных говоров 165

Демидова Г. И.
Образование сравнительной степени прилагательных и наречий в брянских говорах 173

Симина Г. Я.
О двувидовых глаголах в народных говорах (*пасть*, *купить*, *обидеть*) 188

Максимов В. И.
Распределение и функционирование некоторых словообразовательных типов (моделей) в общенародном русском языке и в говорах 199

Карулис К. А.
О «Словаре русских народных говоров» (вып. 1—10) 213

Романова Н. А.
О судьбе тюркизма *урос* в русских говорах 220

Попов И. А.
Диалектологическая экспедиция в Архангельскую область 227

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА. 1974

Редактор издательства
Н. Г. Герасимова

Художник
М. И. Разулевич

Технический редактор
А. П. Чистякова

Корректоры *М. А. Горилас*,
Н. И. Журавлева и
Г. И. Суворова

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

Сдано в набор 31 XII 1975 г. Подписано к печати 6/VIII 1976 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л. 14¹/₂=14.5 усл. п. л. Уч.-изд. л. 15.78. Изд. № 6092. Тип. зак. № 482. М-18899. Тираж 4300. *Цена 96 коп.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская л., д. 1.

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

96 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ